Ник
ПЕРУМОВ
Семь Зверей Райлега
АЛИЕДОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Как все хорошо начиналось! Дочь знатного сенора Алиедора Венти готова была стать примерной женой младшему сыну из рода Деррано, нарожать ему детей и вести спокойную жизнь в замке, управляя хозяйством и заботясь о муже. Но нет. Не судьба. И вот уже позади бешеная скачка в ночи, погоня и страшные воспоминания. А впереди? Впереди такое, во что невозможно поверить. И жить дальше можно только потому, что еще не знаешь, что это случится с тобой. Но от судьбы не уйдешь. И скакун мчит Алиедору сквозь войну, навстречу кровавым испытаниям, гибели близких и жуткому одиночеству.

Которые навсегда изменят душу и ожесточат сердце.

Но ни за что не позволят ей свернуть с этой страшной дороги к совершенно иной жизни.

- Ник Перумов
  -
  - Xa sompeali di Marga
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2

Ник Перумов
Алиедора

Xa sompeali di Marga

ᛉᛃ ᛒᛖᚱᛏᚢᛃᛋᛏᛁᛃ ᛏᛁ ᚱᛖᛏᛉᛃ

О появлении людей (предание сидхов)

Мы говорим – вначале всё пребывало в гармонии. Мы говорим – вначале всё оставалось недвижно, неизменно, совершенно. Совершенство не нуждается в изменениях, как не нуждается в них идеально сотворённый кристалл. Изменчивость – болезнь нашего мира. Изменения ведут лишь к истощению сил и конечной гибели – так говорим мы. Они – зло, порой необходимое, а порой…

…Наш мир менялся. Так утверждали Старшие, умевшие заглянуть в прозрачный лесной родник и узреть надвигающуюся из дальнего далека вражью орду – за множество немереных поприщ.

Наш мир менялся вместе с Безымянными, незримой стопой попиравшими его плоть. От листа к листу Великого Древа шагали они, и всюду с их приходом ткань бытия приходила в движение. Подобно кругам по воде от канувшего в глубину камня, расходились волны этих перемен, и далеко не всегда мы, не

бессмертные, но долгоживущие и хранящие память о предначальных днях, могли понять, к добру они для мира или к худу.

Для мира, не для нас. Для нас они почти всегда оказывались исключительно к худу.

Старшие видели всё. Зарождение огненных гор и их умирание, обрушение в неведомые глубины земли; появление могучих рек и их конец, когда от полноводных потоков оставались лишь сухие русла; видели полёт величественных крылатых существ и жалкий конец их потомков, выродившихся в подколодных змей.

Они не увидели лишь одного – того мига, когда лоно мира, задрожав от небывалой боли, извергло из себя первых людей.

Мы говорим – один из Безымянных спустился к самым огневеющим недрам. Однако слабы оказались кости земли, редко им доводилось держать на себе подобную ношу. Мы говорим – опоры подломились, основания распались, и Безымянный рухнул вниз, в море бушующего пламени. Мы говорим – там впервые испытал он боль, там впервые познал страх и желание жить – во что бы то ни стало, любой ценой.

…Безымянный вырвался из пламенной ловушки – иного и случиться не могло, ведь он был изначальной силой. Однако он унёс с собой память о небывалом, там испытанном. О неистовой борьбе. О безумной надежде. И об ощущении надвигающегося неизбежного конца.

Старшие говорят – наверное, столь сильны были эти чувства, что не смог Безымянный удержать их в себе. Опа– лённый подземным пламенем, он словно лишился рассудка; и верно, ничем, кроме как временным помрачением великой силы, нельзя объяснить появление на земле Райлега людей.

Мы говорим – Безымянный кричал от неведомой ранее боли, и крик этот достигал самых отдалённых уголков нашего мира. Крик сотрясал основы, и незыблемое повергалось во прах. А когда стих страшный вопль, из раскрывшегося земного чрева в потоках лавы появились первые люди.

Жестоки они, как породивший их отец-огонь, и тверды, как мать-земля. Только кажутся они порой слабыми и безвольными. Легко впасть в ошибку презрения, недооценив их силы. В сердце даже самого никчёмного, самого трусливого из их племени горит изначальное пламя, а в душе, даже самой опустившейся, мелкой и ничтожной, – кроется несокрушимый гранит земной плоти.

Остерегайся людей, говорят Старшие, и повторяем мы. Страшись, бойся и беги их и не преклоняй слуха к тем, кто станет с пренебрежением говорить о них, краткоживущих, не

обладающих сокровенным знанием, как мы.

Ибо, как никто, помнят люди древний зарок Семи Зверей, зарок жестокого и безжалостного мира – не отступать и не сдаваться.

Пролог

Море Мечей изо всех сил старалось оправдать название. От затянутых серой мглой небес до тяжело вздымающегося и опадающего покрывала вод пространство полосовали ветвистые молнии. Перепуганное светило скрылось, меж морем и небом воцарились ранние сумерки; и среди мерно катящихся валов мало чей глаз сумел бы разглядеть небольшой двухмачтовый парусник, лёгкий бриг, уверенно державший нос по волне.

В отличие от множества иных судов, бороздивших море Мечей, на мачтах брига не было флагов; хотя даже пираты брезговали плавать «нагишом», как это прозывалось у моряков.

Пожелай какой-нибудь любопытствующий волшебник узреть, что творится на палубе, его ожидало разочарование: он не увидел бы вообще ничего, ни одной живой души (впрочем, и неживой тоже), словно на пресловутом корабле-призраке.

Корпус брига был ярко-травянисто-зелёным, и такими же – паруса.

Никто, ни одно судно, когда-либо рассекавшее здешние воды, не имело такой окраски.

Никого не было на палубе, никто не стоял у руля, поворачивавшегося, словно по собственной воле.

И лишь в кормовой надстройке, за окнами цветного стекла, шёл негромкий разговор.

– Ошибки быть не может. – Только в одном месте мира Семи Зверей говорили на этом языке, древнем, самом древнем из всех, что знали эти небеса. – Он здесь.

Изящная рука с тонкими, но сильными пальцами протянулась через стол, легко касаясь расстеленной карты. Покрытый сложным золотисто-зелёным узором ноготь скользнул вдоль побережья Вольных городов, задумчиво помедлил у Скирингсалла и двинулся к юго-западу, мимо Оса, Дамата, Феана – вдоль врезавшегося в море полуострова.

– Он здесь. Я чувствую эхо заклинания.

– Прошлый раз ты тоже «чувствовал», Роллэ. И мы угодили в Облачный Лес. Где узнали любимую поговорку тамошних обитателей. Да-да, ту самую – «кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет».

– Мы же не погибли, – последовал сухой ответ.

– Но чего это нам стоило!

– Ты поднимаешь эту тему снова и снова, Фереальв.

– Я подниму её и когда мы вернёмся в Башню Затмений. Мудрые должны узнать.

– Спасибо. Что бы я делал без твоих напоминаний.

– Роллэ, Роллэ! Почему я всё время вынужден призывать тебя к серьёзности?! Наблюдающие вручили в твои руки…

– Да-да, Фереальв, я помню. И потому говорю – он здесь. Несмотря на случившееся в Облачном Лесу.

– Он – здесь. Допустим. А где в таком случае *она*?

Молчание.

– Обрати сей вопрос к самому себе, Фереальв.

– Если бы я мог ответить на него сам, Роллэ, будь уверен, я не отягощал бы твой слух сиими бессмысленными словесами.

– Как же так? Могущественный и многознающий Фереальв, надежда Башни Затмений, лучший Наблюдающий последнего века…

– Прошу тебя, Роллэ. Ты знаешь, что брошено на весы. И знаешь, что мой доклад будет полным и нелицеприятным отнюдь не от вражды к тебе. Я буду столь же беспристрастен и объективен также по отношению к себе. От этого зависит судьба Смарагда!

– Оставь, Фереальв. Судьба нашего острова зависит совсем не от этого.

– От чего ж тогда? Я не смеюсь, Роллэ. За это время мои взгляды… несколько изменились. Ответь, прошу тебя.

– То есть ты всё-таки хочешь знать, от чего? Фереальв, ведь я толковал об этом на всех советах, убеждал в Башне Затмений и в Башне Звёзд на Луале. Я взывал к Мудрым в Башне Пространств…

– Роллэ, мне прекрасно известно, где звучали твои речи и к кому были обращены. Я знаком и с их содержанием. Но сейчас, когда мы здесь, в диком море, вдвоём, после всего увиденного, после всех заклятий, сотворённых вместе, – ты не хочешь поделиться ничем иным?

– Всё увиденное, Фереальв, только укрепило меня в мысли – мы ищем не там, где надо. Отмеченное роком существо – совсем не тот, кого мы разыскиваем.

– Но отзвуки сотворённых им заклятий – это ли не прямое доказательство?

– Могучий Фереальв снизошёл до спора…

– Прекрати, Роллэ! Пожалуйста. Ты несправедлив, твоё предубеждение ранит меня… ты знаешь, я никогда…

– Да, ты не использовал своего положения, чтобы заставить меня замолчать. Я ценю твоё отношение, Фереальв. Прости, если слова мои чем-то тебя задели. Просто… слишком уж велика разница в нашем положении. Ты – Наблюдающий и совсем скоро займёшь подобающее тебе место среди Мудрых. Я же, напротив, лишён всех отличий, права учить, права…

– Роллэ, Мудрые не согласились с твоими выкладками. У них, если ты забыл, имелись доказательства, и даже ты сам признал их вескими. Да, тебе пришлось оставить учеников, покинуть столицу, но никто не зажимал тебе рот, когда ты метался от Башни к Башне, никто не запрещал тебе делиться опасениями с друзьями. И разве то, что ты здесь, на одном корабле со мной, – не лучшее доказательство справедливости Мудрых?

– Я не осуждаю Мудрых, Фереальв. Горечь, полнящая мои слова, – от тревоги за Смарагд, не за себя. Ты знаешь, я считаю – Мудрые слишком увлеклись магической эквилибристикой, за изяществом схем и уравнений не видя…

– Но схемы и уравнения как раз и необходимы, чтобы осознать происходящее. Без них картина мира станет хаосом. Наша «эквилибристика», как ты выразился, основана на некоторых непреложных фактах. И с этим не споришь даже ты.

– Верно, не спорю. Я признаю, что дважды два – это четыре, а не пять. Но затем всё становится далеко не столь однозначным. Мы разыскиваем бежавшего, мы озираемся в надежде заметить и *её* где-то поблизости – а у меня всё крепнет и крепнет уверенность, что дело не в этих несчастных, отмеченных печатью рока. Мудрые велели мне отыскать самовольно покинувшего Смарагд, и я делаю это, но атрибутировать ему то, что считают в Башне Затмений…

– Роллэ, Мудрые полагают тебя наилучшим, непревзойдённым Разыскивающим. Они закрыли глаза на твои дерзость, непочтительность и, буду откровенен, прямую грубость. Потому что Смарагду сейчас нужны твои и именно твои таланты. Я могу лишь помочь. Давай не будем длить сей бессмысленный спор. Ты не убедил меня, ты не сказал ничего нового.

– Фереальв, я признаю, система моих доказательств не столь отточена и убедительна, как великолепные конструкции Мудрых. Но разве там, в Облачном Лесу, ты не усомнился?

– В чём? Роллэ, ты указал на Облачный Лес как местопребывание беглеца, и я…

– Я не о том. В Облачном Лесу я ошибся. Вина моя и только моя, тебе нет нужды напоминать мне об этом, и Мудрым я расскажу о ней сам. Однако эта ошибка, ошибка в том, что столько веков почиталось незыблемой, неоспоримой формулой, разве не говорит это о том, что в мире стали работать какие-то совсем иные силы? Что всё заметнее становятся совсем иные законы, коим теперь подчиняется магия? Ты понимаешь, о чём я, Фереальв? Моя ошибка…

Пауза.

– Да, понимаю. Но иного выхода у нас нет. Только идти по

следу беглеца, надеясь, что Мудрые правы и что *она* окажется где-то поблизости.

Зелёный корабль, сам, безо всякой нужды в команде, входил в плавный, широкий поворот. Его нос клонился всё больше к востоку, туда, где темнело недальнее побережье Вольных городов.

Глава 1

(За год до событий первой книги)

Яростный, исступлённый лай, переходящий в режущий уши визг. Псы-*шерно* захлёбываются, мчась по свежему следу. Но на сей раз они преследуют совсем не матёрого клыкача, грозу здешних стад. И даже не беглого серфа с рудников.

Аспидно-чёрный скакун-*гайто* почти летит, едва касаясь копытами земли. Всадник припал к круто изогнутой шее, одной рукой судорожно вцепившись в поводья, а другой прикрываясь от хлещущих по лицу ветвей. Наездник не правит, лишь старается удержаться в седле; жеребец же мчится без дороги, проламываясь сквозь густой подлесок.

Над холмами замерла опрокинутая чаша бездонного неба. Отражения вечных звёзд – капелек росы, зависших над листьями Великого Древа, – уже поблёкли, предвещая скорый рассвет. Закатилась первая из Гончих, её серебристая сестра отстала, как и всегда, проливая жемчужные лучи на колышущийся под свежим ночным ветром густой лес. Нет и не будет равнодушным небесным сёстрам дела до бед и тревог раскинувшегося под ними Листа.

Ближе и ближе лай – всадник не понукает скакуна, тот мчится по собственной воле, вспомнив, наверное, древний ужас его диких сородичей перед стаями зубастых преследователей.

Дорога – вернее, её отсутствие – идёт под уклон. Скоро конец чащобам, недалёк и берег озера Эве. Мрачный и древний Деркоор, родовое гнездо владетелей Деррано, остался далеко позади, в лесистых предгорьях Реарского хребта.

«Скорее же, скакун, милый мой, хороший, – скорее, умоляю!»

Жеребец с ходу перемахнул неглубокий старый ров, заросший и оплывший, – межу, кон-границу владений двух родов – Деррано и Берлеа, хозяев замка Берлекоор. Здесь кое-где ещё можно встретить полусгнившие палисады и частоколы, поставленные в ту пору, когда шатался королевский трон в Симэ, а сеноры-владетели так и норовили по-своему перекроить карту страны. Те времена давно минули, престол содержит внушительную дружину наёмных войск, всегда готовых в зародыше прикончить любую смуту.

Но рубеж не спасёт всадника на чёрном жеребце и не защитит. Это охотиться нельзя на землях соседа без его разрешения – а преследовать нарушившего закон очень даже

можно.

Лай. Лай. Лай. Рвущий слух вой, и справа, и слева. Сеноры Деррано славятся псарнями и отборными гончими, за щенками присылают со всех концов королевства и не только – приезжают и из Меодора, и из Доарна.

Дальше, дальше, пока не падёт измученный скакун; и тогда – сперва разрядить в преследователей маленький двойной самострел, захватить с собой хотя бы пару из них, а потом… потом главное – избежать соблазна, не схватиться за тесак в наивной надежде отбиться от двух десятков опытных воинов и охотников за беглыми. Успеть сорвать с шеи наглухо запечатанную смолой глиняную бутылочку на волосяной плетёнке. Сунуть в рот. Зажмуриться. И – раскусить…

«Нет, не дамся им. Ни за что. Лучше уж так.

Маменька знала, что делала, когда надела это на шею».

После рва лес кончился, потянулись поля, луговины, по левую руку должно лежать озеро; здесь угодья серфов-рыбарей, разбитые ими для облегчения податного ярма.

Жеребец хрипит, начинает задыхаться. Всадник успел оторваться от верховой погони, преследователи часто меняли скакунов, поневоле отставая – с этим гайто, жемчужиной и гордостью конюшен сенора Деррано, не сравнится никто.

По лицу наездника катятся злые слёзы.

«Ну почему всё так глупо, почему, Семь Зверей, почему? Не спрашиваю, за что вы от меня отвернулись, вы давно уже не глядите на свой мир; Ому же Прокреатору до таких, как я, дела и вовсе нет».

Никем не понукаемый, жеребец берёт правее, отдаляясь от берега – прямо к скоплению негустых рощиц, покрывших старые оплывшие холмы. Ещё правее лежит торный тракт, соединяющий Деркоор через приречный городок Фьёф с замком рода Берлеа – нам туда совсем не надо, скакун, на дороге ещё скорее угодишь в руки охотников!

Жеребец словно слышит этот безмолвный крик – и стрелой несётся прямо, к рощицам.

На что ты рассчитываешь, мой верный, если нам не удалось уйти от погони в оставшихся позади чащах?

Вот мелькнули первые деревья, подножия окутаны кустами, словно густым дымом. Ночь стоит на страже, сберегая покой своих детей, и скакун вдруг замирает, взрывая раздвоенными копытами неподатливую землю.

– Ты чего? – обливаясь слезами, шепчет всадник, скатившись с седла.

Скакун лишь безмолвно опускается на колени, ложится,

вытянув шею.

Наездник машинально поднимает арбалет, с явной натугой взводит обе тетивы, оглядывается.

Предрассветные сумерки ненадолго сгущаются – незримая рука ветров задёрнула отставшую Гончую плотным серым занавесом. Невесть откуда наползают тучи, и ночь словно бы возвращается. Во мраке смутно угадывается круг из семи покосившихся камней, венчавших холм, словно корона.

Всадник лихорадочно бормочет какие-то слова – безмолвные гранитные глыбы, похоже, пугают его не меньше преследователей.

– Это ты меня сюда примчал? Сюда? – Слёзы текут всё обильнее, в глазах расплывается, и кажется уже, что древние зубья земли сами собой пошатываются, норовя выкопаться, выбраться на поверхность…

– Зачем?.. Тут же просто старое капище… мёртвое… тут слуги Зверей давным-давно своих хоронили… – беспорядочно бормочет всадник, прижимаясь к тёплому боку жеребца.

Лай совсем близко. Свора частым гребнем прочёсывает негустой подлесок, они уже у подножия холма; дрожащие руки поднимают арбалет. Всадник вдруг понимает, что охотников можно и не дождаться, свирепые псы всё сделают сами.

Живот скрутило жестокой судорогой, пальцы дрожат, стальной дротик едва не выпадает из бороздки самострела.

Свора мчится по склону, захлёбываясь злобой и брёхом.

В небесах коротко и зло взвывает ветер, словно разом завопили корчащиеся в муках воздушные духи, стиснутые жестоким заклинанием; тучи точно проседают, их невесомые тела будто наливаются вдруг неведомой тяжестью. И она, эта тяжесть, тащит их вниз, к земле; жалобно скрипят, клонясь под налетевшим порывом, окружавшие холм деревья.

И даже немые камни, семь торчащих стоймя зубов похороненного под холмом чудовища, издают нечто похожее на стон.

Всадник, прижавшись щекой к отполированному ложу из драгоценного красного дерева, прицеливается, затаив дыхание, как учили, – и нажимает на спуск.

Пёс в шипованном ошейнике летит прямо на скорчившегося беглеца, арбалетный болт не может разминуться с целью, однако зубастая тварь не падает, не бьётся в судорогах; железная стрелка просвистела мимо, сгинув где-то в сумерках.

Всадник только и успевает, что всхлипнуть да уронить лицо в ладони.

Прыжок – гончак взмывает над преградившим дорогу камнем,

оттолкнувшись могучими лапами, перелетает застывшего беглеца и, не обращая на прижавшуюся к земле фигурку никакого внимания, мчится дальше.

Следом – вся свора.

Ничего не понимающий наездник чуть приподнимается, ошарашенно глядя вслед скрывшемуся в зарослях псу.

Всё стихло в небесах, лишь вершины игольчатых раскидников ещё покачиваются. Мёртво застыли семь камней; так и стоять им крэгом до скончания времён.

Чёрный скакун лежит недвижно; всадник, повинуясь инстинкту, снова прижимается к земле – потому что уже наплывает топот отборных охотничьих гайто, стремительных и неутомимых, мало в чём уступающих вороному. На спинах жеребцов – преследователи. Псы могли не заметить… а люди?

И беглец не шевелится. Он почти перестаёт дышать, даже не озаботившись перезарядить самострел.

Кавалькада приближается, мелькают широкие плащи, богатое шитьё на полах отливает в бледном свете проглянувших Гончих. Повсюду гордые гербы рода Деррано – дракон, обвивший гору: на плащах, на сбруе, на отворотах сапог, даже на пустых сейчас ножнах, всадники несутся с обнажёнными клинками.

Отряд разделяется, обтекая холм слева и справа. Свора ушла вперёд, нечего мешкать!

От тяжкого скока гайто дрожит земля, словно тоже охваченная страхом. И прижавшийся к ней человек неосознанно шепчет ей: «Не бойся…», словно и впрямь в надежде успокоить и защитить.

Пронеслась погоня, мало-помалу стихают вдали и вой стаи, и топот скакунов. Чёрный жеребец поднимается, властно, по-хозяйски, толкает мордой сжавшегося на земле всадника – вставай, мол, горе-наездник. Хватит труса праздновать.

Беглец поднимает голову – неуверенно, с опаской, что ему всё это пригрезилось, что преследователи вот-вот повернут назад, – но нет, светлеет край неба, закатываются Гончие, а охотники сгинули где-то вдалеке.

Оживают, просыпаются дневные птахи, ночной зверь крадётся обратно в логово. Запели кочеты в деревнях вдоль озёрных берегов и дальше, в окрестностях Фьёфа, серфы и свободные общинники сейчас заворочались в постелях, расставаясь со сном, – им всем предстоит долгий день, полный трудов и забот.

Чёрный жеребец вновь толкает мордой всё ещё лежавшего наездника, и тот, пошатываясь, поднимается. Руки и ноги трясутся, пальцы едва удерживают самострел. Вороной терпеливо ждёт, пока человек взберётся в седло и возьмётся за поводья.

Путь теперь один – на север, к широкой, полноводной Долье. У неё немного притоков, и все они – мелкие небольшие речушки; но пики Реарских гор собирали так много снега, ледники ползли вниз так быстро и так обильно таяли, что по Долье большие морские корабли могли подниматься до самого Последнего моста, соединявшего земли сеноров Соллири с владениями Меодорского королевства.

Разумеется, Соллири уже оповещены. Или… нет? Станут гордые, заносчивые Деррано выносить сор из собственного замка? Неужто расскажут соперникам-насмешникам обо всём, случившемся этой ночью?

Нет, не расскажут. Умрут, но не проронят ни слова. И с лёгкостью отрубят головы тем, кто распустит языки. Скорее отправят туда своих – инкогнито.

Да, беглеца никто не приютит. Ни один из семи кланов Долье. Защиты можно искать разве что в Симэ, у короля, – или бежать прочь, домой, в Меодор.

Деррано, конечно же, перевернут небо и землю, чтобы взять сбежавшего живьём. Как следует поступить знатному сенору, у кого из-под… гм… носа сбежал… гм… такой вот вольнодумец?

Погоня – это понятно. Тут соседям ничего не надо объяснять. «Серф нанёс оскорбление господину, похитив скакуна из сенорского стойла, и скрылся». Все поймут, и никто не задаст лишних вопросов. Это частное дело клана Деррано, пусть даже им и пришлось забраться на чужие земли. Если подобное случится у сеноров Берлеа, они смогут точно так же, без спросу и уведомления, пересечь рубеж владений замка Деркоор.

Понятно, что Деррано пошлют верных людей ко всем переправам. Особенно – к Последнему мосту; но через Долье перевезёт любой лодочник, в любой рыбацкой деревеньке. Если же беглец не захочет расставаться с вороным – что ж, на реке хватает паромов с цепями, проложенными по дну, – чтобы могли пройти глубоко сидящие купеческие суда. Ближайший – во Фьёфе, но есть и в устье Эве, притока Долье, вытекавшего из одноимённого озера, есть чуть дальше на восток, рядом с Берлекоором…

От этих размышлений беглец чуть приободрился, позволил себе даже лёгкую улыбку. Не всё так плохо и безнадёжно, отнюдь не всё. Погоня ушла далеко на восход, пока неудачливые загонщики разберутся, что к чему, пока вернутся обратно, пока получат новые распоряжения… едва ли молодой сенор Байгли Деррано осмелится что-то предпринять на чужих землях без ведома отца.

А это значит – едем вверх по Долье, огибая с севера озеро

Эве; на уже упоминавшемся пароме в устье одноимён– ной речушки и переправимся.

Всадник ласково потрепал скакуна по шее.

– Ты меня спас, вороной. Неужто я теперь тебя брошу?

Гайто коротко заржал, словно соглашаясь.

Кинув последний взгляд на неподвижно застывший каменный круг, обозначавший старое место поклонения Семи Зверям, беглец трогает поводья.

Солнце поднимается над краем мира, первые лучи освещают наездника на вороном скакуне: тоненькую невысокую девушку в бархатном берете, наверняка скрывавшем пышные косы. Чёрная куртка воловьей кожи, просторные и бесформенные порты, схваченные на талии широким поясом, увешанным какими-то сумочками, тесак на правом бедре, за плечами – жёсткий саадак для самострела.

Беглянка казалась неплохо подготовившейся к рискованному предприятию.

Вороной скакун нетерпеливо переступил с ноги на ногу, дожидаясь команды; дождался, вскидывает голову и срывается с места.

Впереди почти день скачки.

* * *

– Мы её упустили, братец. – Дигвил Деррано, старший сын сенора Деррано, владетеля замка Деркоор, осадил скакуна и поднёс к губам рог, созывая пристыженную свору. Первоклассные гончие внезапно потеряли след среди чистого поля, и все усилия псарей с ловчими ни к чему не привели.

Молодой Байгли Деррано, младший брат Дигвила, только скривился, зло хлопая плетью по голенищу сапога.

– А всё потому, что твои, гм, постельные пристрастия, мой дорогой… – продолжал читать нотацию старший, и Байгли не выдержал.

– Это тебя не касается! – заорал он, привставая в стременах. – Понятно, нет?

Дигвил сощурился, и взгляд его не предвещал младшему брату ничего хорошего.

– Я при челяди с тобой ссориться не стану, – бросил он вполголоса, но так, что сердце у Байгли тотчас ушло в пятки. – Продолжим беседу дома. В палестре. Отделаю тебя так, что неделю встать не сможешь, молодожён хренов. И только попробуй отказаться.

– Всё маменьке скажу, – пробурчал Байгли.

Он не уступал брату ростом, но был куда шире его в талии. Стройный и подтянутый Дигвил, казалось состоявший из одних мышц, смотрел на младшего с нескрываемой насмешкой.

– Пожалуешься, конечно. И маменька тебе ничего не скажет… по поводу того, как следует, а как не следует обращаться с молодой женой в первую брачную ночь. Но вот за то, что она у тебя сбежала… думаешь, папенька по головке погладит? Сомневаюсь, скорее велит по старой памяти прописать тебе полсотни горячих.

– Она моя жена. Что хочу с ней, то и делаю, – отворачиваясь, проворчал младший Деррано, уже понимая, что брат, как ни противно, опять кругом прав.

– Верно. Делай что хочешь, – кивнул Дигвил. – Хоть засеки розгами насмерть, мне-то что? Но так, чтобы, Семь Зверей тебе в глотку… – Старший брат сгрёб младшего за грудки, притянул к себе, прошипел прямо в лицо, обдавая брызгами слюны: – Но так, чтобы тебя, ублюдка, никто бы в том не уличил! Чтобы всё осталось шито-крыто! Как раньше, когда ты развлекался не только с рабынями или простолюдинками, но воровал порой даже девиц благородного сословия из того же Меодора! А теперь?! Ты хоть понимаешь, что будет теперь?!

– А-а что такого-то, ничего и не будет, – забормотал Байгли, даже не пытаясь утереть лицо или вырваться из хватки брата. С гайто бы не свалиться. Мало ему позора с беглянкой…

– Меодор, – вкрадчиво проговорил Дигвил, – конечно, страна варварская. Утончённых постельных развлечений сенора… или, вернее, пока что просто дона Байгли Деррано там могут и не понять. А ты забыл, *как* эта девчонка попала к нам в замок? *Почему* отец взял её на воспитание? Забыл, чья она дочка? Пусть шестая по старшинству, пусть её торопились сбыть с рук, но тем не менее? Забыл, а? Отвечай, толстобрюх!

– Не забыл, – буркнул младший брат, не поднимая глаз и даже не заметив презрительного детского прозвища, из-за которого раньше, не раздумывая, бросался в драку.

– Не похоже, чтобы помнил, – скривился Дигвил, резко оттолкнув Байгли. – Род владетелей Венти богат, знатен, на короткой ноге с ближайшим окружением престола в Меодоре. Благодаря многочисленным династическим бракам… хотя что я, ты небось и слова «династический»-то не знаешь.

Байгли хлюпнул носом.

– Если доньята объявится в родном замке, покажет следы плетей и прочих… приспособлений, кои использовал на ней мой неразумный братец, нам несдобровать, – втолковывал младшему

Дигвил. – И потому…

– Да что они нам сделать-то могут? – Байгли ещё пытался хорохориться. – Где мы и где тот самый Венти! Они что, на нас войной пойдут? Небось далеко не утопают!

– Болван, – вновь взъярился старший Деррано, быстро оглядываясь – псари уже собрали свору, взяв гончих на поводки. Можно было трогаться. – Они обратятся с жалобой – прямо в Симэ, а заодно и к своему королю. Напишут приватное письмо бра-дону Фрамаццо, генеральному стряпчему. Или ты забыл, что его младший брат женат на родной тётке твоей сбежавшей наречённой?! Или ты думаешь, отец совсем ничего не соображал, когда принимал Алиедору в воспитанницы или же выдавал за тебя замуж?!

Байгли не нашёлся, что ответить.

– Как есть болван, – вздохнул Дигвил. – Ладно, хватит стоять. Пора возвращаться. Мэтра Бравикуса мы с собой, к несчастью, не взяли… может, он и отыскал бы след. И уж, во всяком случае, нам не пришлось бы тратить время на возвращение.

– Она ведь успеет удрать, верно? – уныло осведомился Байгли.

Старший коротко кивнул.

– Конечно. Долье – река широкая, но перебраться девчонка сможет во многих местах. Особенно если бросит вороного. Но его она, думаю, не оставит.

– Двинется к Последнему мосту? – рискнул предположить неудачливый муж.

– Дурачина. Нет, конечно. Мост мы успеем перехватить. Скорее всего, воспользуется паромом или во Фьёфе, или в устье Эве. До Фьёфа ближе всего… гм… дай подумать… так, вот что, братец. Скачи-ка во весь опор домой. Расскажешь отцу во всех деталях, как мы гнались за твоей жёнушкой и как она улизнула. А я возьму троих, и мы проедемся… вдоль нашей прекрасной Долье. Заглянем во Фьёф, поспрашиваем…

– А может, она повернула как раз к парому на Эве?

– Может быть. Но вряд ли – до Фьёфа дорога торная, там хватает приезжих с меодорской стороны, легко затеряться… – Тонкое лицо молодого Деррано вдруг исказилось, зубы оскалились. – Она не должна добраться до Венти, братец. Иначе конец нашему доброму имени. Да, да, тебе это пустой звук, мой дорогой; и какое же счастье, что не ты унаследуешь сенорство!

Байгли зло зашипел, но старший брат не обратил на это никакого внимания. Только махнул рукой, подзывая к себе ловчих, и четверо всадников помчались дальше на северо-восток, к проходившему там торному тракту, соединявшему Деркоор с

твердыней клана Берлеа.

Младшему Деррано ничего не оставалось, как выполнить распоряжение старшего. Кавалькада уныло потащилась в сторону Деркоора.

* * *

Доньята Алиедора Венти, уже было ставшая доньей Алиедорой Байгли Деррано, всё подгоняла и подгоняла своего вороного. Чёрные как смоль волосы так и норовили выбиться из-под берета, и всаднице то и дело приходилось со злостью запихивать обратно трепещущие на ветру пряди.

Вокруг расстилались знакомые места – доньята прожила в замке Деркоор достаточно долго. Солнце поднималось всё выше, лёгкий ветерок тянул с недальних гор, нёс на невесомых крыльях ароматы карабкающихся по склонам лесов, расцветающего горьколиста, пряного кудрявника. Вороной шёл широкой нетряской рысью. Знатная доньята, отпрыск благородного рода, едва заметно кивала в ответ на низкие поклоны попадавшихся навстречу серфов. Она не пряталась – погоня давно отстала, до границы недалеко, а в родной Меодор никакие Деррано полезть не осмелятся.

Только теперь она смогла задуматься о случившемся на холме. Почему свора её не заметила? Почему злющие псы проскочили мимо?

Конечно, ответ напрашивался сам собой. Капище Семи Зверей – их воля и защитила.

Но семь великих правителей мира, восседавшие на небесных престолах, давно не являли своей воли. Ничего не могли добиться жрецы и заклинатели, шаманы и колдуны – Звери не отвечали на зов. Это знали все, от мала до велика. Об этом твердили законники и хронисты, летописатели и составители наставительных сводов для девиц благородного происхождения. Говорили нянюшки и воспитательницы. Говорили все.

На смену семи уснувшим (или ушедшим, или даже погибшим) Зверям явился новый бог. Единый бог. Простолюдины знали Его под множеством имён и обличий, но знати, прошедшей посвящение в мистериях, открыто было истинное имя – Ом. Ему возводили величественные храмы, увенчанные Его священным символом – восьмиконечной звездой с глазом в середине. Восемь лучей означали восемь стихий и первоначал – землю, воду, огонь, воздух, движение, желание, мысль и чувство.

И вот старое капище спасло её, Алиедору, спасло от верной

гибели и того, что, быть может, даже горше смерти.

Какой же отсюда следует вывод, как наставительно сказал бы мэтр Диджорно, придворный маг, астролог, алхимик и, по совместительству, – домашний учитель молодой поросли знатного рода Венти?

Первый, самый приятный, состоял, разумеется, в следующем: старые боги живы, они не спят и избрали её, доньяту Алиедору, провозвестницей своего скорого возвращения. А как ещё это можно объяснить? Уж она-то, прожившая не один год в Деркооре, знала, на что способны его псари и выращенные ими своры. Не упустили бы, не потеряли бы след. Да и ловчие тоже… в конце концов, она скакала не утоптанным трактом, где не оставляет отпечатка даже тяжёлое двуострое копыто породистого скакуна-гайто, но мягкими луговинами, то вдоль многочисленных ручьёв, то через них. Однако не увидели, не разглядели, проморгали, пронеслись, проскочили! Отвели им глаза, да так, что она, доньята Алиедора, того и гляди без помех доберётся сперва до парома, а там… Да что говорить, левый, меодорский берег Долье – уже спасение.

Но Семь Зверей, Семь Зверей! Ожили, увидели, откликнулись!

Во время бегства доньята не молила Ома о спасении. Может, оттого, что уж очень строгим представал он в писаниях своих пророков. Мол, и старые боги – совсем не боги, а злые демоны, и не сожрали они весь мир только оттого, что стерегли его, дабы достался он на пир неведомым демонским властителям, Шхару и Жрингре, целым, непорченым и девственным.

Как весь мир может оказаться «девственным», Алиедора понимала не слишком. Нет, в своё время она даже заучила ответ, и фра Шломини остался доволен – но сейчас заковыристое и головоломное доказательство начисто вылетело из памяти.

Молодая доньята никогда не заморачивалась богословскими вопросами. И сейчас лишь беспомощно барахталась на поверхности тёмного моря неожиданных, со всех сторон нахлынувших мыслей.

Если фра Шломини, фра-супреме Дельгьяцци и прочие, носящие белые с золотом одежды, украшенные восьмиконечной звездою с глазом, – если они правы и Звери действительно просто сторожевые псы, не добрые и не злые, чей долг – просто охранять порученное?

«Почему я об этом не думала раньше?» – раскаивалась Алиедора. Звери – Зверьми. Ом есть Ом, господин всего живого и мёртвого. Так её учили. А сейчас, стоило ей спастись…

Откуда она знает, что её спас не всемогущий Ом-

Вседержитель? Если всё – в Его власти, так, наверное, он может распоряжаться и на заброшенном капище?

Голова кругом идёт. От всего случившегося, от мыслей этих, будь они неладны… Ещё позавчера она, доньята Алиедора, готова была стать младшей доньей Деррано, не без удовольствия перебирала подарки свёкра и деверя, примеряла платье и жалела, что её не увидят подружки из родового замка Венти – вот уж точно полопались бы от зависти! Байгли, конечно, был женихом… м-м-м… завидным, но только с одной стороны. Род, знатность, богатство – всё при нём. Остротою ума его Ом, правда, не наделил – ну так знатному дону (а в будущем – бра-дону, если, конечно, судьба не повернётся иначе и Байгли не сделается сенором Деррано вместо старшего брата) особого ума и не требуется. Иначе зачем ему послана ловкая и сообразительная жена?

Да и вообще, Байгли не казался злодеем. Толстоватый, неуклюжий – он ничуть не походил на стройного и подтянутого Дигвила, отличного мечника и превосходного наездника. Да, старший Деррано стал бы отличной партией… не окажись он уже женат.

Против самого брака Алиедора ничего не имела. У всех было так. Её мать тоже приехала воспитанницей в замок Венти и тоже долго плакала в подушку, едва познакомившись с будущим женихом. Однако же стерпелось, слюбилось, и благородная донья Самалли одного за другим родила мужу десятерых детей, кроме Алиедоры ещё шестерых дочек и троих сыновей. И ничего. Отец их любил и баловал, жизнь в замке Венти текла беззаботная и счастливая… и даже в Деркооре, куда более мрачном, поначалу Алиедоре тоже нравилось. Неуклюжий Байгли мог насмешить, мог притащить лишний кусок пирога с кухни, мог покорно сопровождать благородную доньяту в неблизких поездках по окрестностям замка…

И всё это рухнуло – уже после того, как Алиедора готова была, как подобает настоящей жене, исполнить в супружеской постели всё, дабы её мужчина встал бы с их ложа, не помышляя о других женщинах.

«Так, всё, об этом не думаем, – приказала она себе. Рубцы от плети на спине ещё саднили. – Этого не было, – повторила она. – Я расскажу только один раз – папе и маме. И больше никому, никогда».

О том, что случится, когда она доберётся до дому, Алиедора не гадала. Главное – очутиться в Меодоре. А там всё пойдёт уже как по маслу.

* * *

Дигвил Деррано и трое ловчих, запылённые и усталые, подскакали к стенам Фьёфа вечером того же дня. Скакунов не жалели, и те не пали лишь потому, что предусмотрительный наследник Деркоора велел захватить с собой заводных.

Всадников, разумеется, узнали. В маленьком городишке прятать лица под широкополыми шляпами – куда более верный способ помочь вестям разнестись подальше, чем открытый визит старшего отпрыска соседнего сенора. Дигвил ехал не таясь и не пряча фамильного герба.

Одноэтажные домишки под соломенными крышами, неизменные куры вдоль обочин и саловики в дорожной грязи, равно как и чумазые ребятишки. Дигвил обращал на это куда меньше внимания, чем на докучавшую ему муху, упрямо желавшую совершить торжественный променад по Фьёфу, удобно устроившись прямо на носу благородного дона.

Знакомый десятник в цветах рода Берлеа, с ярким и безвкусным, на взгляд Дигвила, гербом – синяя змея, поднявшая голову над водами огненной реки, – низко кланялся благородным господам, всячески выражая готовность услужить. Ну, и заработать полушку, конечно.

Дигвил остановился, скучающе-равнодушно поинтересовался у стражника, как дела. Это допускалось кодексом, даже поощрялось – достойно истинно благородного человека преклонять порою слух к словам ничтожных простолюдинов.

– А вот на торги тут к вам вороного такого приметного сегодня не проводили? Нет? Я прослышал, мол, будет сегодня в гайтских рядах нечто небывалое, на что и поглядеть есть смысл. Жаль только, узнал я поздновато, только к вечеру сюда и успел.

Стражник аж наморщил лоб в тщетных усилиях вспомнить – получить монетку ему очень хотелось.

– Никак нет, благородный господин, нет, дон Деррано, не проводили. У меня на вороных глаз наметанный, знаю, что вы их любите. Я, как такого встречу, сразу себя спрашиваю – а не подошёл бы ты, красавец, нашему доброму соседу, благородному дону Дигвилу? Нет, не проводили. Ни в поводу, ни верхами. Ничего достойного, ваша светлость.

Десятник безбожно льстил молодому дворянину – «светлостью» полагалось именовать только сенора, то есть главу соответствующего дома.

Дигвил молча кивнул, бросил стражнику вожделенную полушку – тот поймал её на лету с лёгкостью, свидетельствовавшей о немалой практике, – и тронул скакуна.

Осторожные расспросы у парома тоже ничего не дали. Никто не видел приметного аспидно-чёрного жеребца-гайто – а не заметить такого зверя было невозможно.

Не минул ещё и час Левиафана – по старому счёту, сохранившемуся с древнейших времён, – не успели сгуститься сумерки, а Дигвил Деррано и три его спутника уже во весь опор неслись вдоль берега Долье, туда, на запад, где в устье речушки по имени Эве имелся второй в здешних краях паром.

Наследник Деркоора глядел мрачно. И не только оттого, что ошибся, пытаясь угадать намерения беглянки; Дигвилу очень не нравилось то, *как* именно возмутительница спокойствия смогла стряхнуть погоню с плеч.

Если бы и впрямь очень выносливый, злой, сильный скакун просто оторвался бы каким-то чудом от преследователей, Алиедоре было б некуда деваться, кроме Фьёфа с его паромом. Всадница ни за что не расстанется со скакуном, в этом Дигвил не сомневался, он достаточно хорошо знал несостоявшуюся невестку. Она не станет искать лодку – что в её положении стало бы наиболее разумным; но когда, скажите, женщины поступали разумно? Сбежала, понимаешь, не захотев чуток потерпеть! Ну всыпал бы ей Байгли розгами по мягкому месту, ничего страшного – можно подумать, в детстве её мать не порола! Ан нет, свела лучшего скакуна, сбежала, огрев при этом своего горе-мужа кочергой. И что теперь прикажете делать?

Его, Дигвила, люди станут молчать – крутой нрав молодого господина им известен. Но теперь беглянка, похоже, ускользнёт-таки в Меодор… и что тогда?

«И как же, в конце-то концов, ей удалось от нас оторваться? Когда? Если её не оказалось во Фьёфе – куда она свернула? И почему мы не заметили? Почему псы до последнего летели так, словно по горячему следу, и брехали – мол, вот-вот нагоним? С ними-то что произошло? От этой своры ни один зверь не уходил».

Магия, услужливо приходил ответ. Самая обыкновенная магия. Девчонке кто-то помогал. Кто-то, распоряжающийся немалыми силами. И от этого Дигвилу становилось не то что не по себе, он весь леденел.

Первый закон дознания – подозревай всех. Второй закон – не пытайся навесить на того, кому труднее всех оправдаться. Конечно, само слово «магия» заставляло прежде всего вспомнить о многознающем мэтре Бравикусе. Вспоминая поговорку об имеющих обыкновение водиться в тихом омуте, Дигвил, конечно, подумал бы на него. Мастером сработанный оберег вполне может сбить с толку и не таких преследователей; но чтобы Бравикус пошёл бы на *такое*? Слишком любит мэтр маленькие житейские

радости, слишком дорожит своим местом.

Возможно? Да.

Вероятно? Нет.

Могла ли Алиедора привезти такую вещицу с собой из родного Венти? Опять же, возможно? Да. Вероятно? Нет. Но поговорить – и основательно поговорить! – с мэтром Бравикусом придётся.

А сейчас… Что делать сейчас?

Дигвил сощурился, глядя на закатное солнце. Удивительно, как такая простая вещь сразу не пришла ему в голову.

Он сам отправится в замок Венти. С двумя верными людьми. Третий вернётся с донесением к отцу.

И переправятся через Долье они прямо здесь, во Фьёфе.

Конечно, Меодор – это совсем не то, что владения соседей Берлеа. Придётся или отвечать на всяческие неприятные вопросы, или кружить лесами, обходя заставы на дорогах. Стараниями меодорского престола таких застав в последнее время развелось видимо-невидимо – король громогласно пообещал покончить с разбойничками, от века собиравшими дань вдоль трактов.

Вскоре Дигвил с двумя спутниками уже стоял на досках старого парома, и четверо дюжих молодцов что было сил крутили колесо лебёдки.

Левый, меодорский берег Долье медленно приближался.

Глава 2

Ещё немного, и она окажется дома. И всё наладится само собой. Конечно, батюшка с матушкой её так называемому мужу не вернут – достаточно показать следы порки. Она снова сядет на своё место за огромным круглым столом, соберутся братья и сёстры, прислуга внесёт поднос с пирогами, испечёнными старой кухаркой; а потом Алиедора заснёт в своей постели, задёрнув кисейный полог.

На меодорском берегу она не только не скрывалась, но даже и не торопилась. Деррано, Берлеа и прочие сеноры Долье, как и сам их король, остались за рекой. На земли её, Алиедоры, родной страны они сунуться не посмеют.

Могучий гайто шёл шагом, гордо вскинув точёную голову. Дорога предстояла неблизкая, и силы скакуна стоило поберечь. Стража у паромной пристани в королевских цветах Меодора – красном и жёлтом – спросила её имя. Алиедора назвалась, заплатила пошлину и теперь могла невозбранно вдыхать родной воздух и осматриваться по сторонам, ведь последние четыре года она прожила «воспитанницей» в Деркооре и ни разу не ступала на левобережье Долье.

Утром задуло с Реарского хребта, потянуло прохладой. Ветер перевалил через белоснежные вершины и устремился вниз, к долинам. Исполинская горная цепь вонзала острия пиков в брюхо распластавшегося облачного зверя, жадно притягивая и собирая застывшую воду для своих ледяных корон. Словно волны от брошенного камня, от самих гор к морю Тысячи Бухт сбегали плавные, сглаженные временем и дождями гряды холмов, где угрюмо сдвинули ряды, словно готовое к бою войско, рощи длиннохвойных елей.

От паромной пристани на север убегала торная дорога, сейчас полная народа. Торопились рыбари с корзинами свежего улова, озабоченно считали тюки и вьючных тягунов купцы, пришедшие из Долье, хватало и мастерового люда – на юге, за рекой, было больше работы, и платили за неё лучше.

Алиедоре кланялись, заранее снимали шапки. Доньята, как и велел кодекс, отвечала на приветствия простолюдинов кивками.

Как же легко дышится, как же весело веет в лицо ветер! Какой смешной щенок у этого купчины, как заливисто играет дудочник, сидящий в большой телеге, – не иначе, как бродячие музыканты. Алиедоре хотелось, словно девчонке, прыгать и визжать, хлопая в ладоши, – всё хорошо, всё хорошо, она вырвалась, она убежала, и она теперь дома, в Меодоре! Тут ведь всё по-иному, не так, как в

этом Долье, где мужья в первую брачную ночь норовят привязать молодую жену к кровати, до крови избивая плетью…

И хорошо, что дело ограничилось только плетью. Байгли успел повертеть у Алиедоры перед глазами куда более пугающими инструментами.

«Нет, нет, я про это не буду думать. Всё, никакие байгли и дигвилы меня теперь не достанут… ишь ты, какая юбка у этой дамы, как расшита – и не боится попортить на такой дороге!»

Доньяту обогнала небольшая кавалькада – мальчишка-паж, важно державший тонкий и длинный флажок с гербом, двое вооружённых слуг, служанка в высоком чепце и знатная дама, ловко ехавшая боком на жемчужно-серой кобылке. Алиедорин жеребец немедленно фыркнул, гордо вскинув голову перед прекрасной незнакомкой.

Дорожное платье дамы украшали вышивка и кружева – из Доарна, сразу же определила зоркая Алиедора. Позволить себе такое может разве что особа сенорского достоинства, и этикет потребовал от благонравной доньяты низко поклониться, прикладывая правую руку к сердцу. Дама ответила улыбкой и благосклонным кивком – никто не сможет сказать, что род Венти плохо воспитывал своих дочерей!

«Я дома, я в Меодоре! – Доньяте хотелось петь. – Тут всё особенное, не такое, как в этом противном Долье. Тут по дорогам ездят благонравные и высокородные дамы, ходят умелые и добродетельные мастеровые, пастухи гонят тучные отары…

И солнышко светит тут тоже совершенно по-иному!»

Оставались позади многочисленные, хоть и маленькие, храмы всемогущего Ома; девушка так и не могла решить, кого же благодарить за спасение. Домашний священник сенора Венти, фра Шломини, обладал непревзойдённым даром красноречия: он о благости и милости великого Ома мог рассказывать бесконечно. Но от простого люда, кухарок и служанок, поломоек и прачек, от собственной няни Алиедора слышала сказки простые и безыскусные, где Семь Зверей представали совсем иными.

Свирепыми и жестокими, как зима на побережье моря Тысячи Бухт, – и ласковыми, игривыми, как весенние ветры всё над теми же берегами. Они хранили верность слову и пуще всякого иного преступления карали лживость. «Делай, свершай, – говорили они. – И отвечай за то, что свершаешь».

Они не знали слова «грех». Нет «запретной любви». Любишь – люби. Не смиряй собственных чувств, не загоняй их в клетку – Алиедоре, как девочке, эти истории, не шибко одобряемые маменькой, всегда нравились больше всего. О том, как принцы и принцессы или же лесорубы со швеями – неважно, благородные

или простолюдины – шли против всего, потому что любили «запретно». И всякий раз в сказке всё кончалось хорошо, потому что Семь Зверей любят тех, кто идёт наперекор всему, подобно упрямым соснам, пускающимся в рост на голых камнях.

Беглянка сорвала берет, гордо встряхнула смоляными прядями. Смотрите все, я – доньята Алиедора Венти! Я не стала покорною жертвой. «Феникс тебе крылья дал», – ворчала порой старая нянюшка. Она усердно молилась Ому-Вседержителю, но не забывала и старые присловья, дошедшие от её собственной бабушки. Добрая старушка всего-то имела в виду Алиедорину непоседливость, а оно эвон как обернулось-то…

Хорошо, что Алиедора сбежала из Деркоора не голой и босой, а прихватила с собой кошель, полный звонкой монеты. Сейчас она доберётся до ближайшей таверны (ибо в животе бурчит всё громче и всё недовольнее), и там почтительный хозяин поставит перед ней ароматно пахнущий горшок с наваристым супом, отрежет толстый шмат хлеба, на него – такой же по толщине шмат варёного мяса. Еда для простолюдинов, конечно, но сейчас и такому обрадуешься. А потом всё будет чрезвычайно хорошо.

– Эй, любезный! – окликнула она немолодого уже мастерового с коробом инструмента на плече. – Где тут ближайший постоялый двор?

– «Побитая собака», молодая госпожа, в полудне пути будет, на большом тракте, что на Сашэ идёт. – Мастеровой поклонился. – Да только не место это для вашей благородной милости, простите старика.

– Отчего ж? – свысока поинтересовалась Алиедора.

– Дурной народ там собирается. И место само дурное, грязное. Наши туда не ходят, всё больше люд приблудный, лихой. Послушайте старика, благородная госпожа, от «Побитой собаки» держитесь подальше.

– Благодарю, – ледяным тоном отрезала Алиедора, кинув мастеровому под ноги монетку. Тот едва заметно качнул головой и подбирать не кинулся – совсем не как холопы во Фьёфе или Алете.

Тоже мне, фыркнула про себя Алиедора, несильно хлопнув жеребца по бокам. Простолюдины гордыми быть не могут. Это удел благородного сословия.

…К «Побитой собаке» она добралась в середине дня. Живот протестовал уже так громко, что, казалось, это слышно всем и каждому на тракте. Постоялый двор стоял на отшибе, стены покосились, крыша местами просела, широченное крыльцо с балясинами и вовсе выглядело так, словно угодило под великанскую палицу. Однако из распахнутых дверей пахнуло

жарким – да так, что Алиедора поняла: она скончается в страшных мучениях, если немедля не съест хоть кусочек.

Она даже не убрала под берет пышные пряди. От кого ей тут скрываться?

…В «Побитой собаке» было жарко, чадно, нечем дышать. Пылало пламя в огромном, на треть зала, очаге – над ним крутились вертела с насаженными на них тушками. Может, лесные ушаны, а может, и домашние шерстистики – но об этом Алиедора тогда и помыслить не могла.

А старик мастеровой говорил, как оказалось, чистую правду. В трактире собрался отвратный, на взгляд Алиедоры, люд – непохожий на её родных меодорцев. Жуткого вида лохмотья какой-то мешковины соседствовали с обносками некогда богатых камзолов. Запах жареной требухи смешивался с вонью немытых тел; по засаленным космам кое у кого из посетителей ползали насекомые.

Тут хватало самого разного народа – калеки на костылях, нищие побирушки, непонятно что делающие в трактире, у них ведь нет денег; громилы самого разбойного вида, увешанные оружием, несмотря на действующий королевский запрет носить оное всем неблагородным сословиям, если только они не состоят на службе, скажем, в охране купеческого каравана.

Нельзя сказать, что с появлением Алиедоры в трактире «настала мёртвая тишина»; на неё, конечно же, плотоядно уставились с полдюжины пар глаз, однако к этому она была готова. В конце концов, не девочка, а – почти что! – мужняя жена, знающая, что к чему в настоящей жизни. Пусть себе зыркают.

– Трактирщик!

Содержатель «Побитой собаки» отнюдь не спешил к знатной посетительнице с обязательным «что угодно благородной доньяте?». Отличить его от прочих оборванцев можно было разве что по донельзя грязному фартуку.

– Хозяин? – уже с некой робостью повторила Алиедора.

– Чё нать? – не поворачивая головы, осведомился тот.

– Жаркого мне и вина, самого лучшего!..

– Чё? – Трактирщик соизволил наконец обернуться и вдруг заржал, показывая пеньки сгнивших зубов. – Вина? Самого лучшего? Буа-га-га! – заревел он, словно Алиедора отмочила невесть какую смешную шутку.

Несколько оборванцев тоже захохотали. А двое громил бандитского вида и вовсе двинулись к девушке с самыми что ни на есть гнусными ухмылками.

Алиедора ощутила, как живот скрутило судорогой. Правая рука легла на рукоять тесака, хотя умом она понимала, что надо

уносить ноги. Но скакун её устал, да и она ничего не ела со вчерашнего дня…

– Ка-акая птичка-бабочка! – прогнусил один из громил, подходя вплотную. Другой попытался зайти Алиедоре за спину, и девушка невольно попятилась – прочь, за порог. Однако в плечи ей тотчас вцепились ещё чьи-то руки, резко толкнули обратно, в жаркую духоту трактира. Уже гоготала добрая половина собравшихся – кто-то вскакивал на столы, чтобы лучше видеть.

Алиедора и глазом моргнуть не успела, как оказалась растянутой поперёк стола – ноги остались на полу, один из громил держит за руки, прижимая запястья к липкой столешнице, а другой, с сопением облапив за талию, шарит по застёжкам пояса, где и кошелёк, и всё прочее – в привешенных сумочках.

Не требовалось быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, как с ней собираются обойтись. Трудно поверить, чтобы вот так сразу… едва завидев…

Алиедора истошно завизжала, перекрыв даже гнусный гогот оборванцев. Попыталась лягаться – бесполезно, сразу же зажали и ноги. Застёжка пояса наконец уступила, кожаные штаны стали предательски съезжать, на шее она ощутила чужое смрадное дыхание; чьи-то пальцы больно вцепились ей в грудь.

– А-а-а-а-а-ай!!!

Не укусить, не пнуть, не оцарапать…

Державшего её руки громилу слишком привлекло созерцание её обнажившихся прелестей, с раззявленных губ стекала слюна. Его толкнул другой оборванец, явно недовольный обзором, и потная лапища, прижимавшая к доскам запястье Алиедоры, чуть ослабила хватку.

Пальцы беглянки метнулись к бесполезно болтавшемуся тесаку – никто из насильников даже не потрудился сорвать его и отшвырнуть в сторону. Отмахнулась – слепо, в ужасе, не видя куда…

Руки внезапно стали свободны. А державший их громила молча оседал, прижав обе грязные лапищи к рассечённому наискось лицу – лезвие тесака прошло от правого угла рта через нос и левый глаз, окончив кровяной росчерк возле левого виска.

– Ы? – выдохнул кто-то за спиной Алиедоры.

Ничего не соображая, она вновь ткнула тесаком – угодив кому-то под ребро.

Терзавшие её пояс руки исчезли, кто-то падал рядом, кто-то замахнулся, свистнула дубинка и врезалась в столешницу. Алиедора крутнулась, снова завизжала – и тут по всей таверне пронёсся жуткий треск, словно десятки и сотни могучих челюстей впились в опорные столбы, «Побитую собаку» наполнил едкий

кислый запах, от которого запершило в горле и из глаз полились слёзы.

Алиедора не знала, что заставило её первой завопить: «Гниль!»

А столы уже опрокидывались, разваливались камни очага, падали вертела, и очумело верещал несчастный поварёнок при виде падающего в угли жаркого. Доски пола трещали и лопались, летели щепки, и прямо посреди таверны вспучивался чудовищный пузырь. Чему там было надуваться, в подполе, что удерживало смертельный яд? Кто знает, отчего он не разлился сразу?

Выбивая окна и двери, бросая всё, что мешало бежать, впереди яда Гнили хлынул гной человеческий. Об Алиедоре все разом забыли – и даже громила с рассечённым лицом выл, пытаясь отползти прочь.

У коновязи рвал постромки вороной Алиедоры. Чуть не падая, она метнулась к нему, увидала, как сразу двое оборванцев вцепились в повод скакуна – только лишь для того, чтобы оказаться под острыми раздвоенными копытами. Боевой жеребец пробивал ими кованые доспехи.

Стены «Побитой собаки» разъезжались, проваливалась крыша, кислый запах стал совершенно нестерпимым. Визжа, доньята Венти взлетела в седло, скакун захрапел, не нуждаясь в понуканиях. Оборванцы и громилы, разбойники и побирушки – все с воем разбегались сейчас в разные стороны, а внутри «Собаки» раздался вдруг громкий хлопок, крыша осела окончательно, а изо всех щелей хлынул поток гнилостно-желтоватых многоножек.

Алиедора знала, что такое Гниль. Страшное бедствие доселе обходило стороной владения сенора Деррано, однако в окрестностях замка Венти как-то случилось. От него не было иной защиты, кроме каменных стен да молитвы – и то сказать, даже гранит поддавался, уступая напору неутомимых челюстей. Счастье, что многоножки жили только от рассвета до заката и не дольше, – иначе не спасли бы никакие стены.

Гайто доньяты растоптал несколько самых шустрых тварей и рванулся, огромным прыжком переносясь через выплеснувшуюся из развалин таверны мутно-жёлтую, шелестящую множеством ног волну. Вороной взревел, словно его дикий сородич во время гона, и помчался так, что в ушах Алиедоры засвистело.

Она ещё нашла в себе силы оглянуться, увидеть, как жёлтый прилив одного за другим настигал бегущих и как они опрокидывались, иные молча, иные с отчаянными воплями – очень быстро, впрочем, пресекавшимися.

Потом оглядываться она перестала. Дорога неслась навстречу, ветер зло хлестал по лицу, из глаз катились слёзы.

Славно встретила тебя родная меодорская земля, благородная доньята Алиедора Венти.

Конечно, к закату жуткие твари передохнут сами, опрокинутся все, как одна, на спину и умрут, слегка подёргивая конечностями. Но пока это случится, они успеют добраться до окрестных хуторов и охотничьих избушек, до недальних деревенек; страшный круг будет расширяться, словно впитывая солнечные лучи, обращая их в смертное проклятье; и только благословенные Гончие, небесные враги всякой нечисти и бесовской твари, положат предел кровавому пиршеству.

Только теперь Алиедора заметила, что в правой руке по-прежнему зажат окровавленный тесак, – как она взлетела на спину гайто, как правила им одной левой рукой – поистине неведомо.

…Наконец утомился даже могучий жеребец, пошёл тяжким шагом, опустив голову и поводя боками. Эдак тебя и загнать недолго, всполошилась доньята. Страх лишиться скакуна вытеснил всё остальное, даже ужас от совсем недавнего. По сравнению с едва не случившимся в таверне плётка и верёвки Байгли казались невинными развлечениями.

Алиедора спешилась. Доньята вела гайто в поводу, пока не услышала журчание ручья. Рядом с потянувшимся к воде жеребцом она упала на колени, долго и жадно пила.

Сколько ж всего случилось за последний день!

Празднество в Деркооре; закрывающаяся за ними с Байгли Деррано дверь свадебного покоя; вдруг перекосившееся, оскотинившееся лицо мужа, что прежде казалось ей порою даже и привлекательным; верёвка, захлестнувшая её запястья; свист плети, обжигающая боль, от которой темнеет сознание; её жалкие стоны и мольбы о пощаде…

На этом месте благородная доньята заскрежетала зубами. Посягнувшие на неё бродяги в «Побитой собаке» уже заплатили жизнями; а вот Байгли…

Конечно, потом, когда ей удалось убедить его, что она готова стерпеть всё, что угодно, когда он таки развязал ей руки, чего требовала какая-то его очередная «игра», донельзя для неё болезненная, она, доньята Алиедора Венти, от души угостила благоверного каминной кочергой. Жаль только, голову не проломила, лишь оглушила на короткое время. Его только-только и хватило, чтобы одеться, отыскать кошель да свести лучшего скакуна из стойл сенора Деррано.

Нет, Байгли за всё заплатит. Она ещё с ним потолкует, со

своим «муженьком», потому как формально она уже не доньята Венти, а младшая донья Деррано.

– Ну, милый мой, готов? – Она подошла к жеребцу, погладила чешуйчатую морду. Большие фиолетовые глаза воззрились на неё, как ей показалось, преданно, хоть и устало. – Понимаю, понимаю, плохо тебе. Но ничего, так быстро скакать уже не нужно. Мы с тобой тихонечко… шагом так…

* * *

Алиедора и её верный гайто продвигались всё дальше и дальше на северо-восток, снова выбравшись на оживлён– ный тракт. Здесь доньята бояться совсем перестала – чуть не каждые три лиги попадался дозорный пост королевских рот. Беглянка косилась на добротные вышки и бревенчатые частоколы, провожала взглядом важных сержантов в полном доспехе.

Вот только почему ж вас, таких бравых, не оказалось возле «Побитой собаки», о которой каждый путник знает, что это разбойничий притон?!

Вечером она, едва держась в седле, остановилась возле благопристойного трактира прямо возле сторожевой вышки ротников Меодора. Наученная горьким опытом, входила осторожно, стараясь поменьше попадаться на глаза.

Оборванцев и побирушек тут, как ожидалось, оказалось куда меньше. Зато куда больше – весёлых девушек с донельзя низкими вырезами на расшитых по вороту и обшлагам цветами блузах.

Девушки пересмеивались с заполнявшими трактир ротниками, свободными от службы, сидели у них на коленях и только с готовностью хихикали, когда кто-то из наёмников запускал пятерню им за пазуху.

Благородная доньята Алиедора Венти гордо задрала нос и прошествовала мимо сего непотребства.

…Она не успела устроиться в уголке, не успела донести до рта первую ложку с дымящейся похлёбкой, как на скамью прямо против доньяты тяжело плюхнулся немолодой краснорожий сержант – без доспехов, но при мече и прочих причиндалах.

– Почему одна скучаешь, красотка? – Сержант с шумом отхлебнул пива, грохнул кружкой о стол. – Здесь у нас скучать не принято.

– Покорнейше прошу меня оставить. – Как учили, Алиедора не повернула головы к хаму. – Я благородная доньята Алиедора Венти, и мой отец…

– Ха! Ха-ха! Слышь, что несёт! – гоготнул краснорожий

сержант. – Благородная доньята, на себя посмотри!

– Что тут у тебя, Хён? – осведомился другой сержант, проходивший мимо. – Упирается? Плюнь, тут других хватает.

– Не, с той, что упирается, оно завсегда интереснее, – названный Хёном перегнулся через стол, приподняв голову Алиедоры за подбородок. – Ишь, дикую разыгрывает!

– Отойди! – завизжала Алиедора. Что же это за кошмар, уже второй раз, второй раз уже…

Тесак сам оказался в руке. Несколько ротников, с любопытством наблюдавших за развитием событий, от души расхохотались.

– Глянь, какая колючая!

– Угу, ёрш, да и только!

– Давай, Хён, давай, такие знаешь как горячо любят?!

Но краснорожий Хён не нуждался в подначках. Однако, прежде чем жилистые пальцы сержанта вцепились ей в плечи, Алиедора бросилась наутёк, оставив на столе почти нетронутую похлёбку.

Вслед ей нёсся дружный хохот.

Да что ж это такое, что?..

По лицу катились слёзы. Гайто едва шагал, никем не понукаемый.

«Что во мне такого? Чего они ко мне цепляются, словно обезумев? Конечно, королевские ротники не то что сброд из «Побитой собаки»… но кончилось бы одним и тем же».

Конечно, раньше благородная доньята из славного рода Венти никогда не путешествовала в одиночку, только с внушительной свитой. Ей не приходилось ни о чём заботиться, но… чтобы вот так в трактирах кидались на любую девушку, оказавшуюся почему-то в одиночестве?..

Ночевала она в лесу. Живот сводило от голода. Хорошо, помог жеребец – лёг на бок, пристально взглянул, мотнул мордой, словно приглашая прижаться к гладкому и тёплому боку.

– Спасибо тебе, – прошептала Алиедора, гладя скакуна по чёрной «броне». Тот призакрыл глаза от удовольствия, словно шерстистик, – недаром говорят, что гайто чувствуют сквозь чешую всё, что хотят, а вот боль до некоего предела могут и совсем не замечать.

Жеребец коротко всхрапнул, мол, ладно, чего тут говорить. Спи, доньята.

Поутру они двинулись дальше, и теперь Алиедора старалась вообще никуда не соваться. На большом рынке наконец купила поесть, накормила скакуна отборным зерном. Здесь, к счастью, на неё только глазели, а когда пара подозрительных типов стала

осторожно, шажок за шажком подбираться, доньята тотчас вскочила в седло. И тут краем уха уловила пронёсшееся над толпой тревожное:

– Гниль! Гниль высыпала! Гниль прорвалась!..

– Где?! Да где же?

– Где – да у Коррика на постоялом дворе. В «Недорезанном поросёнке».

– Там же застава рядом!

– Была застава. Больше нету…

По спине Алиедоры покатился холодный пот, взор помутился. Что такое? Гниль? В «Недорезанном поросёнке»? Ну да, именно так ведь назывался постоялый двор, где бравый сержант Хён пытался её, скажем так, очаровать.

Второй раз Гниль ударила совсем рядом с нею. Второй раз. И это не могло быть случайностью. Как не могло быть случайностью то «чудесное» спасение на капище Семи Зверей.

Что-то с нею происходит. Что-то очень важное – и очень страшное.

Домой. Скорее. Домой. Быстрее ветра! А там всё будет очень хорошо…

Стоп. А что, если, Алиедора задрожала, она ведёт за собой эту самую Гниль? Нет, нет, не может быть! Это, это… Из глаз полились слёзы, жеребец сам собой выбрался с рынка, сам пустился по наезженному тракту.

Нет, нет, нет. Она не может, никак не может вести за собой это бедствие. Она ведь уже давно уехала из этого «Поросёнка», а прошлый раз, в «Собаке», Гниль ударила сразу. Это просто совпадение, дикое, чудовищное, но просто совпадение.

Домой, скорее. Там найдётся кому помочь. Фра Шломини, мэтр Диджорно, а если не хватит – есть орден Чаши, есть орден Солнца, к отцу там прислушаются, там помогут…

«Ой, не обманывай себя. – Алиедора до боли прикусила губу, ощутила вкус крови. – Не обманывай себя – если заподозрят в «ведьмовстве», сожгут сразу и ничего даже не спросят. Да ещё и станут пытать, вызнавая имена тех, кого ты «совратила» и кому «Гниль в утробу подсадила».

Нет, нет, нет! Никому о Гнили она и слова не скажет. Только про Байгли и его плётку. Папе и этого будет достаточно.

Теперь доньята не мешкала и нигде не задерживалась. Ночевала в лесах – глухие чащобы казались безопаснее людских поселений, – пока наконец не выехала на широкую дорогу, ведущую на запад через Сашэ и Бринтон к самым Реарским горам и за них, в Державу Навсинай, а на северо-восток прямо к замку Венти, стоящему на берегах неглубокого, но чистого и

изобильного рыбой Роака.

К родному дому…

* * *

Дигвил Деррано зло хлестнул плёткой по голенищу. Деревенщина меодорская! Его, будущего сенора Деррано, деверя их собственной дочери, не принять немедленно! Конечно, усадили в почётном покое, подали вина, но тем не менее, тем не менее! Конечно, Венти род известный и влиятельный, эвон, и к бра-дону генеральному стряпчему дорожку имеют, а всё равно – деревня деревней. Это ещё надо разобраться, откуда их дворянство пошло…

А, ну вот, наконец-то. Ишь, лакей-то у нас ливрейный, с гербом на пузе, гербом на спине, на рукавах и фалдах… только на заднице нет, а то хорошо бы смотрелось.

– Дигвил! – Отец Алиедоры, благородный сенор Венти, поднялся с резного кресла, шагнул навстречу, распахивая медвежьи объятия.

Был сенор невысок, кряжист, широкоплеч и по молодости, говорят, в одиночку ходил на горных диких великанов. В кабинете стоял накрытый стол, угощения – ревниво взглянул дотошный Дигвил – соответствовали. Нет, всё-таки не совсем деревенщина.

– Премного рады видеть тебя в скромном нашем обиталище, – благодушно рокотал сенор, хлопая молодого Деррано по плечу так, что тот аж присел, хотя не был обижен ни силой, ни статью. – Удивлены, признаться, удивлены, но и обрадованы безмерно! Верно, привёз ты нам вести? Благодарим, благодарим сенора Деррано, что прислал старшего сына, уважил нас, большую честь оказал.

– Грм… – Так, значит, беглянка тут пока не появлялась. Всё как Дигвил и рассчитывал. – Благородный сенор Венти… я прибыл с горестными вестями. – Надо брать быка за рога.

– С горестными? – насупился хозяин. – Что случилось? Все ли здоровы в замке Деррано? Не стряслось ли чего… с дочерью нашей?

– Стряслось, благородный сенор.

– Ох… – Надо же, аж пошатнулся! Отец семерых девчонок! Уж казалось бы, ну что тебе эта Алиедора? С двенадцати лет в воспитанницах, отрезанный ломоть! – Дщерь наша… она жива?

– Жива и здорова, сенор Венти. Насколько я знаю. Последний раз, когда я её видел, была более чем жива.

– Сядь. – Брови старого хозяина замка Венти изломились с мукой. – Рассказывай по порядку, Дигвил, дорогой.

– Значит, благородный сенор, дело было так…

* * *

Едва унялось бешено бьющееся сердце. С самого утра оно так и прыгало в груди – когда пошли с детства знакомые места. Здесь она училась ездить на гайто. Здесь купалась с подружками. Здесь ходили по ягоды с нянюшкой. На этот пожжённый грозою остролист лазали с сёстрами, сидеть в удобной развилке, глазеть на большую дорогу, где всегда столько всего интересного!

А вот и башни самого замка, кольцо старых стен, обрывистый берег Роака возле самых бастионов – там, знала Алиедора, пролегли подземные ходы и тайные колодцы, так что случись осада, защитники Венти не будут мучиться от жажды.

«Сколько ж я не была тут? Четыре года, да, верно, четыре больших круга. Дом, дом, милый дом, как же я, оказывается, по тебе скучала!»

Усталый гайто встал у ворот, опустив голову. Выбился из сил, бедняга. Ничего, теперь у тебя будет лучшее стойло и самая лучшая кормёжка и вообще всё, что только есть лучшего в конюшнях моего отца.

Тяжёлые створки, как и полагалось, были заперты. Где-то там, внутри, пониже засова – старательно накорябанная ею, благородной доньятой, надпись, повествующая всем встречным и поперечным о том, что Зизика, старшая сестра, есть змея подколодная, ябеда и подлиза.

Алиедора чуть улыбнулась воспоминаниям. Нагнулась к окошечку, требовательно постучала.

– По какой надобности? – хрипловато осведомился голос привратника, и сердце беглянки заколотилось ещё быстрее. Нет, дома всё осталось по-прежнему, и старый Пенерт на своём месте, в воротной будке.

– Это я, я, Алиедора! – Ой, кажется, она сейчас разревётся…

– Доньята Али?! – раздалось поражённо. – Ом всемогущий, радость-то какая… да только…

– Что «только»?!

Засов заскрипел, отъезжая в петлях.

– Братец ваш, благородная доньята… сегодня утром прискакали сам-третий… наследник сенора… молодой дон Деррано… дон Дигвил…

У Алиедоры вырвалось яростное шипение. Ну конечно. Дура,

как она могла решить, будто клан Деррано вот так легко и просто откажется от неё?! Конечно, прислали Дигвила, он-то поумнее. И дорога у него наверняка была как шёлком выстелена. Уж он-то небось с Гнилью не сталкивался!

– Так ты пустишь меня или нет?!

– Виноват, виноват, благородная доньята Али, стар стал, ослаб, не так расторопен…

Створки наконец распахнулись, и Алиедора едва не покачнулась в седле, увидав до слёз знакомый двор замка.

Бородатый и седой Пенерт, служивший привратником столько, сколько беглянка помнила себя, заискивающе кланялся и улыбался, не сводя с «молодой госпожи» преданного взгляда.

– Когда же приехал… Дигвил?

– Да только что, только что, нынче поутру и сразу ж, как я слыхал, к его светлости пошёл… Доньята Али, простите старика, вас на руках носившего, не стряслось ли какой беды?

Да, Пенерт был старым и верным слугой. Недоброугодно отвечать таким презрением, хотя мог бы сообразить и сам.

– Мой муж тяжко оскорбил меня, Пен. Я вернулась домой.

– Ох, ох, как и думал, как сердце-то мне и говорило! – всплеснул руками привратник. – Поверите ль, доньята Али, вот как есть скажу. Только этого Дигвила завидел, сразу решил – дурные дела творятся… Ну, ничего, ничего, доньята, дайте вам стремя-то подержу по старой памяти… Ах, выросли-то как да похорошели, доньята, простите старика за эти речи…

– О чём ты, Пен? – Алиедора приобняла старого привратника, былого поверенного всех её детских проказ. – Пошли лучше весть маменьке. И распорядись, чтоб скакуна моего обиходили, он меня от погони спас, когда Деррано за мной целую ночь гнались…

– Гнались?! – ахнул Пенерт и сжал кулаки. – Ах, они, шаромыжники, мошенники, чего удумали! Сейчас, доньята, сейчас. Эй, малец, Фабьо! Одна нога здесь, другая там, гони к госпоже, скажи, что молодая доньята Алиедора вернулась! И поварам на кухне скажи, что вернулась она голодной! И конюхов сюда пару! Всё понял? Или подзатыльником подтвердить?

– Не надо, дядюшка Пенерт, всё сделаю! – звонко откликнулся дворовый мальчишка и умчался – только пятки засверкали.

«Я дома, – подумала Алиедора, оглядывая двор сквозь навернувшиеся слёзы. – Я дома».

* * *

– Значит, так оно и было, дон Дигвил?

Под пристальным взором старого сенора Деррано поёжился. Он рассказал всё как было. Ну, или *почти* как было, не умолчав ни о кочерге, ни о сведённом с конюшен жеребце. Он даже *почти* не щадил своего дурного братца, с сожалением, вздохами и разведением рук признавая, что да, Байгли может порой оказаться «несносен». Но бежать в брачную ночь, огрев законного мужа по голове так, что тот свалился без чувств и с громадной шишкой, нанеся столь тяжкое оскорбление всему роду Деррано!

– Понимаю твоё возмущение, дон, и возмущение твоего благородного отца. Но сердце моё полно и тревоги за неразумную мою дочь. Куда она исчезла? Что, если попала в беду?

– Я думаю, сенор Венти, что направиться молодой донье Деррано некуда, только сюда, в родные стены. Я надеюсь, что она сразу же будет отослана обратно, с должным отеческим внушением, чего следует, а чего не следует делать молодой жене благородного дона.

«Гм, кажется, это я сплоховал, ошибся. Ишь, боров старый, сдвинул брови. Сдвигай-сдвигай, закон на нашей стороне. А следы от плётки надолго не останутся. И что тогда будешь делать, сенор Венти?»

– Что там за шум? – Хозяин недовольно взглянул на двери.

Высокие двойные створки распахнулись, и в кабинет благородного сенора, в святая святых замка, ворвалась целая толпа – с криками, гомоном, хохотом, плачем и объятиями. Вихрь крутящихся платьев, зелёных ливрей, мальчишки, девчонки, какие-то старушки, ого, сама хозяйка, донья Венти, а в сердце этого непотребства…

Разметавшиеся вьющиеся пряди, жёсткие и чёрные как смоль, горящие большие глаза, истёртая, перепачканная мужская одежда, тесак на бедре…

«Я был прав, – подумал Дигвил, невольно выпрямляясь. – Куда ж тебе ещё деваться, курочка ты наша. Примчалась сюда, в родные пенаты…»

На миг он пожалел, что не устроил засады поблизости от замка. Но, во-первых, кто же мог ожидать, что беглянка доберётся до дома так быстро? И потом – она знает тут каждую тропинку, а люди в цветах Деррано, засевшие на меодорских землях, во владениях влиятельного клана Венти, – это повод, гм, для многих не шибко приятных вещей.

– Алиедора, – выдохнул старый сенор.

– Папа, папочка!

– Гертрем, Али вернулась!

– Пап, Алька тут, у нас!

– Пап, она… её там…

– Эхем! – Дигвил поднялся, внушительно прокашлявшись. Наступила внезапная тишина. – Благородная донья Венти, благородный сенор. Всё разрешилось ко всеобщему удовлетворению. Молодая донья Деррано цела и невредима. Полагаю, теперь ничто не помешает нам с ней немедля отправиться туда, где её настоящий дом, где её ожидает законный муж и…

– Заткнись! – вдруг выпалила Алиедора, и Дигвил, опешив, заметил блеск тесака в руке беглянки. – Заткнись! Знаю, зачем ты здесь, – братца спасать, его покрывать?!

Дигвил невольно отшагнул к стене, положив руку на эфес.

– Отец! Маменька! – Голос Алиедоры звенел. – Велите всем выйти. Кроме него! – Остриё тесака смотрело прямо на Дигвила.

– С каких это пор в почтенном и благородном семействе сеноров Венти забыли об уважении к гостю? С каких это пор девчонка распоряжается мужами? – Дигвил цеплялся за соломинку.

Под грозными взглядами отца и матери стайку молодё– жи вихрем вынесло за дверь, туда же отправились лакеи и прочая прислуга. В кабинете сенора Венти осталось четверо: он сам, донья Венти, Дигвил Деррано и Алиедора, не опускавшая тесака.

– Смотрите. – Беглянка решительно сунула клинок в ножны и распустила завязки на куртке. – Смотрите, маменька. Смотрите, батюшка. Вот кому вы отдали меня в жёны!

Дигвил предусмотрительно отступил ещё на шаг – теперь уже поближе к двери, горько жалея сейчас, что оба его ловчих – крепких и бывалых – остались в людской.

– Смотрите! – Голос Алиедоры ломался от еле сдерживаемых слёз.

Она в упор прожигала взглядом деверя, прижимая к груди скомканную и спущенную с плеч рубашку.

Донья Венти охнула и задохнулась, прижав ладонь ко рту; сенор Венти издал глухое и яростное рычание. Прежде чем он повернулся к Дигвилу, тот выдвинул меч уже до половины.

– Ты! – проревел почтенный сенор. – Отвечай! Что это такое?

– Где? Чего? Ничего не вижу, простите милостиво. – Дигвилу потребовалось всё его хладнокровие.

– Ничего, маменька, батюшка, я ему покажу. Чай, – по лицу Алиедоры расплывалась какая-то изуверская ухмылка, – он мне не чужой.

«…Да, братец, – отрешённо подумал Дигвил, глядя на исполосованную кровавыми рубцами белокожую спину. – Учинил ты. Тебе мало было свежего молодого тела? Непременно надо

было исхлестать? Иначе ты не можешь? Тьфу, пропасть, не будь ты моим братом…»

– Муж может учить жену свою, – услыхал Дигвил свой собственный, показавшийся донельзя противным голос. – То записано во всех книгах, и таков обряд. Донья же Алиедора Деррано мужниной воле не подчинилась, чем привела его в законное…

– Молчать! – взревел сенор Венти, и Дигвил даже с каким-то облегчением услыхал шелест обнажаемой стали. – Молчать, ублюдок и брат ублюдка! Да как посмел ты явиться на мой порог?! Вы опозорили отца своего, досточтимого сенора Деррано!

– Позорит честное имя сенора кое-кто другой, обзывая гостя поносными словами и грозя оружием, – процедил сквозь зубы Дигвил. Ему оставалось только одно – затеять ссору и прицепиться к словам разъярённого, словно дикий вепрь, хозяина замка Венти. – Позорит честное имя тот, кто, не вникнув и не выслушав, готов…

Но тут на него молчаливой фурией надвинулась сама донья Венти, и в глазах её читалась такая ярость, что Дигвил вновь попятился, мигом позабыв о наполовину обнажён– ном мече.

– Вон отсюда, щенок, – тихо процедила донья сквозь зубы. – Вон, покуда муж мой не велел затравить тебя нашею сворой. А отцу своему передай – у него дрянь, а не сыновья. Позор на его седины, что не сумел объяснить, что такое хорошо и что такое плохо. Убирайся!

– Никто не может безнаказанно поносить наследника рода Деррано! – Кровь бросилась Дигвилу в голову. – Ответишь за эти слова, женщина!

– Вот-вот. Род Деррано, похоже, умеет требовать ответы только с безоружных женщин. – Сенор Венти вдруг оказался рядом, и достойная горного великана лапища впилась Дигвилу в плечо. – Моя жена уже сказала тебе – вон отсюда. Хочешь, чтобы я вышвырнул тебя в грязь перед всею дворней?!

– Мой отец этого не простит! – в отчаянии взвыл Дигвил.

– Твой отец… ха! В первую очередь мы не простим, мы, род Венти!

Дигвила потащили к двери – силища у отца Алиедоры оказалась поистине великанская.

– Пшёл вон!

Кое-как одёрнув перекрученный, сбитый на сторону камзол, Дигвил выбрался во двор, ни на кого не глядя, бросился к стойлам.

– Эй, ты! – рявкнул он на подвернувшегося конюха. – Моих людей сюда, живо!

…Когда они втроём выезжали из ворот замка Венти, вслед Дигвилу кто-то метко швырнул комок грязи, угодив между лопаток. Наследник рода Деррано выругался, посулившись спалить это проклятое гнездо дотла, перевешав при этом на башнях всех его обитателей.

Вышколенные ловчие не задали молодому господину ни одного вопроса.

* * *

…Алиедора проснулась – в своей старой постели, под знакомым до мельчайших деталей балдахином. Маменька тут так ничего и не поменяла, словно ожидая все эти годы, что дочь вернётся.

Всё прошло, как тому и следовало. Ни маменька, ни батюшка не выдали, не отдали её этому проклятому Деррано – на муки и погибель, трагически подумала она. Защипало глаза, себя стало очень жалко. Вчера всю спину беглянки до позднего вечера умащивали всевозможными снадобьями, натирали мазями и накладывали смоченные отварами повязки. Суетилась старая нянюшка, охали и ахали сестрички, братья же скрежетали зубами и состязались в изобретении новых и новых способов дать Байгли почувствовать, что это значит – гнев оскорблённого рода Венти. Отец послал к вассалам, домашний секретарь мастер Лейвен изложил цветистым слогом жалобу досточтимого сенора его величеству королю Меодора, его величеству королю Долье, его высокопреосвященству кардиналу Уштильскому, в чьей власти было свершить обряд расторжения постылого брака; а также и родственнику сенора, его досточтимости бра-дону Фрамаццо, генеральному стряпчему его величества Семмера, владыки Долье.

Но все эти подробности Алиедору занимали мало. Она вернулась домой, а остальное уже не имело значения.

О Гнили, «Побитой собаке» и «Недорезанном поро-сёнке» она и думать забыла – молодая память милосердна.

Глава 3

Это было замечательное лето. Алиедора наслаждалась каждым днём, каждым мигом; каждым домашним обедом, каждой тарелкой с испечёнными няней её любимыми пирожками. Прослышав о случившемся, срочно приехали замужние сёстры Келеайна и Андреа, привезли детишек, и Алиедора училась быть «тётушкой». Она и думать забыла про род Деррано – папа выгнал этого противного Дигвила со двора, теперь уж больше не сунутся. А потом его преосвященство, конечно же, освободит её от данного слова, а там… Сердце сладко заходилось.

Прошло четыре седмицы чистого незамутнённого счастья, пока у ворот замка Венти не затрубили рога.

Вместе с остальными домашними похолодевшая Алиедора смотрела, как во двор въезжает внушительная процессия – почти пять десятков вооружённых людей в цветах и под стягом рода Берлеа.

Вся семья, а также фра Шломини, мэтр Диджорно, мастер Лейвен собрались в большой зале. Несмотря на летний день, жарко пылал камин, у дверей застыли парные караулы лучших мечников замка Венти; и ещё внушительный отряд ожидал поблизости.

Прибывшие из Берлекоора выстроились в ряд, вскинув каждый правую руку в торжественном салюте. Мимо них в сопровождении мальчика-пажа прошествовал молодой рыцарь с гербом на груди: синяя змея высунула голову из вод огненной реки.

Род Берлеа тоже прислал старшего сына, но уже куда более официально.

– Достопочтенный и многодостойный сенор! – Посланник слегка поклонился, как старшему годами, но не положением. – Наш род, род Берлеа, облечён доверием рода Деррано, со владениями каковых граничат наши земли, выступить посредниками и миротворцами в нелепом раздоре меж благородными семействами.

Высокорожденный сенор Деррано готов забыть нане– сённую его старшему сыну и наследнику титула обиду, если высокорожденный сенор Венти не станет чинить препятствий к осуществлению благородным доном Байгли Деррано своих прав мужа в отношении жены его, доньи Алиедоры Деррано, и немедля отпустит с подателем сего послания вышеречённую донью Алиедору для препровождения к законному супругу…

Алиедора едва усидела и едва подавила яростный выкрик,

когда наследник Берлеа гордо выпрямился, окинув семью и домашних Венти высокомерным взглядом.

– Благодарю род Берлеа за взятый на себя труд, – мрачно проговорил отец доньяты. – Однако ж должен сказать, что никто и словом не упоминает о тех побоях, что претерпела моя дочь, едва отойдя от алтаря. Никто не говорит об оскорблении, нанесённом *моему* роду!

Рыцарь изящно поклонился.

– Кто рассудит, что случилось в спальне меж супругами, когда за ними закрылась дверь? Один лишь Ом Прокреатор. Не стоит в это вмешиваться. Так считает род Деррано, так считает мой благородный отец. Тем более что рубцы, если они и имели место, уже сошли. А оставленный законной женою законный муж – никуда не денется.

У Алиедоры всё сжалось внутри. Да, рубцов уже почти не видно. Скоро совсем исчезнут. И что тогда?

– Мне достаточно того, что видел я, – резко бросил отец. – Что видел его преподобие фра Шломини. Что видел многоучёный мэтр Диджорно. Что видела моя благородная супруга. А видел я следы беспощадных побоев. Я своих нерадивых серфов так не наказываю!

– Если наказание было столь жестоким, как же благородная донья Деррано смогла добраться до замка Венти? Ей следовало бы лежать без сил после такой порки! – возразил посланец.

– Когда тебя так бьют, бывает, что и не знаешь, откуда силы берутся! – парировал отец. – Моя дочь останется здесь. Я уже обратился к его высокопреосвященству с просьбой разрешить доньяту Алиедору от всех данных ею клятв.

– Благородный сенор Деррано, предвидя это, также обратился к его высокопреосвященству. А также прибег к суду его величества короля Семмера, владыки Долье.

– Королевский суд Долье не может судить мою дочь!

– Благородный сенор Деррано, предвидя и это, просил передать, что, пока брак не расторгнут особой энцикликой его высокопреосвященства, донья Алиедора Деррано остаётся подданной его величества короля Долье со всеми вытекающими последствиями, в том числе – подсудностью его слову.

– Уж не хочешь ли ты сказать, – сенор Венти грозно поднялся, – что его величество Семмер самолично явится сюда устанавливать свою волю? Здесь земли иного королевства!

– Сие мне ведомо, – поклонился посланец. – И сенор Деррано уполномочил меня обратиться также к его величеству Хабсбраду Меодорскому с мольбой о споспешествовании правосудию.

– Достаточно, – потемнел лицом сенор Венти. – Ты говорил

довольно, дон Берлеа. Ныне же прошу тебя покинуть мой замок.

– Не премину исполнить волю хозяина, – поклонился рыцарь. – Но сперва хотелось бы всё же узнать ответ благородного сенора.

– Мой ответ: нет, нет и ещё раз нет! – зарычал отец Алиедоры, вскакивая. – Мы были добрыми соседями с родом Берлеа и твоим благородным родителем, Астимусом. Но принятая родом Берлеа сторона не оставляет мне иного выбора, как указать тебе на дверь, дон.

– На всё воля хозяина дома сего, – с показным смирением поклонился рыцарь и двинулся к двери.

– Алиедора! – гаркнул отец, едва за посланником закрылись створки. – Мы едем. Немедля. В Меодор, к королю…

* * *

Последующие дни оказались все заполнены безумной скачкой. Перевернув вверх дном весь дом, сенор Венти ещё до заката выехал с дочерью, ловким в крючкотворстве мастером Лейвеном, имевшим диплом также и стряпчего, и двумя дюжинами рыцарей стражи по широкому тракту на север, к Артолу. Через Ликси вышло б куда короче, однако старый сенор не хотел рисковать и чрезмерно приближаться к пределам Долье.

…В столице Алиедора в полной мере ощутила себя просто безвольной куклой. Аудиенция у королевского мажордома. Аудиенция у его преосвященства епископа Меодорского. Аудиенция у вдовствующей королевы-матери с демонстрацией её величеству следов от нанесённых побоев. И, наконец, приватная аудиенция у его величества.

К тому моменту у Алиедоры в голове уже всё смешалось. Разубранные шёлком и бархатом покои с тяжёлым ароматом от горящих курильниц; ковры и гобелены с прекрасными дамами и коленопреклонёнными рыцарями; кувыркающиеся на их фоне карлы, горбуны, шуты, отпускавшие такие шуточки, что Алиедора вся заливалась краской; шеренги королевских рот, на которые с неодобрением косился отец, кратко пояснив, что его величество, наверное, совсем не доверяет своим верным вассалам, если тратит такие деньги на содержание наёмного войска.

Его преосвященство, сухой остроносый старик с масленым взором и холодными, словно костяными пальцами, куда дольше, чем следовало бы, по мнению Алиедоры, трогавший её обнажённую спину; её величество вдовствующая королева-мать, задававшая Алиедоре такие вопросы, от которых доньята

краснела ещё пуще, чем от шуточек королевских карликов и карлиц; долгое ожидание отца, пропадавшего дни и ночи напролёт, всё говорившего, говорившего и говорившего с другими сенорами, с приближёнными его величества, с его преосвященством – и снова с приближён– ными…

Так прошло полтора месяца, и лето, как говорили серфы, «показало спину». Алиедора скучала в огромном доме, принадлежавшем сенорам Венти; как «мужняя жена», она не могла никуда выходить одна, а его высокопреосвященство что-то не торопился разрешить её от уз постылого брака.

И отец… что-то он не становился веселее, а с каждым днём всё дольше просиживал с мастером Лейвеном и другими столичными стряпчими, составляя свиток за свитком.

Без малого шесть седмиц Алиедора провела в столице, а получается, что и вспомнить нечего, кроме разве что походов в торговые ряды, да и то всё удовольствие портил топавший по пятам за нею отряд из десятка слуг, вооружённых до зубов.

…Но всему приходит конец. Пришёл он и ожиданию.

В тот вечер отец вернулся рано и молча обнял дочку.

– Едем домой, благородная доньята. Его величество преклонил-таки слух к нашей просьбе, даровал защиту, решив, что ты неподсудна королю Долье.

– Урра!

– То-то же, что ура, пострелица… Его величество решил, что наша честь, честь рода Венти, оскорблена и что мы можем искать удовлетворения любыми доступными нам методами.

Этого Алиедора не поняла.

– Если эти свиньи Деррано сунутся к нам – получат, да так, что покатятся до самого своего Деркоора! – Сенор грохнул кулаком по столу. – Будем воевать, если надо!

* * *

В замке Венти их ожидала торжественная встреча.

– Ох, истомились мы тут, дочка, вас с отцом ожидаючи! – плакала маменька, обнимая вернувшуюся Алиедору. – Деррано, говорят, злые-презлые ходят, после того как король-то наш, дай Ом ему здоровья, разорвал их претензии да на пол кинул. Они-то, Деррано, чего удумали – к своему королю кинулись, а тот и присуди, мол, тебя надлежит вернуть к мужу. Мыслимо ль такое, дочка? Мол, ты есть подданная дольинского престола и подлежишь выдаче…

– Пустяки, мама. Кто ж меня отсюда выдаст-то?

– Никто, доченька. Никто и никогда.

* * *

«Показав спину», короткое северное лето на берегах моря Тысячи Бухт быстро пошло на убыль. Зелень окрестных лесов продёрнуло золотом, когда у ворот замка Венти вновь раздался рог посланца.

– Благородный род Деррано, – на вестнике была одежда королевского гонца и крупные гербы престола Долье, – последний раз шлёт роду Венти призыв внять слову благоразумия. Честь рода Деррано оскорблена, ей нанесён тяжкий урон. Поэтому род Деррано считает себя вправе, в случае дальнейшего неподчинения королевскому суду Симэ, взять на землях рода Венти то, что будет благоугодно владетелям Деркоора, и в этом их поддерживает его королевское величество Семмер, правитель Долье!

Королевского гонца не вытолкаешь взашей, пусть даже он служит чужому правителю.

– Засвидетельствуй его королевскому величеству моё наиглубочайшее почтение. – Сенор Венти тщательно подбирал слова. – Но, являясь верным слугою моего короля, его величества Хабсбрада Меодорского, изрекшего своё слово, не могу подчиниться воле престола Долье. Если же род Деррано вздумает, в безумии своём, чинить непотребства на моих землях – ему будет дан отпор, да такой, что не скоро забудут!

– Я передам сии слова моему владыке, – бесстрастно ответил гонец, кланяясь и пятясь к двери.

– Папа, что же будет? – пристала Алиедора к мрачному, как ночь, отцу.

– Что будет, что будет… война, вот чего, дочка. Видать, давно и Хабсбрад, и Семмер ждали только повода вцепиться друг другу в глотки. Ох, чую беду… ну да надеюсь, до этого не дойдет. У Долье-то Некрополис за плечами, не осмелятся на нас всей силой лезть; а с наглецами Деррано, если что, мы и сами управимся.

«Управимся», – сказал отец. Расправил плечи и ушёл.

Алиедора если и встревожилась, то самую малость и совсем ненадолго. В конце концов, наступала осень, серфы корзинами волокли в замок грибы и ягоды, матушка командовала на кухне, поставив к огромным плитам всех без исключения поваров и поварят, варенье варили даже во дворе на кострах. Приезжали и уезжали сёстры, к незамужним хаживали «достойные молодые люди», устраивались пиры с музыкой и танцами… а Алиедора так

и оставалась «женой дона Байгли Деррано», и долгожданный ответ от его высокопреосвященства всё не приходил и не приходил.

Серфы праздновали последний сноп – урожай в этом году выдался на славу, и даже прорыв Гнили в двух лигах от замка Венти никого особенно не напугал – случилось это достаточно далеко от селений, многоножки впустую пощёлкали челюстями, сожрав, как было донесено, «всего лишь» одного пастушка с отарой.

Всего лишь одного пастушка.

Алиедора радовалась вместе со всеми…

Осень, когда серфы закончат с жатвой, – время сведения счетов. Конечно, когда случались на берегах моря Тысячи Бухт большие войны, ничего в расчёт уже не принималось. Но мелкие ссоры до поры до времени решались именно так, «по-рыцарски», чтобы не наносить друг другу совсем уж тяжкого ущерба, после чего ссора могла перерасти и в настоящую кровную вражду, тянущуюся поколение за поколением.

Леса вдоль Роака ещё не сбросили листву, когда в замок пришла дурная весть – порубежная стража схватилась с отрядом вооружённых людей в цветах дома Деррано, перешедших пограничную Долье и «чинящих разорение» на землях рода Венти.

Нет, по залам и лестницам не металась перепуганная прислуга, не вопили женщины и не хватались за оружие мужчины. Это был замок Венти, здесь привыкли и не к такому.

…Отряд рыцарей и сопровождавших их конных стрелков длинной железной змеёй вылился на дорогу, круто свернув к югу.

– Скоро вернёмся! – крикнул отец, поворачиваясь к застывшим возле ворот жене и дочерям. – Покажем этим наглецам, где Семь Зверей зимуют!

Остававшаяся дворня махала руками, многие служанки, кухарки и прачки ревели в три ручья – среди конных стрелков к Долье уходило немало их мужей и, как принято было говорить, «дружков».

Алиедора тоже махала платочком. Она, само собой, «дружком» не обзавелась, хотя среди молодых рыцарей, вассалов дома Венти, попадались очень даже миленькие.

Война – не женское дело, повторяла себе Алиедора. Не женское. Нам остаётся лишь ждать вестей – хороших, разумеется.

* * *

Деревня горела. Медленно, лениво, чадно – с ней это

случалось уже не раз. Никто не крыл крыши соломой. Пламя словно нехотя лизало толстенные брёвна стен, во многих местах уже обугленных предыдущими пожарами. Народишко, правда, разбежался куда шустрее, уведя почти весь скот и, к особому сожалению доблестных воинов рода Деррано, вывезя почти всю брагу.

Зато поживились назначенными к продаже корчагами отборного мёда, сотканными в данный урок холстами, выделанными кожами, рогами лесных оленей – всё это можно продать не без выгоды.

Дигвил Деррано с удовольствием оглядывал нагруженные добычей телеги. Конечно, королевские роты Меодора могут попытаться преградить им путь у парома, но с ними-то он, дон Деррано, всегда договорится. Ротники умирать-то не спешат. Небольшой кожаный мешочек с камешками, добытыми на принадлежащих его дому приисках, – и его величеству Хабсбраду Меодорскому уйдёт подробный доклад, что, мол, воры убоялись вида доблестных королевских рот и в панике бежали за реку.

Убоялись, убоялись… Пока что боится сам хвалёный сенор Венти. Носа не кажет из своего неприступного замка.

Перед Дигвилом раскинулась широкая равнина, плавно понижающаяся к полноводной Долье. За спиной – поля, за ними лес, куда удрали трусливые серфы. Всё обычно, всё, как и должно быть. Вон скрывается в зарослях дорога, что ведёт к замку Венти, – придёт время, они прогуляются и туда. А пока – надо трогаться. Телеги медлительные, тягунов недостает…

– Эй, Байгли! Сколько ещё возиться будешь?! – гаркнул старший брат на младшего, возившегося в голове обоза. – Трогаться пора, пока из замка…

На дороге затрубили рога. Из-за леса один за другим появлялись всадники, сверкая сталью доспехов. На высоких и тонких пиках вились узкие прапорцы цветов дома Венти, попоны украшены гербами.

Дигвил сощурился и в свою очередь поднёс рог к губам.

«Ты оказался ещё глупее, чем я думал, старый дурак. Ишь, привёл сюда целое войско. Конные стрелки, рыцари твоего ближнего круга… давайте-давайте, скачите».

– Эй, Байгли. Не написай в штаны, у нас гости, – едко ухмыльнувшись, Дигвил поправил шлем. У него за спиной строились всадники да гремели цепи на поспешно сцепляемых вместе телегах.

«Сейчас они остановятся, – думал Дигвил, презрительно кривя губы. – Начнутся разговоры, положенные благородным кодексом. Потом, возможно, вызов на «честный бой». Что я, не

знаю этого выжившего из ума глупца, помешанного на рыцарской чести?»

Конный строй меодорцев разворачивался медленно, торжественно и неторопливо. Кони под парадными попонами, словно всадники собирались не в бой, а к торжественному королевскому ристалищу.

Как там Байгли, не помер ли со страху?

Воинам рода Деррано не потребовалось много времени, чтобы составить телеги треугольником, опустить тяжёлые толстые боковины и замкнуть цепи. Пусть теперь атакуют, в такую крепость не вдруг пробьются даже големы Навсиная.

Перед обозом выстроились конные ряды, копья подняты. Деррано привёл с собой не рыцарей, более лёгкую кавалерию на отменных гайто, способных легко уйти, если надо, от тяжёлых и неповоротливых воителей в почти непробиваемой броне. Дигвил не мудрствовал лукаво – когда эти болваны из Венти кинутся на него всей массой, его конница раздастся в стороны, а засевшие в вагенбурге стрелки смогут бить в упор. Куда более подвижные всадники Деррано смогут зайти меодорцам в спину, прижать к тележной крепости, и тогда…

– На выкуп тебе не хватит всех богатств рода Венти, – зло прошипел Дигвил.

В самом деле – как они смели не подчиниться, эти меодорские дикари? Не подчиниться владыке Долье, его величеству королю Семмеру. А ведь он, Дигвил, сперва опасался бра-дона генерального стряпчего, его родственных связей с кланом Венти; однако вышло с точностью до наоборот, его светлость очень гневался и сам – устно, разумеется, – заверил отца, сенора Деррано, что престол в Симэ посмотрит сквозь пальцы на сведение счётов с Меодором.

Ну, построились вы там наконец или нет? Ага, кажется, готовы. Не прошло и года, как говорится. Что теперь? Пафосные вызовы? Поединки один на один?

Однако широко развернувшийся строй меодорских всадников, против всех ожиданий, молча качнулся вперёд, гайто, хоть и уступавшие скакунам знаменитых конюшен рода Деррано, пошли ходко.

Надо же, молча поджал губы Дигвил, неужто Венти поумнел на старости лет? Впрочем, это ничего не меняет. Большую часть расстояния меодорцы покроют шагом, сберегая силы скакунов, перейдут на рысь только перед самой сшибкой.

Он знал, в вагенбурге сейчас вскинуты сотни самострелов, несколько десятков аркебуз, за большие деньги купленных у навсинайцев под предлогом того, что Долье тоже как-то надо

сдерживать хозяев живых мертвецов. От аркебузных пуль не спасут даже гномьи доспехи.

Широкий фронт меодорцев надвигался. Нет, всё-таки странно, отрешённо подумал Дигвил, ни тебе вызовов, ни словес… словно настоящая война.

Он уже был готов взмахнуть рукой, давая сигнал своим всадникам отхлынуть в стороны, когда резко взвыл распоротый воздух, от наплечника отскочила арбалетная стрела. Прилетевшая совсем не с той стороны, откуда ждал опасности будущий сенор Деррано.

…Меодорские всадники появились разом со всех сторон. Два отряда конных стрелков выскочили из-за лесных кулис, отрезая воинству Дигвила дорогу к реке. Вскинули самострелы, высоко задирая их вверх; болты взмыли, описывая высокие дуги, ненасытными кривоклювами падая сверху на беззащитный вагенбург.

Взвыли первые раненые, кто-то метнулся под телеги, спасаясь от гибельного дождя, а кто-то – верно, самый умный – спешно бросился к лесу, пока смертельные тиски ещё не сомкнулись.

Дигвила прошиб пот.

– Байгли!

Но брат и так уже был рядом.

– Пошёл! Пошёл! Туда! – заорал старший Деррано, привставая в стременах и указывая на разрыв в сходящихся шеренгах меодорских всадников.

Вагенбург пусть управляется сам.

Конные стрелки сенора Венти провожали дерранцев стрелами, падали люди, спотыкались гайто, даже их броня не выдерживала удара закалённого стального острия; несколько всадников Дигвила повернули было, чтобы встретить рыцарей лицом к лицу, однако оказались лишь выбиты из сёдел, распластавшись под тяжёлыми копытами.

На составленные вместе телеги рыцари не полезли. Стрелки засыпали вагенбург арбалетными болтами, не утруждая себя поисками цели, а ответные редко находили жертву.

Отряд Дигвила успел доскакать до леса, прежде чем меодорцы замкнули кольцо. Лучшие воины уцелели. А обозники и пешцы… таких много.

* * *

Вестник примчался в замок, едва не загнав скакуна. Он не мог усидеть, он стоял в стременах, он вопил и размахивал

свитком.

– Победа! Победа! Победа!..

… – Побили мы их, значит, и прогнали, – захлёбываясь, рассказывал гонец сбежавшимся домашним. – Многих поймали, тех, что в обозе засели. Они-то, как завидели, что ихние конные драпанули, упираться не стали. Кому раньше времени ко Зверям отправляться-то охота? Сенор их сюда гонит.

– А что ж с ними потом? – опередила всех Алиедора.

– А что ж потом? Вестимо, отпустим за выкуп. Что ж тут ещё придумаешь?

* * *

Дигвил Деррано стоял на коленях, низко опустив голову, не в силах оторвать взгляд от змеившихся по каменной плите трещин. Рядом, столь же коленопреклонённый, застыл Байгли. Поднять глаза на отца не рискнул ни один из братьев.

– Вы опозорили славное имя рода Деррано, – яростно гремело где-то в недосягаемой выси над ними. – Вы бросили отряд. Бежали с поля боя. Трусы, а не мои сыновья.

Дигвил хотел возразить, но знал – ещё не время.

– А теперь этот подлец Венти рассылает по градам и весям издевательский пасквиль, высмеивая вас и понося моё имя! Над нами хохочут даже в Берлекооре! Не подают вида при встрече – но хохочут! Двести панцирников, столько же пешцев… разбежались! А Венти теперь требует выкупа за пленных! Угрожая продать всех на рудники Сабеано и Форшата! Ну, чего молчите, позор моих чресел?!

– Отец… – Дигвил не поднял взгляда, понимал – рано. – Отец, они напали предательски, не по-рыцарски… не вызвав никого на поединок, не сказав ни слова… просто напали, и всё тут…

– Ха! Просто напали! Кому рассказываешь, щенок?!

– Отец, я… я хочу сказать, что надо написать его величеству… Венти нарушил правила благородного боя…

– Ты хочешь, чтобы я опозорился ещё и перед коро– лём! – взревело в вышине, и Дигвил ощутил необоримое желание простереться ниц, плюхнувшись на пузо. – Нет, нет и ещё раз нет. Мы покажем этим жалким выскочкам, что такое гнев рода Деррано! Собирайте всех, всех вассалов. Откроем казну – нечего скупиться – и наймём всех, кого найдём достойного. Отправим гонцов в Доарн, там у нас тоже есть друзья. Скоро зима, надо торопиться. До снега я желаю въехать в замок Венти, пришпилив отрубленную башку этого наглеца, тамошнего сенора, к его

собственным воротам! Ну, чего молчите?!

– М-мы готовы выполнить любой приказ, наш досточтимый отец, – выдавил из себя Дигвил.

– Нет уж. «Любого» вам теперь никто не поручит. Вы себя уже показали, бездельники, дармоеды! С войском я отправлюсь сам. А вы будете смотреть и мотать на отсутствующий ус!

– Да будет всё по воле твоей, батюшка, – пролепетал Байгли. – Но… что же с выкупом за наших?

– Ни одной монеты от меня Венти не получит, – отрезал сенор Деррано. – А своих мы выручить успеем. Вот увидите. Эх, эх, ну почему всё всегда приходится делать самому?!

* * *

Вернулся с победой отец, отшумел праздничный пир в просторном дворе замка Венти, уехали сытые и пьяненькие менестрели и бродячие музыканты, слегка поправив свои дела – сенор выказал небывалую щедрость, как и прочие знатные гости из ближних и дальних замков – Ликси, Артол, Иллидэ. Шуты изощрялись в остроумии, высмеивая опрометью бежавших с поля боя братцев Деррано; рекой лились вино и брага, поварята не успевали нанизывать на вертела куриные тушки.

– Теперь не сунутся, – на все лады повторялось за длинными пиршественными столами.

От праздничного обилия перепало даже пленным, коих, за неимением достаточно обширных темниц, пришлось держать в сенных сараях. Сенор Деррано отчего-то не спешил с выкупом, и отец Алиедоры заявил, что кормить их даром он не намерен, после чего погнал всех на работы. Простые пещцы, схваченные в обозе, не возражали – всё веселее, чем сидеть взаперти, да и в котле делалось куда гуще. Кое-кто из незнатных ратников помоложе и вовсе принялся перемигиваться с девушками замка Венти…

Правда, тучи на лице отца рассеялись лишь на время. Алиедору не пускали на военные советы, но что-то всё же просачивалось – доглядчики слали вести, что Деррано закусил удила, что собирает силы по всему Долье, что к нему присоединились наёмные дружины со всего королевства и что многие сеноры посылают к нему свои собственные отряды.

А потом в замок Венти пришло важное письмо – его отец Алиедоры, похоже, ждал с особым нетерпением. И теперь уже доньяту позвали в кабинет – вместе с маменькой.

Рядом с отцом стоял его доверенный секретарь, мастер

Лейвен.

– Я писал, – безо всяких предисловий начал сенор Венти, – нашему родственнику, бра-дону генеральному стряпчему в Симэ. Просил защиты и покровительства, просил дать его величеству *нужный* совет. И вот бра-дон ответил.

Алиедора переглянулась с матерью, ухватилась за её руку.

– Бра-дон весьма категоричен, – досадливо проговорил отец, и мастер Лейвен согласно кивнул. – Пишет, что его величество гневается, приняв «обиду» рода Деррано «как свою собственную». Ещё бра-дон извещает нас, что, если мы… если мы не вернём тебя, Алиедора, законному мужу, то удержать короля Долье от помощи «оскорблённому вассалу» не удастся даже ему.

У доньяты подкосились ноги, маменька сноровисто поддержала её под локоть.

– Это что же ты, муженёк, такое говоришь? – подбоченилась она. – Алю им отдать хочешь? Да как тебе такое в голову…

– Опамятуйся, женщина! – рявкнул отец. – Как *тебе* такое в голову могло прийти, что я собственную дочку этому изуверу второй раз вручу?!

– Прости, о муж мой, – опустила глаза маменька.

– Не про то речь, – буркнул отец, – чай, Аля не племенная кобылка, чтобы *отдавать*. А про то речь, что делать станем.

– Надо просить защиты у его величества Хабсбрада, – вставил мастер Лейвен.

– Невместно, – помрачнел Венти. – Одно дело от крючкотворства, от стряпческих дрязг, от того, чья подданная наша доньята – Меодора или Долье… и другое – к королю побитым псом бежать, когда дело дошло до благородного боя.

– Но, мой сенор, – возразил секретарь, – если Деррано собирают силы по всему Долье…

– Мы тоже соберём! – грохнул отец кулаком.

Однако мастер Лейвен только покачал головой:

– Богатства вашего рода, сенор, известны всем. Не сомневаюсь, многие в Долье поразевали рты на большую добычу. А Деррано?

– Тоже не бедняки, – буркнул сенор Венти. – Нечего с ними церемониться! А ты, – палец отца упёрся в Алиедору, – уедешь куда подальше.

– К моему брату, – тотчас подсказала матушка. – Считай, почти Доарн. Уж туда-то они не сунутся!

– Верно говоришь, – кивнул отец. – Вот и не теряйте время. И всех младших с собой берите. Тут им оставаться опасно.

* * *

…Вереницы конных переходили реку. Переходили ночью, когда обе Гончие утонули в плотном облачном море. Налегали на шесты, толкали тяжело гружённые плоты, рассекая холодные струи. В мелких лодчонках переправлялись пешие ратники. Не подавали голос обученные гайто, не брехали боевые псы в шипастых ошейниках, не звякало тщательно обёрнутое тряпками оружие.

Левый, меодорский берег встречал тишиной и пустотою. Рыбаки поспешили убраться подальше, деревушки опустели.

Дигвил Деррано гордо оглядел длинный строй, углублявшийся в меодорские земли. Это тебе не небольшой отряд, каковой ты можешь взять в кольцо. Пять тысяч отборного войска – не шутка! И свои вассалы, и отряды кланов Берлеа, Илтеан, даже Эфе и Аджете! И наёмные полки Веркоора. И вольные охотники с Реарских гор…

Ну, держись, Венти!

Шли быстро и сторожко, не тратя времени на разорение попадавшихся деревень. Королевская рота Хабсбрада преградила было путь, однако её командир очень удачно оказался вполне понятливым человеком, не пожелавшим встревать в благородный спор двух уважаемых семейств.

Копыта попирали чужую землю. Замок Венти приближался.

* * *

– А-а-а!

Алиедора подскочила, сев в кровати и недоумённо моргая. Сон не хотел отпускать, цеплялся за веки мягкими лапками мелкого шерстистика; но уже впивался ледяными клыками ужас, будил, вырывая из такого уютного и, казалось бы, безопасного беспамятства.

– А-а-а-а!! – вопили и визжали за дверьми.

Затрещали створки, ввалилась нянюшка с парой служанок, у каждой глаза что блюдца.

– Деррано! Напали, а-а-а, ночью, напали! Бьются наши, батюшка бьётся! А тебя, доньята, велено в тайник, немедля, скорее!

Ноги не держали, пальцы не могли просунуть пуговицу в петлю. И – точно! – сквозь двери и окна всё явственнее доносился яростный звон сшибающихся мечей.

– Ахти, ахти, Звери всемилостивые, спасите и обороните, – шептала нянюшка, пока обе служанки, горестно завывая, призывали на помощь Ома Прокреатора.

Алиедора не помнила, как её тащили по залам, как спускались всё ниже и ниже; коридоры сделались узки и тёмны, кое-где капала вода.

…А где-то далеко и высоко шёл бой. Шёл бой, и Алиедора холодела – нет, не от страха, а от неведения. Она ведь, в конце концов, тоже кое-что повидала, кое через что прошла – одно капище Семи Зверей вспомнить!

И не всегда она носила эту длиннющую юбку, не всегда мела полы подолом. Тогда на ней были кожаные штаны и куртка, а в руке – тяжёлый, неудобный, но острый тесак.

…Прошедший насквозь хрящи и мясо того громилы в «Побитой собаке»…

– Тише, тише, доньята, тише, Аличка… – тряслась нянюшка.

Ну конечно, отец их прогонит, повторяла себе Алиедора. Не может не прогнать. Но…

«Я помню свист ветра и хлещущие по лицу ветви. Помню капище, помню «Побитую собаку» и лопнувший пузырь Гнили, поток отвратительных многоножек. Я уже не прежняя слабая и изнеженная, – повторяла себе доньята. – Я смогла за себя постоять. Я смогу…»

Что ты сможешь? На равных сражаться с мужчинами? Не глупи, доньята. Может, ударить в спину и сможешь, но не больше.

Вот и последний каземат, няня повернула ключ в замке.

– Сидим здесь.

– А где остальные? Мама, сестрички? Братья?

– По другим местам, – отозвалась старушка. – Мне донья велела только тебя спрятать, ласточка. Потому что Деррано эти нечестивые только за тобой и гоняются, только тебя им и надо.

На этот счёт Алиедора имела собственное мнение, но чего сейчас его высказывать?

– Случись чего – вот енту крышку откинем и дальше полезем, – указала няня на чуть ли не вросший в пол деревянный круг с позеленевшей от времени ручкой.

– К-куда, матушка Арсимэ? – пролепетала одна из служанок.

– Куда – тебе, сорока, пока знать не след, – отрубила старушка. – Сиди тихо.

Они сидели. Сквозь толстые своды не пробивалось ни звука, только едва слышно потрескивала свечка.

– А сколько ж нам так сидеть, няня? – не выдержала Алиедора.

– Пока не скажут «вылезай», – лаконично парировала та.

* * *

Дигвил Деррано стоял с обнажённым мечом в руке, чувствуя себя очень скверно. Конечно, надеяться на то, что вести о наступлении его отряда не дойдут до старого Венти, было бы глупо, но такого отпора Дигвил не ожидал.

Хотели взять с налёта, тащили с собой заранее срубленные лестницы; и полезли вроде бы лихо, перевалили через зубцы, захватили целый кусок стены справа от ворот, но на этом все успехи кончились. Из башенных бойниц густо летели меткие стрелы – словно не люди там засели, а настоящие сидхи. Спуски со стен во дворе крепости, оказалось, у сенора Венти перекрывались толстенными решётками, а тех, кто спрыгивал, ждали длинные копья тесно сбившей щиты пехоты. До зари оставалось ещё немало времени, а уже становилось ясно, что взять замок штурмом не удастся. Далеко не все из пришедших вместе с сенором Деррано горели желанием геройски сложить собственную голову под мечами отчаянно отбивавшихся меодорцев.

Молодой дон Деррано ничего не замечал вокруг себя – ни мягкой и непривычно тёплой осенней ночи, яркой, безоблачной; ни словно застывших Гончих, ни крупных бриллиантовых звёзд.

Надо отзывать штурмующих, думал Дигвил. Неужто отец этого не понимает?

Нет, старый сенор Деррано всё видел и всё понимал. Осаждавшие отхлынули назад, оставляя под стенами убитых и раненых. Им в спину неслись торжествующие возгласы и глумливые насмешки защитников.

Сам глава рода Деррано застыл каменной статуей, не поднимая шлемного забрала. Вокруг толпились начальники отдельных отрядов, знатные рыцари, предводители наём– ников – целое множество. Все ждали его слова.

– Ничего! – прокаркал сенор Деррано, обведя соратников взглядом. Высокий, сухой и жилистый, он напоминал старое дерево, выросшее в глухой чаще. Чёрные доспехи безо всяких украшений, даже без гравировки, и длинный двуручный меч, которым отец владел всем на зависть, несмотря на годы. – Ничего! Что не взяли в замке, восполним по окрестностям! Разорить всё! Никого не жалеть! Молодых парней и девок – ловить и в полон! Продадим в Веркооре. Да и не усидит Венти за высокими стенами, как увидит, что делается. Вылезет! А тут мы его и…

– А ну как меодорские роты подоспеют? – заметил кто-то из кондотьеров. – С ихним королём драться – нам это надо?

– А что, не побьём? – задиристо бросил Байгли.

– Побить-то побьём, молодой дон Деррано, – ухмыльнулся

наёмник. – Да только на замок Венти пойти – это одно, а с его величеством переведаться – совсем другое. Если, конечно, молодой дон понимает, о чём я говорю.

– Молодой дон всё понимает, – оборвал кондотьера сенор Деррано. – А чего он не понимает, то я ему разъясню. С королём Хабсбрадом никто драться и не намерен. До этого дело не дойдёт. Да он и сам, – усмешка, – всё понимает. По моей нижайшей просьбе наш суверен, его величество Семмер, явил нам свою милость, отправил в Меодор послание с королевской просьбой не вмешиваться в дела чести благородных сеноров.

Окружавшие старшего Деррано рыцари встретили известие одобрительными возгласами.

– Но и рассиживаться у стен Венти нам не след, – объявил хозяин Деркоора. – Не теряя времени, с рассветом идём в зажилье. Землю сотворить пусту! Пусть Венти пой– мёт, что за стенами ему не отсидеться. Да, и главное – вы, все! Зорить позволено только землю рода Венти. Упаси вас Ом тронуть хоть колосок в королевских владениях, потому что тогда вас и все Семь Зверей не спасут.

* * *

Конечно, за ними пришли. Усталый ратник в помятом шлеме и с наскоро перевязанным лбом. Над замком поднималась заря, и Алиедора, улизнув от бдительного ока няни, скинула мешавшую юбку, чуть поколебавшись, натянула те самые кожаные штаны, зашнуровала куртку и спрятала волосы под берет. Испытанный тесак сам оказался на поясе.

С надвратной башни открывался вид далеко окрест – на лагерь осаждающих, на окрестные сёла, на быстрый Роак. Едва глянув, Алиедора охнула, а пальцы до боли вцепились в рукоять тесака.

Горизонт испятнало дымами. Горело на севере и востоке, полыхало на юге и западе; клубящиеся столбы подпирали безветренное небо, плоскую синеву, показавшуюся Алиедоре в тот миг настоящей крышкой гроба.

– Что… что это такое? – простонала она, ни к кому конкретно не обращаясь.

– А это, доньята, люди сенора Деррано наши сёла жгут, – мрачно отозвался немолодой уже лучник со знаком десятника на рукаве. – За ночь рассыпались, растеклись, что твоё половодье. Теперь лютуют… обозлились, что по зубам от нас получили. Вымещают на серфах, у тех ведь ничего, кроме дреколья.

– А что же мы?!

– А что мы, доньята? Ждём батюшки вашего слова. Что сенор скажет, то нам и сполнять.

Алиедора простояла на башне до вечера. Видела, как в лагерь стали возвращаться конные отряды Деррано, как гнали скот, как вели пленников – словно напоказ, словно хотели похвалиться добычей перед осаждёнными.

«Что же мы медлим, – терзалась доньята. – Почему папа не выведет войско, почему не ударит по этим негодяям? Почему терпит эдакое унижение?!»

– А чего ж тут поделать, доньята? – вздохнул всё тот же десятник. – Я с сенором нашим хаживал не раз и сказать могу, что храбрости у него на десятерых хватит. А только сегодня сила их, не наша. Эвон сколько собралось, почитай, лихой люд со всего Долье. И кондотьерские значки, и прапорцы благородных сеноров. Только королевского штандарта не хватает.

– А наш король? Его величество Хабсбрад? Почему нам на помощь не идёт?

– Идёт, уверен, что поспешает король, доньята. Суров наш Хабсбрад, не любит, когда на меодорских землях чужие непотребство творят. Оттого так Деррано и торопится собрать добычу, покуда королевские роты не подоспели. Может, этого наш сенор и ждёт – подхода королевской помощи.

– Так ведь пока она пришагает, они ж вокруг всё пожгут!

– Не без того, благородная доньята, так ведь серфы – они привычные. Уверен, по лесам разбежались да скотину увели… кто успел…

– Не все успели, – скривилась Алиедора, указывая на уныло влачащиеся цепочки пленников.

– Не все, – пожал плечами десятник. – Только так ведь всегда случается, благородная доньята. Кто поумней – тот в лесу и жив, а кто зад поленился от лавки оторвать – того в колодки забили.

– Их надо освободить!

– Надо… кто б спорил, что надо. Да только не хватит у нас сил. Я простой десятник, а и то разумею. А уж ваш батюшка, благородный сенор, коему я не один год служу, – и подавно то видит. И коль не делает, значит, на то причины имеются…

Причины имелись. Вечером на двор замка упала плотно обмотанная свитком стрела, и Алиедора узнала, что благородный и досточтимый сенор Деррано милостиво соглашался простить обиду и даже отпустить часть пленных, если не менее благородный и досточтимый сенор Венти, с коим его, сенора Деррано, связывала некогда крепкая дружба, согласится немедля выдать молодому дону Байгли Деррано его законную супругу

донью Алиедору Деррано. Разумеется, часть пленных и скота сенор Деррано удержит – как возмещение претерпленного его родом убытка.

Отец не рычал, не топал ногами. Просто бросил письмо в огонь и поднялся.

– Я дочерьми не торгую и на серфов не меняю. Вставайте, господа рыцарство. Идём на вылазку.

* * *

– Неплохо, сын мой, очень неплохо, – сенор Деррано разок хлопнул Дигвила по плечу. – Добыча многократно перекроет протори.

– Добыча? Отец, но мы ж взяли…

– Много скота, да, но главное – живой товар. – Сенор наставительно поднял палец. – Учись, сын мой, пока я жив. Нет более прибыльной торговли, чем торговля рабами. А уж взятыми на войне – тем более. Нам на рудники требуется пополнение, а остальных с большой прибылью продадим. За вычетом должного донатия в королевскую казну и платы наёмникам – всё равно остаёмся с немалым барышом.

– Я всё понял, батюшка, – почтительно склонил голову молодой Деррано.

– То-то, что понял… Где Байгли? Почему носа не кажет?

– Э-э-э… – замялся Дигвил. Где его младший брат – он знал точно. Выбрав из пленниц одну помоложе, Байгли приволок несчастную в свой шатёр, где сейчас свистели розги и раздавались сдавленные – от вбитого в рот плотного кляпа – стоны.

Младший Деррано получал давно откладываемое удовольствие.

– Опять плёткой размахивает, – хмыкнул отец. – Эх, молодость, молодость! Вот почему нам с тобой ничего подобного не надобно?

– Не могу знать, батюшка, – почтительно отозвался Дигвил.

– Ответа я и не ждал, – заметил сенор. – Вот только…

Последние слова заглушил яростный звон столкнувшейся стали.

* * *

Алиедора видела, как это случилось.

Тяжёлые створки распахнулись настежь. Со стен густо полетели стрелы и арбалетные болты, а из отверстого зева ворот вырвался железный поток отцовских рыцарей. Копыта прогрохотали по сброшенному опускному мосту, всадники опрокинули не успевших сомкнуть ряды копейщиков и рвущим и ломающим всё на своём пути клином вонзились в самое сердце вражьего лагеря.

Горло Алиедоры сжал небывалый, неведомый досель восторг. *Наши* брали верх, наши давили!

В стане дерранцев падали факелы, вспыхивали пологи шатров, вопили люди, задирая головы, хрипло ревели гайто. Алиедора едва не вывалилась из бойницы, стараясь рассмотреть все подробности.

Где-то там сейчас и отец, где – в темноте не разобрать. Падают один за другим штандарты дерранцев, подалась назад их пехота, оно и понятно, силком забранным в войско серфам какой резон помирать? Упёрлись кондотьеры, эти дерутся за свою особую «честь», каковую благородная доньята никогда не умела понять.

Но рыцари Венти секут мечами, топчут копытами, пронзают пиками, у кого они ещё остались. Все, кто мог, бросились на осаждавших. Замок Венти опустел, в воротах сгрудились пешие воины, составив щиты сплошной стеной и ощетинившись копьями – им держать вход до того, как отец Алиедоры не решит повернуть обратно.

– Наша берёт, наша! – не выдержав, завизжала в неистовом восторге Алиедора. – Это тебе, Байгли, за твою плётку, погулявшую по моей спине!

В лагере осаждавших воцарился полный хаос, и стало совершенно невозможно разобрать, кто с кем сражается и на чьей стороне удача. Схватка то отодвигалась от ворот замка, то вновь надвигалась – и тогда пешие воины крепче сбивали ряды и нагибали копейные древки.

Но рыцари сенора Венти вновь опрокидывали дерранских наёмников, и щетина пик поднималась.

– Ну что же вы, что же?! – горячо шептала про себя Алиедора вместе с горячими мольбами, посылаемыми всесильному Ому Прокреатору. – Добивайте! Добивайте! Додавите ж их!

В лагере осаждавших жарко пылали подожжённые шатры, метались перепуганные скакуны – и всё-таки сражение медленно, но верно ползло ближе к замку.

– Ой, ой, ой, – прижимала ладони к пылающим щекам доньята. – Ой, ну что ж это, что ж это такое? Семь Зверей всемогущих, что же это такое?!

Упираясь, выставив копья, рыцари отступали, оставив за собой пылающий лагерь. Железная змея втягивалась обратно, лишившись, увы, многих живых чешуек – верных воинов, оставшихся там, у пылающих пышных шатров, вперемешку с людьми, явившимися сюда под знамёнами клана Деррано и точно так же обречёнными теперь лечь в эту же самую землю.

Поднялся мост, закрылись ворота. Во дворе рыцари устало слезали со скакунов, прислуга подхватывала изрубленные щиты и надтреснутые копья.

Алиедора ринулась вниз, глазами отыскивая отца; и обмерла, когда поняла, где он – тяжело обвисший на руках оруженосцев, в окровавленных доспехах…

Доньята при всём желании бы не протиснулась сквозь ряды закованных в железо мужчин, обступивших сейчас раненого сенора; она просто оцепенела, безмолвно наблюдая, как отца вели по высоким ступеням, как выскочил и засуетился вокруг него мэтр Диджорно, как захлопотал фра Шломини…

«С папой всё будет в порядке, – как заклинание, твердила Алиедора. – Ведь он жив, он не умер и уже, конечно же, не умрёт!»

…Всю ночь в замке Венти не гасли огни. Под дверьми сенорской опочивальни толпились и слуги, и рыцари, забыв сейчас о сословных границах. Таскали чаны с дымящимся кипятком, мэтр Диджорно, устало растирая красные от бессонницы глаза, составлял какие-то настойки; фра Шломини без устали читал все «благодетельные и споспешествующие выздоровлению болящего» молитвы.

Защитники замка на стенах только горестно качали головами да покрепче сжимали древки.

* * *

Наутро сенор Деррано с обоими сыновьями мрачно обозревал последствия ночного боя. Лагерь выгорел на три четверти, в огне погибло немало припасов, вдобавок эти проклятые меодорцы прорубились-таки к загону с живой добычей, и большинство рабов успело разбежаться. Кое-кого повезло поймать и повесить вверх ногами для вящего вразумления остальных – но этих «остальных» можно было пересчитать по пальцам.

Дигвил и Байгли держали языки за зубами – когда отец в таком настроении, ему лучше не попадаться.

– Одни убытки, – рыкнул сенор, ни к кому в отдельности не обращаясь. – Дигвил! Возьмёшь сотню конных и – на север.

Байгли! Ты тоже – и на юг.

– Там уже всё метлой подмели, батюшка, – дерзнул заметить старший сын.

– Дальше идти придётся, – буркнул достойнейший сенор. – Где ещё не тронуто.

– Батюшка, но там ведь… земли иных сеноров. Если не королевский домен, – осторожно напомнил Дигвил.

– Ничего. Наш король нас тоже в обиду не даст, – многозначительно оборвал сына хозяин Деркоора. – Так что не спите, сыны мои, в седло – и в путь. Да помните, что более всего нам нужны люди. Люди, а не скотина.

* * *

Дигвил Деррано удовлетворённо покосился на жарко пылавшую деревню. Она принадлежала уже совсем другому сенору, отнюдь не Венти, и потому серфы там – разумеется, по природной своей тупости, не преминул отметить молодой дон, – не ожидали нападения и даже не подумали разбежаться.

За что и поплатились.

Позади горели дома, а по дороге брела подгоняемая увесистыми тумаками длинная вереница наскоро повязанных пленников.

Всё шло просто отлично.

До того самого момента, когда за спиной Дигвила резко и зло завыли рога, а над дорогой взметнулись многочисленные штандарты и прапорцы, предваряя которые плыло широко развернувшееся знамя с горным саблезубом Меодора.

Королевские роты наконец-то подоспели на выручку осаждённым.

Дон Дигвил всегда отличался немалой рассудительностью. Вот и сейчас храбрый дон привстал в стременах, осипшим от внезапного (но такого объяснимого) волнения голосом велев своим конникам бросить пленных и на всём скаку уходить прочь, к главным силам сенора Деррано.

* * *

Алиедора не помнила, когда её сморил сон. Она прикорнула в углу, на жёстком сундуке, дав себе слово «поспать лишь самую чуточку». Однако, открыв глаза, доньята обнаружила, что утро уже давно наступило и по застилавшим полы коврам ползут

яркие солнечные пятна.

– О-ох!

«Не торопись», – вдруг прошелестело под потолком, словно голос шёл откуда-то с небес.

«Не торопись», – подхватили глубины земли, низким, но не слышимым никому, кроме доньяты, басом.

«Не торопись», – встряла и вода во рву – на два голоса.

Потом то же самое прошелестели деревья, трава и камни, вольные ветра и невидимые днём звёзды.

Алиедора замерла, словно налетев на стену. Горло сдавило судорогой, на глаза сами навернулись слёзы.

Она всё поняла, ещё никого не увидев и ничего не услышав.

Папы, отца, сенора Венти – не стало этой ночью.

Разум было трепыхнулся: «Да откуда ты знаешь?! Беги, дура, спроси! Может, всё совсем не так!» Однако доньята только покачала головой, даже не пытаясь утереть потоком льющиеся слёзы.

И так, шатаясь, незряче брела по коридорам, пока не натолкнулась на так же, как и она, тихо плачущую нянюшку.

Коленки у Алиедоры подкосились, и она сползла на пол.

Папы больше нет. То есть он есть, просто больше не с нами. Он, конечно же, сейчас уже возле самого Ома Прокреатора. Или…

Или душа его замерла сейчас на обочине тёмной дороги, где огромными скачками несётся Сфинкс, золотистая грива, словно пламенный шлейф; в серых бессолнечных небесах парит, широко раскинув огненные крылья, оранжевый Феникс; а на самой дороге, бесконечной вереницей – сонм жемчужно-сребристых призраков: это души мёртвых, покинувшие обречённые тлену тела и ставшие частью Великого Воинства.

Сфинкс впереди, Единорог позади, словно исполинский живой адамант. Дорога пролегла прямо, широченная, ведь ей надо вместить все души, когда-либо жившие в мире Семи Зверей; она ведёт к неведомым морским безднам, где над чёрною пучиной, не имеющей ни дна, ни берегов, скользят изгибы Морского Змея, а из неизмеримых, непредставимых слабым человеческим разумом пространств поднимется, зловеще шевеля щупальцами, исполинский Кракен. Где-то вдали от безжизненного обрыва над тёмным океаном вздымаются фонтаны – то дышит, извергая потоки воды, мрачный властитель морской бездны, великий Левиафан.

Шествие душ закончится там, на пустых гранитах; с резким воплем отпрыгнет в сторону Сфинкс, Водитель; заржёт, вскидывая голову, Единорог, Гонитель; из плотных облаков вырвется алый, как молодая заря, Грифон, пронесётся над новопреставившимися,

роняя с крыльев капли пылающей крови.

Трусы, мягкосердечные рохли, кто не знал, с какого конца браться за меч, – сгорят, и ждёт их дорога бесчестья – вниз по узким тропам к морю, где будут их хватать щупальца Кракена, обвивать тело Морского Змея, и повлекут в глубину, где нет света и дыхания и только долгая мука – пока не искупится вина.

Кто был при жизни смел, кто дерзал и шёл наперекор, кто не отступал и не сдавался – те пройдут сквозь пламя Грифона, и оно не причинит им вреда. Их ждёт иной путь: стать частью Великого Воинства и двинуться следом за Фениксом сквозь пласты и планы бытия, туда, где есть достойное дело умеющим держать меч и бесстрашно идти в бой. Может, там они вновь облекутся плотью, может – нет, станут духами битвы, способными испытывать и страх, и боль, потому что в том, неведомом, они тоже могут погибнуть, и тогда уже – поистине невозвратной смертью.

Алиедора плакала. Взгляд затуманился от слёз, и это было хорошо – они, словно магические линзы, позволяли смотреть сквозь плоть мира, так, что где-то на самой грани доступного взору открывалось само Великое Древо и окружающий его мягкий голубоватый сумрак, наполненный мириадами блуждающих огоньков.

Примите родителя моего, всемогущие Звери. Пусть ему будет весело биться в вашей нескончаемой войне…

Словно слепая, она брела, натыкаясь на стены, опрокидывая тяжёлые стулья и даже не чувствуя боли. Нянюшка где-то потерялась, Алиедора сама не заметила, как вновь оказалась на стенах, почему-то заполненных народом.

Весёлым народом, народом ликующим и чуть ли не пляшущим.

Осаждавшие бросили собственный лагерь, последние всадники спешили убраться восвояси вслед за главными силами неудачливого войска – а по большой дороге с гордо развёрнутыми знамёнами маршировали королевские роты Меодора.

Хабсбрад пришёл на выручку верному вассалу.

Спотыкаясь, Алиедора побрела вниз, к воротам – её вел инстинкт благородной доньяты, обязанной встречать сюзерена…

* * *

В пиршественном зале замка Венти шумела тризна. Слуги сбились с ног, таская на столы благородным рыцарям тающие с пугающей скоростью запасы. Винным бочкам вышибались днища, вепри жарились целиком на вертелах.

Его величество, знаменитый ростом, статью, широченной рыжей бородой и неумеренным аппетитом, не уставал поднимать огромный золотой кубок – в память доблестного сенора Венти, его давнего соратника и верного вассала; за прекрасную хозяйку замка, чьё горе не убавило гостеприимства в сих стенах; за сыновей и дочерей павшего на поле брани сенора, чья обида будет – да-да, верно королевское слово! – будет вскорости отомщена сторицей.

– Ибо мы не остановимся! – гремел король, стуча кубком о стол так, что трещали доски. – Ибо мы пойдём дальше, за Долье, дабы кровью смыть обиды и возместить потери, понесённые моими добрыми подданными! Деррано заплатят, клянусь моей бородой и памятью сенора Венти, о, они заплатят стократ! Не успокоюсь, пока не вздёрну всю их семейку вверх ногами – как они поступали с моими меодорцами – на башнях их собственного замка!

Король пил и не пьянел, от него старались не отставать другие благородные сеноры и доны, хотя далеко не все отличались такой же устойчивостью к винным чарам, кое-кто уже отправился в недальнее путешествие под стол, где мирно сейчас и похрапывал.

Алиедора едва заставляла себя держаться прямо. Она не слышала полупьяных голосов, неудержимой похвальбы и иного, без чего немыслима благородная рыцарская попойка.

Папы нет. И она осталась – по-прежнему – мужней женой дона Байгли Деррано.

Наверное, она произнесла это вслух – потому что его величество благосклонно наклонился к ней:

– Не беспокойся, прекрасная доньята.

– Как же мне не беспокоиться, ваше величество? – пролепетала Алиедора, поспешно кланяясь. – Ведь я замужем, согласно закону…

– Согласно закону да, – вздохнул король.

– Но не могли бы вы, сир…

– Не мог бы! – отрезал Хабсбрад. – Что скреплено церковным законом, лишь церковным же иерархом разрешено быть может. Только его высокопреосвященство…

– Но он молчит, сир…

– У господина кардинала свои резоны, – ухмыльнулся рыжебородый король. – А у меня, доньята, свои. И, не будь я Хабсбрад, честное слово, если не освобожу тебя от постылого брака самым простым и доступным мне способом.

– К-каким же? – захлопала глазами Алиедора.

– Сделав тебя вдовой, ха-ха-ха! – захохотал король, уперев

руки в бока. Его поспешили поддержать окружающие.

– Сделать донью вдовой, ух-ох-ох!

Алиедора опустила голову. Только сейчас она задумалась, хочет ли она на самом деле смерти несчастного дурака Байгли?

– Сделать донью вдовой! – покатывались рыцари.

Нет, вдовой она если и станет, то исключительно по собственной воле.

«Верно», – прошумели небеса.

«Верно», – плеснуло что-то во рву.

«Правду речёшь», – донеслось из-под земли.

«Я пойду с ними, – вдруг подумала Алиедора. – Я пойду с ними и сама призову Байгли к ответу. В конце концов, жена я ему или не жена?»

…Рыцари пировали всю ночь. Потом отсыпались весь день. И всю следующую ночь. И лишь на второй день, продрав глаза, меодорское воинство неспешно двинулось дальше.

…И на редком, чёрном как ночь гайто следом за ними ехала тоненькая девушка, которую, правда, сейчас мало кто бы признал: Алиедора безжалостно обкорнала роскошные вьющиеся пряди. Конечно, не обошлось без слёз, но зато теперь, натянув берет, она вполне сошла бы за молодого пажа или сквайра при знатном рыцаре.

Маменьке она оставила короткую записку:

«За своё бесчестье отомщу сама».

Глава 4

Меодорское войско шло весело, не утруждая себя скрытностью перемещений. Сёла так и гудели от новостей, пострадавшие после набега дерранцев серфы наперебой рассказывали друг другу о блестящих рыцарях и великолепных скакунах, что направлялись на юг, отомстить за нанесённые обиды.

Алиедоре не стоило большого труда двигаться следом. На сей раз она подготовилась куда основательнее. Как и всякую девушку благородного происхождения, её обучали обращению с оружием, жаль только, никогда не допускали до хоть сколько-нибудь «настоящих» схваток, пусть даже на тупых деревянных мечах. Она училась отбивам и ударам, но исключительно с воображаемым противником. Сложные передвижения и проделываемые клинком «фигуры», как называл их мэтр Диджорно, «способствовали напряжению воли и тела», но не более того.

Наученная горьким опытом, она знала, куда не следует соваться. Никто из тех, кто протягивал ей краюху хлеба или поил её жеребца, ничего не заподозрил. Она старалась говорить поменьше, а голос делала пониже. Ну и свободная куртка в сочетании с туго затянутой грудью довершали дело.

От Венти в Долье попасть можно было многими путями. Например, отправиться на восток, приречным трактом, до пограничной крепости Ликси, где имелся даже мост на ту сторону, к замку Аджекоор; или двинуться на юг, к Иллидэ, или же на запад, к Последнему мосту во владениях клана Солле.

Король Меодора не мудрствовал лукаво. Он выбрал путь через всё тот же Берлекоор.

Шли через разорённые и выжженные земли. Наёмники Деррано повеселились здесь на славу – дома кое-где раз– мётаны по брёвнышку, в деревнях остались только старики, старухи да совсем малые дети, кого живыми не довезти до рабских торжищ. Остальных угнали в полон.

Король не торопился. Армия Деррано отягощена обозами, караванами бредущих невольников; от меодорского войска ей не уйти, только если бросить всю добычу. Хабс-брад не сомневался, что ему удастся настичь отступавших наёмников. Отъевшийся и отдохнувший в стойлах родного Венти жеребец Алиедоры играючи оставлял позади лигу за лигой.

Что сейчас творится дома, доньята старалась не думать. В конце концов, о маменьке есть кому позаботиться, она, Алиедора, не единственное дитя. Есть кому принять титул сенора Венти,

есть кому подать дельный совет. «Я там не нужна, – убеждала она себя. – Папа погиб из-за меня – мне за него и мстить. И, клянусь Семью Зверьми, я отомщу!»

Она даже не заметила, как, почти забыв об Оме Прокреаторе, вспоминала сейчас лишь семь древних сил, прося у них защиты и подмоги. Ведь один раз они уже помогли! Помогли, кто бы что ни говорил!

Отчего-то доньяте представлялось донельзя важным – самой покарать Байгли, чтобы, если уж Семь Зверей положили ему умереть, он погиб от её собственной руки. Да, она умеет. Да, она убила человека – того самого громилу в «Побитой собаке», потому что не надо себя обманывать – рана была смертельна, предел человеческой жизни положила именно она, благородная доньята, а вовсе не многоножки Гнили.

Войско меодорского короля шло широко, перехватывая небольшие отряды дерранских наёмников, у кого жадность взяла верх над осторожностью. Главные силы дольинцев отступали, пытаясь укрыться за рекою – хотя Алиедора слышала у походных костров, что его величество Хабсбрад Рыжебородый не собирается останавливаться на берегу Долье, что принял обиду и смерть своего верного вассала словно обиду и смерть собственного отца и что месть его не окончится на какой-то там приграничной реке.

Король не бросал слов на ветер: его роты имели в запасе всё потребное для быстрой переправы. Хабсбрад словно бы даже хотел, чтобы войско сенора Деррано ускользнуло в свои пределы – так представился бы отличный повод последовать за ними.

Через реку Алиедора перебралась уже ночью, вместе с последними отрядами меодорцев; никто не обратил внимания на молодого сквайра в добротной одежде; если кто и косился, так на жеребца, а не на его хозяина.

Снова в Долье – когда-то Алиедору привезли сюда испуганной девочкой, определив воспитанницей в чужую семью. Тогда её очень поддержала донья Деррано, сама прошедшая такой же путь; незлая, она жалела гордую меодорку, так старавшуюся не показывать никому собственных слёз.

«Но теперь всё по-другому. Теперь я отплачу – за всё, за всё». За плети Байгли, за собственный ужас и бессилие, за солёные слёзы, неудержимо катившиеся по щекам; за мольбы, только распалявшие вошедшего в раж муженька.

Конечно, было и многое до этого. Презрение Дигвила Деррано, не слишком старательно укрытое вежливыми по форме словесами. Похлопывания по филейным частям от самого сенора Деррано. И… и…

Алиедора с маниакальной настойчивостью вспоминала всё:

мельчайшие обиды и унижения. Очень скоро ей будет кому предъявить счёт. Очень скоро. Совсем скоро – как только победоносное воинство Меодора обложит мрачный Деркоор.

Армия Хабсбрада Рыжебородого маршировала по Долье. Алиедора благоразумно не лезла в первые ряды – что ей там делать, почти безоружной, с одним лишь лёгким мечом, вернее сказать – мечиком у пояса? Конечно, самострел штука верная, и бьёт она из него неплохо, но в настоящей заварухе толку от него почти никакого.

Заря старалась, разукрашивая восточный край неба, а чьи-то невидимые кисти уже перечеркнули алое длинными дымными полосами. Впереди пылали пожары, их дуга расходилась всё шире.

Рыжебородый перешёл Долье во владениях клана Берлеа, и многочисленные рыбацкие деревушки вкупе с селениями пахотных серфов мигом сделались добычей пламени.

…Мимо первого такого селения Алиедора проехала, когда солнце уже поднялось, разогнав утреннюю мглу.

Рухнувшие венцы ещё не успели остыть, над грудами углей курился дымок. Прямо поперёк дороги лежал зарубленный мохнатый пёс, пасть распахнута, клыки оскалены – он доблестно бросился защищать хозяев и погиб, не отступив ни на шаг.

Гайто Алиедоры захрипел, мотая головой и не желая идти вперёд. По обе стороны дороги громоздились безобразные груды рухнувших бревён, закопчённые печи – и мёртвые тела, уже облепленные не по-осеннему наглыми и бойкими мухами.

Люди, тягуны, шерстистики – все вперемешку, все мёртвые.

Алиедора оцепенела. Не в силах моргнуть, она медленно ехала сквозь кладбище, и жеребец её ступал как никогда бережно, точно боясь потревожить прах.

Здесь полегли простые серфы-дольинцы, податной народ сенора Берлеа; годных к работе мужчин и женщин по-хозяйски, вместе с детишками, угнали; «отживших своё» стариков просто перебили. Не мучили, нет – просто уничтожили, словно крыс.

Почему? Как так? Ведь подобное могут сотворить только дерранцы, нелюдь, гады и негодяи! Мои сородичи-меодорцы, сражающиеся за свою родную землю, – никогда! Это наверняка дело рук какого-нибудь отбившегося полка наёмников, коих щедро набирали на службу в Деркооре…

Она старательно пыталась обмануть себя и почти преуспела – пока не натолкнулась на пропоротое вилами тело мёртвого пехотинца в цветах королевских рот Меодора. Его пришпилило к бревенчатой стене, да так, что босые ноги (на сапоги кто-то уже позарился) не касались земли.

– Нет-нет, – поспешно забормотала Алиедора, отворачиваясь и зажмуривая глаза. – Это не так. Это не они. Он, он… конечно же, он просто защищал серфов…

«А вилы?!» – ядовито осведомился внутренний голос.

– А вилы м-мог схватить любой наёмник… – слабо сопротивлялась она.

«Перестань, не дура, чай!» – прикрикнул всё тот же незримый собеседник.

Доньята кое-как выбралась из опустевшего селения. Кучку домишек на самом краю, за широкой, наполненной водою канавой, где плескались безразличные ко всему жирные нелетучие нырки, огонь пощадил. Огонь, но не люди – оконца выбиты, двери сорваны с петель, соломенные кровли размётаны. Здесь уже убивали просто так, для удовольствия, не в силах насытить жажду кровавой потехи: корова со вспоротым выменем, шея пробита копьями, изрубленный пёс, пригвождённый стрелами к брёвнам…

Алиедора забыла об осторожности, гайто шагал, предоставленный сам себе.

Она *слышала*, что на войне «случается всякое», как осторожно говаривали бывалые отцовы сподвижники; пока жила воспитанницей в Деркооре, сам сенор Деррано никогда не обсуждал в её присутствии подобное. В лучшем случае речь могла идти о бесчинствах каких-нибудь пьяных наёмников, никчёмного сброда, неизменно «приводимого к порядку и покорности» доблестными рыцарями замка Деркоор.

Конечно, в балладах враги не раз творили старательно описываемые менестрелями бесчинства. Но так то же были враги – зомби Некрополиса, северные варвары с той стороны моря Тысячи Бухт, из Моэ и Лимисба, порой – големы Навсиная, хотя Державу в Меодоре опасались трогать даже в уличных куплетах. Высокий Аркан отличался странной для столь могущественных магов чувствительностью к «поношениям в свой адрес».

«Нет, нет, – лихорадочно шептала Алиедора, – я ничего этого не видела. Совсем-совсем ничего. Мне всё почудилось. Это дурной сон. Сейчас я открою глаза и…»

Коротко всхрапнул жеребец, запнулся – доньята пришла в себя.

Скакун поднялся на небольшой лысый холм, куда вскарабкалась ведущая прочь из погибшего селения дорога – далеко впереди мелькали фигурки всадников, медленно тащились телеги. Алиедора настигла тылы меодорского войска.

Отчего-то сразу вспомнились плотно вцепившиеся в запястья чужие пальцы, потные и грязные.

Нет, *туда* она торопиться не будет. В конце концов, седельные сумки пока ещё полны, гайто себе пропитание тоже найдёт, хотя осенняя трава не относится к числу его излюбленных яств.

Алиедора знала эти места. День хорошей скачки до замка Деркоор. По правую руку – Фьёф, и, присмотревшись, доньята разглядела поднимавшиеся там дымные султаны – словно множество лезвий, вонзённых в распятое и беззащитное небо.

Земные и воздушные пределы Долье в равной степени платили за грехи клана Деррано.

Что-то заставило резко натянуть поводья, откидываясь далеко назад. Гайто захрипел, роя копытом землю, нехотя подчиняясь юной хозяйке; Алиедора остановилась, оглянулась – и застыла, холодея.

Прямо посреди пепелища стремительно вспухал громадный пузырь, в воздухе разливался отвратительный кислый запах.

Скорее, доньята, гони жеребца! Гони, не мешкай; в прошлый раз Гниль тебя отпустила, удовольствовавшись другою добычей – там, в «Побитой собаке»; сейчас может и не отпустить.

Скакун вскинул голову, дико заржал, почти закричал, но тонкие пальцы обрели сейчас прочность металла. Словно зачарованная, Алиедора смотрела, как надувается пустула, как лопается чудовищный пузырь, извергая поток жёл– тых многоногих тварей.

Они растекались по пепелищу, и в самом деле словно гной из прорвавшегося нарыва; под сплошным их покровом исчезали обугленные брёвна, груды кирпичей, оставшиеся от рухнувших печей; исчезали и мёртвые тела. Там поток многоножек взвихрялся, замедляясь на краткое время, и вновь сглаживался, устремляясь дальше – словно кто-то швырял камни в речной поток.

…Она даже не думала о бегстве, Алиедору словно пригвоздила к месту чья-то невидимая рука, против её же воли норовя втолковать: «Смотри же, неразумная, смотри!»

И доньята смотрела.

Всё шире и шире делался жёлтый круг, укрывая, очищая землю от всей страшной памяти разорения: исчезало пепелище, исчезали тела людей и скотины – оставался лишь он, непобедимый, неодолимый, всепоглощающий…

Что же ты стоишь, безумная?!

А куда бежать? И зачем?

Алиедора будто окаменела в седле, руки с небывалой, незнаемой силой натягивали поводья, колени сжимали бока готового вот-вот взбеситься гайто. Многоножки приближались,

сноровисто перебирая конечностями, щёлкали изогнутыми крючками челюстей; жеребец вконец обезумел от ужаса, узда вырвалась из рук доньяты, едва не оторвав ей пальцы, и скакун помчался прочь, вмиг оставив жёлтый круг далеко позади.

«Нет, гайто, стой, стой, во имя Семи Зверей! Я должна это досмотреть. Во что бы то ни стало».

Руки, вновь обретя твёрдость, поворачивают храпящего скакуна, пропитанный отвратительной кислятиной ветер наотмашь бьёт в лицо, но Алиедора лишь прикрывает глаза ладонью и гонит, гонит гайто обратно, к залитой Гнилью деревне.

Вот и снова приметный холм, вот и следы копыт её скакуна – Алиедора останавливается и смотрит. Отвратительное зрелище, от которого любой, что в замке Венти, что в Деркооре, бросился бы наутёк так, что сверкание пяток осветило бы путь в любой тьме, – а она, благородная доньята, кому положено лишь истошно визжать да подбирать юбки, заскакивая на лавку, едва завидев мышь, сидит в седле, не в силах отвести взгляда от разворачивающегося перед ней таинства.

Да, да, именно таинства! Затопившее останки несчастной деревни жёлтое воинство добралось до околицы, захлестнуло плетни, растеклось по окрестным полям – и остановилось шагах в пятидесяти от подножия холма, где застыла Алиедора.

Многоножки в чём-то сосредоточенно рылись, словно и не замечая чёрного жеребца и тонкую фигурку наездницы в мужской одежде. Под шевелящейся поверхностью жадеитового озерца уже исчезло всё, хоть чем-то напоминавшее о погибшей деревне: всё сгинуло, перетёртое в мелкую пыль неутомимо работающими жвалами.

Но что же дальше? Почему твари никуда не мчатся, не ищут себе новой добычи?!

Шуршали и шелестели жёсткие панцири, твари Гнили творили свой тайный обряд – Алиедора смотрела, будучи уверена, что никто больше ни в Долье, ни в Меодоре, ни в Доарне никогда не видывал ничего подобного. Да что там в Долье и Доарне! За такое зрелище отдали бы правую руку знаменитые маги Высокого Аркана или величайшие из мастеров Некрополиса; Алиедора никогда не слыхала, чтобы Гниль могла так себя вести.

А потом что-то разом вдруг изменилось. Доньяте показалось, что на неё в немом ожидании уставились миллионы холодных и пустых глаз. Многоножки замерли, дружно вперив в Алиедору мелкие колючие буркалы.

– Уходите прочь! – не выдержав, завизжала она. – Убирайтесь! Совсем! Утопитесь где-нибудь или полопайтесь все!

Наверное, внутренне она ожидала, что сейчас, как в

балладах, всё скопище монстров безмолвно подчинится её воле; конечно, этого не последовало.

Многоножки просто отвернулись, давивший Алиедору совокупный взор множества злобных глазок исчез. Жёл– тый поток неспешно потёк к доньяте, но и вполовину не так быстро, как, знала она, способны бегать эти твари.

Она едва не захлебнулась криком, со всей силы ударив скакуна каблуками по бокам.

Гайто не пришлось понукать. Сейчас он, наверное, обогнал бы даже северный ветер.

Многоножки остались далеко позади, но Алиедора вновь повернула скакуна, описывая широкую дугу. Что-то удерживало, не давало так просто удрать куда подальше.

Она должна увидеть, что случилось с той деревней!

…Край жёлтого потока как раз уходил за холмы, когда Алиедора вновь приблизилась к злополучному селению. Впрочем, о том, что здесь когда-то стояли дома, бродила скотина, жили обычными заботами люди, теперь не напоминало вообще ничего – на месте жуткого побоища темнела взрыхлённая, словно ждущая озимого посева, земля.

Не осталось ни углей, ни золы, ни завалов обгорелых брёвен, ни плетней – ничего.

Тел не осталось тоже.

Земля чиста и свободна от скверны.

От скверны?! С каких это пор убитые и замученные – скверна?

Земле всё равно. Это наше, людское. Это мы так считаем, а раскинувшееся у нас под ногами может решить совсем по-иному.

Гниль прорвалась – и там, где лилась кровь, где последние вопли, стоны и безнадёжные мольбы вонзались в землю, сотрясали воздух, отзывались корчами в подземных водяных жилах, – ровный и чистый круг.

Земля свободна от скверны, произнёс кто-то словно бы на ухо Алиедоре.

Земля. Свободна. От скверны…

Алиедора постояла ещё какое-то время, бездумно глядя на «пашню», на зрачок исполинского глаза, вдруг открывшегося на просторах Долье.

…Невольно ей пришлось двигаться следом за жёлтым потоком. Многоножки деловито и сосредоточенно топали прямо по дороге, но непохоже было, чтобы они успели особенно поживиться: их замечали издали и успевали разбежаться, где, конечно, оставалось кому разбегаться.

Вдоль тракта всё оказалось разграблено, как и в попавшемся Алиедоре селе. И на следующем пепелище многоножки

задержались – точно так же очистив землю от всего, что напоминало бы о кровавой драме.

…К ночи твари стали, как и положено, умирать – беззвучно, безразлично к собственному существованию. Трупы их – перевернувшиеся на спину, со скрюченными, судорожно поджатыми лапами – сплошным ковром устилали землю, и гайто Алиедоры наотрез отказался идти по этому полю.

Пришлось дать большой крюк.

И повсюду доньята видела одно и то же – мёртвую, выжженную землю. Уже при свете первых звёзд Алиедора встретила унылую колонну бредущих пленников: меодорцы гнали на север караваны живой добычи, точно так же, как и совсем недавно дерранцы – на юг.

Ночью стало хуже, гораздо хуже. Зарево над Фьёфом испятнало горизонт, словно полчище жаб выпучилось круглыми гляделками на испуганно попятившиеся звёзды. Горело и далеко впереди, горело и позади.

С полуночных пределов явился бродяга-ветер, прошумел над ещё не остывшими угольями, поднял, подхватил бесплотными ладонями невесомую золу, с размаха швырнув ею в девственно чистые ледники Реарских гор, и истоки рек помутились.

Алиедора дрожала у бока прикрывавшего её от ветра жеребца. Гайто тоже тревожился, шумно втягивал широкими ноздрями воздух – холодные потоки несли гарь и пепел.

Конечно, это всего лишь серфы. Само их существование – от милости сюзерена. Но Ом заповедал снисходить к нуждам малых и не творить насилия над беззащитными, иначе как карая за проступки.

Конечно, дерранцы начали первыми. Конечно, эти самые серфы послушно вставали в ряды их подсобных полков, являясь по первому зову сенора; наверняка они тоже не упустили своего, когда войско Деркоора разоряло окрестности Венти… – всё ещё пыталась успокоить себя Алиедора.

Утром, холодным и бессолнечным, она вновь взобралась в седло. За ночь пожары отпылали, и по небесным путям теперь стремились одни лишь тучи, уже не окрашенные горькими дымами.

Не желая рисковать, доньята кралась обочинами, от рощи к роще, мимо опустевших рыбацких деревенек, мимо серой глади озера Эве, старательно уклоняясь от встречи даже и с одиночными всадниками.

Меодорское войско, почти не встречая сопротивления, вонзилось в земли Долье, словно ядовитый кинжал в спину. Дерранцы отступали, даже не пытаясь встать заслоном.

«Впрочем, – скривив губы, подумала Алиедора, – оно и понятно: границу коренных земель рода Деррано мы ещё не перешли. А клан Берлеа… что ж, ему не повезло».

Но, с другой стороны, кто же теперь встанет под зна– мёна сенора Деррано, если он вот так бросает собственных союзников на разорение?!

Что-то здесь не так. Уж она-то, благородная доньята Алиедора Венти, чуть было не сделавшаяся младшей доньей Байгли Деррано, знала своего несостоявшегося свёкра. Жёсткий и жестокий, он знал, что такое держать слово. И не отступал от раз данного.

Дело нечисто. Как есть нечисто.

Сенор Деррано отступал по кратчайшему пути к родным стенам, оставив далеко за спиной Берлекоор и близко даже не приближаясь к восточному форпосту королевского домена – крепости Алете. Словно напоказ, словно старался уверить своих противников – это, мол, наша и только наша война, король тут ни при чем. Хотя отступить к Алете имело смысл – и это понимала даже неискушённая в воинских науках Алиедора.

Город-крепость был хорошо укреплён, его башни и баллисты (не говоря уж о королевских боевых магах) могли устроить меодорцам поистине тёплую встречу.

Не следует забывать и о том, что от Алете до столичного Симэ едва ли больше двух десятков лиг по добрым дольинским трактам – два дня марша пешего войска, а конные покроют этот путь и того быстрее.

Но это будет означать, что король Долье отринул позицию беспристрастного (хотя бы на первый взгляд) арбитра и в открытую ввязался в войну на стороне своего вассала, следом за его меодорским величеством, да не поседеет как можно дольше его борода, думала Алиедора. А это уже не сеноры Венти против сеноров Деррано или даже не король Хабсбрад против Деркоора. Это Долье против Меодора.

Алиедора поёжилась. Воевать дольинцы умели – не зря же столько лет сдерживают повелителей нежити, кошмарных некромантов, с редкостным упорством засылающих на западный берег широкого Сиххота новые и новые отряды боевых зомби. Об этом Алиедора наслушалась, будучи воспитанницей в Деркооре; видела сама, как, отвечая на призыв короля, сенор Деррано собирал собственных вассалов отбивать очередную вылазку мертвяков и как потом рыцари возвращались, хвастаясь жуткими трофеями – отрубленными головами зомбяков, долго жившими и ворочавшими глазами в стеклянных банках, куда их устраивал мэтр Бравикус; помнила причудливое оружие, всё в каких-то

нелепых крюках и остриях, что тоже привозили гордые победою рыцари… Нет, Долье было сильным врагом, его воины – опытными и бывалыми.

В половине дневного перехода от Деркоора меодорцы настигли врага, или, вернее сказать, несостоявшийся свёкор Алиедоры наконец перестал убегать.

Меодорские полки развернулись широко, обойдя дольинцев с разных сторон и, похоже, ничуть не сомневаясь в победе. В их рядах бесперечь трубили рога, туда-сюда носились разряженные герольды, и достойные рыцари то и дело выезжали из шеренг, чтобы лишний раз бросить в лица гнусным дерранцам какое-нибудь особенно хлёсткое сравнение их матушек с различными домашними и дикими животными, равно как и предпочитаемые ими способы интимных отношений.

Алиедоре хватило сообразительности не лезть в королевский лагерь, выдавая себя за какого-нибудь заблудившегося оруженосца. Собственно, она не слишком понимала, что и как собирается делать в грядущем сражении. Наверное, смотреть и ждать. Чего? Семь Зверей подскажут.

* * *

Кажется, на сей раз они попались.

В животе у благородного дона Дигвила Деррано прочно засел мерзкий ледяной комок, зубы судорожно сжались, челюсти закаменели. А всё отец, старый болван, выживший из ума, до последнего отказывавшийся бросить пленников! Всё про убытки толковал – какие уж теперь убытки, ноги б унести!

– Что, сынок, штаны намочил? – Отец обладал поразительной способностью появляться там, где и когда не надо. – Решил, старик Деррано из ума выжил, пора бы ему и на боковую, к Зверям, если уж до Ома Прокреатора не дотянет? А? Ну, думал так, щенок, признавайся? В глаза мне смотри!

Дигвил не опустил взгляда, но только Семь Зверей знают, чего это ему стоило.

– Б-батюшка… да разве посмел бы я…

– Что зенки не отводишь – молодец, – фыркнул сенор. – А что врёшь – плохо. Отцу родному врать не моги! Всем должно казаться, что мы в ловушке, что выхода нет – верно?

– Так ведь и вправду нет, отец, – попытался возразить Дигвил.

– Умом в нашей семье расслаблен всегда был один Байгли! – рявкнул старший Деррано. – Не заставляй меня поверить, что и ты такой же. Неужто я бы не приказал телеги бросить, а полон

перебить, кабы и впрямь Рыжую Бороду испугался?

– Но они ж окружили нас, батюшка…

– Окружили. Потому что такой приказ дал нам *наш* король. Его величество Семмер, владетель Долье.

– Ух! – не сдержался Дигвил. В животе стало куда легче.

– То-то, что «ух»… плохо, видать, тебя учил. Значит, так – встанешь на правое крыло и будешь держаться, покуда я трижды в рог не протрублю…

* * *

…Огромный гайто смирно стоял в густом подлеске, совершенно по-человечески вздыхая, словно скорбя о готовой вот-вот пролиться крови. Алиедора укрылась в непролазной чаще на склоне холма; впереди, на широком поле строились полки, развевались многоцветные прапоры и трубили рога. Дерранцы сжались плотным клубком, вновь загородившись, где могли, телегами и укрыв за ними копейщиков.

Ну, начинайте же! – сгорала от нетерпения Алиедора, глядя на блестящее воинство Меодора, на сверкающие доспехи и гордо реющие штандарты. Чего тянуть?! Опрокинуть этих дерранцев, в землю их втоптать, так, чтобы и макушек не видать стало!

И его величество король Хабсбрад её словно бы услыхал. Высоко-высоко взлетел наполненный горячим дымом сигнальный шар с развевающимся под ним алым прапорцем, где на врага кидался в вечной ярости золотистый саблезуб Меодора.

Шар поплыл над полем, которому ещё только предстояло сделаться смертным, над островерхими шлемами и пиками дольинской пехоты, над составленными вместе телегами, над шатрами, распахнувшими крылья пологов, над жёлтыми рощами; он поднимался всё выше, этот шар, а сильный ветер нёс его прочь, на север, к пограничной Долье.

В меодорских полках сыграли атаку – хриплым и нестройным хором множества рогов. Одна за другой конные сотни трогались с места – сперва шагом, постепенно всё убыстряясь и убыстряясь.

Восторг сдавил Алиедоре горло, она не замечала, как прижала к подбородку кулачки.

Вот спустили тетивы конные стрелки; вот, доскакав, спешились арбалетчики, спеша составить стену щитов, из-под прикрытия которой их товарищи станут поражать стан дерранцев; с гиком и воплями бежали меодорские пешцы, не иначе как его величество пообещал им долю добычи, когда станут грабить дольинский лагерь.

Вот рыцари, начав атаку шагом, пришпоривают коней, нагибают копья; рядом с ними, чуть отставая, бежит пехота. Сейчас они сломают хребет наконец-то попавшему в ловушку зверю, сейчас, сейчас-сейчас…

Дерранские полки не дрогнули при виде скачущих на них блистающих рядов лучшей рыцарской конницы Меодора. У них тоже имелись и лучники, и арбалетчики, и они, похоже, решили дорого продать свои жизни. Отнюдь не бросив оружие, на что надеялась Алиедора, они как могли быстро тянули тетивы и перезаряжали самострелы.

– Ох, ох, ох, – быстро-быстро зашептала доньята, видя, как стали падать поражённые стрелами рыцари в первых рядах меодорского войска. Но расстояние быстро сокращалось, и, конечно же, стрелы не могли остановить порыв воинов Хабсбрада.

Когда разделяющее противников пространство почти исчезло под массой людей и гайто, дерранцы бросились навстречу, опустив копья.

Треск и грохот сшибшихся рыцарских лавин, кто-то летит из седла, нелепо раскинув руки, кому-то остриё пики сносит шлем вместе с головой, кому-то раскалывает щит, а кто-то, напротив, изловчившись, этим самым щитом сметает с седла неосторожного противника…

В разрывах рыцарского строя меодорская пехота полезла было на окружавшие стан телеги; защищавшиеся отбивались длинными пиками, в упор разряжали самострелы, в ход скоро пошли мечи и топоры.

Алиедора замерла, не в силах отвернуться, не в силах упустить хотя бы миг разворачивавшейся перед нею кровавой вакханалии.

Мы победим, мы не можем не победить!

Потом она доберётся до замка Деррано, она отомстит – и вернётся домой. Брат Карел, новый сенор Венти, окончательно примет замок под свою руку, матушка, как и прежде, станет вести дом, стараясь сжиться с утратой, не падать духом, ведь ещё надо женить и выдать замуж младших… и она, Алиедора Венти, – Венти, а никакая не Деррано! – займёт там достойное место. А потом… потом она встретит Его, настоящего, что въедет в ворота их замка на снежно-белом гайто.

И всё будет очень, очень хорошо. Жаль только, что папа не сможет провести её меж рядами шпалер к алтарю, где будет ждать нетерпеливый жених.

Но пока что ей надо отомстить. А уж овдовеет она при этом или нет – всё в руке Ома Прокреатора и Семи Зверей.

Она настолько пристально следила за королевским стягом

Хабсбрада, что даже не заметила, когда в битве всё вдруг изменилось – с севера в спину торжествующим меодорцам ударили невесть откуда взявшиеся всадники, тоже красивые и гордые, в столь же блистающей броне; и точно так же плыл над их головами целый лес тонких копий с яростно трепещущими яркими прапорцами.

В самой же середине колыхалось золотисто-чёрное королевское знамя Долье.

Его величество Семмер почтил своим присутствием бранное поле.

Алиедора ахнула, поспешно зажав рот ладонью. Лоб мгновенно покрылся потом. Как же так? Почему? Это ж неправильно! Это мы должны были победить! Это мы – хорошие, это на нас напали! Это к нам – в балладах – всегда в последний миг являлась помощь! К нам, а не к негодяям Деррано!

Мало кто из меодорцев успел развернуться навстречу новой угрозе. Сверкающий клин отборных рыцарей Долье – Алиедора узнавала их стяги – пронзил насквозь один конный полк, ударил в бок другому, разбив на множество живых осколков, словно кузнечный молот глиняную чашу.

Меодорский стяг с золотым саблезубом ринулся наперерез чёрно-золотому знамени Долье, рыцари сшиблись, не уступая друг другу; однако из дальнего леса появлялись всё новые и новые отряды королевского войска, сноровисто беря меодорцев в клещи.

Алиедору трясло, как в лихорадке, – она понимала, что отсюда надо убираться, что поход его величества Рыжей Бороды заканчивается совершенно не так, как должно, – но сил подняться в седло не было, словно их без следа смыли безудержно полившиеся слёзы.

И она досмотрела до конца последний акт трагедии, видела, как золотой саблезуб Меодора поник и исчез, втоптанный в землю, как разбегалась в тщетной надежде спастись пехота, как один за другим бросали оружие и становились на колени с поднятыми руками гордые рыцари его величества Хабсбрада и как их деловито вязали торжествующие дольинцы…

…Победители не захотели праздновать «на костях», пленных погнали прочь, куда-то на юг, остальные полки, не мешкая, двинулись на север, в погоню за теми, кому посчастливилось вырваться из расставленной королём Семмером ловушки.

Алиедора всё сидела в зарослях и, если честно, почти не понимала, что творится вокруг. Ей вдруг показалось – надвинулись ранние сумерки, полуденный свет померк, светило утонуло в облачном море, и поле сражения как-то подозрительно

быстро опустело.

Тела, тела, всё поле завалено телами людей. Специальные команды мортусов, которым предстояло похоронить мертвецов, ещё не появились. Мародёров тоже не было, никто не пытался обирать трупы – за такое король Семмер вешал быстро и высоко, не утруждаясь разбирательствами.

Доньята плакала и никак не могла остановиться. Но она всё-таки заставила себя приподняться и осторожно глянуть сквозь колючие ветки кустарника. По сердцу прошлась холодная коса страха – не за себя и даже не за родной Меодор. Однако Алиедора не отползала и не отводила взгляда до тех пор, пока вдруг не увидела Тень.

Тень соткалась из ничего там, где кипел особенно жаркий бой, где гуще всего лежали павшие. Вот ещё мгновение назад ничего там не было – а сейчас уже возвышается высокая, тонкая фигура, вся серая, словно и впрямь – поднявшаяся, оторвавшаяся от земли чья-то тень.

Тревожно зафыркал жеребец, наклонился к Алиедоре, зубами, слово пёс, потянул её прочь – но сама доньята точно оцепенела. Страха не было, скорее она боялась другого – моргнуть и пропустить нечто донельзя важное.

Тень медленно плыла над полем, чуть колыхаясь и совершая пустыми рукавами призрачного одеяния какие-то пассы.

Наверное, там всё-таки ещё оставались живые, потому что путь Тени оглашался стонами, почти что криками – на них умиравшие от ран тратили последние силы. По спине Алиедоры тёк ледяной пот, храпящий гайто тащил её прочь, словно *вайкса*-мать – крошку-шерстистика, а она заворожённо глядела на жуткую сущность, что плыла над телами, задерживаясь лишь на краткий миг там, откуда раздавались стоны, – и они тотчас стихали.

Что это? Откуда? Почему и зачем?..

Жеребец немилосердно куснул Алиедору за плечо.

– Ай!

Тень замерла, обернулась в сторону скрывавших доньяту зарослей, и девушка ощутила, как холодный клинок словно разрезал её напополам, пресекая само течение жизни.

Замер даже гайто.

Однако ледяной меч, задев Алиедору и оставив её, как почудилось доньяте, умирать от страшной раны в груди, не задержался, не добил – скользнул дальше, а там и вовсе исчез, зарывшись в груду тел мёртвых и умирающих.

– Ч-что же это?.. – пролепетала Алиедора.

Холодное оцепенение отступило, доньята понемногу пришла

в себя и сумела взобраться в седло. Захлёбываясь рыданиями, она тронула гайто. Жеребец осторожно зашагал, сам выбирая дорогу среди густых зарослей.

* * *

– Никогда не ставь под сомнение отцово слово!

– Да как бы я посмел, батюшка!

– Посмел бы, посмел, знаю я вас, племя нетерпеливое… Что я тебе говорил – поспеет нам на помощь его величество? – он и поспел! Теперь пойдём обратно. Надо скорлупку Венти всё ж таки расколоть. Да и вообще… Меодор – страна небедная. В отличие от нас, пред Омом Прокреатором согрешивших, видать, коль в соседи нам Некрополис определён…

– Батюшка, – сегодня в словах, голосе и взглядах Дигвила читалось куда больше почтения, – что же его величество хочет? До самой меодорской столицы дойти?

– Уж чего он хочет, то лишь его величеству ведомо, – громко ответил сенор, скорчив сыну злую гримасу, мол, ума лишился, а ну как нас подслушивают?

– Но слышал я, что иные сеноры по своей воле переходят Долье, направляясь в меодорские пределы…

– Правильно слышал, сынок. Дружина Аджекоора обложила Ликси, род Вереа подступает к Дреггу, даже лежебоки из Соллкоора проснулись. Всё Долье на север качнулось! Оно и верно – лови момент, пока Меодор на лопатках и к их горлу кинжал приставлен. Ох загорится по ту сторону реки, ох заполыхает! – Сенор Деррано расхохотался. – Славная будет охота, сынок, славная, и добыча тоже – уже сейчас столько знатных пленников набрали, что впору ко гномам засылать, насчёт новых доспехов да мечей с ихними рунами справляться…

– Правда, батюшка? – Глаза у Дигвила сделались словно у мальчишки перед лотком со сластями.

– Правда, правда… отдадим королевскую долю, как положено, – чуть громче и поспешнее добавил сенор, – но оставшегося хватит, ох, на многое, сын мой. На многое.

– А Байгли? – рискнул напомнить старший сын.

– Что Байгли? – поморщился отец. – Опять розгами размахивает небось?

– Размахивает, – кивнул Дигвил. – Нет, что ж с женой его так называемой делать? По закону-то он обрачевался, замуж за него никого не возьмёшь, только бастардов плодить и может…

– Гм… – замешкался сенор Деррано, поневоле отвлекаясь от

сладостных мыслей о взятой добыче. – Верно говоришь. Негоже младшему в роду оставаться неприкаянным да бастардов, ты прав, плодить. Надо искать беглянку, Дигвил.

– Пожалуй, найдёшь её в этом бедламе…

– Она в замке Венти – где ж ей ещё быть?

– У них есть родня – на севере. Могли отправить туда.

– Могли. Но, скорее всего, Алиедора – в родовом гнезде. Венти был старый упрямец, кремень, не человек. Се – моё и се – моё же. Дочка должна дома сидеть. Тем более что отослать её куда подальше – показать, что он нас с тобой испугался. Так что я не я буду, если наша птичка – не в замке.

– Прикажешь отрядить особый отряд, батюшка?

– Нет, не прикажу. Когда подступим поближе, тогда да. А рисковать добрыми воинами и слать их в глубь вражьей страны – не стану. За такое надо немалую награду сулить, а Байгли того не заслужил. – Сенор Деррано коротко и жёстко рассмеялся. – Пусть скажет спасибо, что позволяем ему с розгами баловаться.

– От него благодарности не дождёшься, – буркнул Дигвил.

– Неважно, – осадил старшего сына сенор. – Он твой брат, ты ему вместо отца будешь, когда меня не станет. Ему жена нужна. Младшие ветви засушивать не след. Никогда не знаешь, когда пригодятся.

– Всё понял, батюшка, – смиренно поклонился наследник Деркоора.

– То-то, что понял… Поглядим, как дальше будет.

– Но, отец… ты сказал – искать беглянку, а отряд слать не велишь…

– Не велю. Возьми мэтра Бравикуса, пусть отрабатывает жалованье. Пусть ищет, да как следует, гаданьями ли, эликсирами, ещё как-то – знать не желаю, как именно! Пусть укажет направление. И когда мы окажемся достаточно глубоко в меодорских землях – придётся тебе, сынок, порадеть-таки младшему братцу.

– Порадею, батюшка, – не стал спорить Дигвил, хотя сам бы, конечно, по доброй воле никогда за это не взялся. Умом старший из братьев Деррано понимал, что, с одной стороны, от бастардов Байгли ничего хорошего ждать не приходится, а с другой – этих бастардов пока что нет и не предвидится, а лезть в осиное гнездо замка Венти и выковыривать оттуда эту треклятую доньяту придётся именно ему.

Дигвил покачивался в седле, предаваясь не совсем обычному для молодого дона и наследника титула занятию – а именно размышлению.

Разбив в открытом бою меодорское войско, армия Семмера

перешла пограничную реку сразу в пяти местах. С северо-востока прибывали гонцы: отряды Аджекоора осадили Ликси, воинство владетелей Веркоора – важную меодорскую крепость Дрегг рядом со слиянием Сиххота и Долье. Отдельные полки наступали от дольинских городков Ано и Эшби; зашевелились даже угрюмые отшельники из Соллкоора – их закалённые охотой на беглых серфов ратники подошли к Бринтону.

Его величество король Долье хорошо подготовился к этой войне. Причём готовился-то, похоже, уже очень давно. Может, с того момента, как его дочь, её высочество принцесса Эльгли, в слезах прискакала к воротам Симэ, сопровождаемая одной лишь камеристкой и держа на руках крохотную дочь? Сын беглой прин… то есть временно отлучившейся королевы в это же время мирно пускал слюни на руках служанки.

В свободных королевствах моря Тысячи Бухт случалось всякое. Мужья в припадке ревности убивали застигнутых с любовниками жён, и жёны, уличив супруга в неверности (что случалось куда чаще «непристойного веселия» жён), травили и его, и соперницу алхимическим зельем. Бывали неурядицы и в семьях коронованных особ, однако случай с принцессой Эльгли был поистине особым.

Её выдали замуж за молодого, но уже известного своей силой и разудалым буйством Хабсбрада Рыжебородого, короля Меодора, только что взошедшего на трон после того, как Белая Смерть унесла его почтенного родителя. Почему молодая королевна через три года супружества покинула Меодор, в Долье судачить было не принято. Рука у его величества Семмера была тяжёлая, а на рудниках или, скажем, на бастионах Военного тракта вечно не хватало кандальных рабов. Никто никогда не видел и маленьких принца с принцессой – они росли в закрытом от всех внутреннем дворце в Симэ, куда не допускались даже знатнейшие сеноры, хозяева семи как бы самостоятельных владений под эгидой скипетра Симэ.

Хабсбрад получил разрешение жениться вторично, на Мейте Доарнской, но пока что у них рождались только дочери.

А за спиной Долье оставался Некрополис. Мёртвая река Сиххот, разделившая, как и положено, земли живых и… живых, но живущих в смертной тени, живых, повелевающих ордами нежити. Цепочка крепостей на левом берегу, веками укреплявшемся всем, что только мог измыслить простой человеческий разум: стенами и частоколами, рвами и палисадами, боевыми башнями и целыми полями ловчих ям.

Невольно Дигвил вспоминал собственные путешествия вдоль Военного тракта, от Илтекоора до Веркоора возле слияния двух

больших рек, живой и мёртвой. Никто не знал, что именно сделали мастера смерти с Сиххотом, но в его водах не водилась рыба, птицы не вили гнёзда на его берегах, и люди остерегались касаться маслянистой, серой, всегда подозрительно недвижной глади.

Долье в одиночку сдерживало Некрополис.

А ведь когда-то давно существовал договор между всеми Свободными королевствами, от Долье на юге до Ворштa на севере. Их правители поклялись на Большом Камне, что хранится в Симэ, наверное, самом большом Камне Магии, оставшемся в руках простых людей, – что будут защищать рубеж Сиххота как свой собственный, жертвовать на его всемерное укрепление, посылать свои отряды и в черёд нести караульную службу…

Какое там. Договоры долго не держатся. В Долье давно не слыхали о полках не то что из далёкого Ворштa, но даже и из соседнего Меодора. Поэтому, вспоминал Дигвил, многие искренне радовались свадьбе, брачному союзу Долье и северного соседа, богатого и землёй, и людьми. Королевство Семмера казалось крохотным в сравнении даже с невеликими царствами на берегах моря Тысячи Бухт.

Неужели правитель Симэ рискнул оголить границу с Некрополисом? Да, в последнее время стычки стали редкостью, отряды зомби и их погонщиков нечасто появлялись на «мёртвом» берегу Сиххота, нечасто пытались преодолеть убитую (как не сомневался Дигвил) их собственным колдовством реку.

И всё равно лучшие рыцари несли стражу именно там. Обитавшие вдоль Военного тракта серфы платили меньший оброк.

А теперь – война с Меодором, война настоящая, это уже не свара двух поссорившихся сеноров. Король Семмер, похоже, решил, что можно рискнуть. Дигвил видел штандарты королевской гвардии, с которыми они выходили на торжественный марш перед окнами королевского дворца в столице. А дальше – не знамёна ли сенорства Эфферо, самого непримиримого и самого упорного из всех семи сенорских родов? Непримиримого к хозяевам Некрополиса, конечно же, и самого упорного в том, что львиную долю собранных податей, даней и оброков следует пустить не на всякие глупости, а на вящее укрепление отпорной черты вдоль Сиххота? Неужто и хозяева Эфкоора сменили мнение, решив, что главный враг Долье – за одноимённой рекой, вовсе не за Сиххотом?

Думай, Дигвил, думай, много думай. Тогда, быть может, голова твоя и удержится на плечах.

Глава 5

И вновь Алиедора бежит, и вновь на север – к родному замку Венти. Но теперь уже всё совсем не так. Тогда перед ней лежала мирная страна, а теперь… До самой Долье меодорские роты не оставили ничего живого, и жеребец доньяты тревожно храпел, косясь на мёртвые пепелища.

Назад к реке бежало сейчас немало люда, вырвавшегося-таки из цепких дольинских лап; за ними гнались, и не раз Алиедоре попадались чудовищно обезображенные трупы в цветах королевских полков Хабсбрада.

Из глубины Долье наперехват бегущим спешили новые отряды, быть может, невеликие числом, но и этого хватало, чтобы перенять толпу и обратить её в совершеннейшее стадо, отбросившее даже мысли о сопротивлении.

На сей раз Алиедора знала – у устья Эве её не ждут грубовато-приветливые меодорские паромщики. Если кто и цел – давно удрал, едва только у причального настила появились первые беглецы. И потому доньята решительно двигалась кратчайшим путем. Лишь бы добраться до реки, а там видно будет.

А позади осталось мёртвое поле и жуткая Тень, что скользила над телами… по счастью, ужас больше не показывался. И едва ли, кроме Алиедоры, кто-то его видел.

Говорят, хорошие мысли приходят в умные головы одновременно – не все беглецы, уцелевшие после разгрома, бросились, подобно стаду баранов, к переправам у Фьёфа. Хватало и тех, кто, подобно Алиедоре, прямым путём поспешал к реке, рассчитывая перебраться вплавь.

Несколько раз только резвость жеребца спасала доньяту («Эй, ты, сквайр! стой! слазь, кому говорят! скакуна давай!..») от желающих взобраться на спину гайто. Алиедора лишь молча пригибалась к покрытой гладкой чешуёй шее и давала жеребцу полную волю.

Сзади широкой косой надвигались дольинские полки, развернувшиеся, словно на загонной охоте.

Пограничная река казалась сейчас настоящим спасением.

На рассвете скакун Алиедоры, тревожно фыркая и поводя ноздрями, осторожно вступил передними бабками в жгущие холодом струи. Над поверхностью воды разлеглась туманная завеса, полностью скрывшая далёкий меодорский берег.

– Ну, пошёл же! – нетерпеливо толкнула жеребца доньята.

Но умный гайто не двигался с места.

И лишь когда туман вдруг изрыгнул из себя чёрные короткие росчерки злых стрел, скакун рванулся вперёд, уходя из-под прицела лучников.

Алиедора чуть не наглоталась воды – поднятая жеребцом волна накрыла её с головой. Миг – и гайто быстро поплыл, вытянув шею и низко держа голову, так, что едва были видны ноздри, словно зная, как надо спасаться от выстрелов.

Доньята, как учили, соскользнула со спины плывущего жеребца, пристроилась рядом, вцепившись в уздечку и стараясь пореже выныривать.

С плотов кто-то кричал, указывая на беглецов лучникам. Алиедора оглянулась: на дольинский берег высыпало сразу дюжины две беглецов. Она хотела крикнуть, предупредить – но плеснувшая волна очень некстати принудила закрыть рот, отплёвываясь от набравшейся воды.

Люди поспешно сбрасывали доспехи, швыряли оружие и один за другом бросались в реку, похватав всё, что могло бы плавать.

Выгребая одной рукой, Алиедора ухитрилась повернуться на бок, смогла-таки предостерегающе крикнуть – когда с плотов вновь начали стрелять.

Стрелы хищно клевали серую гладь вокруг голов плывущих; кое-кто из беглецов поворачивал назад, иные, самые неудачливые, молча уходили под воду, краткое время спустя всплывая спинами вверх, подставляя туманной хмари пробитые навылет затылки.

Кажется, она заплакала, не чувствуя слёз, сразу же становившихся добычей ненасытной Долье, бравшей с доньяты дань если не кровью, так хоть слезами.

Гайто плыл, и стрелы уже дважды отскочили от его прочной чешуйчатой шкуры, Алиедора держалась рядом.

Но вот – скакун нащупал копытами дно, замедлился, и Алиедора влезла-вплыла обратно в седло. С них потоками стекала вода, когда жеребец вынес-таки девушку обратно на родной меодорский берег и, не нуждаясь в понуканиях, помчался прочь, унося свою маленькую хозяйку от нацеленной ей в спину смерти.

* * *

Мало кто из меодорцев выбрался на северный берег Долье. Немногие счастливцы, мокрые, зачастую израненные, лишившиеся доспехов и оружия, теперь брели прочь от злосчастной реки. Родная земля встречала их сполохами взметнувшихся на полнеба пожаров – точь-в-точь таких же, что

совсем недавно полыхали над градами и весями дольинского королевства.

Успевшие переправиться полки Семмера сторицей возвращали утраченное. Что могло гореть – сжигалось, что нет – обрушивалось.

Алиедоре пришлось забиться в самую глубь осеннего леса, уже облетевшего, неласкового, пустого, голодного. Развести костёр доньяте не удалось. Вновь спас верный гайто – согревал собственным теплом, пока она, раздевшись, дрожала у него под боком, пытаясь хоть немного просушить одежду на ветру.

Какие припасы оставались – размокли, обратились в кашу. Алиедора зубами вытащила затычку из заботливо сохраняемой бутылочки, зажмурившись, хлебнула обжигающе-огненной жидкости, поперхнулась, зашлась кашлем.

Гайто пододвинулся ближе, смотрел сочувственно.

– Что же мне делать, скакун мой? – лихорадочно шептала доньята, прижимаясь к тёплой броне. – Ведь это же всё из-за меня. Из-за меня. И папу убили из-за меня, и земли разорили, и король Хабсбрад из-за меня погиб… что же теперь будет-то?

Жеребец внимательно глядел на трясущуюся девушку, слушал, словно и в самом деле понимал и хотел что-то сказать, да только – вот беда! – Семь Зверей не наделили его предков в незапамятные времена священным даром речи.

Пойдут ли дольинцы *за ней* в замок Венти? Или… может, они *просто* пойдут к замку, потому что богатства её рода известны всем в Свободных королевствах?

Нет, нет, скорее туда, скорее – предупредить, может, кто-то ещё успеет спастись – матушка, младшие сёстры и братики. Есть ведь родня на севере, можно уехать и в Доарн – туда рука сенора Деррано вряд ли дотянется.

Одевшись в так и не просохшие вещи, заставлявшие содрогаться и выбивать зубами дробь, Алиедора вновь взобралась в седло. Её начинал мучить озноб, купание в осенней реке не прошло даром.

Доньята ехала прямиком через глухие чащобы, излюбленные охотничьи места его величества Хабсбрада Рыжебородого – зверей она сейчас совершенно не боялась. Если скоро свернуть вправо, напрямик к родному замку – она наверняка угодит прямо в лапы дольинцам, что валом валят на север от реки. Не всегда самый прямой путь – самый же и короткий, твердила Алиедора, значит, надо найти пусть более долгую, но более безопасную дорогу.

Что там сейчас на востоке, возле Иллидэ? Где ещё войско Семмера могло вторгнуться в Меодор? Неведомо. Единственное, что могло это подсказать, – пламя пожаров, охватившее весь

горизонт по правую руку Алиедоры.

«Не успею, не успею, не успею, – шептала она, смахивая слёзы тыльной стороною кисти и шмыгая носом. – Гайто, милый мой, дорогой скакун, не выдай!»

И вороной не выдал. Зло и упрямо нагнув голову, он неведомым чутьём отыскивал в чащах звериные тропы, безошибочно выходил к водопоям и мчался, мчался, мчался без устали, как только появлялись прогалы в густых зарослях. Алиедора наконец сообразила, что уже давно не правит скакуном – он сам находит путь.

Через пять полных дней они оказались на большой дороге – той самой, что вела от Бринтона и Сашэ к родному Венти.

Сюда ещё дольинские отряды добраться не успели. Во многих деревнях приписные пахари тупо таращились на поднимавшиеся вдоль горизонта пожары, но… ничего не делали.

– Уходите! Прочь отсюда! – кричала им доньята, на краткий миг задерживаясь возле колодцев. – Идёт Семмер! Семмер идёт! Никого не пощадит! А кого сразу не убьют, продадут Некрополису! Как есть продадут, сама видела! – добавляла она для вящей убедительности.

Алиедора мчалась по тракту, словно вестник Смерти – прямо навстречу полыхавшему зареву. За её спиной серфы поспешно угоняли скотину, уходили прочь, в леса к северу от большой дороги.

«Я должна добраться до Венти, – сцепив зубы, твердила себе Алиедора. – И я доберусь».

Она не спала, почти не ела и лишь пила – жажда мучила неотступно. Подступившая болезнь заставила её три дня проваляться в жару, спрятавшись на заброшенном поле наливника; скакун сторожко пасся в ближайшей роще; теперь доньята гнала своего жеребца прямо по дороге, не боясь ничего и никого, охваченная каким-то странным порывом, в сознании своей полной и абсолютной неуязвимости.

Однако к самому замку Венти она опоздала. Дольинские полки вышли на ту же дорогу раньше её, перекрыв все пути к дому Алиедоры.

Теперь доньяту вновь встречали опустевшие, разграбленные, размётанные по брёвнышку деревеньки, где орудовали шайки мародёров.

…Она знала это село. Раньше, до того, как сделаться воспитанницей в Деркооре, Алиедора не раз ездила сюда вместе с матушкой и сёстрами – на ярмарку, известную по всей округе.

Здесь дольинцы не жгли и не убивали – они деловито вывозили всё, что только могли. Собрали пахарей и их семьи

длинной цепочкой; верно, готовились угнать на юг. Из награбленного сбился немалый обоз – полсотни телег, не меньше.

Алиедора молча ехала прямо по дороге, никуда не сворачивая. Впереди, у околицы, расположился десяток воинов в цветах рода Берлеа.

Здравствуйте, соседушки…

– Эй, ты! Кто такой?! – вскочили двое, наставляя пики.

Гайто спокойно и бестрепетно шагал прямо на них. Алиедора заранее вытащила из ножен свой лёгкий меч, повесила под правой рукой заряженный двумя болтами самострел.

Дивное чувство, когда не замечаешь и не боишься чужой стали, будучи неколебимо-твёрдо уверена, что она не в силах причинить тебе вред.

– Стой, кому говорят! – завопил младший из пикинёров. Доньята мимоходом скосила глаза: кожаная куртка с грубо нашитыми стальными пластинами, низкий и плоский шлем… явившийся по королевскому слову общинник или серф. Нет, скорее общинник, серфы не усердствуют и по собственной воле ничего не спрашивают.

– Сквайр! Оглох, что ли?! – поднялся и десятник.

Дольинцев сбило с толку нечеловеческое спокойствие Алиедоры и её скакуна. Гайто пофыркивал на чужих, но ничего большего себе не позволял.

Алиедора так и не ответила. Острия пик коснулись грудной брони её жеребца, когда рука доньяты слово сама по себе вскинула двудужный самострел и нажала на спуск.

Десятника отшвырнуло, он упал на спину, захрипел и забулькал, обхватив руками пробитое железным болтом горло. Второй выстрел достался говорливому пикинёру – остриё вошло в глаз, словно она, Алиедора, всю жизнь только и занималась, что била из арбалетов, и притом исключительно в яблочко.

Опрокинув пару дольинцев, оказавшихся ближе других, скакун доньяты помчался, да так, как не летел он и в самую первую ночь её побега. Прямо по улице, никуда не сворачивая.

«И зачем я вообще полезла в эту деревню, будь она неладна? Не могла объехать лесом?» – мелькнула запоздалая мысль.

Она ещё успела уронить на землю и затоптать копытами гайто бросившегося ей наперерез копейщика похрабрее, из тех, что охраняли полон. Те не упустили момента, бросившись врассыпную, и вовремя – потому что прямо посреди деревенской улицы стремительно вздувался хорошо знакомый пузырь. Остро завоняло металлически-кислым, и доньяте не требовалось даже оглядываться: Гниль шла за ней по пятам.

Недавние пленники и пленители разом забыли обо всём,

воины сенора Берлеа удирали ещё поспешнее обитателей деревни. Гниль заставляла забыть все распри, смертельные враги кинулись спасаться вместе.

Жеребец вихрем пронёсся сквозь обречённое село. Конечно, это не пепелище, может, после нашествия Гнили тут что-то и уцелеет, как это обычно случалось – когда многоножки охотились за живой добычей, а не просто стирали все следы когда-то стоявших стен и живших за ними людей.

…Алиедора остановилась не скоро, свернув с торной дороги в чащу – где просто свалилась с седла и дала волю слезам.

Где она – там и Гниль. Четырежды за последнее время, с самой «брачной ночи», этот ужас прорывался – и совсем рядом с ней. Видать, незримо и неслышимо крался рядом, выжидая удобного момента: «Побитая собака», «Поросё-нок», стёртая с лица земли деревня в сенорстве Берлеа, и вот теперь – здесь, вблизи от родного Венти.

Доньята слишком хорошо знала, что случается с теми, кто «Гниль приваживает», как говорили серфы.

«Но как же?.. но я же… я была хорошей… за что же меня так? И как теперь возвращаться домой? Что, если Гниль прорвётся в самом Венти? И не один раз? Конечно, камень – это не дерево, многоножкам с ним справиться труднее, но что, если нарывы станут лопаться посреди замкового двора что ни день?

Или… стой, а что, если?..»

Алиедора подняла залитое слезами лицо, судорожно всхлипывая и шмыгая носом. Осенний лес равнодушно смотрел ей в спину, по руке полз какой-то запоздавший лечь спать муравей.

Гниль идёт за ней по пятам? Отлично, значит, пусть она прорвётся в самой гуще дольинского лагеря!

«Но я же не могу её вызывать, – оспорила сама себя доньята. – Гниль просто *чаще* прорывается там же, где и я. Но я не ведьма, это только они умеют насылать беду. Эх, эх, ну почему обычно эти самые ведьмы кишмя кишат, так, что дров не хватает их сжигать, а как нужно – так ни одной поблизости нет?»

Алиедора поднялась на колени, последний раз громко шмыгнула носом – бедная маменька, видела б она её сейчас – от таких манер точно упала б в обморок.

Мыслям в голове вдруг стало как-то непривычно и необычно тесно.

А почему же все те ведьмы, что насылали порчу и призывали Гниль, поклонялись демонам и всё такое прочее, – почему же они не наслали её на тех же дерранцев? Или почему дольинские ведьмы – а такие есть, Алиедора не сомневалась – не проделали

то же самое с меодорцами, когда те принялись жечь и разорять Берлеа?

Она обхватила голову руками, замерла, раскачиваясь. Что-то очень важное доньята почти уразумела, что-то важное – но неуловимое, что никак не выговоришь, несмотря на все старания.

Гниль. Ведьмы. Ведьмы. Гниль. Чудовища-дети, кого и детьми-то назвать язык не повернётся. Фра Шломини учил, что Гниль насылается ведьмами «по Ома попущению, за грехи наши». Серфы и свободные пахари, ремесленники в городах и купцы торговых гильдий, матросы и рыбаки – никогда в этом не сомневались.

Вот сейчас – сейчас *надо*, чтобы кто-нибудь наслал Гниль по-настоящему.

«Но кто? Или всё, что говорилось, будто Гниль можно «призвать», – просто сказки? И если она следует по пятам за мной, я что же, получается, сама ведьма? Или со мной какой-то особый случай, а ведьмы действительно хотели лишь всем вредить и всех губить, а до распри Долье с Меодором им и дела нет?

Ох, ум за разум заходит от такого! Так всё было просто – Байгли негодяй, я – его жертва, бегу и спасаюсь в родных стенах, злые дерранцы идут на нас походом… А теперь что? Бесчинства в Долье, да ещё – Гниль эта…

Нет, нельзя мне домой, – с отчётливым ужасом подумала Алиедора. – Если правда всё, что я тут себе напридумывала, то никак нельзя. А надо и впрямь крутиться возле дольинского лагеря – потому как не каждый же день возле меня прорыв происходит…»

Нет, на чуть-чуть в замок Венти, к своим, она, конечно, заглянуть сможет, убеждала себя Алиедора. На чуть-чуть, совсем на немного – потому как действительно, *не каждый же день* Гниль прорывается.

А остальное время надо быть возле дерранцев и иже с ними. Юная дева на вороном гайто, стремительная, таинственная и неуловимая, ночной ужас захватчиков, страшная, неотступная и смертоносная.

В мечтах Алиедора уже успела увидеть себя единолично уничтожившей всё войско Долье и въезжающей – на чуть-чуть, конечно же, на чуть-чуть! – под своды родного Венти; путь ей усыпают цветами, старшие сёстры рыдают и просят прощения, что дразнили её в девчоночьи годы, королева приглашает её разделить меодорский дворец с нею, спасительницей страны, – а она, Алиедора, гордо и печально отказывается, чтобы, облачившись в тёмные одежды, отправиться в уединённые края,

туда, где преследующая её Гниль никому не причинит вреда.

Доньята вновь шмыгнула носом: перед глазами, как живая, застыла картина тайной пещеры высоко в горах, чтобы виден был весь Меодор с его лесами, реками и речушками, водопадами, городами и сёлами, острыми шпилями над храмами Ома, ползущими по мирным, безопасным дорогам купеческими караванами; а над всем этим – узкий вход в подземелье и застывшая тонкая фигура в тёмной одежде, с молитвенным смирением сложившая руки, смотрящая на спасённый ею мир. А питаться она станет доброхотными даяниями благодарных поселян.

Да, это было бы… неплохо. Хотя, гм, у поселян доброхотные даяния не слишком-то вкусны, так, на крайний случай, чтобы живот бы от голода не сводило.

«Хватит, дура! – зло оборвала себя Алиедора. – Совсем рассудка лишилась. Вставай, надо ехать к замку…»

Так или иначе, она вновь позволила скакуну самому выбирать дорогу, и жеребец тоже решил, что лучше стойл замка Венти места нет.

По торному тракту на великолепном скакуне доньята добралась бы до дома в считаные дни, а тут пришлось путать следы, петлять, поспешно сворачивать с дороги, едва завидев впереди подозрительные дымы или всадников. Дважды за ней решили погнаться, оба раза Алиедору выручил скакун; замок Венти приближался, а она так и не могла ни на что решиться. Прорывов Гнили больше не случалось – зато случалось иное. Во множестве.

Похоже, окрестности её родного замка дольинцы решили разорить с особой тщательностью, можно даже сказать – с методичностью. Здесь Алиедора не увидела следов особой жестокости – именно тщательность и методичность. Сами дома сожжены, люди уведены в полон, нехитрый скарб погружен на тяжёлые телеги, влекомые медленными тягунами на юг, к переправам через Долье.

Чувствовалась хозяйская рука короля Семмера, бережливого и рачительного правителя. Какой смысл убивать несчастных серфов, если их можно выгодно использовать на собственных рудниках?

Ближе к самому Венти некогда цветущая земля обратилась в нагую пустыню: дольинцы не пропускали ничего, даже самого завалящего сенного сарая.

«И сотворили землю пу́сту», – вспомнились доньяте слова давнего сказания. Правда, там речь шла о бессердечных и

бездушных некромантах, Мастерах Смерти, хозяевах Некрополиса – ну так от них никто и не ожидал ничего иного.

Хотелось есть. Давно закончились те крохи, которыми удалось разжиться в последних на пути ещё не разорённых деревнях. В животе поселилась тупая голодная боль, и доньята с завистью взирала на обгладывающего кору гайто.

Неужели никто не сражается с этими варварами Семмера? Что сейчас в Меодоре, где королева, где коннетабль, где знатнейшие пэры? Далеко не все ведь отправились вместе с Хабсбрадом. Почему они не спешат нам на выручку?

Последней ночью от холода и голода Алиедора уже не могла сомкнуть глаз.

Замок Венти лежал на расстоянии вытянутой руки, но вокруг него рассыпалась разноцветная грибница чужих шатров, встали палисады и рвы. И, хотя на высоких шпилях замка гордо трепетал золотой саблезуб Меодора, рядом со штандартом самого рода Венти, топором, разрубающим гору, внизу, среди осаждавших, Алиедора увидела до боли знакомый стяг Деркоора, а вовсе не чёрный с жёлтым королевский флаг. А это означало, что Семмер не остался здесь, пошёл дальше – куда? К столице, где ещё можно было встретить сопротивление?

Сейчас Алиедора обрадовалась бы даже той страшной Тени. Тень, Гниль, всё что угодно – лишь бы на голову проклятых дольинцев. Но, увы, те лишь ёжились на холодном ветру да жарче жгли костры; более ничего плохого с ними не происходило, если не считать меткой стрелы с крепостных башен, порой находившей жертву среди потерявших бдительность деркоорских часовых.

* * *

– Не нравится мне это, батюшка, – Дигвил Деррано старательно понижал голос. – Все другие сеноры набивают мошну, а мы? Вновь сели в осаду этого проклятого Венти?

– Сенор предполагает, король располагает, – хмуро буркнул в ответ старший Деррано.

Отец и сын сидели в хорошо натопленном шатре, у походной железной печки, раскалённой сейчас докрасна – сенор не любил холодов, утверждая, что его «старые кости жар не ломит». Вокруг шатра стояла верная стража, малый десяток, кого старый сенор Деррано подбирал мальчишками, растил и воспитывал едва ли не с большим рвением, чем собственных сыновей. На них можно было положиться.

– Я уже собрался ловить Алиедору, по твоему слову,

батюшка. – Дигвил был сама почтительность.

Старший Деррано лишь презрительно скривился.

Их полки действительно застряли у неприступных стен этого проклятого замка, пока все остальные сеноры с немалым рвением собирали дань со взятой на щит области. Особенно усердствовали Берлеа, но их Дигвил ещё мог понять – соседи и впрямь понесли немалые убытки.

Дигвил помнил каменное лицо короля, когда тот, молча просидев весь военный совет, заговорил лишь в конце – как обычно кратко и не терпящим возражений тоном:

– Вы, Деррано. Ваша обида на род Венти велика. Посему дозволяю остаться здесь и взять замок. Разрешаю взять себе всю славу и весь девет, что найдётся в замковых кладовых.

Отец тогда со всей силой наступил Дигвилу на ногу – мол, молчи, не вздумай чего наговорить!

С королём Семмером не решался спорить никто. Даже семь старших сеноров, по положению своему – ближайшие соратники, опора трона.

– Батюшка, что он задумал? – Дигвил частенько злился на отца, ещё чаще – воображал себя на его месте, в древнем жёстком кресле главы рода, но не мог не признать – о тонкостях политики старый сенор Деррано знал куда больше его.

– Семмер-то? Неужели не видишь? – недовольно буркнул отец. – Зачем, спрашивается, он с собой в обозе возит этого несчастного Льювина? Сына покойного Хабсбрада? И Эльгли, собственную дочь, хоть и бывшую, но всё-таки королеву Меодора?

– Льювина?

– Рот не разевай, шипохвост залетит, – прикрикнул на сына сенор. – Бил я тебя, видать, мало. Думал, ладно Байгли – дурак, да вроде как старший у меня с головой. А оказалось…

– Он хочет, – медленно проговорил Дигвил, – посадить принца на меодорский престол?

– А то нет. Пусть Эльгли сбежала, но её сын, как ни крути, рождён в законном браке, и хочет того Маэд или нет, он первородный наследник Хабсбрада, да будет лёгок его путь в чертогах Ома. А до совершеннолетия принца править станет – угадай кто?

– Сам Семмер?

– Точно. И сдаётся мне… задумал наш король много, много большее, чем кажется и мне, и тебе.

– Чего ж тут больше, – осторожно заметил Дигвил. – Взять под руку Симэ весь Меодор!

– Если правда то, что я, гм, слышал, – старший Деррано протянул руки к печке, – то Меодором дело не ограничится.

Вдовствующая королева Мейта послала за помощью к родне в Доарн.

– Ох, – вырвалось у Дигвила. Воевать ещё и с доарнцами… нет, конечно, чем дальше от Сиххота, тем хуже народ умеет держать меч и сидеть в седле, но всё-таки, всё-таки…

– Правильно, сынок. Ох. Доарнцы народ дикий и злой. Где недостанет умения, возьмут именно злобой. А их король тоже своего не упустит. Меодор – лакомый кусок, вдобавок Хабсбрад погиб, не оставив Мейте сына. Дочери же, как ты помнишь, ни в Меодоре, ни в Доарне не наследуют.

– Глупцы, – поспешно ввернул Дигвил.

– Верно, глупцы. Покойная Севелла, матушка нашего короля, да будет ей пухом всё, что только можно… ох, крута ж была! Я её застал совсем мальчишкой, но до сих пор вздрогну, как вспомню. Тогда северяне в гости к нам заглянули, поднялись по Долье и устроили потеху…

– Я знаю, батюшка. Я читал. Захватили Лен и даже сам Веркоор…

– Да, вижу, читал. Молодец. Не зря мэтру Бравикусу жалованье плачу.

– Учинили там что-то совсем уж жуткое…

– И это верно. В книги, правда, не всё попало. А я-то видел, хотя и был в том походе сквайром сопливым, при отце с бóльшими братьями. Пошло нас пятеро, вернулся я один.

Старший Деррано вздохнул, покачал головой, погрузившись в раздумья. Дигвил почтительно молчал – он, конечно, знал семейную историю, но все подробности той войны никогда до конца не прояснялись. Дед, тогдашний сенор Деррано, и трое его старших сыновей, по легенде, были окружены северными варварами, погибла вся их ближняя стража, и тогда дед вызвал предводителя варваров на поединок, «как истинного воина», прося в случае своей победы дать им выйти из кольца. Вожак варваров отказал, согласившись отпустить только самого младшего – отца самого Дигвила, Мервена Деррано, ибо «нет чести в убийстве детей».

Дед – опять же по семейной легенде – победил, сразив варвара, и должен был после этого умереть вместе с тремя старшими сыновьями. Младшему, Мервену, дали коня и позволили ускакать.

– Впрочем, то дела давно минувших дней, – проскрипел сенор Деррано. – Мальчишка Мервен успел вырасти, заиметь собственных сыновей и состариться. Говорили мы, что в Доарне и Меодоре наследует только меч, а не кудель. Хотя покойная матушка государя нашего куда как ловко управлялась именно с

мечом, а вот знала ли она, как за кудель взяться, я, признаться, сомневаюсь. Так что Льювин имеет все права на престол. Во всяком случае, они у него куда более основательны, чем у дочек Мейты.

– Доарн такого не спустит, – заметил Дигвил. – У королевы есть братья. Насколько я помню, в правах на престол они стоят следующими.

– Верно. Потому что сам Хабсбрад братьев не имел, только сестёр. Давно повыдавал их всех замуж. Так что…

– Быть большой войне, – кивнул младший Деррано.

– Верно говоришь, – каркнул отец. – Так что, может, оно и к лучшему, что мы здесь, стоим в осаде. Кто его знает, как оно там у Семмера пойдет.

– Если дело против него обернётся, так едва ли доарнцы одним Меодором удовольствуются.

– Снова молодца. Соображаешь. – Отец одобрительно хлопнул Дигвила по плечу.

– Но… что же делать, отец?

– Ага. Как решать, что же делать, так всё равно к сенору Деррано бежите, – ухмыльнулся тот. – Я уже послал весть.

– Кому, батюшка? – аж вскинулся Дигвил.

– Кому надо, сынок, кому надо. В свой черёд всё узнаешь.

* * *

В незапамятном прошлом первые владетели Венти заложили малую крепостицу на крутом берегу Роака, превратив её затем в почти неприступную твердыню. Жажда осаждённым не грозила, а уж припасы туда свезли со всей округи ещё во время первого похода.

Озлобленные дерранцы мёрзли в продуваемых ветром шатрах, дышали миазмами лагерных отхожих рвов и чуть ли не с завистью косились на стены замка – за ними, по крайней мере, было тепло.

Алиедора тщательно пыталась отыскать хоть самую узкую щёлочку в осадных порядках. Напрасное занятие – свёкор своё дело знал.

Доньята голодной волчицей рыскала около Венти, шарила по сожжённым деревням – не найдётся ли чего съестного. С каждым днём холодало, море Тысячи Бухт щедро метало в исполинский щит Реарских гор незримые копья мёрзлых ветров, срывавших с ветвей последние бурые листья. Пришла пора первых снегопадов, зверьё попряталось глубже в чащу, кому положено – залегли спать

до самой весны.

…А Гниль всё не обнаруживала себя, не вспухала вслед Алиедоре смертоносными пузырями – словно ничего и не случалось с доньятой, словно не ходила она столько раз по самому краешку! Тут поневоле усомнишься во всём на свете.

Не показывалась и Тень – может, ей не хватало мёрт– вых и умирающих?

Если б Алиедора взглянула сейчас в зеркало, то не узнала бы саму себя. Ввалившиеся щёки, глубоко запавшие глаза, истончившаяся, бледная кожа. Охотиться доньята никогда не умела, мёртвые сёла стояли, словно метлой подметённые.

Если она не уйдёт из этих мест, её ждёт голодная смерть.

Ярко освещённый кострами лагерь осаждающих притягивал, сознание мутилось от одного доносившегося оттуда запаха простой солдатской каши. Порой Алиедоре хотелось просто ворваться туда верхом на верном гайто, разбросать всех и вся (почему-то она ничуть не сомневалась, что на такое способна) – и добраться, наконец, до вожделенного котла.

Рассудок брал верх, но с каждым разом – со всё большим трудом.

Алиедора научилась скрадывать и подслушивать – выходившие из лагеря команды рубили лес на дрова, охраняли караваны, отправлявшиеся на юг, кратчайшей дорогой к Долье. На обоз можно было бы напасть, попытать счастья, если б каждый не охраняло самое меньшее десятка два конных стрелков.

Конечно, в лагере и около него крутилось немало маркитанток, однако и они от палаток поодиночке далеко не отходили.

Неделю Алиедора ждала подходящего случая. Голод терзал так, что мутилось в глазах, однако режущие боли в животе отступили, по крайней мере на время. И доньята, накинув поводья жеребца на первый попавшийся сук, не скрываясь, вышла из лесу. Перед ней в сотне шагов невыносимо смердел лагерный отхожий ров, где как раз сейчас справляла нужду кучка наёмников; они гоготом и сальными шуточками проводили зазывно махнувшую юбкой девицу, прошествовавшую мимо них к тому самому леску, откуда только что вышла Алиедора.

Пришлось вернуться.

Девица не успела даже приступить к собственным надобностям, как у её горла оказалась сизая сталь кинжала.

Сперва Алиедора хотела просто отобрать платье – но глаза девки округлись, и она, вместо того чтобы молча подчиниться, дёрнулась, закричала вспугнутой пичугой; и доньята сама не поняла, как остриё её клинка погрузилось в шею несчастной

маркитантке.

Алиедора оцепенела.

«Я же не хотела. Просто напугать… просто чтобы отдала платье… просто… просто…»

Слишком поздно. Руки всё сделали за неё.

«Это не я, не я!» – почти взмолилась Алиедора, падая на колени возле неподвижного тела – голова неестественно вывернута, из открытой раны на горле течёт кровь.

Как быстро она умерла…

Алиедора всхлипнула. Грязные подрагивающие пальцы доньяты потянулись к разметавшимся по земле волосам; потянулись и отдёрнулись.

Нет, что сделано, то сделано. Этой девушке лежать на холодной земле, таращить в серое небо незрячие глаза, а Алиедоре – жить. Если, конечно, она сейчас не раскиснет, не захлюпает носом, не даст растечься близким слезам.

– Вставай! – крикнула она, для верности хлестнув саму себя по щеке. – Вставай и дело делай, дура!

Далеко не так просто оказалось стащить платье с мёртвой так, чтобы не испачкать ни в крови, ни в грязи.

Дождавшись, пока ходившие ко рву вояки уберутся восвояси, в лагерь развязной, покачивающейся походкой вошла девка с короткими чёрными волосами, вьющимися, словно спиральник по весне. Юбка могла бы показаться чуть длинноватой, да и кожух сидел как-то странно, но кому до этого могло быть дело в осадном лагере? Конечно, стоило вглядеться попристальнее, и какой-нибудь суб-сертон мог задаться вопросом – отчего эта маркитантка не нарумянена, отчего у неё не насурьмлены брови и выглядит она так, словно самое меньшее дней десять вообще ничего не ела?

Алиедора шла по лагерю дерранцев, с трудом заставляя себя не дрожать и не слишком пошатываться. Доньята и не догадывалась, что именно этой походке она обязана относительным невниманием окружающих – получилось очень похоже на «истинных» маркитанток.

От запаха булькавших на огне котлов с варевом кружилась голова и темнело в глазах.

Ей ведь надо совсем немного. Чуть-чуть, чтобы только не упасть в пустом и холодном лесу, упасть и уже не подняться.

Говорят, безумных, идущих не кланяясь стрелам, минует смерть. Главное – не думать о сотнях острых оголовков, нацеленных, кажется, в тебя со всех сторон. Алиедора сейчас шла, словно под градом таких же стрел, только невидимых – смерть мог означать любой, чуть более пристальный взгляд.

…Не думая, не размышляя, она остановилась у первого попавшегося костра; вокруг него кто на чём устроились дерранцы, вернее – наёмники старого сенора: ни один не носил ни его герба, ни его цветов. Заросшие бородами лица, потёртые кожаные куртки с нашитыми стальными пластинами, низкие круглые шапки, вислые усы. Лица многих отмечены шрамами, на грязных заскорузлых пальцах – мятые золотые кольца.

– Привет, девица. – Первым подвинулся немолодой уже дядька с бородой на полгруди, настоящему гному впору. – Что бродишь одна в такую погодку? Садись к огню… что, даже миски нет? Рикки, живо собери гостье чего-нибудь поснедать.

Из-за спин ухмылявшихся наёмников вывернулся парнишка лет четырнадцати, худой, тонкий и ловкий, словно игла в пальцах белошвейки. В руках – дымящаяся миска и ложка.

– На вот, красавица. – Бородатый дядька достал краюху хлеба, разломил, протянув большую часть Алиедоре. – Ешь давай, а то вся красота пропадёт.

И, завидев, как гостья набросилась на еду, обжигаясь, помогая себе пальцами, лишь покачал головой.

– Ишь, изголодалась-то как… ты, дева, из чьих же будешь? Иль недавно у нас?

– Ум-гум… ых-хымм… – только и отозвалась Алиедора с набитым ртом.

– Из новых она, – заметил другой наёмник, помоложе. – Видел я это платьице, мелькало – приметное…

– Как звать-то тебя, красавица? – допытывался бородатый.

– Да какое тебе дело, Ухват? – хохотнул третий вояка, левая рука обмотана грязной тряпкой. – Лишь бы задом как следует крутила.

В былое время эдакие слова заставили б Алиедору поперхнуться, залиться краской и убежать куда глаза глядят, а тут она только хихикнула.

Миска. Миска с едой, остальное неважно.

– Что ж, Ухват, ты у нас десятский, – хмыкнул ещё один наёмник. – А только его светлость сенор не шибко любит, когда посреди дня девкам прочистку учиняют, даже если наша сотня сегодня и не при службе.

Называемый Ухватом бородач – не поймёшь даже, имя это или прозвище, – только фыркнул.

– Мы вчера в дозор ходили? Ходили. Прознатчика спымали? Спымали. Его светлость нас из собственных уст хвалил? Хвалил. Так неужто не заслужили?

«О чём они говорят? – тупо думала Алиедора, ожесточённо работая ложкой. – Прочистка какая-то… о чём, почему, для чего?»

– Ты-то, красавица, как, не против? – Десятник хлопнул себя по поясу, там что-то звякнуло.

Вместо ответа Алиедора молча протянула всё тому же мальчишке вычищенную до блеска миску.

Наёмники захохотали.

– По нраву, ишь, пришлась стряпня твоя, Рикки! А ну, вали красавице ещё, вишь, человек голодный! – распорядился Ухват.

Доньята очистила и вторую миску. По телу разливалось тёплое блаженство.

Спать. Забиться куда-нибудь, где не дует, накрыться хоть чем-нибудь и спать. И ни о чём не думать.

– Та-ак, – потянулся Ухват. – Значится, кто желает? Опосля меня, само собой. А ты, Рикки, марш котёл драить, если не хочешь по затылку схлопотать, раб ленивый!

Только сейчас Алиедора заметила на тощей мальчишеской шее плотно охвативший её ошейник грубой кожи.

«Что они хотят со мной сделать?» – проснулось вдруг сознание.

И сразу же – ой, ой, ой, ой!

Байгли Деррано не успел осуществить с ней свои мужнины права. Собственно говоря, он и не мог этого сделать, не отхлестав свою несчастную жертву.

Ужас и паника таранами ударили по вискам, голова вновь закружилась. Страх готов был обратить Алиедору в обезумевшего серого ушана, удирающего от своры диких клыкачей, однако скитания доньяты не прошли зря.

Она не побежала, не кинулась слепо куда попало. Встала, игриво махнув юбкой, поправила волосы.

– Давай сюда, – осклабился бородатый Ухват, кивая на ближайшую палатку. – А вы все – слухать можете, но шоб не подглядывал никто! Не люблю, панимаишь…

Алиедора вновь захихикала как можно игривее и спокойно шагнула внутрь. Широко ухмыляясь, десятник шагнул следом, тяжёлая полость опустилась.

– Ну, как звать-то тебя, хоть скажешь? – Ухват возился с пряжкой широченного пояса, обе руки десятника оказались заняты.

Доньята потянулась к завязкам, вроде как собираясь скинуть юбку, несмотря на холод. Ухват одобрительно закивал – и потому даже пикнуть не успел, когда ему в грудь вонзилась сталь Алиедориного кинжала.

Глаза десятника выпучились, он захрипел – и стал заваливаться. Алиедора едва успела подхватить тяжеленное тело.

– Сейчас-сейчас, миленький, – сладким голоском

проворковала она, памятуя о тех, кто сейчас наверняка прислушивается к творящемуся в шатре.

Обшарить привешенные к поясу кошели. Схватить заплечный мешок, швырнуть в него полкаравая и кусок солонины. Змейкой скользнуть под пологом – она надеялась, что остальной десяток, включая Рикки, останется возле огня.

…И столкнуться лоб в лоб с тем же Рикки, застывшим с разинутым ртом и поднятыми руками.

Наверное, можно было прижать палец к губам. Можно было схватить за руку и потащить следом, в конце концов, кто этот Рикки – раб, он только обрадуется свободе.

Они бесконечно долго смотрели друг другу в глаза, время остановилось. Плечи мальчишки вдруг приподнялись, он набирал в грудь воздуха; наверное, чтобы закричать.

Алиедора не знала и не могла знать. Вместо этого её рука вновь ударила – кинжалом, покрытым кровью убитого десятника. Прямо под ошейник. Они с мальчишкой оказались слишком близко, чтобы тот успел хотя бы отдёрнуться.

И вновь ей повезло. Рикки опрокинулся, зажимая рассечённое горло; Алиедора перепрыгнула через тело и метнулась в промежуток между шатрами.

Метнулась – и остановилась. Суматошно бегущий привлечёт куда больше внимания, чем спокойно идущий.

…Было уже совсем темно. Лагерь остался позади, а она всё не могла в это поверить. Содрала отвратительное, забрызганное кое-где, как оказалось, кровью платье, швырнула наземь. Хотела бросить и кожух, но передумала: какой-никакой, а в нём теплее. Тщательно вытерла мхом клинок – размеренными, механическими движениями, словно только тем и занималась, что резала людям глотки.

Её затрясло потом, когда она уже взобралась в седло, когда усталый и голодный жеребец вновь побрёл невесть куда сквозь чащобы, отыскав узкую звериную тропу.

Она, благородная доньята, убила троих, легко и непринуждённо. Ни в чём не повинную молоденькую маркитантку, едва ли сильно старше её самой; старого вояку, преломившего с нею хлеб, и мальчишку, просто оказавшегося у неё на дороге.

Подкатила тошнота. Алиедора собралась спрыгнуть с жеребца, но нет – ей слишком дорого досталась еда. Позволить себе слабость, рвоту – никогда!

Она выпрямилась, усилием воли загоняя дурноту внутрь.

В конце концов, это жизнь.

«Я никого не хотела убивать специально. Так получилось.

Значит, так надо, чтобы я жила. В конце концов, этот Ухват сам напросился – незачем было волочь в шатёр первую подвернувшуюся девицу за скромную плату в две миски каши. Доброй каши, даже с мясом – но всё-таки просто каши.

А Рикки тоже виноват – зачем хотел кричать? Или был неложно предан оному Ухвату-Кочерге-Лопате?

Нет, я не стану лить слёзы. Я не стану корчиться в приступах, выблёвывая на ранний снег только что съеденное. Я жива – они мертвы. И пусть судят меня Семь Зверей, если ещё осталась у них такая власть».

* * *

Зима накатывала неотвратимо. Всё чаще падал снег, всё медленнее он таял, всё холоднее становилось ночами, и даже тёплый бок гайто не спасал.

А Гниль, та самая Гниль, что должна была стереть с лица земли осаждающее замок Венти войско, всё не прорывалась и не прорывалась.

Осада же замка затягивалась. Сенор Деррано явно не горел желанием лезть на высокие, считавшиеся неприступными стены; с юга и с севера, из Долье и из оказавшихся под рукой короля Семмера меодорских земель ползли караваны с припасами для его войска. Они, увы, хорошо охранялись, и поживиться Алиедоре ничем не удавалось. Маркитанты тоже оказались не лыком шиты, сбиваясь в большие обозы и нанимая внушительную стражу.

Доньята, как могла, растягивала доставшиеся ей солонину и хлеб, жалела каждую крошку. Но чудес на свете не бывает, краюха не вечна, и в конце концов Алиедоре вновь пришлось выбирать – или она подловит кого-нибудь возле дерранского лагеря, или ей придётся уйти.

Хотя если вдуматься – куда ей уходить от родных стен, над которыми по-прежнему гордо вьётся стяг рода Венти? Меодор, столица королевства, открыла ворота Семмеру; иные владетели, особенно из малых, страшась полного разорения своих земель, изъявили ему покорность. Толковали, что королева и коннетабль бежали на север, в Доарн, где сейчас и собирают полки. Двинуться туда?

По лицу доньяты – загрубевшему, обветренному, грязноватому – текли злые слёзы, когда она в конце концов повернула скакуна на полночь.

Здесь, возле родного дома, она могла только умереть: или красиво и быстро, или медленно и мучительно.

Глава 6

Дольинцы захватили и центр, и восток Меодора. Доньята направила скакуна на северо-запад, вдоль широкой дороги, что вела от Венти к Артолу, – кратчайший путь к доарнской границе. Там, среди своих, она осмотрится и решит, что делать.

Разом надвинулась зима, холодная и лютая, как обычно. Заплясали снежные духи, ветры раздували исполинские белые паруса, раскинувшиеся от неба до самой земли. Гайто уныло брёл по девственной целине – бедняга изрядно отощал, и сил у него поубавилось.

Вокруг лежала разорённая, опустевшая страна, откуда сбежали даже крысы. Снег замёл следы пожаров, только закопчённые печные трубы одиноко торчали то здесь, то там.

Мёртво. Глухо. Дико…

Алиедора не тратила сил, чтобы «отыскать чего-нибудь съестного». Она знала, что неделю без еды выдержит – значит, за эту неделю надо добраться до доарнского рубежа.

Выехав на тракт, Алиедора, сама не зная зачем, не стала возвращаться в лес, а поехала с сторону Артола. Над башнями развевались чёрно-золотые штандарты его величества короля Семмера, в воротах стояла дольинская стража – по счастью, в цветах рода Эфферо, далёкого от владений свёкра. Хотя вряд ли её могли узнать в лицо и простые ратники сенора Деррано.

– Сто-ой! Кто такая? – Копья сдвинуты, под шлемами – раскрасневшиеся от мороза лица, заиндевелые усы, брови и бороды.

– Лайсе из замка Ликси, – еле слышно отозвалась доньята. Она уже не соблюдала маскарада, не пыталась выдать себя за юношу, на это просто не осталось сил.

– Ликси? Хм… А сюда-то зачем явилась?..

– Помираю от голода, – честно призналась Алиедора. – Пробираюсь к родне, ближе к Шаэтару.

– А из замка ты, значит, выбралась? – скверным голосом осведомился копейщик, наставив остриё, в то время как его напарник ухватил жеребца под уздцы.

– Брось, Фенше, лютовать, – неодобрительно пробасил третий стражник, ростом на голову выше двух своих собратьев. – Девчонка едва в седле держится, как ещё не свалилась, а ты её тиранить норовишь. Аль не слышал приказа его величества? О взятии Меодора под его державную длань? О том, чтобы зла не чинить, расправ бессудных, иного непотребства, особливо – над жёнами и девами насилия?

– Слышал, слышал, – недовольно буркнул первый стражник. – Да только его величество приказа излавливать его врагов не отменял. Кем ты была в Ликси, отвечай живо!

– Я… я служанка. Белошвейка. Ученица то есть белошвейки.

– А жеребец такой откуда?! Ох и заморила ж ты его, пустоголовая!

Алиедора едва не ляпнула «оттуда же», но вовремя прикусила язык. Дотошный стражник мог попросту проверить клеймо – и увидеть известный всему Долье знак рода Деррано.

– П-подобрала… приблудился… – Она повесила голову.

Копейщик по имени Фенше подозрительно глядел исподлобья, его молчаливый напарник не торопился отпускать поводья, и на выручку доньяте вновь пришёл третий стражник.

– Само собой, подобрала, – прогудел он. – Отродясь в Меодоре справных гайто не водилось.

– Может, украла! – упирался Фенше.

– Украла! Ох, насмешил! Да ты глянь на неё, глянь хорошенько – она и сейчас, с голодухи едва не окочурившись, крошки чужой не возьмёт, заплатить постарается! Отвали, Феншо, ты, Гайри, отпусти жеребца, а ты, дева, не бойся. Мы – из войска королевского, не разбойники, не лиходеи какие. На вот, возьми, – воин полез в поясную сумку, достал краюху. – Не взыщи, сами не роскошествуем.

– С-спасибо… благослови вас Ом Прокреатор и все Семь Зверей…

– Стой, не накидывайся! – Высоченный стражник схватил её за руку. – Помаленьку откусывай, живот лопнет!

– Ы-ы-ы… – Жёсткие пальцы удерживали хлеб, не давая зубам впиться в горбушку.

– Ничего, ничего, дева… Лайсе из замка Ликси… ешь неспешно, сейчас кипятка тебе дам…

Кажется, никогда ещё она не ела ничего вкуснее.

– Жебжен, ты на посту стоишь или малолеток охмуряешь? – не преминул отпустить колкость Феншо.

– Подданной нашего всемилостивейшего владыки помощь оказываю, – рыкнул Жебжен, и Феншо на всякий случай отодвинулся подальше.

Алиедора ела, изо всех сил стараясь не торопиться. Глупо помереть от заворота кишок, когда спасение так близко. Конечно, куда этим тупым стражникам заподозрить в ней высокородную доньяту! «Ничего-ничего, жалей меня, глупец. Я еще посмеюсь, когда вам всем, «королевскому войску Долье», воткнут в брюхи по доброму колу».

Беглянка нашла в себе силы умильно улыбаться и хлопать

ресницами, стараясь, чтобы во взгляде отражалось «достаточно благодарности». Она выберется из этого кошмара, непременно выберется. И тогда покажет всем – кто хлестал её розгами, кто напал на её родной замок, кто разорял земли сенора Венти, кто убил её отца…

«Вас никто не звал в наши пределы. Вы можете жалеть несчастную замёрзшую девчонку, но вы же, войдя в раж, не пощадите грудного младенчика. Отчего цветущий Меодор обратился в безжизненную пустыню? Не от таких ли, как вы?..»

Но вслух доньята этого, разумеется, не сказала.

…Её пропустили, вдобавок снабдив внушительно выглядящей подорожной. Живот блаженно урчал – в нём уютно устраивалась краюха хлеба, запитая парой кружек обжигающего кипятка; больше у стражников его величества Семмера, владыки Долье и Меодора, ничего не нашлось. Под конец даже Феншо перестал зыркать на неё недобрыми буркалами.

Воспрял и гайто – ему досталось немного сена из королевских яслей. Во всяком случае, когда Алиедора выехала на улицы Артола, по-простецки утирая рукавом губы (матушка лишилась бы чувств), жеребец шагал весело, вскинув голову.

От нарядного, праздничного Артола, запомнившегося Алиедоре большими ярмарками, куда её возили девчонкой вместе со старшими сёстрами, остались одни воспоминания. На улицах, меж домами намело снега, сугробы поднимались до окон, и никто их не разгребал. Занесено было слишком много входных дверей и крылец, слишком много сорвано ставней – холодный ветер гулял по выстуженным, разграбленным и запакощенным комнатам, которые некому было убирать. Сиротливо покачивались, скрипели несмазанными петлями вывески мастеров – все лавки закрыты, но почти же и все – взломаны, всё хоть сколько-нибудь ценное – вынесено. Редко-редко над какой крышей поднимался дымок.

Алиедора молча ехала сквозь полумёртвый город. Она узнавала отдельные дома, храмы – но Артол казался сейчас распластованным трупом под ножом школяра-медикуса; помнится, нянюшка с ужасом рассказывала о страстях, что творятся в Дир-Танолли, где ученики выкапывают с наставниками свежие трупы бедняков, за кого некому заступиться, и кромсают их вдоль да поперёк, «смотрят, чего у них унутре».

Сиротливо крутятся кованые флюгера, холодный ветер дует с Реарских гор, где на вершинах уселся старик-морозник, насылающий лютую стужу. Алиедора пробиралась по улицам Артола; редкие прохожие неразговорчивы, лица – исхудавшие, болезненно-бледные. Невольно доньята подумала, сколько ж их

не доживёт до следующего урожая.

На едущую верхами бледную девушку нехорошо косились, кое-кто плотоядно облизнулся, глядя на отощавшего, но всё ещё сильного и статного гайто. Доньята вздрогнула, понукая жеребца и спеша оставить жуткое место.

…Она научилась жить в голоде. Он теперь был повсюду – в ней и вокруг неё, заполнял мысли, манил лживыми запахами. В Артоле еды было не достать – хоть и звенят в кошеле, срезанном с пояса бородатого наёмника, монеты, на них сейчас ничего не купишь.

Алиедора уже не могла понять, зачем её понесло в полумёртвый город. На что-то надеялась, глупая, во что-то верила… А во что тут поверишь? Кто сильнее, тот и прав. И нет больше никакого закона. Законы – это для слабых и глупых, чтобы думали, что есть «справедливость». Вот она – спаслась на капище от охотничьей своры, всё одолела и превозмогла, добралась до родного Венти; и всё к чему? Отец погиб, замок хоть пока и не взят, но из осады не вырваться. Помощи ждать неоткуда – если в Меодоре такое разорение, серфы бежали кто куда, не собрать нового войска… Вся надежда на доарнцев, однако те тоже не дураки – не преминут поживиться хоть чем-то, хотя чем тут живиться, горько подумала Алиедора, оглядываясь на полумёртвый город.

Да, так что же со справедливостью и законом, доньята? Ты была права, права кругом – и чем оно обернулось? Красивые слова о рыцарской чести – и разорённая страна, что здесь, что на том берегу Долье. «Право супруга», с чего всё и началось…

Нет, хватит. Если она выберется отсюда, она станет совсем другой. Не бежать надо было, а просто зарезать скотину Байгли – пусть на том свете даёт отчёт Ому – или Семи Зверям – в своих делишках. А она побежала. Повела себя как олениха-*скайме*, которую загоняет прайд горных саблезубов.

Если ты бежишь – ты слаб. Удел сильных – стоять и сражаться.

Но если ты и впрямь не богатырь, не могучий воин, если ты всего лишь девушка, едва разменявшая шестнадцатый круг, – что делать тебе?

Сила должна найтись. Она, Алиедора, просто отвернулась от того, что ей подсказывала судьба. Тогда, на капище. Силы, что защищали её, – может ли она вновь взглянуть им в глаза? Они ведь не оставили доньяту и после – как ещё объяснить спасение от Гнили в «Побитой собаке»?

Алиедора пошатывалась в седле, судорожно стиснув поводья. Умный гайто тяжело вздыхал, однако брёл сам по себе и куда

надо, по едва-едва заметной дороге там, где в мирные времена лежал бы утоптанный, наезженный санный тракт – от Артола до расположенного в предгорьях доарнского Атроса. Граница уже недалека, доньяте осталось одолеть расстояние даже чуть меньшее, чем лежало меж Артолом и родным Венти.

Голод злобным хищником вгрызался в сознание, тупая боль в животе давно прошла. Алиедора глушила её кипятком, благо снега вокруг хватало. Она приучилась пить, словно обычную колодезную, кипящую ключом воду не обжигаясь. И сильнее голода, сильнее холода, сильнее даже жажды мести за отца росла и крепла мысль – этого со мной не повторится. Я должна стать сильной. Слабых сметают, и это закон жизни. Сколько бы церковники ни твердили о милости к бедным и обиженным. Этого нет и не будет. Кто верит подобным сказкам – сами всовывают шеи в петли. Если у тебя нет силы – ты никто и ничто. С тобой можно сделать всё, что угодно. Отдать «на воспитание» в чужой дом; отхлестать розгами в первую брачную ночь; травить псами, если дерзнёшь уйти в побег; двинуть вдогонку целое войско, если твои родные решат за тебя вступиться; разорить страну, чьи леса и пажити дают укрытие беглянке…

Ты должна стать сильной, доньята. Никакая месть не воскресит отца, она лишь потешит тебя, но без силы – ты сможешь лишь бежать, всё дальше и дальше, вплоть до Безлюдного берега, где обитает нелюдь и куда, по слухам, не отваживались соваться даже самые опытные маги знаменитой Шкуродёрни.

Алиедора пробивалась сквозь снежную пустыню одна-одинёшенька. Как и когда псы Семмера успели вымести подчистую и этот пограничный край? Куда делись все жители, серфы и благородные? Доньята миновала наполовину сожжённую, наполовину обрушившуюся деревянную крепостицу – замок кого-то из младших вассалов, рыцарей, какие служили и её отцу. Здесь, вблизи от доарнского рубежа, жило несколько благородных фамилий, могущих считаться «ровней» богатым и знатным сенорам Венти, Алиедора могла бы попросить у них убежища. Однако доньята решительно отогнала эти мысли. Она не сойдёт с торной дороги. Может, те замки – не чета сгоревшей крепостице – и выстояли, может, над ними по-прежнему меодорские зна– мёна, но она не может рисковать. Она должна выбраться в Доарн. С ним Долье, насколько доньята могла понять, пока ещё не воевало. Туда же, за доарнский рубеж, по идее, могли сбежать и все местные жители; наверняка не с пустыми руками, так что там Алиедора могла рассчитывать по крайней мере на то, что бесполезно таскаемые в кошелях монеты

наконец-то пригодятся.

Дальше к западу, у самых Реарских гор, жил родной дядя Алиедоры, брат матери, дон Веккор, в небольшом замке, стоявшем во владениях сенора Шайри. Туда дольинцы, скорее всего, не добрались – но как одолеть все эти лиги по зимней пустыне, со всё усиливающимися холодами? Нет, она, Алиедора, сперва должна достичь Доарна. А там уже, отъевшись и разузнав, что к чему, можно будет решать.

Ещё одна деревня, на сей раз – не сожжённая, но дочиста разграбленная. Алиедора устало ползала по брошенным домам в тщетных поисках съестного. Напрасно, только зря потрачены силы. «Ты знала, ты знала», – укоряла она себя, с трудом взобравшись обратно в седло. Правда, на сей раз она спала в тепле, в сараях остались нетронутыми заботливо припасённые сгинувшими хозяевами высокие поленницы дров, да ещё нашлось немного сена для её гайто.

«Ещё два дня, – твердила себе доньята. – Всего два дня – и будет граница. А там…»

Доарнская земля казалась теперь Алиедоре такой же обителью счастья, какой совсем недавно, в дни её бегства, представал замок Венти. Казалось, это случилось с кем-то совсем другим и в совершенно другой жизни…

Что она станет делать в Доарне? А если король Семмер явится и туда во главе своих чёрно-золотистых полков? Куда бежать дальше? Обратно в Меодор? Не лучше ли остаться там сразу? Но если останешься – что потом? Королева и коннетабль, по слухам, собирали силы на севере, далеко от меодорской границы, где-то за Уштилом, на северном берегу Эсти. Направиться туда?

Могло показаться странным, что много дней не евшая досыта девушка думает о том, «что будет дальше», а не о куске хлеба. Однако голод играл с Алиедорой странные шутки – оставив по себе память тупой болью, он удивительным образом расчистил сознание, словно тараном обрушив ограждавшие его незримые стены.

«Тебе ведь помогли, – стучалась неотступная мысль. – Помогли не просто так, просто так ничего в этом мире не случается. Ты для чего-то предназначена, перед тобой высокая и, быть может, страшная судьба, доньята Алиедора. Не для того ты избегла Гнили, не для того вырвалась из лагеря дольинцев, не для того убила столько людей, лично тебе не сделавших ничего дурного. Не для того на тебе чужая кровь, чтобы теперь сделаться жалкой беженкой, несчастной приживалкой в чужом доме».

Она должна отыскать силу. Слабые могут только умирать, и

притом – в мучениях.

Она не умрёт. Эту участь она оставит другим.

Временами Алиедора почти распластывалась на могучей шее гайто, глаза закрывались сами собой, и тогда перед ней возникало одно и то же видение: Семь Зверей, во всей мощи и славе, молча смотрящие на неё семью парами нечеловеческих глаз. Там был призыв, было молчаливое обещание – и, когда доньята приходила в себя, ей казалось, что сил хоть ненамного, но прибавилось.

Правда, ненадолго.

Грязная, с нечёсаными, спутанными и засалившимися волосами, в пропахшей по́том одежде, доньята упрямо ползла к доарнской границе. Временами ей чудилось, что во всём Меодоре в живых вообще осталась лишь она одна. И в самом деле – какое вторжение способно *так* запустошить давно обжитые, густо населённые земли? Главный удар короля Семмера нацелен был на меодорскую столицу, здесь в лучшем случае побывали отдельные отряды фуражиров, может, прошёлся какой-нибудь сенор с частью дружины – от этого целые области не обращаются в мёртвую пустыню!

Миновал ещё один день мучительного пути – голова кружилась всё сильнее, в глазах мутилось. Недавнее прояснение сознания сменилось тупым безразличием, Алиедора уже не правила гайто, жеребец сам вёз свою оголодавшую хозяйку.

На тракте попалась ещё одна деревня – вернее, большое, некогда зажиточное и многолюдное село. На холме возвышались сложенные из новомодного красного кирпича стены элегантного замка, более похожего на игрушку, чем на боевое укрепление. Доньята смутно вспомнила – жилище сенора Арриато, знаменитого как полнотой своей казны (на его землях отыскалась богатая жила девета), так и экстравагантностью. Тоже всё брошено, ворота нараспашку, снег, не прочерченный даже звериными следами, – люди ушли отсюда и уже не вернулись. Не стоял здесь и гарнизон завоевателей – флагштоки тонких башен пусты, чёрное и жёлтое не развеваются на пронзающем зимнем ветру.

– Заглянем, мой хороший, – едва слышно прошептала Алиедора скакуну. Тот коротко мотнул головой и, словно поняв, что от него требуется, пустился трудным шагом по белой нетронутой целине.

Вот и первые дома – здесь погулял огонь, слизнувший тесовую крышу, обглодавший верхние венцы и стропила, но оставивший в неприкосновенности стены. Странно – если бы был пожар, не осталось бы вообще ничего. Тут словно ударило

магическое пламя; а вот здесь и вовсе никакого огня не было – стены подгрызены, словно множеством острых зубов. Стой, стой – а этот знакомый кислый запах откуда?

Алиедора даже забыла о голоде.

Здесь погуляла Гниль. Снег прикрыл побоище, теперь уже не скажешь, сколько страшных пузырей лопнуло на деревенских улицах, сколько многоногих гадов выплеснулось на поверхность; люди не сдались без боя, приняли участие и маги, но верх всё равно остался за тварями.

Сила всё ломит.

Алиедора заставила себя заглянуть в один дом, другой, третий…

Нет, тут уже побывали до неё. Страх перед Гнилью оказался слабее голода. Ненужные мёртвым припасы вывезены, скотина, если какая чудом и уцелела после прорыва, – угнана.

Доньятой овладело холодное, сонливое безразличие. Можно было отыскать относительно целый дом, развести огонь, согреться – но Алиедора сидела на пронзающем ветру под укоризненным взглядом гайто и ничего не делала.

Зачем, для чего, почему? Откуда ей взять вожделенную силу, простой девчонке, никогда не обучавшейся всерьёз искусству боя? Она, конечно, росла сорванцом, умела сбить влёт птицу из небольшого лука, играла в «ножички» с братьями, но разве это может считаться? Так не лучше ли устроиться в пустой избе, дав холоду спокойно и бесстрастно забрать её туда, где не достанет никакой Байгли или даже сам сенор Деррано?

Тревожно заржал её скакун, негодующе замотал головой, уставившись ей прямо в лицо.

– Ты прав, – прошептала Алиедора. – Прав, как всегда, мой хороший… нет, не дождутся! На брюхе, хоть как, но доползу!

Насколько она могла вспомнить уроки земленачертания, замок дона Арриато стоял всего в полудне пути от доарнской границы, но где же в таком случае порубежные дозоры армии короля Семмера? Доарн тайно или же открыто помогает Меодору, там нашли приют королева и двор, не может хозяин Долье так беспечно оставить границу вообще без присмотра!

Впрочем, если его величество поразил паралич мысли, что ж, Алиедора не против. Должно же ей хоть раз повезти!

Она вернулась на тракт. Собственно, никакого «тракта» тут и в помине не было, снег всё замёл, расчищать было некому, но дорога угадывалась, и гайто по ней шагал веселее.

…Вечером доньята достигла вожделенной черты. Большая, из камня сложенная пирамида, украшенная саблезубом Меодора – дольинцы то ли не добрались досюда, то ли сочли ниже своего

достоинства сбивать бронзовый герб покорённой страны. По другую сторону – Доарн, Доарн, люди, еда, тепло и спасение!

– Дошла! – У Алиедоры если что и оставалось, так это слёзы. Она дала им волю, хорошо ещё, что не упала наземь. Просто рубеж Доарна ничего не значил – требовалось отыскать прибежище.

Но… прочные, сложенные из толстых брёвен таможенные срубы оказались пусты – и не только со стороны растерзанного Меодора. Над доарнским укреплением не развевалось и флага, пост оказался покинут.

– Что… что такое? – только и смогла пролепетать Алиедора.

И здесь?! Но дольинцы сюда не заходили, это точно! Или… все испугались Гнили?!

Так или иначе, но в брошенной постройке доньяте посчастливилось отыскать забытый кем-то мешок сухарей. Подвешенный на потолочной балке, он сиротливо висел, непонятно как оставленный, ибо болтался он на самом виду. Не добрались до него и грызуны, добыча упала в трясущиеся Алиедорины руки – ей едва хватило сил не перерезать даже, тупо перетереть ножом верёвку.

Какой же это был пир! Промёрзшие сухари, размоченные в кипятке, – эдакой трапезе позавидовали бы сами Семь Зверей.

От сытости навалилась сонливость, но уже совсем иная, отнюдь не желание вечного покоя. Алиедора натаскала сена поближе к печке, задала корм жеребцу и рухнула, мгновенно провалившись в чёрный, без сновидений, сон, почти неотличимый от смерти.

* * *

– Гляди-кось, девка!

Жёсткая рука рывком приподняла Алиедору, грубо вырвав из сладкого сна. Заполошно и запоздало заржал гайто – словно виня себя, что тоже заснул, не учуял, не предупредил…

Доньята заверещала, словно придавленный ушан, извернулась, попыталась укусить – напрасно, прижавшая её рука знала, как обращаться с кусающимися девчонками.

– Девка? Где девка? – заголосили с разных сторон. Грубые и жёсткие голоса, под стать твёрдой, как сталь, руке, схватившей Алиедору.

Дом заполнился народом – в нагольных полушубках, кое-кто – в надетых поверх них длинных кольчугах. Разномастно вооружённые, чернобородые, пахнущие долгим походом

мужчины; гербов и значков не видно, и это значит…

– Наёмники! – вырвался у доньяты сдавленный писк.

Шлепок и хохот.

– Фу, какое непристойное слово! – глумливо проговорил кто-то за спиной Алиедоры. – Хорошие девочки такого и знать не должны! Мы не какие-то грязные наймиты, мы – благородные кондотьеры Доарна, идущие на помощь братьям нашим и сёстрам в Меодоре, стенающим под игом беспощадного и кровавого тирана Семмера, да почернеет и отсохнет его мужское достоинство!

Снова хохот.

– Ну ты и завернул, Перепёлка! Никакой фра с тобой не сравнится! – прогудел бас.

– А я и есть фра, – задорно откликнулся невидимый Перепёлка. – Токмо бывший. Не стерпел его преосвященство моих вольностей, расстриг…

– Знаем, знаем, Перепёлка, – недовольно бросил третий наемник – как раз тот, что держал Алиедору. – Ты нам это уже сто раз рассказывал. Ты откуда здесь взялось, чудо невиданное?

– О-отпусти-ии… – пискнула полупридавленная доньята.

– А кусаться больше не будешь, *вайкса* дикая? – усмехнулся доарнец.

– Н-не буду…

Жёсткая ладонь разжалась. Скорчившись, Алиедора как бы случайно запустила пальцы за голенище – благо, спала не разуваясь, – нож был на месте.

Уже лучше.

– Тогда садись да рассказывай, – потребовал кондотьер. – Кто такая, откуда, что тут делаешь? Дозорные мне докладывали – мол, ни одной живой души, ни дольинцев, ни меодорцев, словно Белый мор прошёлся.

– Скорее уж Гниль поработала, Беарне, – негромко произнёс новый голос.

Обступленная со всех сторон наёмниками, Алиедора невольно обернулась к говорившему. Обвешанные железом, все средних лет, здоровенные и ражие доарнцы как-то очень быстро и поспешно расступились, пропуская человека в плотном плаще до пят, с длинным посохом, словно у мага из детской сказки. Верх лица скрывал тяжёлый капюшон. Он казался молодым, во всяком случае, если судить по гладкому, лишённому растительности подбородку, но шагал тяжело, слегка приволакивая правую ногу.

– Метхли, – кондотьер по имени Беарне поднялся, словно перед командиром.

– Гниль, Гниль, – Метхли повёл головой, словно оглядывая

всех из-под низкого края капюшона. Наёмники жмурились и отводили глаза. – Тут поработала Гниль. Чудовищный прорыв, давно такого не видывал. Ничего живого.

– Не совсем, – ухмыльнулся Беарне. – Вот, Метхли, гляди, кого я тут словил!

Скрытое тяжёлой тканью лицо обернулось к Алиедоре – безо всякого интереса, совершенно равнодушно.

– Ну, значит, вы сегодня хорошо повеселитесь, господа благородные кондотьеры, – бросил человек в капюшоне.

– Бает, что из Меодора…

– Ясное дело, Беарне, откуда ж ей ещё взяться? Мы шли по целине. Сними допрос, а потом делай с девкой что хочешь. Только чтобы она не слишком вопила. У меня очень чувствительный слух.

Метхли повернулся и, постукивая посохом, двинулся прочь. Наёмники растерянно глядели ему вслед.

Беарне взглянул на скорчившуюся, сжавшуюся в комочек Алиедору, и доньяте показалось, что в глубине жёстких глаз мелькнуло нечто вроде сочувствия. Кондотьер запустил всю пятерню в густую бороду, местами украшенную хлебными крошками, и скривился.

– Могучий маг Метхли, но иногда как завернёт… – пожаловался он, ни к кому в отдельности не обращаясь. – Не бойся, девка. Ничего мы с тобой не сделаем… против воли твоей. Чай, не звери. Не дольинцы.

Судя по недовольному ропоту за спиной Алиедоры, эту точку зрения разделяли далеко не все соратники Беарне.

– Вы же меня не тронете? – вырвалось жалобно-жалкое, и доньята тотчас изругала себя – она показывала слабость, а это только распалит доарнский сброд.

– Не тронем, не тронем, я же сказал, – нетерпеливо бросил кондотьер. – Говори давай толком, что да почему. Коль идёшь с меодорской стороны: что там с дольинцами? Где они, сколько их?..

Алиедора взялась отвечать, как могла подробно. Беарне слушал, кивал, временами переспрашивая; он уже не казался таким страшным, и Алиедора готова была простить ему всё, начиная с нечистой бороды и кончая запахом давно не мытого тела (тут она и сама хороша!).

Кто-то сунул ей кусок хлеба, потом на столе появилась глиняная миска с дымящимся варевом – наёмники не теряли времени даром.

– Значит, нет никого до самого Артола… – Кондотьер казался разочарованным. – Пусто, говоришь, и снегом занесено? И Артол

вконец разорён, никогда такого не видывала? И народишко разбежался? Ничего себе. Так чего ж мы туда лезем-то?

Раздался одобрительный гул.

– Зима наступает, а впереди – пустыня снежная! – буркнул кто-то за спиной Алиедоры. – Дольинцы невесть где! Куда прёмся?!

Беарне досадливо тряхнул головой.

– Хорош языками чесать! Плату взяли? Взяли. Отработаем. Мы не наёмники, мы – кондотьеры, забыли?! Так, а ты чего уши развесила, Лайсе из замка Ликси? Дуй отсюдова! Мужчины говорить станут. Миску забирай и прочь, прочь поди. Потом решим, что с тобой делать…

Алиедора решила, что совет разумен. Лучше всего и впрямь убраться с глаз долой от полутора десятков разгорячённых, раздражённых перспективой марша через мёрт– вые снежные равнины наёмников, именующих себя красивым словом «кондотьеры».

Полдня она провела в разбитом людьми Беарне лагере. Пряталась от чужих жадных взглядов и, как могла, прятала своего скакуна, хотя такого красавца ж разве спрячешь?

Светило миновало зенит, быстро накатывали стремительные зимние сумерки. Укрывшись в почти целом доме на самой окраине села, Алиедора подбросила дров в весело потрескивающую печку и протянула руки к огню. Гайто она, не чинясь, завела внутрь, хотя и с немалым трудом. Но теперь жеребец весело хрумкал сеном и, явно приободрясь, временами косился на маленькую хозяйку.

– Всё будет хорошо, – сонно пробормотала Алиедора, отставляя вычищенную до блеска миску. – Всё будет хорошо…

Сон накатывал необоримой волной. Что там случится завтра, через день, спустя седмицу – неважно. Голодовка кончилась, по телу разлита блаженная сытость.

…И ведь попалась же именно так, тетеря! Проспала, и на этот раз не случилось рядом Беарне, для которого слова «кондотьерская честь» не пустой звук… Её схватили точно так же, сонную. Схватили, завернули руки и принялись деловито стаскивать одежду, зажав рот потной от вожделения, заскорузлой ладонью. Алиедора мычала и отчаянно брыкалась, но эти доарнцы тоже отлично знали, как следует управляться со строптивицами. Несколько мгновений спустя доньята уже лежала на полу со спущенными портами, открыв жадным взглядам всё самое сокровенное.

– А ну-ка, дева, счас мы тебя ущучим… – просипел один из наёмников – всего на доньяту навалилось аж шестеро.

Рот Алиедоры был заткнут какой-то тряпкой, руки жестоко скручены; она могла лишь судорожно дёргаться, словно выброшенная на берег рыба, перед тем как добытчик огреет её веслом.

«Ну, Гниль, милая моя, родная, где же ты? Пришла на помощь в «Побитой собаке», а теперь, видать, бросила?!»

Доньята изо всех сил завертелась, глаза раскрылись широко-широко, в полном отчаянии созерцая ухмыляющуюся бородатую рожу наёмника, успевшего скинуть штаны, и тут…

– Прекратить, – произнёс негромкий голос. Властно стукнул подбитый железом посох.

Насильники замерли. Самый ретивый, что со спущенными штанами, так и застыл, качая напряжённым мужским достоинством.

Маг по имени Метхли встал рядом со связанной Алиедорой, по-прежнему не снимая тяжёлого плаща и не откидывая капюшона.

– Прекратить.

– Ты, господин чародей, в наши простые дела не встревай, – просипел бесштанный кондотьер. – Девчонку затянули, то ж дело военное. Было так всегда и будет. Оставь нас, почтенный. Мы тебя слушаем, ну а теперь и ты к нам тоже снизойди.

– Глупцы, – не повышая голоса, сказал Метхли, слегка усмехнувшись. – Эта девчонка нам нужна целой и нетронутой. Девственной. Поищите себе других развлечений. Например, можете склонить к любовным утехам жеребца сей юной особы.

Кто-то из наёмников сделал короткое движение, не стерпев обиды; Метхли резко выпрямился, обеими руками отбросив на спину капюшон.

Алиедора завизжала, вернее, попыталась это проделать, несмотря на заткнутый рот.

Над переносицей чародея, прямо во лбу, красовался третий глаз. Багровый, словно налитый кровью, он беспрестанно, точно сам собой, ворочался в орбите, чёрный зрачок отвесно рассекал жёлтую, словно у хищных птиц, радужку.

Алиедора не выдержала – забилась, словно пойманная птица. Кричать не давал кляп во рту.

С таким она ещё не сталкивалась.

Наёмники, судя по всему, тоже нечасто видали своего отрядного чародея с открытым лбом. Враз притихнув, они по одному, бочком-бочком поспешили убраться восвояси.

– Не бойся. – Волшебник сел рядом, вытащил комок тряпья изо рта доньяты, с отвращением отбросил. – От меня тебе вреда не будет. Столь занимающие этих несчастных вопросы пола не

волнуют владеющего истинным знанием.

– В-в-ва… – только и смогло пролепетать Алиедора, не в силах отвести взгляда от жуткого глаза посреди лба у чародея.

– Да, я знаю, – спокойно согласился тот, заметив, куда она смотрит. – На непосвящённых производит сильное впечатление. Но внешность обманчива. Кроме того, я не променяю это своё «уродство», – последнее слово он произнёс с заметным нажимом, – на самое распрекрасное, самое красивое лицо во всех Свободных королевствах. Не дёргайся, пожалуйста. Дай мне тебя развязать.

– С-спасибо…

– Дрожишь? Правильно делаешь, – заметил Метхли, бросая разрезанные верёвки на пол. – Непонятного и сильного стоит опасаться. Не давая, впрочем, страху окончательно тебя обездвижить. Поговорим, дева. Как ты думаешь, почему я тебя спас?

– Б-благородный господин… не мог видеть мучения невинной? – осторожно попробовала Алиедора, вскакивая и судорожно пытаясь одеться.

Метхли улыбнулся, не разжимая губ.

– Ерунда. Не существует «невинных». И мучения ведут лишь к просветлению. Поверь, я убедился на собственном опыте. Попробуй ещё раз.

Алиедоре очень хотелось спросить, до какого же предела заявленные «мучения» бывают благотворными, но, наткнувшись на взгляд вдруг уставившегося на неё третьего глаза, лишь тихонько пискнула.

– Попробуй ещё раз, – повторил чародей.

– Я… вам зачем-то нужна?

– Уже лучше, – одобрил Метхли. – Теперь вопрос посложнее. Для чего, как ты думаешь, ты мне можешь понадобиться? Постельные темы можешь даже не затрагивать.

«Он знает, – задрожав, вдруг поняла Алиедора. – Его глаз… что-то он во мне увидел. Что-то такое, что…»

– Я… отмечена? – осторожно проговорила она, ощущая каждый покинувший её губы звук, словно каплю яда.

– Умница, – вновь одобрительно кивнул волшебник. – Запрятано это в тебе глубоко, даже я не сразу в тебе это разглядел. – Он слегка коснулся лба над переносицей. – И потому ты не должна достаться этим бедным ребятам. – Он небрежно махнул рукой в сторону двери.

– А… а кому? – совершенно по-детски спросила Алиедора и тотчас залилась краской.

– Это служит предметом моего исследования, – невозмутимо

ответствовал чародей. – Идём, дева, я должен провести кое-какие эксперименты. Да не дрожи так! Больно не будет. Мне всего-то и надо, что три капли твоей крови…

Жилище, где устроился маг, было обычным деревенским домом, по счастью неразграбленным. Верно, его обитатели успели выбежать, и потому многоножки Гнили не покусились на целостность стен. Возле по-простецки добела оттёртого стола небрежно была брошена пара седельных сум, и ещё одну небольшую суму Метхли извлёк из-под необъятного плаща. Появились странного и пугающего вида инструменты, блистающие ланцеты, крючки, какие-то щипцы с причудливо выгнутыми концами, винты с кольцами и так далее и тому подобное. По первому взгляду доньята уверенно сказала бы, что видит дорожный арсенал странствующего палача-дознавателя.

– Не бойся, – повторил Метхли, беря Алиедору за дрожащую ладошку.

Больно и впрямь не было. Почти. Три стремительных укола тонкой, с человеческий волос, но удивительно твёр– дой иглой, три багряные капли, сорвавшиеся с подушечки пальца в три подставленные пробирки…

– Можешь посидеть тут спокойно, – предложил Метхли, не отрывая взгляда от скляниц, куда его ловкие руки уже добавляли то один, то другой эликсир.

Доньята осторожно опустилась на лавку. В печи жарко трещали поленья, холод совсем не чувствовался, хотя выстуженную избу надо топить самое меньшее день, чтобы изгнать просочившийся мороз.

Метхли стоял к Алиедоре спиной. Тихо позвякивало стекло, ползли странные, причудливые и порой отталкивающие запахи, со странной быстротою сменявшие друг друга – словно морские волны.

Наконец раздался негромкий хлопок, из-под рук чародея вырвался клуб плотного белого дыма. Метхли отшатнулся, что-то заскрипело, словно по доскам прошлись острыми железными крючьями. Маг что-то неразборчиво прошипел, бросил на Алиедору быстрый и недобрый взгляд через плечо – отчего доньяте вдруг очень захотелось выбежать на улицу, броситься к своему гайто, вскочить в седло – и скорее, скорее отсюда, куда угодно, только прочь от этого жуткого человека (полноте, да человека ли?!) с третьим глазом посреди лба…

Почему её ноги так и остались приросшими к полу?

Почему она осталась?

Почему ждала, глупо хлопая глазами, словно надеясь на невесть какое чудо?

Чародей наконец взглянул прямо на неё, и – о счастье! – страшный третий глаз оказался плотно зажмурен бугристыми толстыми веками, каких никогда не бывает и быть не может у обычного человека.

– Останешься со мной.

Он не спрашивал, он приказывал.

– Останешься со мной. В сторону – ни шагу.

– П-почему? – сжалась Алиедора.

– Ты отмечена, – внушительно проговорил чародей. – Погляди, что в твоей крови, – он высоко поднял три скляницы, до краёв заполненные чернильного цвета жидкостью. – Ты изменена.

– Ну и что? – У доньяты ещё хватало смелости перечить. И в самом деле – мало ли чего он туда намешал…

– Ну и что? – прошипел Метхли, третий глаз широко раскрылся, задёргался в орбите, наконец уставившись прямо на Алиедору, да так, что она, тихонько всхлипывая, стала сползать с лавки. – Спрашиваешь «ну и что», несчастная? А то, что у тебя кровь с Гнилью смешана, иная, уже не людская в тебе кровь течёт, это тебе тьфу?! – Он яростно потряс воздетыми скляницами.

– Я вижу просто чёр…

– Молчи! – Третий глаз нестерпимо сверкнул, словно внутри черепа ярко вспыхнули угли. – Хочешь убедиться?! Смотри!

Все три склянки оказались разом перевёрнуты. Чёрная жидкость плеснула на пол, три кляксы мгновенно слились, а затем лужица вдруг выгнула спину, выпустила четыре ящеричные лапки и взглянула в лицо Алиедоре тремя красными, лишёнными век глазками, из стороны в сторону мотнулся нагой крысиный хвост.

Тварь зашипела, раскрылась пасть – от края до края круглой головы, словно кругляш флака, разрезанный пополам, блеснуло три ряда мелких, но острых зубов.

– Хватит! – рявкнул Метхли, с силой вонзая посох прямо в спину страшилища. Что-то хрустнуло, словно ломались кости, и бестия стала растекаться, вновь становясь мокрым чёрным пятном. Дольше всего держались, зло блестя, три алых глаза, но вот наконец и они потускнели, словно утонув в разлившейся черноте. – Видела?!

Алиедора видела. Видела и понимала, что всё это может оказаться просто хитрой иллюзией, мороком, понимала… и ничего не могла сделать, потому что это понимание под пронзительным взглядом красного глаза стремительно таяло, исчезало, как утренний туман.

– Я тебя не обманываю, – с неожиданной усталостью вдруг сказал чародей. – Посуди сама, для чего мне, человеку,

взыскующему сокровенного знания, морочить голову ничем не примечательной, совершенно обычной девочке, Лайсе из замка Ликси? Тратить силы и время, реагенты, далеко не дешёвые и редкие, которые не купить в лавочке на ближайшем углу? Нет, моя дорогая. Тебя отметила Гниль. Ты родилась с Нею в крови. Рано или поздно это бы проявилось, и тогда, – третий глаз уставился прямо на неё, – тогда тебя бы просто сожгли. Как и множество других. Большинство, конечно, ничего общего с Гнилью не имело, но малая, исчезающе малая часть… – волшебник покачал головой, – исчезающе малая часть, к каковой принадлежишь и ты, Лайсе, если, конечно, ты продолжаешь настаивать, чтобы тебя так называли.

– Но… Гниль… это же… как же…

– Не лепечи! – оборвал её волшебник. – Отмеченный Гнилью держит себя с достоинством. Смотри на меня.

– Ты… тоже?

– Конечно, – пожал плечами Метхли. – И поверь, моя дорогая, претерпеть мне пришлось куда поболе твоего. Пока я не понял, что Гниль – не проклятие, а благословение.

– Б-благословение?

– Конечно. – Чародей возился со своим магическим хозяйством, аккуратно раскладывая всё по кармашкам. Движения чёткие, отрывистые, отточенные – обычные люди так не могут. – Гниль – необходимейшая часть мирового порядка. Так же, как и смерть или рождение. Великий круг не может оставаться разомкнутым. И мы, – его глаза сверкнули, – мы, «отверженные», отталкиваемые че-ло-веками, – последнее слово он произнёс раздельно, с нескрываемым презрением, – мы стоим на самом краю. Наша доля высока и особенна. Мы – иные. Наш долг – смотреть в бездну, куда не решается заглянуть никто другой. Я научу тебя, как не упасть. – Он вдруг улыбнулся. – Не надо бояться. Ни Гнили, ни смерти. Потому что Гниль защитит тебя и от себя самой, и от Её слуг, и от смерти. Надо лишь знать. Я тебя научу. Если, конечно, ты окажешься способна. Тебе надо идти со мной.

У Алиедоры подкосились ноги. Отмечена… Гнилью.

Конечно. Отмечена, ну, конечно же, отмечена! Сколько раз Гниль подавала ей знаки, а она старательно отворачивалась, не верила, не хотела верить.

– Да, ты отмечена – и больна, пока что больна. – Теперь голос Метхли стал тих, вкрадчив и ласков, ни дать ни взять – опытный целитель. – Но твоя болезнь может обернуться силой… великой силой. И я знаю, как ты сможешь излечиться. Как сможешь обратить недуг в собственную мощь.

«Я должна остаться, – всплыла мысль. – Куда мне деваться? Мне, отмеченной, «порченой», от которой, когда узнают, отвернутся все, даже родные?»

– Будет страшно, – честно предупредил маг. – *Сквозь огонь и воду сквозь, сквозь пылающую кровь, камень, воздух, лёд…* – вдруг речитативом-скороговоркой выпалил он, и Алиедоре враз подурнело. Что-то тёмное надвинулось из углов, высунулось, дразнясь, нагло уставилось в затылок. Тупое и горячее распирало виски изнутри, мысли вспыхивали и гасли, словно сгорающие в пламени масляной лампы ночные мотыльки.

Темнота надвигалась со всех сторон, перед глазами словно сдвигались чёрные створки. Алиедора ткнулась лбом в руки и застонала.

– Тьма вокруг нас, – донеслось словно из дальнего да-лёка. – Глотающая всё тьма, сжигающий всё свет. Чёрное и белое. А Гниль – она между. Потому что кому-то ведь надо следить, чтобы сохранилось равновесие. Люди назвали *Это* Гнилью. Думая показать, насколько Она отвратительна. Пусть. Знающий лишь посмеётся над тупостью недалёких.

Наваждение таяло, лоскутья тьмы поспешно уползали, горницу заполнял знакомый металлически-кислый запах Гнили, но теперь он уже не казался таким отвратительным.

* * *

Доарнские наёмники не задержались на зорище. Поживиться тут было нечем, воевать не с кем. Отряд в почти три сотни всадников, не теряя времени, двинулся в глубь Меодора, всё сильнее уклоняясь к востоку; вернувшиеся дозорные подтвердили весть Алиедоры об ожидавшей «освободителей» снежной пустыне. Портилась и погода – зачастили ранние метели, ветер дул исключительно в лицо, холода наступали так же решительно, как и победоносная армия Долье.

Трёхглазый маг Метхли ехал колено к колену с Алиедорой. Слегка отъевшийся гайто доньяты ревниво косился на незваного пришельца.

«Лайсе из замка Ликси» особенно не расспрашивали. Собственно говоря, после того как чародей наложил на неё свою руку, с Алиедорой вообще никто не заговаривал, даже Беарне, бывший кем-то вроде сотника. Предводитель отряда, рыцарь в глухом шлеме, вообще не проявил к пленнице никакого интереса.

Кондотьеры сошли с торной дороги. Доньята понимала почему – нападать на гарнизон Артола не было никакого смысла,

раз там нельзя взять никакой добычи. Наёмники искали дичь покрупнее.

Невольно Алиедора этому порадовалась. Добродушный великан-дольинец, помогший ей и снабдивший не пригодившейся, правда, пока что подорожной… хорошо, если с ним ничего не случится. Во всяком случае, сейчас. Конечно, пусть изверга Семмера расколошматят в пух и прах, пусть его воинство уберётся прочь, обратно за Долье… но пусть именно этот отдельно взятый воин в его армии останется жив и невредимым вернётся домой.

«Что за ерунда?! – одёрнула она себя, прочь гоня ни– кчёмные жалостливые мысли. – Никто не звал дольинцев в наши пределы. И они – все, – ворвавшиеся в наши дома с оружием, должны заплатить. Собственными жизнями. Никакой пощады. Никакого сочувствия. Иначе не отвоевать Меодор и не отомстить за отца».

Северные пределы королевства Алиедора знала скверно, сколь ни старался фра Шломини вложить в неё хоть что-то. Названия мелких городков моментально выветривались из памяти доньяты, нетерпеливо ёрзавшей на лавке и мечтавшей поскорее вскочить и умчаться с сёстрами или другими девчонками на Роак, вытянуться на заветной ветви и смотреть вниз, на быстро текущую воду, следить за игрой бликов, похожих на стремительных рыбок, и рыбок, похожих на яркие блики.

Здесь кондотьеры шли уже не по пустыне. Деревни, конечно, изрядно опустели, многие селяне подались в леса, прихватив самое ценное, однако немало и осталось, по извечной привычке полагая, что «пронесёт». И, в общем-то, пока они были правы – дольинцы до них добраться не успели, а куда и успели – то в виде податного сборщика с писарем и двумя десятками всадников. Они, конечно, ели и пили в три горла, но до конца село всё-таки не разоряли.

При виде трёх сотен вооружённых до зубов доарнцев стенающие под игом Семмера пахари улепётывали куда проворнее.

Трёхглазого чародея часто звали теперь к предводителю кондотьеров, он уходил, возвращался, всякий раз с дымящейся миской еды. Ставил её перед Алиедорой, угрюмо глядел на доньяту:

– Ешь.

– Не могу… не хочу… – отворачивалась она.

Есть Алиедора и впрямь не могла. Голод и истощение отступили, а на смену им пришло нечто новое, равнодушие к лежащему вокруг миру и лихорадочный, всепоглощающий интерес – к лежащему «за гранью».

Белый снег, чёрные леса вокруг, а прямо посреди этой картины – горящий алым третий глаз, окружённый валиками покрасневшей, воспалённой, шелушащейся кожи, словно тело волшебника само старалось избавиться от страшного подарка.

– Ешь! – Багровое око впивалось в Алиедору. – Иначе помрёшь, заморыш. Как тогда учить тебя стану?

Не в силах противиться, доньята покорно набивала рот, не чувствуя вкуса.

Что-то должно было случиться.

Нарыву предстояло лопнуть.

Мир исчезал, но зато приходило иное. Когда наступал вечер, отряд останавливался, и они с Метхли усаживались друг напротив друга, трёхглазый чародей осторожно, почти что с нежностью брал её руки в свои, откидывал капюшон, и страшный глаз упирал неотвязный взгляд в лицо Алиедоре.

Метхли шептал – она повторяла. Слова укладывались плотно, точно камни в основание башни. Слово, жест, мысль. Мысль, жест, слово.

– Что такое магия? – тихо, внушительно говорил чародей, глядя прямо в глаза Алиедоре. – Почему вокруг неё такая тайна? Почему иные способны сотворить нечто из ничего, а другие, хоть сотри себе весь язык, повторяя заклинания, не добьются ничего? В чём тут секрет? Слушай меня, слушай, потому что за этим – твоё спасение и освобождение, заморыш. Гниль ничего никому не дарит, не «делает просто так» и вообще не имеет сознания. У Неё ничего нельзя просить, Её нельзя умолять. Она не Ом Прокреатор. Ей не нужны ни храмы, ни слуги. Ей нельзя «поклоняться» или приносить жертвы. Можно только служить, ощущая Её, разлитую вокруг, угадывая Её волю. Не как приказы королей или сеноров, но как своё собственное, сокровенное.

Она уже в твоей крови, – шептал Метхли, и третий глаз пылал раскалённым углем. – Она всегда была там. Прими это. Не сожалей и не плачь о несвершившемся. Люди называют Её Гнилью, но Её собственное имя Она откроет тебе лишь сама, так же, как Она открыла его мне.

Алиедора не сопротивлялась. Губы словно сами повторяли сперва казавшиеся чужими и страшными слова. Невольно вспоминалось Долье, и жёлтый поток многоножек, пощадивший её и занятый совсем другим – очищением земли.

Метхли говорил, что она делает успехи. Доньята не понимала – слова возводили в ней словно несокрушимую крепость, но сама она ничего «такого» не могла, да чародей от неё этого и не требовал. Просто учил, держал её руки в своих и постоянно повторял: «Чувствуй! Где Она сейчас?»

…*Это* приходило постепенно, сперва едва ощутимым запахом. Он отличался от обычного, металлически-кислого, присущего Гнили проявляющейся. Алиедоре казалось, что «начинает тянуть» откуда-то со стороны, и тогда она махала рукой – «там».

Частенько она ошибалась, но Метхли это нимало не смущало.

– Скоро будешь мне помогать, – удовлетворённо повторял он после каждого урока.

И она помогла.

Первого столкновения с дольинцами она почти и не заметила. Больше обычного суетились кондотьеры, сойдя с дороги и забившись в лесную чащу. Гайто доньяты тревожно храпел, сама же Алиедора широко раскрытыми глазами, словно одурманенная, глядела прямо перед собой на торопящихся куда-то воинов, не различая, не слыша, не понимая…

В голове остались только последние слова трёхглазого Метхли.

«Будешь мне помогать. Я справлюсь и без тебя, но учиться лучше всего в бою».

Потом были резкие команды, и рубящий свист стрел, и плотные, хрусткие удары наконечников в неповинные древесные стволы, и хриплые крики, и лязг столкнувшейся стали – Алиедора словно ослепла, она не видела, только слышала.

Крики, и хаканье, и особый, ни с чем не сравнимый звук, с каким сталь секла человеческую плоть. Звуки было отодвинулись, потом придвинулись вновь, и тогда задёр– гался недвижно сидевший до этого в седле Метхли. Казалось, трёхглазому чародею куда важнее Алиедора, чем разгорающийся вокруг него бой.

Капюшон медленно сполз на покатые плечи. Волшебник коротко взглянул вправо-влево, скрещёнными пальцами накрыл третье око, а потом резко уронил руки.

Одуряюще запахло металлически-кислым. Ни с чем не сравнимый аромат Гнили. Его Алиедора не забудет до гробовой доски.

– Помогай! – гаркнул Метхли.

Как именно следует помогать, он отчего-то сообщить не удосужился.

Враги рядом. Дольинцы. Те самые, что осаждали Венти, из-за кого она, доньята Алиедора Венти, мечется по заснеженной пустыне умирающим зверьком.

– Помогай! – хлестнуло жёсткое.

Руки доньяты шевельнулись, пальцы сложились во многократно повторенном с трёхглазым чародеем жесте. Губы

прошептали слова, бессмысленное сочетание резких, шипящих слогов.

Казалось бы, кто не повторит движения, кто не заучит слов?..

Но только у избранных за жестом и словом следует *дело*.

Впереди, там, где звенели, сшибаясь, мечи и копья ударяли в доспехи, что-то происходило, что именно – Алиедора не знала. Одуряющий запах почти погасил сознание, она пошатнулась, из последних сил цепляясь за луку седла.

…Когда она очнулась, то едва не провалилась обратно в небытие – на неё несдерживаемой яростью пялился третий глаз Метхли.

Волшебник коротко хлестнул её по щеке – сухими длинными пальцами, словно у скелета.

– Не вздумай! – яростно прошипел он, алое око, точно обезумев, неистово вращалось в орбите, как никогда не сможет обычный человеческий глаз. – Не вздумай! – Капли дурнопахнущей слюны попали Алиедоре на щёку, и она дёрнулась, обожжённая, – кипяток, да и только!

Руки впились ей в плечи, рывком вздёрнули, придавили к губам горлышко фляги, так, что стало больно. Снадобье лилось по подбородку, оно оказалось совершенно отвратительным на вкус, но хотя бы не пахло Гнилью. И от него действительно полегчало.

– То-то же, – проворчал чародей, вновь накрываясь капюшоном. – А то вздумала…

– Почему мне нельзя лишиться чувств? – Алиедора сама удивилась собственному голосу. Ей ведь полагалось просто кивнуть. Зелье оказалось слишком уж сильнодействующим?

– Нельзя! – отрезал Метхли. – Ты теперь с Нею. А с этим не шутят. Если, конечно, не хочешь стать этой, *лялькой чорной*, как говорит простонародье.

У доньяты затряслись поджилки.

– А… а… как же…

– Ты молодец. Ты очень мне помогла, – чародей похлопал Алиедору по плечу.

– Да в чём же?!

Но Метхли только отвернулся.

Как сработало заклятье трёхглазого чародея, Алиедора тем не менее увидела. Хотя потом честно хотела бы всё забыть.

Дорогу покрывали тела. Наверное, не так и много, несколько десятков, но лежали мёртвые дольинцы один на другом, и у всех, всех до одного, животы, казалось, лопнули изнутри. Парили желтовато-гнойные лужи; от одуряющей вони, той самой, что сопровождала Гниль, Алиедора вновь едва не лишилась чувств.

Она невольно задумалась, почему чародей не пустил это заклятье в ход с самого начала. Не мог? Или просто потому, что остальные убитые дольинцы были раздеты победителями донага, благородные кондотьеры не побрезговали даже окровавленной одеждой. Доспехи всегда считались дорогой добычей, особенно рыцарские, – а магия Метхли взорвала изнутри даже железо нагрудников.

Правда, сам чародей выглядел не слишком здорово – лицо посерело и осунулось, он дышал тяжело, часто и хрипло, словно задыхаясь. Мало-помалу это проходило, но окончательно он оправился только дня через два.

* * *

Зима лютовала. Наверное, в одиночку Алиедора и впрямь бы погибла; тут, у кондотьеров, её кормили, заботились, охраняли – иной, впрочем, сказал бы, что так серфы оберегают дойную корову.

Доарнцы не раз схватывались с мелкими отрядами из армии короля Долье и всякий раз выходили из боя победителями. Нападали, как правило, из засад, били в спину, уклоняясь от крупных сражений. Север Меодора оказался разорён не до конца, и благородные кондотьеры, заняв какое-нибудь село, тотчас же громогласно требовали «кормов», ибо «за вас, вши запечные, бьёмся, за вашу свободу, тудыть и растудыть!».

Алиедора не знала, что отвечали поселяне, но еда у трёхглазого чародея, во всяком случае, не переводилась.

Доньята, совсем недавно с упорством обречённой пробивавшаяся к северной границе, теперь покорно и бездумно следовала за Метхли. Она ничему не удивлялась, даже странному имени трёхглазого, хотя чародей обладал выговором настоящего доарнца.

Из обрывков разговоров Алиедора знала, что бежавшая в Уштил королева Мейта, вдова павшего Хабсбрада, собрала-таки войско, наняв немало кондотьерских отрядов, что приходили чуть ли не от самого Гвиана. Однако Доарн так и не выслал дольинского посланника и не объявил открытой войны…

* * *

– И не объявил открытой войны. – Дигвил Деррано остался стоять на одном колене, почтительно склонив голову перед

отцом. – Таковы последние вести. Доарнцы обнаглели, перейдя границу во многих местах; на западе, мне донесли, им совсем нечем поживиться, зато на севере развернулись вовсю. Шесть крупных отрядов. Наёмники и родня королевы Мейты. К ним примкнули многие другие нобили.

В тёплом зимнем шатре сенора жарко горели печи – одна в глубине, рядом с ворохом мехов, служивших постелью, и другая подле входа, не пускающая холод внутрь. Хозяин замка Деркоор слушал старшего сына молча, неспешно потягивая из фамильного кубка подогретое вино – затянувшаяся и скучная осада замка Венти, по крайней мере, позволяла устроиться с известным комфортом.

– Что же его величество? – наконец осведомился сенор Деррано, глядя на расстеленную карту.

– Его величество не раскрыл своих намерений, – развёл руками Дигвил. – Несмотря на все вопросы, кои отважились задать иные сеноры…

– Надеюсь, сын мой, тебя в числе любопытных не оказалось?

– Не оказалось, батюшка.

– Молодец. Всё-таки что-то усвоил… А что же принц Льювин?

– Его высочество не был явлен нам, – ответил Дигвил фразой истинного царедворца.

– И эдикта о меодорском престолонаследии тоже нет. Хм… – Деррано-старший вновь задумался. – Доарн не ударил всей своей силой, что хорошо, очень хорошо. Но наш-то почему медлит? Короновать Льювина, объявить себя регентом…

– Быть может, – рискнул предположить Дигвил, – его величество опасается вмешательства Высокого Аркана? Как ни крути, сложившийся порядок вещей нарушен. И, боюсь, необратимо…

Сенор побарабанил пальцами по походному столику.

– Думаю, сейчас идёт торг с Доарном. Там далеко не все жаждут встречи с рыцарями Долье на бранном поле. Не удивлюсь, если Семмер сперва уладит дело с северным соседом, предложив ему часть меодорских земель, и лишь после того коронует принца. Другое у меня из головы не идёт, сын. Догадываешься?

– Никак нет, батюшка. – Дигвил низко склонил голову.

– Хватит, – поморщился сенор. – Не перегни палку с сыновней почтительностью. Люди должны видеть, что ты – будущий хозяин Деркоора, а не шерстистик беззубый. Мне тоже донесли, что на всём северо-западе даже трупо– ёдов не осталось; ты не озаботился узнать причину?

– Прости, батюшка. – Молодой Деррано сокрушённо развёл руками.

– Думай, Семь Зверей тебе в глотку, – недовольно проскрипел старый сенор. Дигвил честно попытался, так, что виски враз заломило и случилось колотье в затылке, но помогло это мало.

– Не могу знать, – наконец признался он. – Пустыня и пустыня. Может, люди сенора Эфферо постарались. Они туда ходили.

– Ходили! – скривился Деррано-старший. – Гниль там прорвалась, сын, да так, что у всех глаза на лоб, даже у инквизиторов. А уж они-то, сам понимаешь, насмотрелись.

– Сильно прорвалась? – Дигвил так и не смог придумать ничего поумнее.

– Достаточно, чтобы запустошить земли на два дня пути во все стороны, – сухо ответил отец. – Я о таком даже не слышал, хотя сколько уже на свете живу и чего только при мне не случалось… что-то небывалое там творится, сын.

– Но Гниль… кто ж про неё что знает?

– Никто. Даже мэтр Бравикус признаётся, что, как говорится, ни на топор, ни через колоду. Инквизиторы тоже… недалеко от него ушли. Ведьм жечь – это ведь не с многоножками сражаться и не пузыри запечатывать.

– Гниль всегда была, батюшка, – решился возразить Дигвил. – Когда-то сильнее, когда-то слабее. Я читал – случались годы, когда о ней вообще забывали. А потом всё снова, да и зло как!

– Вот именно – «и зло как», – сенор перебил сына. – Что толку с наших побед, что толку с Меодора, если тут Гниль гнездо свила?

– Гниль не может «гнездо свить», – осмелел молодой дон.

– Уж не знаю, чего она может, а чего не может, – отрезал Мервен Деррано. – Ясно лишь, что все наши расчёты Бездне достались, а может, и самим Шхару с Жрингрой. И если эта Гниль на юг повалит, за Артол и прямо сюда…

Дигвил Деррано не был трусом, не прятался за чужие спины в бою, но тут не выдержал – вздрогнул. Хорошо туповатому Байгли – радуется жизни с очередной пленницей и горя не знает. А скажи ему про Гниль – только в носу поковыряет с глубокомысленным видом и изречёт, мол, Ом Прокреатор не выдаст, многоножка не съест.

– И ещё вести пришли, – хозяин Деркоора поднялся, упёрся ладонями в жалобно скрипнувший стол, – с побережья. Заметили там костуру[1] варваров.

Дигвил смахнул враз проступивший пот.

Варвары.

Люди из-за моря Тысячи Бухт. С самого северного края обитаемых земель, за которыми, согласно официальной

картографии, обитает только и исключительно нелюдь. А может, и откуда ещё подальше.

Иногда с ними можно договориться. Очень редко – откупиться рабами и деветом, но драгоценный металл варвары принимают неохотно, куда больше их привлекает живой товар. А куда чаще они вообще ни о чём не разговаривают, а просто сметают всё на своём пути, ещё почище той самой Гнили, что живёт только от рассвета до заката. Что они творят в захваченных городах и замках, лучше было и не думать.

Варваров мало. Строя не знают, бьются каждый сам за себя. Казалось бы – разве горстке морских находников устоять против правильного рыцарского строя, перед множеством стрелков, перед ощетинившейся копьями пехоты, устроенного вагенбурга?

Однако сотня-другая северян запросто ломала хребты десятикратно сильнейшим армиям. Сто против тысячи, и тысяча позорно бежит, оставив на поле боя половину своих убитыми или ранеными.

Что им помогает, этим варварам? Да, они сильны – выше, плечистей, мощнее среднего южанина. Да, у них хорошие кольчуги, добрые шлемы, славные мечи – но всего этого в достатке и у воинов Свободных королевств, а кольчуга вдобавок не спасёт от удара рыцарским конным копьём, какое только на крюке и удержишь…

Всё верно. Не один король, не один знатный сенор рассуждал примерно так же, выводя полки против горстки, как казалось, северян с крутобоких чёрных кораблей, сделанных из костей неведомого морского зверя.

Выводил – а потом бежал, не оглядываясь, воя от нестерпимого ужаса, потому что за спиной полыхала его столица, а нападавшие устраивали жуткую резню, не щадя никого и даже не стремясь пограбить. Это постоянно ставило в тупик правителей всех приморских королевств, потому что варварам, казалось, нужны были именно убийства и мучения жертв, а вовсе не собранная с испуганных городов дань. Нет, случалось, от северян откупались. Но их предводители гораздо чаще вместо переговоров и торга присылали парламентёров обратно – в кожаных мешках, аккуратно сложив вместе расчленённые тела.

И вот чёрная костура замечена вблизи меодорских берегов…

– Давненько не жаловали гости тёмные, – проговорил тем временем старший Деррано. – Всё больше на севере шарили. Я от негоциантов с Симэ слыхал, что хаживают костуры и на запад, в море Мечей мелькали. Ну, с Облачным-то Лесом у них не вышло, а вот по Вольным городам кое-где прошлись, словно помелом огненным.

Дигвил молча кивнул. Северяне не стремились к завоеваниям. Им не требовались земли и укреплённые замки. Ничего, кроме лишь битвы, крови, пожаров и разрушения.

Потом, насытившись кровавыми игрищами, они покидали истерзанные берега. Чёрные костуры исчезали в морских туманах, чтобы вынырнуть вновь… когда?

– Где же они, батюшка?

– Заметили их в устье Эсти. Куда потом направятся – один Ом ведает. Может, повезёт нам, на Доарн двинут, ну а может, и на нас, – Мервен Деррано покряхтел. – Но готовиться нам надо ко всему. Теперь понял, сын, почему я не усердствую с осадой?

– Понял, батюшка, – поклонился тот.

Глава 7

К северу от меодорской столицы лежит область крутобоких холмов, перевитых, словно кудри собравшейся на праздник девушки, лентами нешироких и мелких речек. Их все, словно заботливая мать, собирает озеро Эсти; места эти зовутся *кейвором*, что на языке некогда обитавших здесь гномов означает «текучее серебро». Тут почти не пашут землю; зато по пастбищам бродят многочисленные стада, гудят крылатые труженики-медосборцы, а город Иллит славен своими ремёслами.

Именно туда, к *кейвору*, в свой черёд и добрались благородные кондотьеры. С ними – и трёхглазый волшебник Метхли вместе с доньятой Алиедорой.

Доарнским наёмникам улыбалась удача. Обозлившись на докучливый отряд, дольинцы начали охоту; трижды кондотьерам пришлось выдержать открытый бой. Всякий раз выручал трёхглазый чародей; что он делал, Алиедора так и не поняла, но от плодов им сделанного девушку выворачивало наизнанку. Лопнувшие тела, разбросанные внутренности, кровь, кровь, кровь на дымящемся снегу; и шевелящиеся, словно змеи, кишки.

Впрочем, это делал не он. *Это* делали *они*. Метхли и Алиедора. Вместе.

Волшебник продолжал учить её. Теперь слова и жесты, вдыхание неощутимого другими металлически-кислого запаха приводили доньяту в странное состояние между явью и… нет, не сном, но иной явью. Там требовались уже другие слова и жесты – на которые уже приходил ответ. Что-то огромное шевелилось где-то в глубине, выбрасывая вверх призрачные щупальца, оборачивающиеся тут, на поверхности, чьим-то ужасом, кровью, болью и смертью. А может, и чем-то хуже.

«Я выжила, – с упрямой и злой радостью думала доньята. – Я больше не испуганный шерстистик, в ужасе мечущийся по охваченному пожаром дому. Я сражаюсь за свой Меодор. За замок Венти. Я мщу за папу. За себя. За всех!

А что цена велика… просто так ничего не даётся. И мне, избранной, отмеченной – а ведь не верила сперва! – выпала такая доля. Убивать и мстить. Мстить и убивать».

Тревожных разговоров оказавшихся в кольце доарнцев она не слушала; пропускала мимо ушей вести о других отрядах из-за Эсти, действовавших вокруг Иллита; не обращала внимания на слухи о двигающихся с юга к армии короля Семмера подкреплениях. У неё – своя собственная месть и своя собственная война.

Она машинально отметила, что седельные сумы кондотьеров изрядно потяжелели; но в памяти доньяты не отложились ни ограбленные городки, где собирался «налог свободы», ни повешенный на придорожном суку молодой серф с надетой на шею доской, где красовалась надпись «Дольинский шпион». Алиедора не помнила почти ничего, и даже собственная жизнь перестала казаться чем-то важным по сравнению с её же избранностью.

Так продолжалось несколько недель, она не могла сказать, сколько именно. До тех пор, пока кондотьеры не оказались стоящими на каком-то холме, причём не в одиночку – к ним присоединились другие доарнские отряды. Зачем они собрались вместе – Алиедора не знала.

Как обычно, она сидела в седле на своём гайто, колено к колену с Метхли. Трёхглазый чародей как-то непривычно волновался, шипел и свистел по-змеиному, вертел головой, словно высматривая среди снежных равнин нечто, видимое ему одному.

Холмы плавно спускались к речке, окружённой девственно чистыми, выбеленными зимними лугами. Неширокий приток Эсти был быстр, и морозы так и не смогли его сковать; тёмная лента перечеркнула девственный простор, и над ней поднимались сейчас клубы иссиня-чёрного дыма. Горела небольшая деревушка, горела лениво и обречённо; никто не тушил пожары, но никто и не бежал в разные стороны, спасая то немногое, что удалось выхватить из огня.

Бежать было некому.

От горящей деревни, стоптав плетни и палисады, прямо на холм, где застыли доарнцы, скорым шагом настоящего горного саблезуба наступал немногочисленный отряд, не больше полусотни вооружённых людей в тёмной броне. Они шагали широко, но безо всякого строя, небрежно, словно собравшись не на бой, а на прогулку. Над островерхими шлемами плыло странное знамя – на чёрном фоне белый дракон, свернувшийся в кольцо.

Сегодня по другую сторону от Метхли застыл в седле командир доарнских кондотьеров – Алиедора так и не запомнила его имени. Зачем? Ей он безразличен. Ей вообще безразлично всё, кроме лишь слова её учителя…

Вправо и влево оттянулись ряды наёмников, конных и пеших. Густо стояли лучники; готовилась встретить врага стальною щетиной копий пехота. За спинами прислуга лязгала цепями, сцепляя друг с другом телеги вагенбурга.

Три сотни доарнских воинов, тёртых, бывалых и не робкого

десятка, стояло на вершине холма, не сводя глаз с кучки своих врагов под странным драконьим знаменем.

Алиедора не задавалась вопросом, почему они вообще приняли этот бой. Почему от жалкой горстки нельзя просто оторваться? Почему обязательно надо драться? Почему так угрюмо лицо рыцаря-командира, ещё не скрытое глухим забралом? Просто сидела в седле и смотрела.

Пять десятков воинов под чёрно-белым знаменем покрыли уже половину расстояния от горящей деревни до войска доарнцев. Доньята краем сознания уловила слова: «Северяне. Варвары». Что-то скомандовал предводитель кондотьеров, справа и слева от Алиедоры захлопали тетивы, свистнули стрелы, колючей стайкой взмыв в поднебесье, чтобы миг спустя хищно ринуться оттуда вниз, чтобы враз смести горстку безумцев, даже не составивших вместе щиты, в надежде оборониться.

Первый залп ещё не клюнул стальными оголовками припорошённую белым землю, а за ним уже последовал второй.

Ни один из северян не упал. Снег густо истыкало вонзившимися стрелами, но варвары бежали себе, как бежалось.

Предводитель кондотьеров резко повернулся к трёхглазому магу – Метхли ссутулился, сгорбился в седле, пальцы сложены перед грудью в сложную фигуру.

– Не спи, – зло прошипел он Алиедоре. – Если эти до нас доберутся… Давай, вместе, почувствуй Её!

Доньята повиновалась. Уже привычно «позвала» Гниль. Не словами, не жестами и даже не мыслями.

Кисло-металлический запах, постоянно сопровождавший Алиедору последние дни, явственно усилился, и Метхли кивнул – вроде как одобрительно, если бы не перекошенное, искажённое настоящим ужасом лицо.

Северяне приближались. Стали видны лица под высокими шлемами, взятые наперевес полутораручные мечи и длинные секиры. Большинство варваров предпочитало сражаться вообще без щитов.

Лучники исправно тянули тетивы, но варвары наступали, словно заговорённые. И лишь когда они оказались меньше чем в полусотне шагов от неподвижных рядов доарнцев, один из них резко взмахнул руками, закрутившись волчком, и отлетел с пробитой навылет шеей.

Предводитель наёмников приподнялся в стременах, зычно крикнул, взмахивая обнажённым мечом. Всадники тронули своих скакунов, нагнула пики пехота, готовая принять на себе первый удар северян; запах Гнили стал почти нестерпимым даже для самой Алиедоры – Метхли, похоже, готов был пустить в ход

собственную магию. А потом пять десятков варваров в последний миг перед столкновением дружно, как один человек, взорвались жутким боевым не то кличем, не то рёвом, в котором, готова была поклясться Алиедора, не осталось ничего людского.

Треск ломающихся пик. Размах занесённых секир. Хряск и лязг столкнувшегося железа. И острая, нестерпимая вонь. Вонь Гнили.

Доарнский чародей затряс обеими руками, будто отчаянно пытаясь стряхнуть с пальцев что-то невидимое. Капюшон свалился с наголо обритой головы, красный глаз отчаянно метался в глазнице, словно тщась вырваться на свободу из тисков явно чуждой ему человеческой плоти.

Впереди, там, где билась доарнская пехота, вверх взметнулись фонтаны смешанной со снегом земли. С обеих сторон на кучку северян заходили стройные ряды конных кондотьеров, не уступавших чёткостью строя лучшим хоругвям королей Меодора; рыцари гнали скакунов, готовые к последнему и решающему удару.

Метхли вдруг тонко взвизгнул, закрыв лицо ладонями, заскулил, словно пёс, угодивший под выплеснутый из бадейки кипяток. Его гайто захрапел, вставая на дыбы, – и чародей, безвольно взмахнув руками, рухнул вниз, прямо под копыта, запутавшись в узде. Скакун бешено рвал повод, в тщетных попытках ускакать от своего хозяина.

Сорвался с места предводитель наёмников, закрутил мечом над головой, увлекая за собой отборную сотню всадников – потому что северяне уже проломили строй пешцев и, сбившись плотным клубком, пёрли прямо туда, где застыла Алиедора.

Алиедора, конечно, тоже слышала страшные истории о северных варварах.

По сравнению с ними доарнские наёмники могли показаться надёжными спутниками и прекрасными товарищами.

«Беги!» – взвыло всё существо доньяты, однако налившиеся вдруг каменной тяжестью руки даже не шевельнулись, и храпящий жеребец остался на месте.

Впереди дико и страшно ревели варвары, истошно выли доарнцы, будто псы, которых сечёт немилосердный хозяин. Варвары оказались в плотном кольце, однако непохоже было, что их это взволновало хоть в малейшей степени. Зато кондотьеры падали один за другим; Алиедора сама видела, как плечистый северянин, уже лишившийся шлема, ловко поймал левой рукой толстое копьё наехавшего на него всадника, резко крутнулся – и тяжеловооружённый кондотьер вылетел из седла, словно камень, пущенный катапультой.

Порыва наёмников хватило ненадолго. Кто-то из пехотинцев первым швырнул наземь бесполезную, обломанную пику и бросился наутёк. Строй доарнцев рухнул, сломался, словно яичная скорлупа, и люди брызнули в разные стороны, словно мелкие рыбёшки от хищного клыкохвата.

Всадники поворачивали скакунов, но уйти удавалось далеко не всем – варвары ловко подсекали ноги гайто, наёмники падали, и северяне деловито оглушали не успевающих подняться людей.

Алиедора по-прежнему не могла тронуться с места, словно какая-то сила приковывала её к лежавшему без сознания трёхглазому чародею.

Очень скоро она осталась одна. Доарнцы спасались бегством, бросившись во все стороны, верно рассудив, что горстка северян не сможет преследовать сразу всех; варвары и в самом деле не стали гоняться за двумя ушканами – развернувшись цепью, они отсекли где-то сотни полторы пеших воинов, быстро прикончив сопротивлявшихся, после чего оставшиеся бросили оружие. Алиедора слышала громкие стенания и истовые мольбы, обращённые и к Ому Прокреатору, и к Семи Зверям; северяне обращали на это внимания не больше, чем на гудение мух, будь здесь сейчас мухи.

Трое рослых варваров поднялись на холм, туда, где неподвижно застыла Алиедора, не сводя с поля боя остекленевшего взгляда.

Нельзя сказать, что северяне вышли из боя без единой царапины. Все трое были попятнаны, у одного был рассечён лоб, у другого кровь стекала по руке, третий приволакивал ногу. Прямо на Алиедору шагал высоченный воин, шириной плеч поспоривший бы с дверным проёмом. Высокий шлем в виде оскаленной драконьей головы он снял и нёс на сгибе левой руки, мокрые от пота волосы слиплись и висели неопрятными сосульками, щёки, лоб и открытую шею покрывали татуировки – какие-то спирали, перевитые языками пламени.

– Где он, Хтафр? – густым басом осведомился высокий, судя по всему, предводитель северян. – Где этот колдун?

– Здесь, кор Дарбе, – почтительно отозвался другой воин, шагавший по правую руку от вожака. Татуировок на его лице было куда меньше. – Я бил так, чтобы он не скоро поднялся, хвала Дракону вечному, непобедимому.

Вожак молча кивнул.

– Вот он, кор, – заговорил третий варвар, с секирой, окровавленной по всей длине топорища.

Метхли слабо зашевелился и застонал. Его гайто бросился было прочь, однако воин с секирой неожиданно ловко метнул

своё громоздкое на первый взгляд оружие, подрубив несчастному животному ногу. Скакун с отчаянным, почти человеческим криком повалился на истоптанный и окровавленный снег, забился в агонии, фонтанируя кровью из перебитых жил.

– Его-то за что… – бесцветным, ничего не выражающим голосом проговорила Алиедора. Что-то очень важное должно было вот-вот случиться с нею, что-то страшное – но необходимое. И она замерла, затаилась, чувства ушли в глубину – так будет легче, знала она. Откуда пришла эта уверенность, кто её внушил – какая разница? Алиедора не сомневалась, что поступать стоит именно так.

Словно только что заметив её, северяне замерли, уставившись на девушку. В их взглядах, как ни странно, Алиедоре почудилось нечто общее с тем, как, бывало, смотрел на нее Метхли.

– Кто это, Хтафр? – осведомился предводитель.

– Воистину, то ведает лишь Дракон побеждающий, предвечный. – Варвар по имени Хтафр склонил голову к плечу, разглядывая доньяту.

– Она скована с колдуном, – прищурившись, объявил третий воин.

– Значит, к мясу её, когда с ним покончим, – бросил вожак, презрительно покосившись на Метхли. – А этого – поднять! С ним я сам должен.

Хтафр и ещё один воин тотчас же вздёрнули полубесчувственного чародея на ноги. Трёхглазый застонал, голова его бессильно моталась. Казалось, его багровое око варваров ничуть не удивило.

Вожак вытянул руку с мечом, по испачканной стали пробежало нечто вроде быстрого отблеска. Конец клинка нырнул под подбородок чародея, заставив того вскинуть голову. Взгляд Метхли прояснился; теперь в нём бился, видела Алиедора, нестерпимый ужас.

– Ну что, урод, – гулко захохотал вожак, – помогла тебе твоя магия?

Метхли захрипел, пытаясь отодвинуться, отвернуться; напрасная попытка, взор вожака варваров притягивал и лишал сил ничуть не хуже третьего глаза самого чародея.

– Гордись, – бросил северянин, не опуская меча, – у тебя сегодня великий день. День освобождения. Ты поведёшь огненной тропою остальных. Их дорога к Дракону непобедимому, вечному должна быть лёгкой.

Рот Метхли приоткрылся, и – о чудо! – уголки губ расползались всё дальше и дальше, чуть ли не до самых ушей, из-

под бледной плоти лезла чернота, исчезали обычные человеческие зубы, вместо них появлялся частокол совершенно иных, игольчато-острых. Нижняя часть лица почти отвалилась вниз, чёрный раздвоенный язык задрожал, облизывая края жуткой пасти.

– Я ваш! Ваш! Такой же, как вы! – прошипел чародей, в его странно изменившемся голосе ненависть смешивалась с ужасом. – Я избран, я отмечен! Я с вами!

– Ты не с нами, червь. – У вожака северян не дрогнули ни голос, ни рука, сжимавшая эфес. – Ты не *изменён*, как мы. Ты *изуродован*. А уродство жить не должно. Потому-то твоя магия ничего и не смогла нам сделать. Ни тогда, ни сейчас. Огненной тропою ты отправишься первый. Но сперва мы заставим твою плоть отпустить твоё истинное «я».

– Нет, нет, не-ет! – жутко завыл и задёргался в руках державших его маг. – Я… не могу… не готов… не достоин…

– Никто из живущих не может быть ни готов, ни достоин, – оборвал истошные вопли чародея вожак. – Для этого приходим мы. Чтобы провести путём боли. Чтобы очиститься. Чтобы все предстали перед Драконом вечным, всепобеждающим в подобающем виде, готовые не просто простереться ниц, но воистину принять его бессмертной душой.

– Не могу! – метался и бился Метхли. – Не могу-у-у-у!

– Чего ты боишься, если утверждаешь, что «отмечен»? – холодно бросил северянин. – Всё, хватит. К мясу их обоих.

– Стойте! – взвыл трёхглазый. – Я… я откуплюсь. Откуплюсь! Отдам вам… вот её.

– Это мясо и так наше, – варвар даже не покосился в сторону Алиедоры. – Придумай чего получше, урод.

– Нет, нет! – корчился Метхли. – Она – отмеченная, она – капля Его крови! Капля крови Белого Дракона! Избранная! То, что вы искали!

– Она? Капля Его крови?

– Испытайте её… – хрипел чародей. – Я открою путь… вы увидите сами. Только не надо меня… в процессию… на тропу… я не готов… я не могу…

– Ты сам себе делаешь хуже, – пожал плечами варвар. – Но… Дракон великий, единосущный велит нам не унижать свои уста ложью недостойным. Если вот это, – кивок на Алиедору, – не мясо, а и впрямь капля Его крови – ты сможешь уйти невозбранно или остаться с нами. Меня слышали двое смертных и великий Дракон. – Северянин резко опустил меч, и Метхли тотчас принялся для чего-то растирать горло.

– Говоришь, ты должен открыть путь? – недоверчиво

проворчал Хтафр. – Говоришь, капля Его крови? Я ничего не вижу и не чувствую. Дракон единственный, всесветный не открывает моих взоров.

– Потому что я скрыл, – не без самодовольства бросил трёхглазый чародей. Казалось, к нему возвращаются наглость и самоуверенность. – Без меня вам…

– Открывай, – негромко, но властно уронил вожак, и волшебник мигом осёкся.

– Требуются приготовления.

– Во славу Дракона единого, всесильного ты получишь всё, что попросишь. – Предводитель варваров притянул к себе волшебника за отворот плаща. – Но если ты солгал…

– Я знаю, я знаю, великий, – мелко закивал трёхглазый, страшная пасть нелепо клацала. – Но и ты не изволь сомневаться в слове Метхли. Ты всё увидишь собственными глазами, великий.

– Великий может быть только Дракон надмировой, таинственнейший, – оборвал излияния волшебника северянин. – Оставь глупую лесть для мягкотелых южан, червяк.

– Повинуюсь, повинуюсь, – поспешно склонился Метхли.

Всё это время Алиедора просидела в седле, молча смотря и слушая. Слова незримыми змеями вползали в сознание, свивались там чудовищными клубками, совершенно утрачивая смысл. Доньята не задавала вопросов. Она принимала всё, как оно есть.

Она – избранная? Капля крови великого Дракона, как верят северные варвары? Или носящая в себе частицу Гнили, как уверял Метхли? Быть может. Неважно, как это называть, – она, доньята Алиедора Венти, и впрямь оказалась «не такой, как все». Выше. Лучше. Достойнее. Её судьба, наверное, страшна – но она же и высока. Ей не сидеть, коротая век, обычной женой нобиля. Перед ней – совсем иная дорога, дорога, которой бы ужаснулся любой – но не она.

Она не боится варваров. Они должны преклоняться перед ней.

Почему-то Алиедора не сомневалась, что трёхглазый чародей окажется прав. И его предательство, то, что он спасал собственную шкуру, продавая доньяту северянам, – только подчёркивало её избранность.

…Вместе с Метхли их повели обратно, вниз по склону, к горящей деревне. Варвары расположились лагерем невдалеке от бушующего пламени, совершенно не обращая на него внимания. Впрочем, «лагерь» – это сильно сказано. Грубо сшитые тюки из кожи морских зверей, брошенные прямо на снег, – и всё. Ни костров, ни раскинутых шатров.

Сюда же согнали больше сотни пленных доарнцев, приволокли ещё десятков пять раненых или оглушённых. Северяне работали споро, а всю толпу захваченных наёмников сторожил лишь десяток варваров. Кондотьеры жались друг к дружке, словно овцы.

Предводитель северян остановился у ничем не примечательного кофра, отличавшегося от остальных разве что рисунком нанесённых синей краской рун.

– Говори, что тебе нужно, червь.

Метхли облизнул чёрные губы и заговорил.

Его речь Алиедора совсем не запомнила. Чего требовал трёхглазый чародей – её совершенно не занимало. Она ждала – чего-то очень важного, невероятного, иномирового, а что творится вокруг – да пусть себе. Метхли долго выбирал какие-то травы, дурнопахнущие корешки; венцом всего стал небольшой, с ноготь мизинца, Камень Магии, торжественно водружённый на сложенную им кучку, более напоминавшую разорённую ухоронку какого-то лесного зверька; маг принялся чертить по воздуху непонятные знаки. Вновь накатывал запах Гнили, но Алиедора даже не поморщилась.

По сложенной чародеем кучке поползли невесть откуда взявшиеся струйки желтоватого гноя. Запах для обычного человека, наверное, показался бы совершенно нестерпимым, однако за телодвижениями трёхглазого мага северяне наблюдали с нескрываемым интересом, но и только. Жёл-тые струйки текли не вниз, а вверх, быстро подбираясь к Камню. Вот они достигли его, и гной тотчас зашипел и запузырился, повалил пар. Камень стал таять на глазах.

– Такова же будет и победа Дракона великого, величайшего, – вдруг нараспев проговорил вожак. – Старая магия сгорит в огне Его, и грядёт…

Что именно «грядёт», предводитель северян не уточнил, Камень Магии исчез, растворившись в желтоватом гное, изошёл густым паром, Алиедора закашлялась, и…

Бежать, взорвалось в голове. Мир резко обретал краски, звуки, даже одуряющая вонь Гнили, казалось, отступает перед напором нового – кровь, ворвань, прогорклый жир, выделанные кожи, пот, всё вместе.

Перед Алиедорой стоял человек, при одном виде которого хотелось истошно завизжать и броситься наутёк. Высокий и плечистый, он носил кольчугу, стянутую широким поясом, украшенным бляхами в виде странных, уродливых, нечеловеческих черепов. Светлые спутанные волосы, мокрые от пота, падали на плечи, густые брови почти сходились на

переносице. Глубоко посаженные светлые, словно северное небо летом, глаза смотрели прямо на Алиедору, и так, что душа у неё уходила в пятки.

Нет, стоявший перед ней северянин не был чудовищем, жутким уродом наподобие Метхли, но…

Он словно сам был Гнилью. Алиедора не могла ошибиться. Каждая пора молодого, сильного тела источала этот запах. И взгляд светлых глаз казался не просто беспощадным (уж в этом-то мало кто превзошёл бы старого сенора Деррано), он был совершенно *иным*, вне границ обычной человеческой жестокости.

– Да будет великий Дракон свидетелем моим! – Метхли было расправил плечи, однако тотчас же вновь скукожился под испытующим взором северян. – Покровы сняты. Капля Его крови явлена способному различить истину.

Вожак северян метнул короткий взгляд на Хтафра.

А Алиедора, словно лопнула наконец-то опутавшая её верёвка, и впрямь завизжала, истошно, неистово, вздымая покорно стоявшего дотоле гайто на дыбы, норовя опрокинуть варвара острыми раздвоенными копытами жеребца.

Все рассуждения об инаковости и прочем куда-то исчезли. Не осталось ничего, кроме ужаса, неодолимого и животного.

– Эй-хой! – Облитая кольчугой рука схватила храпящего вороного под уздцы, и неистовый жеребец вдруг подчинился. Алиедора, не думая, не видя, не понимая, слетела с седла, слепо бросившись наутёк, куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Голову словно охватило пламя. Но не очистительное, высвобождающее – нет, гнусное, отвратительно вонючее, точно горела мусорная яма. Алиедора закричала, забилась в удушающем кашле, ноги подогнулись, жёсткий истоптанный снег метнулся в лицо, наст оцарапал щёку.

Сильные руки рывком подняли её, встряхнули, словно тряпичную куклу.

– Ты не солгал, червь, – медленно и раздельно проговорил вожак северян. – Я держу слово, данное перед лицом Дракона всевидящего, всезнающего. Можешь идти. Можешь остаться. Захочешь уйти – возьми себе гайто. Любого. Тут их, – он кивнул в сторону поля боя, – немало бродит. Убирайся с глаз моих!

– Как будет угодно могучему. – Метхли согнулся в низком поклоне.

– Исчезни, – коротко бросил вожак, и трёхглазый маг на самом деле исчез, во всяком случае, из поля зрения Алиедоры.

Она висела, слабо трепыхаясь, в сильных и жёстких руках. Льдистые светлые глаза, казалось, видели её насквозь.

– Он не солгал, – раздалось вполголоса. – Он не солгал,

Хтафр. Презренный сказал правду.

– Капля Его крови, – с непонятным и оттого ещё более пугающим выражением отозвался тот.

– Капля крови Его, – подхватил и третий из северян.

Так они и стояли – повисшая Алиедора и трое варваров. Они стояли и молчали, словно наслаждаясь моментом, закрыв глаза. Остальные воины были заняты делом – стаскивали в одну большую груду оставленные на поле боя тела, собирали брошенное оружие. Всё сражение заняло совсем немного времени, до зимних сумерек оставалось ещё долго.

Алиедора враз ощутила и голод, и жажду.

– Пить, – наконец проговорила она. – Пить дайте… пожалуйста.

– Капле крови Дракона единого, неодолимого нет нужды в питье, – спокойно и ровно ответил предводитель.

– Прошу…

– Ты не понимаешь. – Лёд в глазах, казалось, вот-вот скуёт саму Алиедору, поглотив последние остатки тепла. – Ты – капля Его крови, но сама этого не знаешь. Появление таких, как ты, было предречено. Отныне ты наша и с нами. Но твоя старая душа не пускает, тянет назад. Мы дадим тебе новую душу. Ты расстанешься с прежним. Боль будет твоим проводником; ты едва ли найдёшь вернее товарища.

– Я… боюсь боли… – вырвалось у Алиедоры. Внутри у доньяты всё кипело, но она знала, что надо терпеть и прикидываться маленькой, слабой девочкой.

– Ты победишь её. Кровь Дракона великого, величайшего должна прорасти. Твоя нынешняя плоть не даёт ей осознать себя. Мы поможем той крови. Но сначала…

Только теперь Алиедору опустили обратно наземь. Вернее, не опустили, а просто уронили, так, что она едва устояла.

Вожак обернулся к остальным варварам, вскинул меч и загремел, заревел на совершенно непонятном языке, потрясая воздетым клинком. Свободная рука то и дело указывала на скорчившуюся и трясущуюся от ужаса Алиедору.

Доселе северяне прекрасно обходились общим для королевств моря Тысячи Бухт наречием; наверное, некоторые, особо важные вещи следовало произносить вслух только на языке обрядовом, тайном, неведомом для тех, кого варвары выразительно именовали «мясом».

В ответ на горячую речь вожака его люди дружно взревели, в свою очередь потрясая оружием.

– Мы освободим тебя, – услыхала доньята шёпот. Горячее дыхание обожгло ухо, а жёсткие руки вдруг зашарили по телу,

совсем как те, в позабытой как будто таверне «Побитая собака».

Алиедора заверещала и завертелась. Доарнские наёмники снабдили её тёплой одеждой, однако аккуратный кожушок жалобно затрещал, уступая рванувшим его рукам. Застёжки лопались, костяные пуговицы отскакивали; Алиедора успела выхватить нож из-за голенища, слепо ткнула прямо перед собой – глухое рычание, захват ослаб, но миг спустя жёсткие пальцы вцепились доньяте в запястье, выворачивая его до тех пор, пока она с жалобным стоном не выпустила рукоять.

Вожак глядел на растрёпанную, всхлипывающую Алиедору и улыбался, жутко оскалив зубы. Кожа на скуле просечена чуть не до кости, кровь льётся потоком, однако предводитель варваров только подставил ладонь, подхватывая губами алые струйки.

Остальные северяне смотрели на него и Алиедору с непонятным благоговением.

– Как и предначертано Драконом жалящим, жгущим, – торжествующе проговорил Хтафр.

– Как и предначертано, – кивнул кор Дарбе.

Варвары один за другим подходили ближе, в строгом молчании глядели на сжавшуюся перепуганную доньяту – а затем так же молча стали опускаться на одно колено, словно рыцари перед королевой.

Торжество, острое, режущее ножом охвативший было её страх.

Она была права! Права с самого начала! Избранная, отмеченная, стоящая наособицу!

– Капля Его крови, – почти нараспев проговорил кор Дарбе. – Согласна ли ты, чтобы мы указали тебе путь?

Согласна ли она?! Да как можно такое спрашивать?!

– Старое будет бояться. Страх нового силён, – мерно говорил вожак, медленно приближаясь к Алиедоре. – Но если ты согласишься, то сделаешь первый шаг по великой дороге. Надо терпеть и побеждать боль. Она – крик твоего тела, а следующий путём Дракона великого, величайшего внимает Ему, но не слабой своей плоти.

Было ли страшно? О да, страшно, да ещё как!

Но разве не учили тебя, что всё имеет цену? А перетерпеть боль – не слишком ли мало за ожидающее тебя впоследствии?

– Да, – одними губами шепнула Алиедора и тотчас затряслась. Что, что она наделала? Что теперь с нею сотворят?

…Или это произнесла вовсе не она, а кто-то иной, овладевший всем её существом?

Дарбе кивнул с мрачной торжественностью. Лицо

предводителя северян сделалось каменно-непроницаемым. Он отвернулся, словно враз потеряв всякий интерес к Алиедоре.

– Хтафр… – только и услыхала девушка.

Что с ней собираются делать, Алиедора поняла за миг до того, как сильные руки вцепились в неё со всех сторон.

Визги, метания и судорожные, бесполезные мольбы не помогли. Одежда доньяты превратилась в мелко изрезанные лоскутья, вся, вплоть до исподнего. В тот миг она ещё не чувствовала холода.

Откуда-то появилась обгорелая колода, на которую спиной и бросили Алиедору.

– Старое – умрёт. – Вожак варваров шагнул к ней, отчаянно плачущей злыми и бессильными слезами. Четверо дюжих северян держали её за руки и за ноги, их лица казались удивительно бесстрастными, словно и не предстояла сейчас излюбленная забава варваров-победителей, как казалось Алиедоре.

На щеке кора Дарбе, там, куда ударил нож доньяты, раны уже не осталось – жёлтый бугристый нарост, словно из того же гноя, только уже засохшего.

Справа и слева надвинулись ещё двое варваров, держа в руках плошки с какой-то жирной мазью, и принялись деловито растирать ею тело Алиедоры. Не пропускался ни один кусочек кожи; от вонючего прогорклого жира, смешанного с ещё какой-то дрянью, доньята едва не лишилась чувств – но, к сожалению, не лишилась.

Начавший было охватывать её холод тотчас же отступил – вонючая жирная смесь грела не хуже тёплой шубы. Алиедора знала, что ей предстоит, – вернее, думала, что знает.

Быть может, в других обстоятельствах она бы и удостоила кора Дарбе чуть-чуть более внимательным взглядом – вожак варваров был прекрасно сложён, силён, обладал звериной грацией; полная противоположность увальню Байгли. Да и Дигвил Деррано показался бы рядом с ним слабаком-мальчишкой.

Сейчас же Алиедора, содрогаясь всем существом, глядела на предводителя северян – однако тот отнюдь не торопился вступить в права победителя. Просто стоял и молча смотрел на обнажённую Алиедору, смотрел равнодушно, без вожделения, чего можно было бы ожидать от молодого, полного сил мужчины.

Обмазывавшие доньяту жиром куда-то исчезли, вместо них появился всё тот же Хтафр – с маленьким кривым ножичком в руках, казавшимся нелепой игрушкой, почти утонувшей в огромном кулаке.

Северянин склонился над Алиедорой, и миг спустя та уже не

верещала, а орала во всю мочь от боли – остриё ножичка сделало глубокий надрез на коже, на внутренней стороне щиколотки.

Доньяту самым натуральным образом резали. Неспешно, с чувством, ответственно и серьёзно. В надрезы, хоть и неглубокие, но обильно кровоточащие, сразу же втирался некий порошок с привычным уже кисло-металлическим запахом, и у Алиедоры, несмотря на боль и слёзы, всплыло нечто, заставившее подумать: «Многоножку высушили и в пыль истолкли». От этого снадобья в разрезе поселялась боль, да такая, что корчащаяся доньята едва не вырвалась из удерживающих её четырех пар рук.

«Но всё-таки, всё-таки, – билось в сознании, – мне надо просто потерпеть. Они не стали меня насиловать, они всё-таки преклоняются передо мной, это просто ритуал, боль, надо сжать зубы, надо потерпеть, потерпеть, потерпеть… Потому что наградой за терпение станут могущество и возможность отомстить».

А Хтафр никуда не торопился, неспешно выводя кровавые рисунки у Алиедоры на щиколотках, запястьях и плечах. От втёртого порошка раны горели, боль расползалась всё шире, доньяту начал колотить озноб, несмотря на покрывший её слой жирной мази.

Над ней творили сокровенное, не в храме, не в алтаре – на грязной деревянной колоде, среди снегов, рядом с догорающей деревушкой. Каменно-бесстрастные лица северян, словно и не корчилась прямо перед ними совершенно обнажённая девчонка.

Как же больно-то, мама, мамочка! Но терпи, доньята Алиедора, терпи, пусть даже кричит, кажется, само тело. За болью, за страхом, за чужими руками на собственной коже – нечто большее.

Сила. Могущество. Инаковость. Избранность.

Она проходит через недоступное всем прочим. Она, капля крови Дракона великого, величайшего, как утверждают варвары.

– Смотри в небо, – услыхала она вожака северян. – Смотри, и, может, Он удостоит тебя взглядом.

Слова пробились сквозь завесу боли, заполнили собой всё её сознание, требуя беспрекословного подчинения. Алиедора послушно уставилась на серые зимние тучи – из глаз сами собой катились слёзы, соскальзывали, словно ребятня по горке, с обильно намазанных жиром щёк.

А нож Хтафра уже добрался до висков доньяты; с упорством опытного портного он выводил сложный рисунок, алые капли сбегали вниз, и от этих спиралей, росчерков и прочего Алиедоре казалось, что боль опутывает её с ног до головы жалящей и жгучей паутиной.

Терпи, доньята, терпи! Если ты настоящая Венти, если ты… если ты именно что *настоящая*. А не подделка вроде Байгли или даже Дигвила.

Всё быстрее и быстрее становится поток серых туч, они несутся, словно в ужасе, и на краткий миг доньяте кажется, что там, над ними, и в самом деле парит нечто, смутно похожее на исполинский глаз – просто глаз безо всякого тела.

Её скрутило судорогой – в лоб словно впилась ледяная игла. Облака уже сошлись, чудовищный зрак скрылся, и вернулось всё – боль, ужас, унижение…

– Капля Его крови должна видеть. Глазам её предстоит раскрыться, – над измученной Алиедорой склонялось покрытое татуировками лицо. Вожак варваров смотрел пристально, взыскующе, и, кроме этого, в его взгляде не было ничего.

…Потом её отпустили. Не грубо, но совершенно равнодушно стащили с колоды, толкнули, Алиедора растянулась на жёстком утоптанном снегу. Холод всё увереннее пробивался сквозь слой зачарованной мази, зубы доньяты стучали.

– Д-дайте… что-нибудь… – просипела она, ни к кому в отдельности не обращаясь.

Ей швырнули комок какого-то тряпья – грязного и вдобавок окровавленного. Пальцы Алиедоры тряслись, пока она кое-как натягивала на себя всё это, и чужие обноски показались в тот миг королевской меховой мантией.

– Будешь смотреть за ней, – услыхала она надменный приказ кора Дарбе и затем – униженное блекотание ещё совсем недавно такого гордого и неприступного Метхли. Что-то вроде «да, да, конечно, мой господин…».

Почему Метхли остался? Что ему тут надо? Отчего он унижается и кланяется, хотя вожак северян отпустил его на все четыре стороны?

Был уже вечер. Северяне так и не сдвинулись с места сражения. Деревня догорела, однако варвары не поленились натащить целую груду брёвен, которых хватило бы, наверное, на добрую крепость. Появились пленные – их, похоже, куда-то отгоняли. Выглядели доарнцы неважно – лица многих украшали кровоподтёки, вся мало-мальски добротная одежда исчезла, люди ёжились от холода.

– Вам недолго страдать, – услыхала Алиедора.

Её толкнули к ним, и она ощутила даже нечто вроде радости; наёмники старательно отворачивались, избегая глядеть на жуткие кровоточащие узоры, покрывшие предплечья, виски и щиколотки.

– Кто хочет жить? – негромко, почти буднично осведомился кор Дарбе. – Кто не дерзнёт предстать перед Драконом истинным,

всевидящим? Пусть таковые выйдут ко мне.

По плотно сбившемуся клубку пленных прошло короткое движение. Несколько человек осторожно просунулись вперёд. Остальные, похоже, решили, что это какая-то западня.

– Что, больше никто? – Презрение в голосе варвара резало, словно нож. – Признавшиеся в своей ничтожности могут быть отпущены. Чувствующий собственную низость ещё может подняться. Остальные – да отправятся к Дракону внемлющему, справедливо судящему. Так говорю я, Дарбе, кор моего народа!

Пленные взвыли, словно запертые в горящем доме псы. Кто-то упал на колени, заголосил, пополз к наставившим короткие копья северянам – те пинками отбрасывали умоляющих. Никто из доарнцев так и не рискнул броситься на врага – хотя руки ни у кого связаны не были.

– Идите, – бросил Дарбе кучке дрожащих наёмников, тех, что «сочли себя недостойными». – Идите и расскажите, что приходит Дракон великий, величайший, а впереди мы, его дети. Пусть все готовятся. Пусть берут в руки оружие, ибо Дракон побеждающий, торжествующий любит храбрость. А следом придём мы. Вы видели сегодня, что сила на нашей стороне. Сколько было вас и сколько нас? А кто победил? Кто силён, тот и прав, иного Дракон справедливый, неподкупный не допускает. Идите. Если на то будет воля Дракона сокрушающего, испепеляющего – доберётесь до пока что живых.

Отпущенные доарнцы робко побрели прочь – поминутно оглядываясь, словно не веря собственному счастью. Им вслед летели проклятия и брань оставшихся.

– Может, кто-то хочет вернуться? И разделить с братьями их судьбу? – издевательски крикнул Дарбе.

Разумеется, ни один из уходивших доарнцев не остановился.

Кор громко рассмеялся. И что-то скомандовал на непонятном Алиедоре языке северян.

Из брёвен в считаные мгновения, как показалось доньяте, составлено было что-то вроде арены; из толпы пленных выхватили первого попавшегося, сунули в руки короткую дубинку.

– Капля крови Дракона вечного, бдящего, иди туда. – Алиедору рывком поставили на ноги. Пальцы ощутили гладкое дерево – такая же точно дубинка, как и у оказавшегося на «арене» человека.

– Иди! – Её сильно толкнули в спину. – Иди и покажи, что такое кровь Дракона великого, величайшего!

«Я не хочу», – тупо подумала Алиедора, едва переставляя ноги. Она не ела самое меньшее целый день и ничего не пила.

«Я не хочу. Что… они со мной сделали? Доньяты Алиедоры Венти больше нет. Никто не возьмёт замуж такую, как она, изрезанную, обезображенную чужими рунами…»

«Ты ещё можешь думать о замужестве? – усмехнулся кто-то в глубине её существа. – Значит, ты жива. А кто жив, тот будет жить».

Наперекор всему.

Алиедора не помнила, как оказалась в пределах ограждённого бревенчатыми завалами бойцового кольца. Доарнец напротив неё охнул, глаза его невольно скользнули вниз – к её, знала доньята, испачканным засохшей кровью босым ногам.

Что с ней сделают эти варвары дальше?

Шатаясь, Алиедора остановилась.

Это меньшее зло – просто и тихо умереть сейчас. Если задуматься, так ведь и совсем не страшно – её душа тихо воспарит к серым облакам, понесётся из края и в край Райлега, от пределов Некрополиса до неведомых северных равнин берега, откуда, как говорят, приплывают варвары…

Нет, она не умрёт. Она не для того ползла, выживала и убивала. Девушка-маркитантка, бородатый наёмник, мальчишка-раб… Она – капля крови Дракона, как говорят варвары.

Она сделает то, что должна.

А должна она жить.

– Убей её! – хлестнул резкий выкрик Дарбе. – Убей её, и ты – свободен! Ты видел – мы отпустили тех, кто хотел жить. У тебя тоже есть шанс. Убей её, она всего лишь женщина, она голодна и слаба!

Доарнец побледнел, хотя, казалось, дальше ему бледнеть было просто некуда. Он шагнул навстречу Алиедоре, запинаясь, неуверенно, уронив руку с дубинкой.

– Убей её! – вновь крикнул предводитель варваров.

Остальные северяне в прежнем бесстрастном, почти нечеловеческом молчании наблюдали за происходящим.

«А может, не стоит длить муки, Алиедора? После *такого* ты точно не сможешь вернуться домой. Опозоренной одна дорога – в монастырь. К вечному, пожизненному заточению, мало чем отличающемуся от тюремного.

Этот человек, что перед тобой, – он просто хочет жить. Он имеет право жить. Он всего лишь попал в плен. Ему не повезло – такое случается. Он может подняться. Ты – нет».

Выхода нет.

Алиедора запрокинула голову, взглянула в небо.

«Может, вам придётся принять меня, серые тучи. Коли так, то

я буду хорошим облаком, обещаю».

– Убей её! – взвыл Дарбе, и доарнский наёмник наконец решился.

Лицо его дрогнуло, зубы оскалились, глаза сощурились – он распалял себя, старательно давил остатки жалости и человечности. Алиедора словно видела его сейчас насквозь – обычный воин, которому случалось и грабить и насиловать в походах, но кто не убивал детей, не вспарывал животы беременным и даже тем, кого силой принуждал к соитию, случалось, кидал на измятый подол полновесную золотую монету.

Обычный человек. Такой же, как громадное большинство в это время.

«Но почему он должен жить, а я, доньята Алиедора, – должна умереть или же заживо похоронить себя в монастырских стенах, всю жизнь вымаливая прощение Ома Прокреатора? Я, особенная, отмеченная иною силой?!

Почему он, а не я? Чем я хуже? Ничем, ничем, и вообще – ведь я же лучше!»

Ледяной ветер примчался с недальнего моря, обжёг Алиедору, пробившись сквозь тряпки и слой покрывавшего кожу жира.

«Это неправильно.

Меньшее зло – когда я живу, а тот, кто посягнул на мою жизнь, – расстаётся с нею.

Так будет справедливо».

Доньяты Алиедоры больше нет. Считай, её затоптали копытами на поле боя. Или убил безумный трёхглазый маг. Нету и просто безымянной девчонки, полуголой и дрожащей, которой очень, очень страшно и больно, – её нету тоже. Есть иная, пока не отыскавшая себе истинного имени, в чьих жилах течёт не обычная человеческая кровь.

Доарнец, похоже, решил закончить дело одним ударом. Он прыгнул, размахиваясь; Алиедора с трудом уклонилась, едва удержавшись на ногах.

«Помогите мне, неведомые силы, кто спас меня от Байгли и Дигвила там, на старом капище… где-то в иной жизни, под иным небом. Помоги мне, Дракон великий, величайший, если ты и впрямь есть. Дайте мне силу – сейчас, даром, столько, чтобы победить!»

Увернувшись, Алиедора попыталась достать противника дубинкой по затылку, но удар вышел таким, какой и должен был выйти у голодной девчонки, никогда всерьёз не учившейся искусству боя, – то есть никакой.

Наёмник повернулся, зарычал, яря себя; он размахнулся широко, вкладывая в удар всю силу опытного воина.

Доньята кое-как успела подставить собственную дубинку. В руке вспыхнула острая боль, Алиедору отбросило, она едва устояла.

Второй удар она уже отбить не сумела – доарнец ткнул её торцом дубинки в живот, и доньята согнулась, враз задохнувшись.

– Кто хочет защитить её? – глумливо бросил Дарбе. – Спасший девчонку получит от меня жизнь!

Как ни странно, сразу трое доарнцев решительно шагнули вперёд. Несколько мгновений спустя они уже лезли через ограждавшие арену бревенчатые завалы.

Наёмник затравленно огляделся. Справиться с тремя он явно не надеялся.

– Да я тебя враз!.. – выдохнул он, обрушивая дубинку на затылок Алиедоре.

Доньята инстинктивно дёрнулась, удар пропал даром. Разъярённый наёмник пнул её в рёбра, вновь занося своё оружие.

Но трое спасителей Алиедоры уже были рядом, кто-то из них отбросил нападавшего, от души приложив того дубинкой по спине.

– Защитники побеждают! – громыхнул Дарбе. – Что ж, все остальные предстанут перед Драконом пожирающим, вечноалчущим – кроме тех, кто попытается всё-таки убить эту женщину!

Ещё пятеро доарнцев полезло на арену. Бешено колотящееся сердце Алиедоры не успело отсчитать и десяти ударов, а вокруг уже кипел настоящий бой. Её защитники подались назад, теснимые получившими двукратный перевес нападавшими.

А вожак варваров вновь выкликал тех, кто всё-таки хочет спасти обречённую доньяту, – и вновь обещал жизнь победителям.

И, разумеется, смерть проигравшим.

Схватившись за рассечённую голову, охнул и осел в кольце первый из доарнцев. Его тотчас же подхватили за ноги двое северян и поволокли прочь.

Схватка остановилась.

Со сноровкой, говорившей об огромном опыте, варвары захлестнули петлю вокруг щиколоток несчастного, перевернули вниз головой, быстро вздёрнув на поставленном стоймя сучковатом бревне.

Дарбе подошёл, обнажив клинок. Размахнулся – и отсечённая рука упала на истоптанный снег. По белому плеснуло красным, крик оборвался.

Алиедора на четвереньках поползла прочь, пытаясь выбраться из мешанины тел. Кто-то из доарнцев крикнул – мол, что вы делаете, братья, давайте все разом… – но в спину храбрецу тотчас вошло брошенное умелой рукою копьё.

– Плохо! – резанул голос Дарбе. – Плохо бьётесь, без сердца, без огня! И готовы перебить своих, чтобы только выжить! Падаль вы и падалью станете!

Это послужило сигналом. Один за другим северяне перебирались через бревенчатую баррикаду и вступали в схватку. Бездоспешные, почти все они сражались не мечами или топорами, а тяжёлыми палицами, сбивавшими людей с ног.

Воя от ужаса, доарнские пленники заметались по загону. Никто и не помышлял о сопротивлении – иные падали на колени, иные просто утыкались лицом в снег, закрывая голову руками. Варвары деловито волокли сбитых с ног, выстраивали оставшихся стоять в цепочку; вновь появилась та самая колода, на которой истязали саму Алиедору.

На доньяту никто не обращал внимания, и она сжалась, обхватив скользкие от жира колени, не в силах моргнуть, – и смотрела, как первого из пленных растянули на колоде, умелыми и быстрыми взмахами широкого, изукрашенного рунами ножа рассекли кожу на груди, после чего над орущим, обливающимся кровью человеком склонился уже сам кор; резко запахло Гнилью, раздался жуткий хруст – несчастному живьём ломали ребра, – и вожак варваров резко выпрямился, сжимая в окровавленной руке трепещущее сердце.

Алиедору согнуло пополам и начало рвать.

Кусок кровоточащего мяса в пальцах северянина тем не менее продолжал дёргаться, а человек на колоде – так же вопил, словно какое-то чародейство, несмотря на страшные раны, удерживало его в живых.

Остальные пленники падали наземь, запоздало умоляли, выли, вопили и визжали, словно напуганные дети.

Доарнец с вырванным сердцем, пошатываясь, поднялся с колоды. Он уже не кричал, из развороченной груди не текла кровь. Там, как увидела обмирающая от ужаса Алиедора, сгущалась чернота, непроницаемая, словно вар; вот мрак полился вниз, заструился по груди, тёмными змеями обвивая ноги.

– Дракон алчущий, ненасытный принимает нашу жертву! – загремел Дарбе, и варвары тотчас подхватили – долгим, жутким «У-у-у!!!», обратившимся во всеобщий клич.

Тьма уже струилась и из глаз живого мертвеца, «змеи» добрались до снега и тут действительно обернулись самыми настоящими змеями – подняли головы, раскрыли пасти и

зашипели на вопящих доарнцев. А миг спустя как по команде бросились на пленников.

Алиедора зажмурилась. Почему, ну почему же те, кто спас её на старом капище, не защищают теперь?!

Выли и варвары, и доарнцы. На плечо дрожащей Алиедоры мягко шлёпнулось что-то горячее, мокрое, обильно истекающее жидкостью; доньята рухнула навзничь, забившись, наконец, в рыданиях.

…А потом ей в лицо словно дохнуло разом из сотни глоток – дохнуло всё той же Гнилью, кою не спутаешь ни с чем.

Даже сквозь плотно зажмуренные веки Алиедора видела – чёрные твари окружили её и застыли, пристально рассматривая.

Всё вокруг было усеяно растерзанными, обезображенными телами пленников. Не уцелел никто.

«Вы, силы земные и небесные, вы отреклись от меня и от тех, кто меня защищал. Вы отдали меня этим тварям. Ну, и я тоже отрекаюсь от вас! Вы просто трусы и негодяи, если попускаете такое, и я…»

Шипение придвинулось. Смрадное дыхание чудовищ обволакивало Алиедору, что-то склизкое касалось локтей, голеней, запястий, щиколоток; однако обессиливающий ужас куда-то уходил, взамен поднималась ярость, столь же чёрная, как и застывшие перед доньятой твари.

Змеи подобрались ещё ближе – словно стая псов, с интересом обнюхивающая не то жертву, не то уже просто добычу.

«А я-то, глупая, думала, что вот сейчас, стоит мне оказаться в гуще схватки, невесть откуда снизойдёт ко мне великая сила…» – подумала Алиедора.

Нет никакой достающейся даром силы. Тогда, видать, ты получила аванс, доньята. Сражайся сама. Зубами, ногтями, чем хочешь.

Страх уполз куда-то в самые пятки; доньята зашарила вокруг себя руками, выпрямляясь. Сейчас, сейчас, кинуться на этих тварей, наматывая их на руку, как, бывало, делали дерущиеся дворовые девки в родительском замке, вцепляясь друг другу в волосы.

Разум отдал приказ; мышцы пришли в движение; но прыжок Алиедоры пропал даром. Она пролетела насквозь через строй чёрных чудищ, чуть не задохнувшись от одуряющего запаха Гнили, и вновь оказалась на истоптанном и залитом кровью снегу; а у неё за спиной медленно таяло, растворяясь в морозном воздухе, грязно-серое облако.

Ошеломлённая, с бешено бьющимся сердцем, она приподнялась – Гниль заполняла воздух, Алиедора дышала ею, но

дурнота быстро отступала. Всё-таки Метхли учил её не зря.

Варвары что-то дико вопили, размахивая оружием. Кор Дарбе оказался рядом, больно схватил доньяту за руку, проревел что-то, обращаясь к своим, на непонятном Алиедоре наречии. Слово куклу, вздёрнул в воздух, затряс так, что зуб на зуб не попадал.

– *Хаш агара*!

– *Агара хаш, хаш, хаш*! – яростным рёвом вторили ему северяне.

Только сейчас Алиедора поняла, что её окружает не только истоптанный или окровавленный снег. Вокруг раскинулись следы настоящей бойни, куски плоти, выпущенные кишки, расколотые черепа с расплескавшимися, словно вода, мозгами. Доньяту вновь замутило, взгляд её не мог оторваться от глядевшего, казалось, прямо на неё голубого глаза, совершенно целого, окружённого кровавыми лохмотьями плоти.

Ноги подгибались, она едва стояла. В ноздрях, во рту, на губах – повсюду ощущался запах и привкус Гнили. Но уже не такой мерзкий, не тошнотворный, как раньше.

…Потом варвары ещё долго пели странные, дикие песни, плавно раскачиваясь в лад; Алиедора сидела, обхватив колени руками, тупо уставясь прямо перед собой.

Что с ней? Кто она теперь? Почему ей не помогли? Она ведь надеялась… глупо, конечно, но всё равно – что, окажись она на арене, те силы, что спасли её на старом капище, вновь покажут себя, даровав ей непобедимость и неуязвимость. Чтобы один взмах – и все бы падали. Как в сказке… Она осталась жива – но потому, что её не смогли убить, или оттого, что не захотели?

Наконец песнопения кончились.

Кор Дарбе подошёл к доньяте, резко вскинул сжатый кулак; тотчас наступила мёртвая тишина.

– Капля крови Дракона великого, величайшего, – варвар, похоже, специально говорил на понятном доньяте языке, – истинна и отмечена Его благословением. Она останется с нами.

«Они признали меня, – пробилось сквозь ужас. Торжество тёплой волной прокатилось от шеи и плеч вниз. – Теперь они должны мне поклоняться…»

– Но старое ещё очень, очень сильно в тебе. – Кор Дарбе нависал над Алиедорой. – Оно смотрит, оно видит, оно чувствует. Оно думает. Ты перешагнула через кровь, теперь осталось перешагнуть через тьму.

«Через тьму? – растерялась доньята. – Что он имеет в виду?»

– Вместилище, – бросил варвар. – Капля Его крови всё увидит сама.

…Откуда появился этот воз, запряжённый четвёркой

меланхоличных тягунов? Почему Алиедора не видела его раньше? И что это за чёрное сооружение, водружённое на нём?

Заскрипели несмазанные петли, сколоченная из грубых сучковатых досок дверца отворилась. Алиедора нагнулась, боязливо заглядывая в тёмное нутро, – ничего особенного, простой ящик, с какими заезжали, бывало, в замок Венти бродячие музыканты. Только у них такие штуки были весело раскрашены во все цвета радуги, а так – никакой разницы.

Можно сесть. Можно даже вытянуть ноги. Ничего страшного, ничего страшного, ничего страшного… вот заскрипели петли, вот повернулась крышка… в щели пробивается свет, ничего, ничего, ничего…

Она и охнуть не успела, как на куб сверху что-то набросили, судя по запаху – скверно выделанную звериную шкуру. Стало темно.

Снаружи доносилось приглушённое пение, грубые голоса тянули всё одно и то же «а-а-а-а», то чуть выше, то ниже и так, что у Алиедоры начинало гудеть в ушах.

Если человека посадить в ящик, он, как известно, задохнётся. Но пока что доньята дышала совершенно свободно, правда, всё больше ртом, потому что вонь от шкур шла изрядная.

Затекли спина и ноги, Алиедора кое-как меняла позу. Тьма стала совершенно непроглядной, она не видела собственных ладоней. Наверное, этого можно было бы испугаться – но снаружи доносился скрип полозьев, фырканье тягунов, порой – резкие выкрики погонщиков. Сквозь плотные шкуры пробивался свист ветра, резкие птичьи голоса – крылатые трупоеды следовали по пятам за северянами, получая обильную трапезу.

Алиедора ждала. Сколько её тут продержат? День, два, три? И вообще, когда будут кормить? Когда дадут справить нужду?

Однако ящик не открывали. Кулачки доньяты забарабанили в стенку – напрасно. Петли не скрипнули, крышка не откинулась.

Она закричала. И вновь – никакой реакции.

«Нет, нет, ничего страшного. Это просто испытание… ещё одно, быть может – одно из многих. Испытание. Повторяй это себе, повторяй как молитву, и оно сбудется. Всё обернётся именно тем, чем ты хочешь, – испытанием.

Терпи, терпи, терпи. Ты можешь победить только одним – терпением. Они должны увидеть, что тебя не запугать. Ни кровью, ни тьмой пополам с довольно-таки обычными неудобствами – не встать, не выпрямиться, не вытянуться. Ну, подумаешь, ничего не видно! Зато можно пощупать, ощутить – шершавость досок, неровности сучков, да ещё смотри, как бы заноз не насажать: как их потом вытягивать во мраке?»

Она пыталась храбриться. Старалась, чтобы тёмный ящик показался нелепой шуткой, вроде как у скверных рыночных комедиантов.

Однако что-то шло не так, совсем не так. Во-первых, воздух сделался неощутим. Во-вторых, тело Алиедоры словно лишилось разом всех естественных надобностей. Вот просто лишилось, и всё тут, понимай как хочешь. Только ныли затёкшие ноги, никак не пристроишься, не уляжешься, не свернёшься комочком.

А затем стали исчезать пробивавшиеся снаружи звуки. Сперва они звучали всё глуше и глуше, пока наконец не исчезли совсем. Нет, на узилище Алиедоры не набрасывали новых шкур – всё раньше доносившееся снаружи пусть и негромко, но постоянно теперь таяло и тонуло в навалившейся тишине. Вскоре «с воли» уже не пробивалось ничего. Алиедора могла слышать только себя – царапанье её ногтей по доскам, шорох одежды; доньята попыталась говорить с собой вслух и сама испугалась – голос звучал дико и сдавленно, словно чужой. Да и слова с губ срывались совсем-совсем чужие, она даже не могла разобрать, что же произносит её собственный рот.

Она испугалась. И замолчала. А темнота продолжала сгущаться – теперь в ней тонул даже кашель.

Оставались ощущения. Твёрдость грубо вытесанных досок сейчас начинала казаться благословением. Алиедора не видела, не слышала – только чувствовала. Во всяком случае, оставались верх и низ. Оставалась и боль в стес-нённых мышцах, однако и она начинала изменять доньяте, рассасываясь и ускользая, словно влага в щели её узилища.

«Стой, стой, – в отчаянии умоляла её Алиедора. Вернись. – Не уходи. Ну, пожалуйста – ведь когда что-то болит, ты знаешь: оно ещё есть».

Боль не послушалась. Убегала, а вместе с ней исчезало и собственное тело доньяты. Она знала, что у неё есть и руки, и ноги, но именно знала, а не чувствовала.

Потом стало ещё хуже. Раньше можно было вытянуть пальцы, коснуться стенок – но вот исчезло и это. Алиедора взвизгнула – вернее, ей показалось, что она взвизгнула, – и чуть ли не бросилась вперёд. «Пусть я разобью нос, но мир вокруг меня ещё будет настоящим. С настоящими стенами настоящего ящика, водружённого на настоящие сани, медленно ползущие по настоящему снегу…»

Нет. Даже в этой малости ей было отказано.

Судорожно вытянутые пальцы не встретили ничего, одну лишь пустоту. Не стало ни досок, ни стенок. Один мрак.

«Но ведь я ещё на чём-то стою, – суматошно думала

Алиедора. – Есть верх и низ. И, если ящика теперь нет, я же могу выйти, верно?»

– *Неверно,* – холодно сказала тьма. – *Ты бы смогла, да, но для этого ты слишком слаба. Ты не пройдёшь. Тебе остаётся только умереть. Ты не годишься.*

«Я не боюсь, – трясясь, прошептала Алиедора, сама не зная, вслух или про себя. – Я тебя уже видела. И не испугалась – ни змей, ни крови, ничего. И ты ничего не смогла со мною сделать – там, на арене!»

– *Неверно,* – с прежней холодностью сказали ей. – *Ты видела не меня. Низшие аспекты – им требуется, как говорите вы, люди, «внушать ужас».*

«Кто ты?» – простонала Алиедора. Холод стремительно распространялся, протягивал ледяные руки, сочился между мельчайших частиц мрака, рассыпался незримой пылью, жадно вытягивая тепло и жизнь.

– *Ты знаешь меня под множеством имён. Гниль одно из них.*

И точно – к холоду добавилась знакомая металлическая кислость.

– *Ты могла бы стать избранной. А теперь ты просто умрёшь и сама сделаешься гнилью.*

Просто умрёшь и сама сделаешься…

Просто умрёшь.

Сама сделаешься.

Гнилью.

Слова не раскатились набатом по опустевшему сознанию, они вползали мокрыми и скользкими червяками.

– *Ты не годишься. Время потеряно зря. Теперь ты ум– рёшь. Перестанешь быть.*

«Мне так холодно, мама, мамочка!»

– *И никто не приходит на помощь. Никто не протянет руки, не подставит плеча. Ты одна – отныне и навсегда, сколь бы кратким это «навсегда» ни оказалось.*

«Я… нет! Я стою! Я не падаю! Я не упаду!..»

– *Упадёшь,* – сказали ей. – *Ты уже заметила, что ящика нет, – на чём же ты тогда стоишь?*

И Алиедора тотчас рухнула в бездну. Засвистел ветер, обжёг щеки. Зло рванул волосы.

– *Я поиграю с тобой, мне давно не доставалось живых игрушек; а падать ты будешь долго, очень долго.*

«Нет», – вдруг пришёл ответ. Её собственный ответ, родившийся в такой глубине, что не дотянутся никакие мысли и где спасует собственное сознание. Не слова и не звуки, не мысли и не чувства – что-то дремучее, древнее, только сейчас

пробудившееся к жизни.

Уверенность? Убеждённость? Знание?

Нет, всё не то. Человеческие слова теряют смысл, когда мы тянемся к сердцевине собственного существа, когда ныряем в скрытые там глубины, сами не зная, кого или что мы там встретим.

Иногда оттуда в миг крайней нужды приходят те самые «последние силы»; иногда же – страшное, постыдное, когда забываешь о друзьях, бьющихся плечом к плечу с тобой, и «у пяток словно крылья вырастают».

И это ещё самое безобидное.

Бесконечно далеко и совсем-совсем рядом раздалось глухое рычание. Оно поднималось вверх, шло из бездны, расталкивая темноту и холод. Оно пахло Гнилью, пахло совершенно нестерпимо, но Алиедора была согласна. Доньята вбирала Гниль, пила её, дышала ею – когда надо драться, не приходится привередничать, выбирая оружие. Бьёшься тем, что попалось под руку.

«Я выживу, я выберусь! Даже отсюда».

Падение замедлилось. Ветер взвыл в бессильной злобе, закрутился вокруг доньяты, словно пытаясь вновь увлечь вниз.

«Нет, я не упаду», – прошептали губы. Прокушенные – и по подбородку стекает тёплая-тёплая кровь.

Тёплая кровь – словно огонь в этой ледяной бездне. Пусть тут черно, пусть дышать нечем, кроме Гнили, но кровь ещё горяча, и огонь, скрытый в ней, готов осветить путь.

«Я не упаду.

А столкнувшие меня – умрут. Все до единого, все, все, все и всё!»

Она разрывается от крика. И умирает.

…В себя она пришла от того, что её немилосердно хлестали по щекам. Во рту был привкус крови – кажется, ей уже разбили губы.

Жёсткий наст под боком, серое бессолнечное небо над головой – но и его закрывают нагнувшиеся над Алиедорой северяне. Они молчат, изукрашенные татуировками лица ничего не выражают. Словно навсинайские големы, они безмолвны и бесстрастны. Даже зло они творят не в кровавом угаре, а бесстрастно и методично, словно повинуясь некоему заранее продуманному плану.

Внутри клубком свившихся змей обосновалась боль.

Перед доньятой на снег упал ломоть хлеба. Она не шелохнулась.

Чёрный ящик исчез. Немилосердно болело всё, каждая

жилочка, каждая связка.

Но над головой – небо и тучи. И холод зимы, но холод обычный, вполне такой себе человеческий. И живые люди, пусть даже и такие, как кор Дарбе со своими подданными.

А на санях – груда чёрных обломков: доски, искрошенные в щепу, обрывки шкур.

Её оставили в покое – лежать на снегу, глотать слёзы и смотреть в небо. Не чувствуя мороза, не чувствуя вообще почти ничего, доньята лежала – серые облака вплывали в широко раскрытые глаза, оставляя там влагу, и плыли себе дальше, унося в себе частицу её горя, но – равнодушные, равнодушные, равнодушные…

«Я прошла, – думала она. – Я прошла, я донырнула… до самого дна. Там, на дне, – настоящая я. Но… если увиденное – самая истинная я… как меня ещё носит земля?»

Что творилось вокруг – она не знала. До того мига, как её вздёрнули на ноги.

– Капля Его крови, никто не может спрашивать тебя, что ты увидела. – Северянин был непривычно серьёзен, взгляд тяжёл. – Старое отступает. Оно не сдастся, нам придётся его убить.

«Убить? – содрогнулась Алиедора. – Что он говорит?»

– Капля Его крови выживет, – торжественно провозгласил варвар. – Всё прочее – умрёт.

– Умрёт! – рявкнули стоявшие вокруг них воители.

– А… а я? – пролепетала доньята.

– Если старое в тебе окажется слишком могущественно – оно потянет тебя за собой. – Невозмутимость кора Дарбе ничто не могло пробить.

Потянет за собой?! Ну уж нет. Я уже падала, мне уже шипела в уши холодная тьма…

Алиедора сжалась. Но не как испуганный зверёк – нет, словно готовясь к броску. Кровь вновь весело бежала по жилам, пусть и смешанная с Гнилью.

Нет, это не так. Она умирать не собирается.

«У меня есть многое, – Алиедора прикусила губу, – о чём эти варвары даже и не подозревают. Они не знают, что я увидела там, в колодце… в бездне… неважно, как называть.

Я жива. Я могу сбежать. Я наверняка сбегу. Но уже не так, как из Деркоора. Я должна отомстить. И найти место, где можно обрести силу. Слабых убивают, нет, хуже, их топчут, заставляя наблюдать за триумфом победителей».

– Вставай, доньята.

Знакомый голос.

Алиедора медленно повернула голову, словно с усилием

толкая в гору каменную глыбу. Взглянула – над ней, нервно облизывая губы и постоянно потирая руки, покачивался с носка на пятку и обратно не кто иной, как трёхглазый чародей Метхли. Страшный рот с острыми зубами исчез, Метхли вновь выглядел почти как человек.

– Ты здесь, – это был не вопрос, просто утверждение.

Сил удивляться не осталось.

– Здесь, здесь, доньята, – вновь облизнул губы чародей. – Великий кор Дарбе, да продлит Дракон триждывеличайший дни его, благоволил поручить мне заботу о тебе.

Алиедора не шелохнулась. Трёхглазая тварь, стоявшая перед ней, не была человеком. Так же, как и она сама, Алиедора. Правильно говорил вожак варваров…

– Забота заключается в том, чтобы как можно скорее открыть уста заключённого в тебе. После случившегося с тобой осталось лишь дать голос крови Дракона… э-э-э… великого, всемогущего. Как же надоело повторять это каждый раз! – шёпотом вдруг пожаловался маг. – Для этого тебя следует провести дальнейшим путём ужаса и боли. Дабы презренное естество… не смотри на меня так, это не я придумал! – вдруг взвизгнул он. – Дабы презренное естество уступило бы место истинной природе. Они страшно радуются, что нашли тебя, доньята. Кор Дарбе даже сохранил мне жизнь.

– Отчего же ты… могущественный маг… служишь ему? – Алиедора с трудом разлепила губы. – И откуда… ты взял… что я доньята?

– Не так уж трудно было прочитать твою память, – сквозь животный страх пробивались остатки чего-то, похожего на гордость. – Доньята Алиедора Венти. Как же, как же, наслышан о твоём семействе…

– Почему ты ему служишь? Ты, могущественный маг?

Метхли отвернулся.

– Его сила превосходит мою. У него есть нечто, гасящее все мои заклинания.

«Трус, – подумала Алиедора. – Тебе бы лежать грудой вываленных кишок на той арене, а не простым солдатам, что верили тебе. Даже презрения на тебя нет…»

– Вставай, доньята. Мне велено бить тебя, – маг втянул голову в плечи, словно нашкодивший дворовый мальчишка.

«Он же меня боится, – вдруг осенило доньяту. – Боится до судорог. Я оказалась чем-то совершенно иным, чем он подозревал. В «главном» он не ошибся, но вот масштаб этой ошибки…»

– Велено – бей. – Она равнодушно опустила голову.

– Не играй, – сдавленно прошипел чародей. – Я не собираюсь из-за тебя отправляться к Дракону раньше времени, как говорят варвары! Если ты будешь слушаться, может, сумею притушить боль…

То, что раньше было капризной доньятой Алиедорой Венти, взвизгнуло от животного ужаса.

– Мне велено бить тебя вот этим кнутом. – Метхли показал жуткое орудие, скрученное из сыромятных ремней. – Я не хочу тебе зла, благородная доньята, и постараюсь облегчить…

– Червяк, – раздался рык самого кора. И как он только сумел оказаться рядом? – Червяк, не достойный ни встречи с Драконом, милостивым, беспощадным, ни жизни в мире, Ему принадлежащем.

У Метхли подкосились ноги, маг бухнулся на колени.

– Пощади, великий…

Варвар несильно толкнул трёхглазого чародея носком сапога, не ударил, а именно толкнул – однако волшебника отшвырнуло на добрый десяток шагов. Не дерзая подняться, завывая от боли, трёхглазый пополз к предводителю северян, точно побитая собака – каковой он сейчас и являлся.

– Хула на Него ещё никому не сходила с рук. Вставай и делай дело.

…Алиедора опять кричала. Вернее, кричала не она – кричало её избиваемое кнутом тело. Боль словно разорвала её пополам – одна часть, та самая благородная доньята, выла, вопила и дёргалась, рискуя вывернуть суставы; а другая, безымянная, живущая за пределом боли, думала, даже не считая сыплющиеся на неё удары.

«Я не могу умереть. Не имею права. Должна выжить. И отплатить. Они не убьют меня, я им нужна. Значит, нужно просто вытерпеть. Кожа заживёт, пусть даже и со шрамами».

Это повторилось на следующий день, а потом на следующий за ним и так далее. Её били, били до бесчувствия, пока снег вокруг не краснел от крови. И лишь когда Алиедора, лишившись чувств, падала лицом вниз, истязание прекращали. Сосредоточенно сопя, обмывали кровоточащую иссечённую спину, накладывали какие-то жгучие мази, отчего Алиедора корчилась едва ли не больше, чем во время экзекуции. Приходил Метхли, подносил к искусанным в кровь губам плошку с водой, с рук кормил маленькими кусочками хлеба.

Отряд северных варваров разросся – к ним подошли подкрепления, теперь кор Дарбе распоряжался тремя сотнями воителей.

За собой они оставляли мёртвую пустыню, и это не было поэтическим преувеличением. Деловито и без суеты варвары ловили всех, кто попадался им под руку в разорённых деревнях или опустевших городках. Они не брезговали даже самыми захудалыми, самыми бедными хуторами, с угрюмым упорством обыскивали брошенные, выгоревшие замки – и нельзя сказать, что возвращались совсем уж «с пустыми руками».

Зима гнала серфов обратно, к домам и очагам, к запасам сена для скотины – в лесу можно пересидеть дни, но не месяцы. Вдобавок новый правитель, король Долье Семмер, «взявший Меодор под длань свою», как мог пытался навести порядок.

Всякая ночь теперь начиналась одинаково. Горящие костры; сбившиеся в кучу перепуганные пленники, и на сей раз уже не воины: серфы, их жёны и детишки, старики, поверившие обещаниям Семмера мелкие купчики.

Перед ними прямо на снегу растягивали Алиедору. Начинал свистеть бич в руке трёхглазого чародея, и под крики доньяты варвары начинали методично резать живую – пока ещё – добычу. Иногда – пытали и мучили. Иногда – убивали быстро, словно в бою. К мольбам и проклятиям они оставались глухи.

Северяне не грабили. На местах стоянок оставалось невзятое, презрительно выброшенное добро. Они просто убивали.

Под утро приходил кор Дарбе. Садился на корточки возле распростёртой Алиедоры и начинал негромко говорить, словно обращаясь к самому себе.

Что миру пришла пора умереть и народиться заново. Что чем скорее все, кто живёт и дышит, предстанут перед Драконом, тем скорее наступит великое обновление. Дракон дарует достойным вторую жизнь, и они станут сражаться, ибо только кровью доказывается своё право. Сильные будут жить. Слабые умрут. Слабые не могут жить, ибо начинают гнить, истекать ядом, отравляя всё вокруг. Остаться должны только сильные. Тогда мир будет жить вечно, как заповедал Дракон.

И потому они, дети великого Дракона, идут с мечом по чужим землям, помогая всем обрести истину и соединиться с Ним.

И она, Алиедора, капля Его крови, должна помочь им в этом. Она оказалась именно такой, какой и надо. Она – избранная, отмеченная, особая. Ей открывать новые пути и горизонты, неведомые не только простым смертным, но и ему, Дарбе. Земля под ногами и небо над головой – лишь утроба, чтобы породить Дракона. Люди, не отмеченные Его печатью, убоги, ущербны и несчастны. Они разрушают не ими созданное, и тогда появляется

Гниль – чтобы защитить оставшееся.

…Эта речь повторялась, с небольшими изменениями, становясь то длиннее, то короче, – однако очень скоро Алиедора заучила её наизусть.

Дарбе был не то чтобы добр с доньятой – нет, порой очень жесток.

Она мёрзла и голодала. Просить оказалось бесполезно, варвары лишь отворачивались, а сам кор как-то в ответ лениво отмахнулся – задев кончиками пальцев Алиедоре по щеке, но так, что она отлетела и покатилась, уголок губ был разбит в кровь.

Капля Его крови ни о чём не просит. Никогда и ни у кого.

Урок был усвоен.

Она знала – её продолжают испытывать. Тянущая боль в пустом желудке и пробирающий до нутра мороз – всё это нужно перетерпеть. Ради всего, что она должна получить после.

Труднее всего оказалось привыкнуть к голоду. Алиедоре уже приходилось голодать, казалось бы, это должно помочь; однако ж нет, с каждым днём становилось только тяжелее.

Хуже всего приходилось, когда ей бросали куски грубо обжаренного на костре мяса, – и она визжала, сотрясаясь в приступах жестокой рвоты, потому что знала, у кого из пленников, ещё живого, вырезана эта плоть.

Последний рубеж она не переступала. Словно то тёмное зеркало, куда она заглянула, падая в чёрной бездне, раз и навсегда запретило всё подобное. Если станешь заботиться о плоти – умрёшь ещё быстрее, чем если сама попытаешься уморить себя голодом.

Порой варвары собственноручно долбили мёрзлую землю, не жалея рук, вкапывали высокий столб. На плоскую вершину, где едва удержишься, тесно-тесно сдвинув ступни, ставили Алиедору. Внизу снег утыкивали копьями и колами, тускло блестела нацеленная прямо в доньяту сталь. Капля крови Дракона стояла на ветру и холоде, дрожа и пытаясь получше завернуться в оставленное ей тряпьё, и обмирала от страха – потерять равновесие. Хотя наконечники копий, казалось, сами говорили ей: «Вот выход, он лёгкий и простой. Да, сперва будет больно, но ведь это совсем недолго и не сравнить с тем, что ты уже вытерпела».

«Нет, – молча отвечала она ждущим остриям. – Спасибо за помощь, но – не дождётесь».

…Замёрзшую, её потом стаскивали вниз. Растирали чем-то огненным руки и ноги, пальцы, уши, щёки; снадобья варваров пахли совершенно ужасающе, словно много месяцев не чищенное стойло запаршивевшего тягуна, – но при этом они работали, и Алиедора не получила даже лёгкого обморожения. Она и не

простужалась, тело словно отказывалось поддаваться простым, всем известным хворям. Не першило горло, не лило из носа, отчего доньята страдала, случалось, каждую зиму.

Кровь Дракона, она становилась иной.

Оставляя за собой сложенные из отрубленных голов пирамиды, варвары шли дальше – прямиком на Меодор.

Глава 8

Благородный наследник сенорства Деррано, Дигвил, придержал своего гайто и приподнялся в стременах.

– Не вижу ничего страшного, дон Ариагос.

Двое облачённых в полный доспех нобиля стояли на парапете протянувшейся на десятки лиг стены – стены, возведённой неустанным трудом серфов на всём протяжении от Реарских гор до устья Сиххота, пограничной реки, отделявшей земли королевства Долье от владений зловещего Некрополиса, удела Мастеров Смерти.

Серое небо снизилось. Сеяло лёгким снежком. Тёмные воды Сиххота мороз пока не одолел, и они беззвучно струились.

В островерхих сторожевых башнях, заступивших на вечную службу вдоль пограничной реки, воины жгли уголь в жаровнях, тщась спастись от сырого холода, кусающего сквозь надетые доспехи и тёплую одежду.

Уже неделю Дигвил был дома, в родном Деркооре, занимаясь хозяйством, пока отец оставался с главными силами под осаждённым и упрямо не сдающимся Венти. Замок держался крепко – не помогали ни угрозы, ни посулы. Предателя не нашлось, ворота не открылись. Его величество Семмер, проводивший зиму в столице новозавоёванного королевства Меодор, строгим указом велел сенору Деррано во что бы то ни стало продолжать осаду и не покидать войска.

Скрепя сердце сенор велел отправиться домой старшему сыну.

Семь дней Дигвил, как мог, приводил в порядок подрасстроившиеся дела – вразумлял серфов, строжил мастеровых, хмурил брови на купчиков, договаривался, откупорив дорогое южное вино, с крупными негоциантами.

Вечером седьмого дня в ворота Деркоора постучался усталый гонец в цветах сенорства Илтеан, что лежало к востоку, вытянувшись вдоль порубежного Сиххота. Владетели Илтекоора издавна славились воинственностью и беспощадностью в борьбе с властелинами проклятых зомби – Дигвил в детстве с замиранием сердца слушал истории о том, как сеноры Илтеан хаживали походами *аж на тот берег*, в самые владения Некрополиса.

Сперва Дигвил решил, что привезённое письмо – лишь дань вежеству, положенный этикетом ответ на формальное приветствие наследника соседнего сенорства, прибывшего домой из неоконченного ещё похода; глава дома Илтеан, как и громадное большинство нобилей, пребывал сейчас с основными

силами в Меодоре. Для охраны границы оставлена была лишь сотня лучников – последние лет пятнадцать ни один мертвяк не перешёл на левый берег Сиххота.

Старший сын сенора Деррано сломал тогда печать – подивившись, что пишет ему мастер-распорядитель сеноров Илтеан, дон Ариагос, а не супруга благородного сенора, выполнявшая в его отсутствие церемониальные обязанности.

Прочитав же письмо, Дигвил изменился в лице и велел немедля седлать скакунов. Очень скоро сам молодой дон и его ближняя охрана во весь опор мчались к соседям в Илтекоор.

– Не вижу ничего страшного, благородный дон, – повторил Дигвил.

Противоположный берег Сиххота являл собой унылое зрелище – засыпанные снегом исполинские валы, увенчанные острыми зубами частоколов. Они не тянулись вдоль реки сплошной непреодолимой преградой, подобно каменной стене, возведённой дольинскими серфами, – напротив, раскрывали пасти проходов, что – не сомневался Дигвил – вели в гибельные лабиринты.

Снежное покрывало на правой стороне реки оставалось совершенно девственным, словно во владениях Мастеров Смерти не жилось ни зверям, ни птицам – чему Дигвил, впрочем, ничуть бы не удивился.

Метель усиливалась, с востока дул резкий ветер, швыряя в глаза пригоршни жёсткой белой крупы.

– Смотрите, благородный дон Дигвил, – проворчал старый рыцарь, похожий на очень худую хищную птицу: костистое лицо, сильно выдающийся нос с горбинкой, густые и совершенно седые брови.

Дигвил послушно вперился в быстро темнеющий берег.

Ничего. Пусто и безжизненно, как и положено во владениях хозяев шагающих мертвецов.

– На что же? Нет там ничего, – начал было Дигвил.

– Да смотрите же! – раздражённо перебил рыцарь. – Там, под берегом…

И тут Дигвил увидел.

Откинулось нечто вроде широкого круглого щита, закрывавшего вход не то в пещеру, не то в специально построенный подземный коридор. Из темноты высунулась голова – более круглая и крупная, чем положено человеку, и Дигвил вспомнил, что Мастера Смерти умели не только возвращать видимость жизни мертвецам, но и странным, противоестественным образом изменять их.

Голова покрутилась, покрутилась, и из развёрстого зева

пещеры появилось существо, сперва показавшееся Дигвилу огромным пауком. Оно пробиралось почти ползком, на шести конечностях, при ближайшем рассмотрении оказавшихся человеческими руками. Туловище было человеческим, мужским, но взятым словно бы от подростка или юноши, и облачено в грязно-белую дерюгу, схваченную широким поясом.

– Ну и мразь, – сплюнул Ариагос. – Уже третий раз замечаем.

– И что же? – Дигвил не мог отвести взгляд от отвратительного создания.

– Пока что, благородный дон Дигвил, ничего. Но давненько такого уже не видывал, давненько. – Рыцарь покачал головой. – Отправил депеши. Мню, что затевается на том берегу что-то. Как бы не напали…

Дигвилу очень хотелось рассмеяться, но смех застрял в горле.

Деррано жили под тенью Некрополиса. Угроза из-за Сиххота была всегда. Как день, как ночь, как смена времён года. Иногда зомби перебирались на левый берег, преодолев исконное своё отвращение к текущей воде, и тогда в дело вступала пограничная стража Долье. Мертвяков всякий раз удавалось отбросить, и на какое-то время воцарялась тишина; однако потом всё начиналось сначала. И вот пожалуйста – особенно не скрываясь, тварь Мастеров Смерти шарит под берегом; чего ей там вынюхивать?

Тварь тем временем спустилась к самой воде. Стрелки за спиной Дигвила без лишних слов вскинули луки.

– Посмотрим, чего ей надо, – проговорил дон Ариагос.

– А прошлые разы чем кончалось?

– Да тем, что я вам и написал, благородный дон Дигвил. Поползает, понюхает и обратно в нору, а вместо неё – десяток зомби, верно, чтобы наши лучники сноровку не теряли. Лезут в реку, мы их расстреливаем. Но вот тут, – рыцарь стукнул себя по груди, – неспокойно мне. Потому и вам написал, как прослышал, что вы домой вернулись, молодой дон.

Дигвил кивнул.

– Хорошо, что вы с отрядом подоспели, – продолжал меж тем старый рыцарь. – Потому как, не ровён час…

Существо на том берегу спряталось обратно в нору. На некоторое время всё стихло, правый берег Сиххота умер.

– И что теперь, благородный дон Ариагос?

– Если не появится… – начал было тот, и тут заснеженные склоны на противоположной стороне реки разом ожили – и впрямь словно зомби под умелым заклинанием Мастера Смерти.

Поползли вбок и вниз гранитные плиты, открывая просторные каверны. Оцепеневший Дигвил успел разглядеть уходящие в темноту цепочки блёклых факелов, горевших

неестественно белым алхимическим пламенем; отблески плясали на множестве начищенных шлемов и наплечников, на кованых кирасах и поясных латных юбках. Поднялись кривые мечи-ятаганы, опустились наконечники копий, дружно шагнули ноги, обутые в грубые сапоги.

– Дон Дигвил… – просипел Ариагос. – Неужто решились…

Рука старшего из сыновей Деррано уже выдернула меч. Но что мог сделать здесь один клинок или даже сотня, когда с восходного берега насколько хватало глаз прямо в холодные воды Сиххота входили и входили отлично вооружённые воители – правда, уже мёртвые, но от этого не менее опасные.

Волны смыкались над островерхими шлемами, и Дигвил походел, представив себе эту картину – вышагивающие по дну шеренги, сохраняющие строгое равнение, держащие дистанцию…

– Тревога! – гаркнул наконец Ариагос, и в башне за спинами дольинцев ударил колокол.

Мечники Деррано смешались со стрелками Илтеан. Хакнула баллиста, заострённое бревно, волоча за собой дымный след, пронеслось над пограничной рекой, и чернота в зеве одной из пещер расцвела пышным огненным цветком – сенорство Илтеан всегда содержало нескольких алхимиков, искусных в составлении пламеносных смесей.

Дигвил жадно вгляделся – огонь свирепой хваткой вцепился в мёртвую плоть под сталью доспехов, его словно бы раздувала неведомая сила, из всех сочленений сыпало роями искр, норовивших поджечь оставшихся невредимыми солдат Некрополиса.

Горящие зомби не остановились, не закричали, не бросились врассыпную. Они молча и равнодушно шагали, теряя отваливающиеся руки, падая, когда прогорали бедренные суставы. Из глубины подземелья надвигались новые шеренги, давили упавших, и Дигвил вздрогнул, заметив, с какой лёгкостью заполняются прорехи.

Нет, двинувшаяся через реку армия Некрополиса не была «неисчислимой». Широко растянувшись, Сиххот переходило никак не меньше десяти тысяч вооружённых зомби. Заскрипели, так что слышно было даже на дольинских бастионах, скрытые под землёй исполинские механизмы, возвращая на место гранитные плиты. Входы закрылись, об отступлении никто не думал, да и не могло его быть, этого отступления.

Доспехи на солдатах Некрополиса блестели от густо покрывавшего их жира, отчего воины Мастеров Смерти походили на весёлые и праздничные детские игрушки в дорогих лавках Симэ. На плечах зомби тащили длинные лестницы с железными

клювами – чтобы обороняющимся не оттолкнуть их от стены. Раз убитому и подъятому чародейством мертвяку не шибко повредит падение с высоты, разве что переломает руки-ноги, но «живым» он останется да так и будет ползти и ползти, цепляясь даже зубами. Но хозяева Некрополиса берегли свой рабочий скот.

Рядом с Дигвилом раздавались команды, тонкая линия стрелков скрывалась за зубцами, готовая натянуть луки. Молодой дон ощутил, как покрывается потом ладонь в латной перчатке, невольно сглотнул набежавшую слюну – страх вцепился и драл, драл, драл немилосердно. Ему нельзя было сказать «исчезни!», только одолеть.

– Уезжайте, благородный дон, – Ариагос торопился. – Сколько сможем, простоим. Но не сдержим. В Деркооре есть рыцари?

Дигвил скрипнул зубами. Как же так? Как оставили рубеж без защиты?

Ответ, впрочем, он знал и сам. Довольно долго на границе царила тишина, мелкие группки мертвяков легко отбрасывались пограничной стражей, да и сам владыка Семмер не зря поднимал кубки на пиру в честь посланцев Высокого Аркана. Наверняка до Мастеров Смерти дошло, что у Долье с Навсинаем союз как раз на такой вот крайний случай.

– Скачите, дон, – уже настойчивее повторил старый воин. – Держава должна узнать. Должна подать помощь. Не так и далеко от их застав, если горным трактом… А мы уж тут постараемся.

Дигвил молча покачал головой. Нет, он не уедет. Байгли, тот небось не преминул бы унести ноги куда подальше, но он, будущий хозяин Деркоора?!

– Я своих людей, благородный дон Ариагос, не оставлю. – Дигвил осёкся, сообразив, что выходит напыщенно и грубо по отношению к седому рыцарю.

Однако тот лишь улыбнулся холодно да уронил на лицо кованое забрало.

– Тогда идёмте, благородный дон. Чай, такой забавы ещё не отведывали?

…Прочь от сиххотских бастионов уже летели, нахлёстывая своих гайто, несколько спешных гонцов с белыми от ужаса лицами. Им предстояло оповестить сеноров и благородных нобилей по всему Долье, предостеречь его величество в его временной столице – далёком Меодоре.

Дигвил поудобнее перехватил меч, со свистом рубанул воздух. Его воины угрюмо глядели на серые воды, откуда вот-вот должна была появиться армия Некрополиса.

Стрелки сенорства Илтеан молча и без суеты готовились –

поджигали фитильки алхимических зарядов, привязанных к древкам. Обычному мертвяку простая стрела не повредит, только если подсечёт какое-нибудь важное сухожилие.

Ждать защитникам Долье пришлось недолго. Дигвилу приходилось слышать о невиданных укреплениях, возве– дённых на границе меж Некрополисом и Навсинаем, где кольями щетинилось даже дно реки; здесь же ни один серф, пусть и под страхом мучительной смерти, не согласился бы войти в мёртвые воды, где не водилось даже пиявок.

Зарябила серо-масляная гладь. Поднялись острия шлемов, капли скатывались с обильно смазанной жиром стали; вот показались лица, жуткие, нечеловеческие, словно навсегда искажённые предсмертной му́кой; плечи, руки, туловища…

Ариагос взмахнул рукой. Стрелы сорвались, оставляя десятки дымных дорожек.

Невольно Дигвил позавидовал выучке илтеанцев – мало какой из выстрелов пропал даром. Трёхзубцовые наконечники, какие никогда не пойдут в ход против обычного врага, имели целью не пробить броню, а просто впиться, хоть как, но зацепиться.

Зомби пытались избавиться от вонзившихся, запутавшихся в кольчатых рубахах стрел, но получалось это у них неловко и медленно. Гостинцы дымили, и у Дигвила всё аж сжалось внутри – ну скорее же, скорее, что ж запалы так длинны!

Часть стрел мертвякам удалось сбить – видать, не столь уж они тупы, эти твари Некрополиса; однако неуклюжи и неповоротливы: на что рассчитывают Мастера Смерти со столь негодными вояками?

Перед зомби лежал крутой скат речного берега, старательно стёсанный и облицованный каменными плитами; над островерхими шлемами поднялись штурмовые лестницы, и в этот миг фитили наконец догорели.

По рядам мёртвого воинства прокатилась волна ярких вспышек, тотчас исчезавших в клубах плотного белого дыма. Вырвавшиеся на свободу языки алхимического пламени жадно грызли мёртвую плоть, прорываясь под сталь доспехов. Летели искры, но и мертвецы оказались не так просты – сбивали, захлопывали искры, не давая огню перекинуться на соседей, даже погибая сами. Дигвил сообразил, что думает о солдатах Некрополиса словно о живых, достойных чести воителях, и аж потряс головой, стараясь отогнать наваждение.

Изуродованные огнём останки молча валились под ноги уцелевшим; а те с прежним упорством продолжали устанавливать штурмовую снасть.

Вслед за первыми летели новые стрелы, дымные следы, словно исполинские копья, вонзались прямо в мёртвые ряды, но и зомби в задних рядах подняли арбалеты – их тетивы, верно, не боялись сырости.

– Пригнитесь, молодой дон! – рявкнул пожилой десятник с гербом Илтеан на доспехах.

Дигвил последовал совету – и вовремя. От стены вокруг его бойницы со звоном отскочило разом не меньше полудюжины железных болтов, высекая искры и каменную крошку.

Кто-то вскрикнул, валясь на парапет; кто-то с ругательством отшатнулся, схватившись за засевшее в плече остриё. Мёртвые руки внизу дружно, слитно, повинуясь беззвучной команде, вздёрнули осадную лестницу, широкую и прочную, загремевшую железными крюками, намертво впившимися в камень, прежде чем защитники Долье успели сбросить вражью снасть.

– Заряд! – гаркнул Ариагос, бросаясь к опасному месту. Из башни мечники уже волокли две увесистые даже на вид глиняные корчаги, запечатанные толстенными сургучными пробками. Один из илтеанцев слишком сильно приподнялся над парапетом, и его тотчас нашёл меткий арбалетный выстрел; с пробитой грудью, нелепо взмахнув руками, стрелок молча упал. Дигвил хотел отвернуться – что делают зомби с попавшими в их руки врагами, он успел наслушаться, – однако так и не смог.

Тело тупо стукнулось о камень, скользнуло вниз и оказалось враз подхвачено множеством мёртвых рук. Бережно, словно величайшую драгоценность – или вожделенную добычу, – его передали над рядами штурмующих назад, и четвёрка зомби проворно потащила его в реку, торопясь вернуться назад, на правый берег Сиххота.

С шипением и треском вспыхнули запальные шнуры – а по широкой лестнице, облепляя её с обеих сторон, уже карабкалось воинство Некрополиса. Летели с бастионов стрелы, иные вонзались в толстые деревянные перемычки, занималось пламя, но тут же гасло, видать, дерево защищали какие-то чары.

Корчаги полетели вниз, одну кто-то самый ловкий приспособил к креплениям осадной лестницы, возле самых зубцов треснуло, грохнуло, оглушённый, Дигвил пошатнулся, ему показалось, по ушам разом ударили деревянным молотом.

Вниз по приставленной лестнице, что не сломаешь и не оттолкнёшь, потекла настоящая огненная река; с двух сторон вцепившиеся в поперечины зомби вспыхивали, срывались, падали вниз с глухим стуком – или со всплеском, если их принимала мелкая прибрежная вода.

Справа и слева уже поднимались другие лестницы, гремели,

падая, крючья, и не хватало людей, чтобы разом отбросить врага во всех местах. Лучники не жалели стрел, вниз летели новые корчаги, алхимическое пламя пожирало зомби, их тела разваливались на куски, не спасали даже толстые доспехи, но на место сгоревших вставали новые, и не существовало во всём свете силы, что заставила бы их повернуть назад.

Ариагос выругался.

Любая армия, состоящая из людей, даже самых храбрых и отчаянных, даже глубоко презирающих смерть и одушевлённых благороднейшей из возможных идей, остановится перед рубежом, где не ждёт ничего, кроме смерти. Остановится хотя бы для того, чтобы изменить направление главного удара, зайти с фланга, попытаться выманить защитников из крепкого места или, поняв, что крепость не взять с налёту, перейти к правильной осаде. У обороняющихся такой возможности нет. Но упорная оборона может не столько истребить всех до единого штурмующих, сколько, сломив их дух, заставить повернуть назад.

Однако зомби не знали страха, не боялись никого и ничего, послушно выполняли приказы, и заставить их повернуть было невозможно. Единственная надежда защитников – истребить их всех, сколько б ни оказалось; и окажись на бастионах все положенные законами Долье воины – они бы выдержали.

…Первый из воинов Некрополиса тяжело перевалился через гребень стены и тотчас получил в грудь аж три копья. Из ран хлынула чёрная дымящаяся жижа – страшная «некромантова кровь», что, по слухам, и оживляла ходячих мертвецов. Мечники Деррано спешили подрубить твари ноги, прежде чем копейщики не перевалили её через парапет, сбросив вниз.

От первого мертвяка осталась лишь дурнопахнущая чёрная лужа.

Но через зубцы уже переваливались следующие – со стёртыми серыми лицами, где едва можно было различить прежние черты, словно Некрополис с маниакальным упорством стремился, помимо прочего, сделать своих солдат совершенно неразличимыми.

В животе у Дигвила разрастался ледяной комок. Кончик меча дрогнул, словно руки молодого нобиля готовы были изменить собственному хозяину. Восточный ветер выл и бесновался, пригоршнями швыряя жёсткую сухую снежную крупу в глаза дольинцам.

Всё против нас. Всепобеждающая смерть, что ждёт в конце каждого из живущих, – Мастера нагло пользовались Её тенью, таились там, изредка высовывая ядовитые жала.

Так некстати посетившая мысль – что Мастера Смерти на

самом деле лишь воруют и обманывают, прикрываясь Её грозным величием, – неожиданно помогла. Дигвил услыхал собственное рычание, меч крест-накрест рассёк воздух, и оказавшийся перед наследником Деркоора мертвяк рухнул со снесённой напрочь головой и разваленной грудью.

Отрубите ему голову, вспомнилось старое наставление. Пресеките жилу жизни, ибо без неё не ходят даже восставшие волею Некрополиса мертвяки.

Ледяные чёрные брызги попали на щёку, и Дигвил содрогнулся от отвращения.

– Сотри, молодой дон! – рядом оказался всё тот же десятник.

Дигвил машинально схватил протянутую тряпицу, смахнул с лица отравную дрянь.

– Иначе бы до кости проела. – Десятник ловко принял топорищем взмах мертвяцкой сабли, одним движением, доведенным до совершенства годами службы, снёс очередному зомби круглую башку, разрубив кольчатый хауберк.

– Благодарю, – только и успел ответить молодой нобиль, потому что на них вновь навалились, на сей раз – сразу четверо.

…То, чего не понимал Дигвил Деррано, упоённо размахивавший мечом, прекрасно сознавал дон Ариагос, старый и опытный вояка, молодым сквайром хаживавший и на тот берег Сиххота.

Бой проигран. Как только мертвяки зацепились за гребень стены – всё, пиши пропало. Вниз спускались канаты и гибкие лестницы, всё больше и больше солдат Некрополиса переваливались через зубцы. Пусть они падали, поражаемые игольчатыми, легко выдёргивающимися копьями, изрубаемые пудовыми секирами и тяжёлыми мечами, что ломали оставшиеся человеческими кости даже под кованой бронёй. Пусть люди в цветах Илтеан и Деррано падали реже, много реже, но Мастера Смерти рассчитали точно, словно заранее зная, сколько защитников встретит их на стене. Меняя одного за шестерых, а то и семерых, дольинцы пятились назад. Не помогали и алхимические заряды, швыряемые в самую гущу ходячих мертвяков. Те невозмутимо перешагивали через разорванные, второй раз умиравшие тела и шли дальше.

Людей Деррано оттеснили ко входу в одну из башен. Они едва успели захлопнуть железную створку, как в неё застучали – с поистине нечеловеческим упорством.

– Сейчас притащат таран, – бросил кто-то в темноте за спиной молодого дона.

Дигвил и сам видел, что долго они тут не продержатся. Зомби, собственно говоря, уже победили – они мерным шагом

спускались со стен вниз, туда, где лежали *земли живых*, на которые после многих лет мира ступила-таки неживая нога.

…Дольинцы дрались, прорывались из окружённой башни – прочь, к коновязям, теряли своих, бросались в контратаки, стараясь отбить даже смертельно раненных; мрак быстро сгущался, но зомби это словно бы и не мешало.

Последнее, что увидел Дигвил, перед тем как повернуть гайто, – застывшая на парапете фигура мертвяка, высоко поднявшая факел, вспыхнувший вдруг так ярко, что Дигвил едва не ослеп.

И далеко на востоке, в снежной хмари, в мрачной круговерти ему ответили – там тоже что-то вспыхнуло, что-то настолько яркое, что свет его пробился даже сквозь валивший всё гуще и гуще снег.

* * *

Они отступили без паники, считай, «в идеальном порядке» – сотни полторы защитников Долье, малой горсткой пытавшихся сдержать натиск Некрополиса. Каменные стены, так и не оправдавшие возложенных на них надежд, остались далеко позади, исчезли в непроглядной метели. Впереди лежала спящая, ни о чём не подозревающая страна.

Гайто устали, плелись шагом – правда, от ходячих мертвецов отряд оторвался изрядно. На северо-востоке располагался замок Илтекоор, к западу раскинулись непроходимые предгорные пущи, а прямо впереди текла недлинная, хоть и полноводная речка Илте. Нельзя сказать, что эти земли были так уж густо заселены – мало кого прельщала близость жуткого Некрополиса. Серфы бежали отсюда при первом удобном случае, расходы на поимку превышали все разумные пределы, и наконец кто-то из хозяев Илтекоора решил осаживать здесь только свободных общинников, заманивая почти полным отсутствием податей и повинностных работ. Желающие нашлись – в бедном свободным местом Долье иные согласны были и на соседство с Мастерами Смерти.

Дигвил посылал пары верховых в стороны от главной дороги – там, где за снежной пеленой следовало лежать хуторам и заимкам. Перевалило за полночь, когда отряд встал – на краю небольшой рощи, у развилки тракта.

– Здесь будем ждать. – Дигвил решительно намотал поводья скакуна на низкий сук. – Пока беженцы не уйдут.

– Верно, дон Дигвил, – кивнул Ариагос. – Мы-то верхами от мертвяков легко оторвёмся…

Затрещало пламя наспех разведённых костров, люди садились к огню, тянули озябшие ладони, стараясь говорить о чём-то обыденном, вроде завалившегося невесть куда ножа или некстати перетёршегося ремня. Небо навалилось всей тяжестью, словно гробовая плита, и Дигвил слышал, как не один и не двое дружинников вполголоса помянули, кроме Ома Прокреатора, ещё и Семь Зверей.

Что ещё он может сделать? Гонцы отправлены куда только возможно; тревога уже должна была подняться в Илтекооре и дальше, вдоль всего Военного тракта. Сейчас прочь от границы должны потянуться люди; всех способных держать оружие он, конечно, присоединит к своему отряду. Эх, эх, если бы не эта распроклятая ночь, когда вытянутой руки не видно! И Гончие, как назло, скрыты тучами…

– Выпейте, дон Дигвил. – Ариагос оказался рядом, поднёс походный кубок с чем-то дымящимся. – Веселее станет.

– Кто ж перед боем вином балуется? – сдвинул брови тот.

– Да не вином. Моя травка, из дальних стран привезённая. Сон отгоняет, – пояснил рыцарь. – Некрополис-то хитёр, не без того – ударили под вечер, чтобы, значит, мы побольше вымотались, по ночи без отдыха от них уходя. А моя травка как раз на такой случай – стоит выпить, и будто выспался.

Дигвил кивнул, поднёс к губам пряно пахнущее, обжигающе-горячее питьё. Глотнул – вроде как ничего особенного не почувствовал.

– И что же?

– Да ничего. До утра скакать сможем и глазом не моргнём.

Вскоре появились и первые беглецы – перепуганные, ничего не понимающие, на санях, гружённых всяческим скарбом, где из вороха овчин высовывались детские головёнки. Между оглоблей – туповатый тягун, к задку саней привязана корова, возле полозьев вертится дворовый пёс, на руках у хозяйки – младенец, у кого-то из дочерей – непременный шерстистик.

Никого не бросили пахари, невольно подумал Дигвил. Разве что мышей оставили.

Потом – ещё одни сани, ещё и ещё. Следом торопились отправленные поднимать тревогу гонцы – не все. Иные поскакали ещё дальше на юг, к самым горам, оповестить лесорубов и углежогов в верховьях Илте.

«К утру бегство станет исходом, – мелькнуло у Дигвила. – Настоящим исходом. Не сравнить с тем, что творилось, когда меодорцы перешли нашу границу».

Чаши с «травкой» дона Ариагоса тем временем обошли круг. Никто не спал, только подбрасывали и подбрасывали дров в

костры, словно напоказ – мол, вот они мы, идите к нам. Потерпев поражение, соратники Дигвила не рвали на себе волосы и не теряли сердца. Хотя и бледны были лица, и мрачны взгляды – но в молчании рождается твёрдая вера, что – отобьёмся. Хоть как, но отстоим.

Ночь сворачивалась пушистым снежным зверем, стонали на высотах дикие ветры, полчища снежинок, чем-то напоминавшие сейчас армии подъятых мертвяков, кидались на лежащие внизу поля и пажити страны людей. Воины Дигвила отходили последними. Сколько б они ни оборачивались, там, на востоке, ничего невозможно было разглядеть, кроме одной лишь предрассветной тьмы.

Утро встретило их на подступах к Илте. Здесь уже прокатилась волна ужаса, оставив наспех подпёртые двери брошенных домов, тоскливый вой забытого горе-хозяевами пса да оставленные впопыхах пожитки.

Метель прекратилась, выглянуло солнце, заблистало по расстеленному за ночь белому покрывалу; от дыхания людей и гайто поднимался пар. Облака поспешили убраться куда подальше, открылся чистый сапфир опрокинутой небесной чаши – живи да радуйся. Снег сух, снежок не слепить, так хоть с горки скатиться…

У широкого, крепко слаженного моста отряд ждали. Измученный вершник в цветах Илтекоора с заводным скакуном.

– Дон Деррано, дон Ариагос… – Молоденький сквайр, почти мальчишка, изо всех сил старался не дрожать. – Благородная донья Меарна велела сказать, что…

Дигвил с каменным лицом выслушал известия. Во всяком случае, он надеялся, что выражение лица у него оставалось именно каменным, как достойно наследника целого сенорства и благородного дона.

…Зомби ударили не в одном месте. Они атаковали и сам Илтекоор, неприступным – как казалось – утёсом возвышавшийся над слиянием Долье и Илте. Небольшая дружина ещё держалась, когда сквайр прошёл подземным ходом и выбрался на поверхность далеко за кольцом осаждающих. Хорошо укреплённый, оснащённый воинскими машинами по последнему слову, Илтекоор не собирался сдаваться, и…

– И благородная донья Меарна особо просила передать, что не нуждается в выручке и спасении, что спасать надлежит не её и замок, в каковом она надеется продержаться до самой нашей победы, но других, не защищённых стенами и башнями, – вдохновенно, с блестящими глазами, тараторил парнишка. Бедолагу, похоже, охватил самый настоящий восторг.

Что оставалось делать? От первоначальной мысли – собрать всех, способных сражаться, Дигвил, по здравом размышлении, отказался. Числом мертвяков не задавить, они сами кого хочешь задавят. Нет, выбивать по одному, по два, по три – внезапными ударами с быстрым отходом. И ни в коем случае не терять своих! Нельзя вообще ввязываться в ближний бой. Стрелы, копья, стрелы и ещё раз стрелы. И алхимическое снадобье – хорошо, что распорядительный Ариагос загодя приказал вывезти все запасы.

– Не поделитесь ли огневой-то смесью, благородный дон?

Старый рыцарь замялся, и лицо Дигвила помрачнело. Этот секрет правители Илтекоора хранили ревниво, не делясь даже с теми, с кем придётся (и пришлось) идти в бой бок о бок. Даже его величество Семмер, уж на что не любивший шутить и умевший настоять на своём, так это и оставил.

– Поделюсь, – наконец решился Ариагос. – Но под честное слово благородного наследника сенорства Деррано – не передавать в руки искушённых алхимиков, дабы…

– Оставьте, благородный дон, – вполголоса прошипел Дигвил. – Мертвяки скоро все приречные земли займут, а вы говорите – «не передавать»… Да это первое будет, что я сделаю! Нам в этой смеси – спасение! Воинов на зомби менять, врукопашную с ними лезть – не стану!

Ариагос опустил глаза.

– Будь по-вашему, дон Дигвил, – наконец решился он. – Хоть и не сговорено сие, а по-иному тоже никак. Берите огнеприпас.

…Делили плотно обшитые мешковиной заряды, от самых мелких, какие привязывают к древкам стрел, до самых больших, какие и сильный человек не вдруг поднимет. Жаль только, мало их осталось, поистратились на стенах, так и не остановив врага.

«И не могли остановить, – упрямо повторял себе Дигвил. – Не могли. Ну никак».

После этого они разошлись – отряд Дигвила отправился к Деркоору, дон Ариагос повёл своих на север, где, скорее всего, будут собираться главные силы.

– Мы вернёмся, как только всех подхватим, – заверял Дигвил старого рыцаря. Тот лишь кивнул.

– Увидимся, молодой дон.

* * *

К родным стенам Дигвил подъезжал с опаской. Нет, нет, он знал, мертвяки не могли его опередить, и всё-таки, всё-таки…

Но дома всё оставалось спокойно – ровно до появления его,

Дигвила. После этого там воцарился первозданный хаос, словно до мига Творения. Семья снималась, отправляясь далеко в горы, где у предусмотрительного сенора Деррано было заготовлено укрывище.

Дигвил поцеловал испуганную жену, крепко державшуюся, как девочка, за руку свекрови, его матери, махнул, веля трогаться. Деркоор опустел, оставленный всеми обитателями, и лишь немногочисленная стража в молчании провожала взглядами уезжавших.

Взяв с собой почти всех, способных держать оружие, Дигвил Деррано не мешкая повёл отряд разорённой ещё нашествием меодорцев дорогой, напрямик к переправе через Долье во Фьёфе.

За конными и пешими воинами торопились серфы, облака пара вздымались над привязанной к задкам саней скотиной; не оставляли ничего и никого.

Где-то за снежными вихрями, за обрушившейся на Долье метелью скрылись наступавшие полки Некрополиса. О них Дигвил старался не думать – всё равно драться сейчас равносильно самоубийству. Нет, нет, скорее за полноводную незамёрзшую реку, и тогда…

Молва настойчиво утверждала, что зомби и прочие солдаты Мастеров Смерти страшатся чистой текучей воды. Мол, после долгих лет и стараний Некрополис сумел-таки отравить Сиххот – недаром там даже рыба не водится! – а дальше-то ему придётся солоно.

Снова завьюжило. Белая мгла властвовала кругом, мир исчез, лишь поблёскивали тусклые огоньки факелов в руках воинов-дерранцев, объезжавших всё удлинявшуюся и удлинявшуюся колонну.

Дигвил знал, что гонцы уже достигли двух соседних замков – и Берлекоора, и твердыни северо-западных соседей Соллкоора. Тревога поднялась и там, все, кто мог, уходили, спешили, бросая всё тяжёлое – стремясь туда, во вражеский, до конца не покорённый Меодор. Там король, там лучшие рыцари, лучшие полки, там мы сможем дать настоящий отпор.

Но чем кормить среди глухой зимы орду беглецов? Конечно, те запасы, что можно было вывезти, вывезены. Однако надолго ли их хватит? И что теперь будет с главными силами в Долье? Его величество Семмер по-прежнему полагался на поставки провианта из родных краёв, обоснованно не доверяя меодорским купцам.

Остались позади мёртвые поля, спалённые деревни; вот и Долье, благословенная река, не замерзающая даже в сильные морозы. Вместо паромных переправ его величество, как только

его армия утвердилась в Меодоре, велел соорудить во многих местах временные наплавные мосты, что и было со всей поспешностью исполнено; сейчас по дощатому настилу, прогибавшемуся под множеством ног, копыт и полозьев, на север валил сплошной поток беглецов.

Здесь надо остановиться, подумал Дигвил. Собрать силы. Не допустить, чтобы мертвяки прорвались на противоположный берег.

Молодой нобиль решительно спешился. Зимний день угас, короткий и робкий; тёмным зверем с востока накатилась ночь, и под её покровом – знал Дигвил – маршируют на север не знающие усталости орды Некрополиса.

Дон Деррано выдернул меч из ножен, собрал вокруг себя десяток воинов испытанной деркоорской стражи и пошёл наводить порядок.

Глава 9

Варвары двигались на Меодор. Шли, не прячась и никуда не сворачивая, не прибегая к военным хитростям, словно вызывая своих противников на немедленный и открытый бой. Было в этом что-то сугубо неправильное, невозможное, добивающее и без того рассыпающийся мир, каким он виделся доньяте.

Алиедора по-прежнему шагала в самой середине строя северян, по-прежнему в старом грязном тряпье, избитая и голодная, густо намазанная жирным и вонючим снадобьем, спасающим от мороза, явно с прибавкой каких-то чар.

Кор Дарбе, что ни вечер, приходил к ней с рассказами о Драконе вечном, величайшим, о том, что должно случиться с нею, когда она «осознает себя». Как ни странно, его присутствие помогало. Словно и не он приказывал Метхли бить доньяту, словно и не он морил Алиедору голодом, бросая, точно в издёвку, куски ещё кровоточащей человеческой плоти, предлагая «пожарить самой».

Появлялся и трёхглазый чародей Метхли. Его воля, казалось, была совершенно сломлена. Тихий и покорный, волшебник повиновался каждому взгляду варварского вожака.

Метхли приносил с собой кнут, и Алиедора с такой же, казалось, как у него, тупой покорностью становилась на четвереньки, подставляя спину под обжигающие удары. Иногда она теряла сознание. Иногда боль почему-то оказывалась недостаточно сильной, и доньята выла и корчилась до самого конца истязания.

С виду она была покорна, да. Тело кричало от боли, тоже верно. Потому что Алиедора знала, что когда-нибудь это закончится. Она знала-знала-знала, что *нужно вытерпеть*. Что всё случающееся – это просто плата за грядущее… грядущее неведомо что, но очень, очень важное. Величие, власть, могущество. Однако на сколько хватит этого знания, на сколько хватит её сил, Алиедора не ведала.

Что она ела – доньята не хотела даже думать. Впрочем, о суетном и повседневном она вообще старалась не размышлять. Ум словно погрузился в спячку, руки и ноги двигались сами собой. В конце концов, кору Дарбе она нужна живой – и, значит, беспокоиться не о чем.

Спина Алиедоры не превратилась в окровавленные незаживающие лохмотья только благодаря снадобьям всё того же кора Дарбе. Они заставляли доньяту орать и выть ещё похлеще, чем во время порки, но работали. Изорванная кожа в считаные

часы покрывалась багровыми струпьями, стягивалась и заживала, так что на следующий день жертва оказывалась совершенно готовой для новой порции мучений.

Она потеряла счёт времени. Прошла седмица или месяц? Зима и снега, дорога и боль казались бесконечными. Иногда ей казалось, что там, за белесым, словно подвальная плесень, небосклоном и впрямь зависла, покачиваясь, исполинская драконья голова; раздутая, распухшая, с отвислыми брылями и мутным взглядом бельмастых глаз.

«Это ты и есть, вечный, величайший?» – равнодушно спрашивала Алиедора. Ей, собственно говоря, было совершенно всё равно, вечный он там или нет. Но мир людей умирал, оборачиваясь одной лишь болью, жгучим огнём, добиравшимся до самой сердцевины её бытия; поговорить с сотканным из зимних туч Драконом – почему бы и нет?

– Я и есть, – отвечало чудовище, плавно покачивая бестелесной шеей. С оттопыренной губы вниз, чуть ли не до самой земли, тянулась струйка слюны.

«Видок-то у тебя не шибко», – меланхолично констатировала доньята.

– Это потому, что ты ещё плохо умеешь видеть, – Дракон не обиделся. *– Пока ты только-только учишься.*

«Ты страшный», – сообщала Алиедора. Она не боялась. Просто помнила, что значит слово «страшно». Но помнила только и исключительно умом. Кажется, она вообще перестала бояться чего бы то ни было.

Этим вечером, когда кончилось обычное истязание, когда ушёл кор Дарбе, обмазав истерзанную спину доньяты своими снадобьями, и Алиедора заставила себя взглянуть в темнеющее, затянутое облаками небо, Дракон вдруг заговорил с ней сам:

– Не бывает такого, что тебе плохо. Ты просто недостаточно близка ко мне. Боль, страх, раны, смерть – это просто дорога ко мне.

«К тебе, в облака?»

– Ко мне. Но вовсе не в облака, – ответствовало существо.

Рядом ходили, отрывисто переговаривались варвары. Порой то один, то другой бросал взгляд в небеса, но, судя по всему, никто не замечал там ничего необычного.

Алиедора тоже глядела вверх. Широко раскрытыми глазами, сквозь которые, казалось, одна за другой плыли тучи, серые, словно сталь клинка.

Мимо проходил Дарбе, глянул мимолётно – и вдруг замер, остановился, пристально всмотрелся в доньяту и захрипел, словно его кто-то душил.

– У тебя в глазах – Дракон великий, величайший. – Пальцы варвара впились в плечи Алиедоре, но боли она уже не чувствовала. Она уже и так почти ничего не чувствовала. – Ты видишь его?! Отвечай!

– В-вижу. – Сухие губы едва шевельнулись. Алиедоре было всё равно, что отвечать, – так почему же и не правду? Может, тогда будут меньше бить…

Дарбе оскалился в жутковатом подобии улыбки.

– Хорошо! Я вижу его, отразившегося в тебе. Ещё немного, и ты, кровь Его, сможешь явить нашего повелителя всем нам.

– Явить?

– Именно. – В глазах Дарбе появилось что-то живое, даже животное. Вожделение? Он её хотел?.. Или просто позволил себе чуть-чуть искренности?

– *Это всё неважно*, – сказал Дракон в облачных небесах. – *Ты – капля Моей крови, пролитая на землю и собранная наконец воедино. Отринь, откажись, отбрось – всё, что было прежде.*

«И что потом?» – Алиедора застыла, выгнув спину и запрокинув голову, словно и впрямь готовая вот-вот покинуть собственное тело. Варваров вокруг она уже не замечала.

– *Потом – всё. Ослепляющее, невероятное, невиданное. Неописуемое. У тебя нет слов для этого.*

«А у тебя? Покажи мне!»

– *Не сейчас. Ты ещё слишком далека от меня.*

…Варвары шли на Меодор.

* * *

– Смотри, вот он, – хрипел кор Дарбе, притягивая к себе болтающуюся, словно тряпичная кукла, Алиедору. – Смотри, вот он, твой Меодор!

«Да, когда-то он был моим, – вяло подумала Алиедора. – Мой король. Моя королева. Столица, куда я так стремилась девчонкой. Казалось, что тут какая-то особая, прекрасная, небывалая жизнь».

Жизнь – прогорклый жир, вонь, боль. Руки грязного варвара. Грязного в самом прямом смысле – и кор Дарбе даже не обиделся бы на такое. Если бы Дракон истинный, вездесущий желал, чтобы мы оставались чистыми, он сделал бы так.

Отряд северян застыл на краю огородов, что окружали меодорскую столицу. Слухи об их приближении намного опередили варваров – посады опустели, все, кто мог, или бежали, или укрылись за высокими стенами старого города. Там гордо развевался стяг короля Долье, чернь ночи пополам с золотом

осенних лесов.

Семмер не оставил новозавоёванной столицы.

Покачиваясь, Алиедора мрачно стояла рядом с предводителем северян. Всё, во что она верила, оказалось обманом. Её не спасли. Не помогли. Не защитили. Предали все. И король Долье, чьей подданной она была несколько лет; и его рыцари; и рыцари Меодора; и даже родные – зачем отдавали «на воспитание» в тот проклятый Деркоор!

Но даже эти обиды, совсем недавно воспламенявшие душу, заставлявшие кулаки сжиматься, теперь лишь впустую катались внутри сознания, рыскали там, словно голодные крысы, пробравшиеся на кухню и угодившие в пустой котёл. Там, в котле, ещё пахнет едой, но стенки оттёрты до блеска, и твари напрасно скалят острые зубки…

Ей нет дела до этих людишек. О, конечно, она отомстит; но главное, конечно же, главное – это стать по-настоящему избранной. Какую бы боль ни пришлось перетерпеть.

Трёхглазый Метхли тоже ошивался тут, раболепно заглядывал в глаза вожаку варваров, тщась угадать ещё не прозвучавшее приказание.

И оно последовало.

– Ты. Во имя Дракона сокрытого, сокровенного – можешь сжечь всё это? Чтобы огонь до самых стен дошёл?

Метхли вздрогнул, втянул голову в плечи.

– Н-не могу, хозяин. П-поджечь разве что…

– Поджечь я и сам могу, – рыкнул варвар. – Пламя на стены можешь загнать, колдун?

– М-могу… но слабое… да и у короля Семмера магики тоже имеются. Отобьют.

– Пусть отбивают, – Дарбе оскалился. – Пусть этим и будут заняты.

– Хозяин, но там…

– Зажигай! – Свистящий шёпот северянина, словно заговорила самая настоящая змея.

– Слушаюсь, хозяин… – пролепетал трёхглазый.

Алиедора невольно отодвинулась. Растекавшийся слизью волшебник был отвратителен, и чувство это пробило даже броню тупого безразличия ко всему земному, полностью овладевшего доньятой.

Ты же маг, чародей. Повелитель незримого и бестелесного. Во лбу – третий глаз. Ты изменён – и я помню тебя совершенно не таким, когда ты шёл с доарнским отрядом. Будь ты трусом – тебя просто не было бы с ними. Значит, дело в другом. В чём же?

Маг что-то забормотал, руки его так и замелькали. Третий

глаз широко раскрылся, заметался в орбите, словно не зная, на что устремить взор.

Среди белого снега и чёрных бревенчатых срубов, там, куда пялилось налобное око мага, мелькнула ярко-рыжая вспышка. Метхли уронил руки и замер – а там, на меодорской окраине, быстро и весело разгорался пожар. Поднявшийся ветер погнал пламя к городским стенам, и тоже – с небывалой для обычного огня быстротой.

Кор Дарбе молча вынул меч и махнул своим – пошли, мол.

Северяне двинулись следом за своим вождём – также молча, без боевых кличей. Сзади никого не осталось – только Метхли да Алиедора.

Трёхглазый что-то прошипел сквозь зубы, затряс стиснутыми кулаками. Дёрнулся, упал на колени, попытался уползти – напрасная попытка. Его словно что-то пригвоздило к одному месту, и он корчился, как проколотая крестьянскими вилами змея, в агонии обвивающая жестокое железо.

Алиедора смотрела равнодушно. Какое ей до него дело?

– И это правильно, – сказал Дракон сверху. – *Ты делаешь успехи, доньята. Ты шагаешь ко мне.*

А северяне меж тем приостановились, словно прячась за гудящей стеной пожара. Их вожак оказался ближе всех к огненной преграде и вдруг засвистел, загукал по-звериному, вертя мечом над головой. Весело пылавший домишко перед ним с треском осел, на прощание плюнув в небеса облаком рыжих искр; горящие брёвна, однако, вздыбились, вставая на попа, сбиваясь в тесный клубок. В клубок, стремительно покатившийся к стенам Меодора, по пути вбирая в себя всё, что могло гореть, и быстро разрастаясь.

Рядом что-то отчаянно заголосил, завизжал Метхли. Не то о чём-то умолял, не то кому-то грозил, не то от чего-то предостерегал…

И не напрасно – потому что над крепостными башнями, над шпилями и флюгерами, в серое мглистое небо взмыли три блескуче-серебряные стрелы. Взмыли и помчались, оставляя за собой сверкающие дорожки лунной пыли; они летели прямо на Алиедору, однако доньяте отчего-то совсем не было страшно. Наверное, даже собственная смерть её бы уже не взволновала.

Стрелы с налёту прошили пылающий шар насквозь и, не задержавшись, понеслись дальше. Шар распался бесформенной грудой горящих брёвен, тяжело осевших на землю; а три серебряные стрелы ударили точно в чародея Метхли, дёргавшегося, словно в падучей.

Трёхглазого мага оторвало от земли, швырнуло прочь, покатило. Примятый снег окрасился алым, а три стрелы

обернулись змеями, обвившими призрачные кольца вокруг тела колдуна.

…А меч кора Дарбе вновь шипел и крутился над головой северянина; и распавшийся было огненный шар складывался вновь. Полыхающие брёвна послушно поднимались с земли, громадный клубок вторично нацелился на ворота крепости.

Метхли хрипел, тщась разорвать удушающие кольца. Алиедора с презрением подумала, что эта магия, наверное, не очень-то сильна, если не может прямо и просто убить того, на кого нацелена. Обязательно надо «задушить».

Трёхглазый чародей трепыхался всё слабее.

Волоча ноги, доньята подошла к нему, села на корточки. И, словно малыш, привлечённый весёлым треском пламени в очаге и огненными языками, такими красивыми, словно живыми, – сунула руку прямо в серебристое сияние, составлявшее тело одной из терзавших Метхли змей.

Приятное тепло, лёгкое покалывание. Искры втягивались в обнажённую, блестящую от обильно намазанного жира кожу. Вспухали синеватые жилы, словно кто-то провёл кисточкой от кисти вверх до локтя и ещё выше, к плечу.

Тепло обернулось жаром, Алиедору бросило в пот. В висках застучало, зло и нетерпеливо. Вбиравшие серебристую пыль пальцы дрожали, под грязными и обломанными ногтями проступила кровь. Густо покрывавшая тело мазь северян начала вдруг пузыриться, словно масло на раскалённой сковороде. От зловония Алиедора едва не лишилась чувств – она, привыкшая, казалось бы, уже ко всему!

Пузыри на собственных руках. Огонь внутри, жгучий, но не сжигающий. Карминная окантовка ногтей. Последняя серебряная звёздочка исчезла, втянувшись в руку Алиедоры, и в тот же миг трёхглазого мага Метхли скрутило в приступе жестокой рвоты.

Его выворачивало наизнанку – хорошо знакомым доньяте жёлтым гноем. Внутри чародея и впрямь была Гниль; а оставалось ли хоть что-нибудь, кроме неё?

Всхлипывая и пытаясь утереть перемазанный дрянью рот, Метхли отполз в сторону. Повалился на бок, таращась на девушку широко раскрытыми, полубезумными глазами. Третье око мага, напротив, закрылось, закатившись вверх.

Вдали по-прежнему близился к городским стенам огненный клубок, достигший высоты зубцов. Магики короля Семмера отчего-то бездействовали, стрелки, наверняка вставшие к бойницам, тоже.

– С-спасибо, – не то прошипел, не то прохрипел Метхли. – Ты… вобрала заряд. Выпущенный в меня заряд… моя защита не

выдерживала, ещё немного – и они добрались бы, дорвались… Ты меня спасла, благородная доньята.

Алиедоре было абсолютно наплевать на дёргающегося в корчах чародея. На его благодарности или же проклятия, буде они бы воспоследовали. Кровь кипела от впитанной магии, весело мчалась по жилам, и доньята знала теперь – это только начало. Это лишь краешек того истинного, что ожидает её, когда она пройдёт испытания. Разумеется, она никого не собиралась спасать, и уж тем более Метхли, своего мучителя, пусть даже и подневольного.

Тем временем огненный клубок, точнее, огромный огненный ком докатился до ворот Меодора. Маги короля Семмера, долго не проявлявшие себя, наконец очнулись – перед пламенным шаром, где мелькали, словно спицы чудовищного колеса, пылающие брёвна, внезапно выросла стена. Вернее сказать, не стена, а полупрозрачная жемчужная завеса, слегка колышущаяся, словно поверхность воды под лёгким ветерком. Огонь столкнулся с ней и рассыпался. Обломки брёвен так и брызнули в разные стороны, головни летели на полные триста шагов, оставляя за собой дымные дуги.

Кор Дарбе не остановился, не замедлил шага.

Алиедора смотрела.

Рядом шевелился, хрипел и хлюпал трёхглазый волшебник, стараясь прийти в себя и подняться.

С небес глядел Дракон.

– Всё это тоже не имеет значения, – сказал он. *– У тебя в руках – сила. Шагни ещё ближе ко мне. Это совсем не страшно, хотя и больно. Но страх боли в тебе уже убили. Это хорошо*.

Алиедора ничего не ответила парящему над полем боя чудовищу, видимому только ей. Не ответила, потому что в этот момент ворота Меодора сами распахнулись навстречу варварам. В проёме что-то тускло блеснуло: мерным шагом навстречу соратникам кора Дарбе двинулись боевые големы Навсиная.

– Вот так-так, – просипел Метхли. – Нам повезло, почтенная доньята. Высокий Аркан отозвался наконец. Смотри, здесь не меньше двух десятков, если не больше…

Големы шествовали в строгом порядке, разворачиваясь широким полукольцом и охватывая с боков клин северян. Алиедора, несмотря на расстояние, чётко видела, как вожак варваров перекинул меч из руки в руку.

Наверное, это был сигнал к атаке, потому что соратники Дарбе разом молча ринулись на железных чудовищ.

Големы, однако, не попятились и не стали избегать удара. Страха они не знали, и жуткая слава северных варваров была им

нипочём. Защёлкали самострелы, дула пищалей окутались серым дымом, поднялись зазубренные мечи, двойные секиры, режущие диски и прочие смертоубийственные орудия. Алиедора заметила, что в рядах северян появились разрывы – не все стрелы и круглые пули летели мимо цели.

Впитанная кожей магия продолжала работать – Алиедора словно наяву видела натруженную работу тяг и шесте– рёнок под гнутой сероватой бронёй. Видела, как отщёлкивают дозаторы, засыпая тёмный порошок в воспламенительные каморы, как трудолюбивые поршни, напрягаясь, толкают заряды и вбивают пыжи. Откуда пришли эти диковинные слова, Алиедора не знала. Во всяком случае, механике её никогда не учили, а теперь эвон как!..

Двигались тяги, проворачивались шарниры, неживые руки вздымали жуткого вида оружие; а ещё миг спустя со строем железных солдат Навсиная столкнулась волна северных варваров, в последний момент взорвавшихся уже знакомым доньяте диким воплем, напрочь лишённым всего человеческого.

Железо спорит с железом, но с Камнями Магии спорят живые человеческие сердца. Сердца, гонящие по жилам кровь, смешанную… с Гнилью?

Или с кровью, что *может* обернуться ею? В отличие от того, что течёт по венам трёхглазого Метхли?

Големов было всего две дюжины. Варваров – три сотни. Три сотни заговорённых бойцов, кого не брали стрелы доарнцев, право же, не самых трусливых или неумелых вояк в Свободных королевствах.

Но железным солдатам Навсиная жизнь давало волшебство, едва ли уступавшее по силе тому, что защищало северян. Шестерни крутились, тяги тянули, эксцентрики толкали шатуны – машина работала, и северяне стали умирать.

…Кор Дарбе – видела Алиедора – ловким нырком ушёл от пронёсшегося над головой зазубренного лезвия длиной с обычное рыцарское копьё. Оттолкнулся от земли, прыгнул, рубанул, ещё не успев опуститься. Его собственный клинок дотянулся до головы голема, раздался густой и низкий звук, словно ударили в огромный колокол.

Стальное тело дрогнуло, покачнулось, но ноги-лапы с широкими ступнями держали крепко. Варвар извернулся по-кошачьи, подхватил меч двумя руками, снова ударил, метя в сочленение. Попал – клинок застрял в щели, из разруба засвистели струйки невесть откуда взявшегося пара. Голем споткнулся, заскрежетал сочленениями, огромный иззубренный клинок зашипел, рассекая воздух, и варвар вновь отпрыгнул.

Огнистое тепло, струившееся по жилам, совсем разгулялось – из глаз Алиедоры потекли вдруг слёзы, что там творилось с вожаком северян, она уже не видела. Големы меж тем неумолимо сжимали кольцо. Варвары падали, словно защищавшее их начало… не то чтобы исчезло совсем, но несколько приотняло простёртую ранее длань, принимавшую на себя вражьи удары.

Но кор Дарбе не был бы кором, не заметь он опасность. Подрубленный его клинком голем ковылял, приволакивая ногу и пытаясь зацепить вёрткого противника своим жутким мечом-перерастком. На помощь предводителю поспешило четыре или пять северян, дружно удариших клином, пока голем тщился нанизать на остриё ловко увёртывающегося Дарбе. Длинная двуручная секира зацепила подсечённую лапу механического чудовища, несколько пар ладоней дружно вцепились в рукоять, рванули – и захваченный врасплох голем тяжело шлёпнулся на брюхо. Сталь загрохотала о сталь, брызнули алые капли – под мечами и топорами варваров мелкой пылью разлетались рубиновые глаза голема. Тот слепо отмахнулся мечом – и на сей раз попал. Двоих варваров разрубило пополам, они свалились на истоптанный снег окровавленными бесформенными грудами.

Рёв кора Дарбе, наверное, слышали и в меодорской столице. Он подхватил выпущенную мёртвым соратником секиру, вскинул её обеими руками, изо всех сил опуская тя– жёлое скруглённое лезвие на горшок големовой башки.

Броня не выдержала. В разные стороны полетели какие-то гнутые железяки, зубчатые колёсики и тому подобное. Голем конвульсивно дёрнулся, словно и впрямь живое, жестоко умерщвляемое существо, и замер. Из развороченной головы повалил сизоватый дым, хотя что могло гореть внутри стального истукана?

Навсинайских механических солдат стало на одного меньше, но остальные мало-помалу теснили северян, сбивая их в кучу. Чёрное знамя с белым, свернувшимся в кольцо драконом по-прежнему реяло высоко и гордо, но ещё немного, и отряд кора Дарбе окажется в тяжёлом положении.

– Бежим! Что ты стоишь? – услыхала Алиедора хрипение трёхглазого чародея. – Их сейчас перебьют, хвала Ому Прокреатору!

Доньята не удостоила его ответом. Горячка отступала, взгляд прояснился.

– Гад! – вырвалось у Алиедоры. Босая нога врезалась в пах чародею, и Метхли отлетел, скорчившись и завывая.

Тело, не раздумывая, сделало то, что надо, – Алиедора изо всех сил пнула колдуна, удачно угодив ногою прямо в лицо.

Метхли глухо вскрикнул и опрокинулся, прижимая ладони к носу. Между пальцев быстро побежали тёмно-красные струйки.

– Г-гад, – повторила Алиедора. Её трясло от ярости.

– З-за что-о? – жалко прохлюпал Метхли, в ужасе отползая от бешеной доньяты.

«Потому что я этого хочу», – подумала Алиедора, но вслух, конечно, ничего не сказала.

Отчего-то она совершенно не боялась того, что чародей сможет пустить в ход магию.

– *Правильно*, – сказал Дракон в небесах высоко над смертным полем. – *Капле Моей крови нечего бояться. Бояться должны её саму*.

Под меодорскими стенами продолжалась кровавая пластовня. Варвары и не думали отступать. Воля Дракона не подвергается сомнению. Смерть воина не значит ничего, если он исполняет предназначенное. Ему откроется око Дракона, он станет частью его, и что случится дальше – того не ведает никто, даже вернейшие из верных, ибо никому никогда не открывал Дракон всего.

…Никто из северян не боялся смерти и не бежал от неё. Но этого ли желает сейчас их повелитель, великий, величайший?..

– *Нет, совсем иного*, – сказал Дракон в небесах. – *Они храбро сражаются, но для них я начертал иной путь. Скажи им, капля Моей крови, чтобы вышли из боя. Кор Дарбе узнает во сне, что именно предстоит ему сделать*.

Голос умолк, но доньята чувствовала, что надо торопиться. Великий Дракон не любит, когда мешкают с исполнением им сказанного.

И она побежала, перепрыгнув через неподвижного, скорчившегося на земле трёхокого чародея, побежала прямо в гущу сражения, не думая, не рассуждая и даже не боясь – потому что капля крови всегда исполняет приказы того, чьей частичкой она является. Для неё это даже не приказы – но само её существование.

Она не умрёт. Внутри – словно раскалённый стальной стержень. Алиедора сама не заметила, как оказалась среди яростно схватившихся людей и машин, под ногами валялись – вперемешку – истерзанные тела северян и массивные стальные туши големов: невероятно, но варвары ухитрились свалить ещё нескольких…

Над самой головой доньяты что-то свистнуло, справа надвигался железной горой навсинайский голем. Он не искал правых и виноватых, он видел лишь «чужих» – живых, двуногих и не из металла, а из мягкой плоти.

Алиедора бросилась ничком на землю, пропуская над собой бешено вращающийся диск зубчатой пилы, которым орудовал монстр Высокого Аркана. Вот он, кор Дарбе, совсем рядом – покрытый по́том и кровью рычащий зверь, орудие великого Дракона, Дракона, удостоившего одну её взглядом и словом…

– Дракон сказал – отходить! – завопила доньята, уворачиваясь на сей раз от длиннющего трезубца в лапе другого голема. – Отходить, ваш бой не здесь!

Скользнувший по девушке взгляд варвара, казалось, прожигал насквозь. Алиедора не сомневалась, предводитель северян словно сам слышит сейчас слова Дракона, переданные через каплю Его крови.

Во всяком случае, кор Дарбе не задавал вопросов и даже не выкрикивал команд. Просто проделал какое-то быстрое и на первый взгляд неразличимое движение вскинутым клинком, понятное тем не менее всем его соратникам.

Северяне дружно, слаженно выходили из боя. Они бегали быстрее големов, во всяком случае, накоротке. Железные страховидлы припустили следом, громыхая и лязгая, каменные глаза, чередой пламенеющих фурункулов опоясывавшие головы, горели, словно от ненависти. Конечно, на самом деле големы никакой ненависти или иных чувств испытывать не могли, но Алиедора готова была поклясться всем, что у неё ещё осталось, – стальные убийцы Навсиная ненавидят живых ещё злее и неотступнее, чем зомби Некрополиса.

Варвары уходили тем же путём, что и пришли, мимо так и не сдвинувшегося с места Метхли – чародей хлюпал кровью и гнусаво скулил. Кор Дарбе даже не взглянул на него, лишь коротко кивнул двум своим соратникам, и те, молча ухватив трёхглазого волшебника за руки, поволокли за собой по снегу, словно санки.

Големы не остановились. Усталость им была неведома, они могли преследовать беглецов дни и ночи напролёт, до тех пор пока эти живые, со своей жалкой и слабой плотью, не свалятся от изнеможения.

Варвары же, в свою очередь, бегать умели. Ровно, сжато, словно катящиеся под гору клубки; ни раззявленных ртов, судорожно захватывающих воздух, ни выпученных от усилия глаз. Северяне бежали так же, как сражались, – ничего лишнего, совсем-совсем ничего.

Великий Дракон хорошо школил своих слуг.

Алиедора, сама себе удивляясь, неслась наравне с варварами, однако ближе к вечеру всё-таки выбилась из сил. Прозываемый великим, величайшим не торопился в открытую и дальше

помогать капле собственной крови, во всяком случае, выносливости у Алиедоры волшебным образом, увы, не прибавилось.

Вожак северян что-то прорычал, оказался рядом, одним движением вскинул доньяту на плечо.

– Держись крепче!

И отпустил руку.

Совет был дан не зря. Не свалиться со здоровенного варвара оказалось той ещё задачкой. Пришлось обхватить его голову руками, прижаться, как только могла.

Големы отставали. Их погонщиков, сидящих за меодорскими стенами, это, скорее всего, ничуть не волновало: стальные чудища будут преследовать дерзких неостановимо, пока не придёт команда прекратить погоню.

Варвары бежали до самой темноты. Казалось, подобное не в человеческих силах; и Алиедора, словно и впрямь капля крови великого Дракона, видела как лёгкий туман странную ауру, окутывавшую северян с ног до головы. Лёгкую, почти незаметную, ускользающую, будто последний свет летнего дня, – она исходила то ли от втёртых в мускулистые тела снадобий, то ли от наложенных каким-то иным образом заклятий, то ли её источала сама кровь в жилах подданных кора Дарбе. Этого доньята не знала, но была уверена: там что-то есть.

Остановились в зимних сумерках, и только теперь Алиедора заметила некие признаки усталости – тяжёлое дыхание, непривычно опустившиеся головы и плечи, уроненные, словно ставшие неподъёмными, руки.

Бодрость сохранили лишь кор Дарбе да его ближайшие помощники Хтафр и Резро.

Алиедора, хоть и провела немало времени на плече вожака, мешком свалилась в снег. Каждая жилка не то что ныла – вопила в голос, потому что удерживаться на плечах Дарбе оказалось чуть ли не труднее, чем бежать самой.

– Они близко, кор, – прохрипел Хтафр. – Десять и ещё пять орлов.

Каких именно «орлов» имел в виду варвар, Алиедора не поняла.

– Знаю. – Вожак северян смотрел в быстро сгущающуюся тьму. – Эти быстрее старых.

– Колдуны из-за гор прислали самых лучших, – вступил Резро.

– Колдуны из-за гор в союзе с Долье, – всё так же хрипло продолжил Хтафр.

– Вместе давят Меодор. – Резро бросил быстрый взгляд на

доньяту.

«Мне нет до этого дела», – тупо подумала Алиедора. И впрямь вложенное, видать, самим Драконом великим, величайшим уходило безвозвратно, наваливалось прежнее тупое равнодушие. Она жива? Ззачем, почему, для чего?

Хотя нет. Ей осталось сделать последнее, после чего можно соскользнуть обратно, в уже ставшее привычным и тёплым болото безразличия.

– Великий Дракон послал меня сказать тебе, кор, что твоя битва не под стенами столицы, – глядя в одну точку, поведала доньята окружающим сумеркам. – Величайший не открыл мне, где именно она будет. Ты найдёшь это сам.

Варвары слушали её с настоящим благоговением.

Вожак резко наклонился, грубо схватил Алиедору за подбородок, заставил вздёрнуть голову. Она молча повиновалась – что происходило с её телом, давно уже не имело значения.

Буравящий взгляд скрестился с её собственным, рассеянным, глядящим куда-то мимо, за грань сгущающейся тьмы. И вновь, как и в прошлый раз, Дарбе, похоже, не ощутил в ней лжи. Да её и не было, этой лжи – она честно передала, что сказал Дракон с небес…

– Ты узнаешь во сне, кор, что тебе до́лжно сделать.

– Я понял, – последовал ответ.

Но когда он будет, этот сон? Големы не остановятся. Им не нужны ни пища, ни питьё. И отдых не нужен тоже. Что собирается делать вожак северян, как спасаться?

Но, похоже, самого кора Дарбе это ничуть не беспокоило. Со словами: «Дракон всевидящий, всезнающий укажет нам дорогу» – предводитель варваров растянулся прямо на снегу, закрыл глаза и миг спустя уже спал, как ребёнок.

Невдалеке Хтафр походя ткнул носком сапога скулившего Метхли. Трёхглазый чародей охнул и дёрнулся. Убедившись, очевидно, в том, что волшебник до сих пор жив, северянин кивнул и отошёл.

А может, тебе его добить, благородная доньята Алиедора? Прошлый раз ты не довела дело до конца, но теперь…

В каждой цепи есть слабое звено, но бывает так, что разбить только его недостаточно. Нужно выбивать эти звенья одно за другим, до тех пор, пока… пока не останешься только ты и никаких цепей вообще. Метхли был самым слабым звеном в цепи северян; зачем они держали его, Алиедора вообще не могла понять. Бить её сумел бы любой.

Значит, Метхли?

Убивай слабых и выжидай момента, чтобы ударить сильным в

спину. Только так можно выжить. Никто не лезет на навсинайского голема – кроме разве что кора Дарбе, ну так варвара едва ли кто отнесёт к обычным людям, таким, как сама доньята.

Это простой закон жизни.

У Алиедоры не было никакого оружия, но достать нож она сумеет, варвары увешаны этим добром.

Да. Убить Метхли. Это станет первым шагом твоего возвращения, доньята.

Вопрос «возвращения куда?» она себе так и не задала. Само слово «возвращение» донельзя приятно каталось во рту, таяло, точно медовый пряник. Возвращение – а ей есть куда возвращаться. Метхли сбил её с изначального пути – Метхли за это и заплатит.

…Однако прикончить трёхглазого чародея не удалось – кор Дарбе вскочил со снега, словно и не спал ещё мгновение назад.

– Дракон разрушающий, испепеляющий явил мне свою волю. – Казалось, вожака северян охватило настоящее пламя. Только что он пребывал в абсолютном покое, и вот его переполняет бьющая через край сила.

«Всё-таки они не люди, – отстранённо подумала Алиедора. Равнодушно, просто осознавая творящееся. – Не люди, хотя и ходят на двух ногах. Неужели их и впрямь так изменила Гниль? Или Дракон великий, величайший её посредством?»

Вопросы канули в глубину опустевшей души, словно камушки в тёмный пруд. Нет ответа, и не нужен он.

Варвары же тем временем во все глаза глядели на вождя. Ни у кого, похоже, не было и тени сомнения, что устами кора Дарбе говорит сейчас сам Дракон.

– Капле Его крови нужно последнее испытание, – провозгласил вожак северян. Алиедоре показалось, что татуировки его шевельнулись, словно отделяясь от кожи и зловеще выставляя острые изгибы с изломами. – Она уже почти с Ним, с Драконом сокрушающим, возрождающим. Осталось лишь пресечь одну и последнюю цепь, приковывающую каплю к её нынешнему пустому существованию. За мной!

Никто не задавал вопросов. Лагерь был свёрнут так же стремительно, как и раскинут.

Северяне повернули на юго-запад, вдоль главного тракта, соединявшего стольный Меодор через перевалы Реарских гор с Навсинаем и владениями Высокого Аркана.

Здесь, вблизи новоутверждённого трона его величества Семмера Первого, владыки Долье и Меодора, ещё поддерживался какой-то порядок или, во всяком случае, его видимость. По тракту

маршировали отряды дольинцев и пошедших к ним на службу меодорских нобилей. В сёлах над печными трубами поднимался дым – рачительный хозяин, король Семмер вовсе не собирался резать овец, могущих давать шерсть. Ещё совсем недавно кор Дарбе задержался бы, чтобы устроить славную охоту с последующим жертвоприношением, – сейчас он понукал свой отряд так, словно за ними гнался сам Белый Дракон. Мелкие дозоры и патрули разбегались, едва завидев сжавшийся чёрный клубок северян; отряды крупнее пытались изготовиться к бою, но кор Дарбе их просто обходил – казалось, варвары обрели ловкость и невидимость лесного зверя.

Для Алиедоры же ничего не изменилось – кроме разве лишь того, что бить её приходил теперь не искалеченный Метхли (трёхглазого колдуна варвары по-прежнему зачем-то тащили с собой), – а Хтафр, порой подменяемый Резро.

И по-прежнему каждый вечер над ней нависало покрытое жутковатыми татуировками лицо. Кор Дарбе с завидным упорством приходил к доньяте, всё говорил и говорил о Драконе великом, величайшем – с такой страстью, словно о любимой. Алиедора же не вызывала у него вообще никаких чувств, обычных, казалось бы, для любого завоевателя. Порой доньяте казалось, что даже навсинайский голем явил бы больше эмоций.

Она привыкала. Привыкала ко всему. Даже ко рвущей боли в исхлёстанной спине. Бедняга Байгли, теперь-то она, наверное, от его розог даже бы не поморщилась.

Но она отомстит. Всем и каждому, не забыв и благородного дона Байгли Деррано, из-за которого и началась вся эта история.

Доньята не задавала вопросов. Дракон великий, величайший ведёт каплю Своей крови предназначенным пу– тём – где дороги – это Его жилы, а сердце, гонящее по ним алую влагу жизни, – это сердце самой Алиедоры.

День сменялся днём, приближался Артол, городок на полпути от Меодора до Реарских гор, и приближался также… замок Венти.

Родной дом благородной доньяты Алиедоры Венти.

Немного не доходя Артола – где, как сообщили доглядчики, уже разворачивало знамёна немалое дольинское войско вкупе с големами Навсиная, – кор Дарбе резко повернул на юг.

Прямо к замку Венти.

Стояла глухая, стылая, многоснежная зима, бесконечная, как само нынешнее существование Алиедоры. Доньята смогла бы вспомнить морозы куда сильнее нынешних, но всякие копания в прошлом она себе строго-настрого запретила. Даже название «замок Венти» ничем не отзывалось в ней. Она не вспоминала о прошлом – только так можно было защититься от невыносимой

боли. От тоски по утраченному, по прошлой жизни, такой замечательной, устроенной и уютной. От сознания того, что папу убили и она уже никогда больше его не увидит…

– *Увидишь,* – вдруг вмешался Дракон с небес. – *Увидишь и поможешь ему выбраться из великой реки. Он при– дёт ко мне вместе с тобой.*

Вопросом, как же именно это случится, Алиедора не задавалась. Нельзя сказать и что она воспылала после этого невиданным рвением. Нет, ей по-прежнему всё было безразлично. Всё, за исключением лишь одного – она отомстит. Всем и каждому, кто повинен в том, что с ней произошло.

Но и этой мыслью доньята не «упивалась», как обычно случается с загодя замыслившими страшное возмездие. Месть была единственной реальностью, единственной «настоящей вещью» в мире боли и вызванных ею миражей. Настоящей, словно каменная стена, словно крепостная башня, возвышающаяся над туманами.

Глава 10

Возле замка Венти на берегу Роака по-прежнему стояли штандарты осадной армии. Дольинцы старого сенора Деррано никуда не делись с насиженного за зиму места. На приступы они больше уже не ходили, дожидаясь, когда замок падёт сам, измученный тяготами осады.

Однако Венти не сдавался. Крепость было не взять, даже если сенор Деррано решил бы запрудить Роак и отвести его воды – в замке давным-давно были вырыты глубокие колодцы, и владелец Деркоора об этом прекрасно знал, ещё с тех пор, как брал отсюда «воспитанницу».

Оставалось лишь надеяться, что запасы провианта рано или поздно истощатся.

Но седмица сменялась седмицей, а на главной башне по-прежнему гордо развевался стяг сенора Венти. Трепетал и рвался с флагштока даже в безветренную, как казалось внизу, погоду, когда прапорцы осаждавших бессильно и унизительно обвисали.

Солдаты и наёмники и про себя и вслух восхваляли мудрость своего сенора, что не гнал их на самоубийственные штурмы. Прокреатор Прокреатором, но проверять на себе подробности устройства загробной жизни отчего-то никому не хотелось.

Скучное осадное сидение нарушилось, как это всегда и бывает, внезапно доставленными вестями с юга. Вестями, от которых у всякого дольинца волосы вставали дыбом.

Пронёсся слух, что Мастера Смерти перешли пограничный Сиххот «во силах тяжких», сокрушили немногочисленную пограничную стражу и прут на север во главе бесчисленной армии ходячих мертвецов, коей никто не в силах противостоять.

Сенор Деррано ходил мрачнее тучи. Байгли, оставшийся – пока Дигвил пропадал на юге – за правую руку отца, сидел тише воды ниже травы, боясь рот открыть.

Из Меодора, однако, приказа снять осаду и отправляться домой пока не пришло. Король Семмер не желал так просто расставаться с завоёванным. Больше того, нобилям разослали грамоту, требуя «делать альянс» с покорёнными меодорцами, говоря, что, мол, наступающие зомби ничего не оставят ни от дольинцев, ни от их северных соседей.

Сенор Деррано и рад был бы выполнить этот королевский указ, но – вот беда! – осаждённые в замке Венти ничего не желали слушать.

Все ждали вестей от Дигвила, отправившегося на краткую побывку домой и угодившего, судя по всему, в самое пекло.

Байгли тайком уже прикидывал, что случится, если его старший брат так и не вернётся. Сделаться *наследником* сенорства Деррано выглядело очень, очень заманчивым.

Но прежде, чем старый дон и его младший сын узнали что-либо о судьбе Дигвила, на левом берегу Роака, на дальнем холме появились чужие знамёна.

Чёрные со свившимся в кольцо белым драконом.

Прибежавшие с известием дозорные впервые в жизни увидели, как лицо сенора Деррано стало серым.

– Варвары, – прохрипел хозяин Деркоора. – Явились, стервятники. Учуяли поживу.

– Что же делать, батюшка? – высунулся Байгли. Страшные рассказы о северянах он слыхал, но на том холме, если не врут прознатчики, варваров жалкая горстка, против целого дерранского войска, испытанного и закалённого. – Прикажешь выстроить боевой порядок?

– Какой боевой порядок, остолоп! – зарычал старый сенор, замахнувшись на сына древком свёрнутого штандарта. – Расступиться! Дать им дорогу! Пусть делают что хотят!

– Но если они нападут…

– Если они нападут, – сенор сгрёб Байгли за воротник, притянул к себе, словно мальчишку, – разбегаться! И притом очень быстро! Я не желаю лишиться всего войска!

– Их же только…

– Неважно, болван! Я имел с ними дело, я знаю! Это не люди, это… это что-то иное, жуткое. Если б они хотели, то за считаные месяцы завоевали бы все десять королевств, а за год – и весь мир. Наше счастье, что им этого не нужно.

– А что же тогда?

– Если бы кто знал! Остаётся надеяться, что они тут не по наши души.

– А по чьи же?

Сенор Деррано промолчал. Байгли не дерзнул переспрашивать.

Осаждавшие не построились для боя. Вместо этого дерранцы приготовились «разбегаться», если потребуется.

Сам сенор Деррано и Байгли в полном вооружении ждали верхами, окружённые полусотней личной охраны, избранных рыцарей. Варвары на другом берегу реки тоже чего-то ждали, сбившись тесным клубком.

Ждали и осаждённые, жадно прильнув к бойницам; и лишь снег ничего не ждал, а тихо сеял себе на застывшую землю, сеял, словно и не должно было наступить никакой весны.

* * *

Снег точно так же падал и над берегом Долье, засыпал наплавной мост – опустевший, точно и не валила по нему совсем недавно густая толпа.

Беженцы прошли, Некрополис ещё не подоспел. Никто больше не выныривал из белого савана, опустившегося над несчастным Долье. Тихо и безлюдно на южном берегу реки, на северном – спасавшиеся от нашествия торопились убраться подальше отсюда, даже толком не понимая, куда именно они направляются в чужой, враждебной стране.

Дигвил Деррано стоял на середине моста. Не удержался, не смог расстаться со своими. Ожидание было невыносимым, и казалось, что любая схватка – лучше, чем торчать вот так, до рези в глазах вглядываясь в крутящиеся снежные струи.

С ним у переправы осталось почти четыре сотни – немалый отряд. Воины Деркоора, стражники, другие, из разрозненных полков, отбившиеся от своих, отставшие – но решившиеся остановиться. Если всё время бежать, то рано или поздно упрёшься в Безлюдный берег. Здешний, право же, скоро станет ничем не хуже.

Про себя Дигвил возблагодарил незамёрзшую Долье. Конечно, даже самые старые старики не помнили, когда мёртвые воины Некрополиса забирались так глубоко на север, но всё-таки, всё-таки – чистая, не отравленная магией Мастеров Смерти вода зомби вряд ли придётся по вкусу. Это вам не Сиххот, ими перейдённый по дну.

– Шли бы вы обратно, на тот берег, благородный господин дон Деррано, – прокашлял за плечом Штарнок, немолодой уже десятник, служивший сенору больше лет, чем прожил на свете сам Дигвил. – Не ровён час… мертвяки тоже стрелять умеют, проклятущие. И видят сквозь снег, не то что мы.

Дигвил не ответил. Всё, что можно сделать, уже сделано. И он стоит один, под снегом, таким чистым и мягким, – зная, что совсем скоро белое покрывало истопчут в отчаянии бегущие ноги, окрасит пролитая кровь и испятнают навсегда застывшие тела убитых. Впрочем, нет, не навсегда – когда сражаешься с Некрополисом, твои же погибшие товарищи, останься они в руках Мастеров Смерти, потом пополняют ряды их войска – и шагают, шагают, шагают, днём и ночью, без устали, без страха, без сожаления…

Словно големы Навсиная.

Невольно Дигвил подумал, что и Высокий Аркан, и Мастера Смерти чем-то очень похожи. За одних сражаются выдернутые из

посмертного покоя, за других – движимые магией машины.

Кто угодно, только не люди. Люди остаются на другом берегу, всегда на другом. И он, дон Дигвил Деррано, будет сейчас равно защищать и дольинцев, и меодорцев.

Он почти не сомневался, что Некрополис атакует именно этот мост. И, скорее всего, именно сейчас, наступающей ночью. Мервякам ведь всё равно – в отдыхе нуждаются только их хозяева.

– Шли бы вы обратно, молодой дон, – повторил Штарнок, выражая своё неодобрение сменой титулования. – Шли бы…

Дзинк!

Из снега вынеслась одинокая стрела, на излёте угодила десятнику в шлем и отскочила. Штарнок пошатнулся, невольно схватившись за голову.

– Что я вам говорил, молодой дон, – как ни в чём не бывало буркнул он мгновение спустя. – Это кто-то из мертвяков недоделанный оказался, приказ нарушил, раньше времени стрельнул. А то, подберись он поближе, никакой шлем бы не спас – от самострела-то…

Дигвил кивнул – молча и отрывисто. Приближался его первый настоящий бой, бой, где ему предстояло командовать четырьмя сотнями отчаявшихся, на всё готовых солдат. Раньше отец тоже поручал ему «полки» – громкое название, потому что в самом крупном насчитывалось двадцать десятков, – но тогда и сам сенор Деррано всегда был рядом. Или были его приказы. Или его ближайшие рыцари.

А теперь – никого и ничего. Думай сам, благородный дон Деррано, за себя, за отца, за жену и крох-детей, прячущихся сейчас в горном убежище; и о бегущих из Долье тоже думай. Им прятаться негде.

Десятник Штарнок совсем забыл почтение – потянул благородного дона за плащ. И Дигвил пошёл, как, бывало, ходил за не успевшим ещё состариться тогда Штарноком в детстве, гордо опоясавшись избитым, иссечённым мечом из каменного дерева – с такими мальчишки учились фехтованию…Что сделал бы сам молодой дон Деррано на месте неведомого Мастера Смерти, командовавшего вторжением? Долье не непреодолима, переправиться есть где. Если, конечно, им нужно переправляться, если окажется, что все сказки о «чистой текущей воде» и её способности защитить от ходячих мертвецов именно сказки…

Вторая стрела свистнула совсем рядом. Потом третья, четвёртая, пятая. Дигвил и Штарнок бежали так быстро, насколько позволяли тяжёлые доспехи.

На северном берегу мост преграждала баррикада. Солидная и добротная баррикада из брёвен и здоровенных валунов, что с

большой натугой притащили с недальней гряды. Перед ней набиты колья – с разбегу не вскочишь.

Конечно, помнил Дигвил, мертвяков не остановили настоящие, десятилетиями отстраивавшиеся стены на Сиххоте, но там против нас была даже сама река.

– Идут, дон Дигвил, – запыхавшись, проговорил Штарнок.

– Идут, – словно в полусне повторил молодой Деррано.

И лихорадочно скакали мысли: всё ведь сделано, так? Больше ничего не изменишь, верно? Пока не начнётся свалка, да?

Выкрикивали команды только что поставленные сотники, лязгало оружие, кто-то, пробегая мимо Дигвила, громко, в голос, молился, прося Ома Прокреатора спасти его и сохранить.

Будет резня.

Вздрогнул мост. Словно от ужаса, словно живое существо, исполинский змей, доброю волей перекинувшийся через реку и терпеливо державший на натруженной спине людей, гайто, тягунов, повозки…

А потом из снега вынырнула голова колонны.

Нет, мертвяки не пошли по дну. Плотная масса валила по узкому росчерку моста, в тяжёлом вооружении, прикрывшись щитами, словно морской ползун панцирем. Щиты справа и слева, спереди и сверху; пехотинцы Деркоора тоже умели так, но большинство воинов Дигвила собраны, что называется, с бору по сосенке, а с миру – по нитке.

Лучники и арбалетчики взялись за привычное дело – осыпать колонну стрелами. Заветный огнеприпас, оставшийся у воинов Дигвила ещё с Сиххота, берегли, в малом числе использовав сейчас. Он нужен для другого.

Того, о чём думаешь трепетнее, чем о недоступной красавице, – только б не сорвалось, не пропало, не сбилось в последний миг!

…И совсем, совсем забыл уже Дигвил, с чего всё это началось. Со, скажем так, причудливых постельных пристрастий его младшего братца, с женитьбы Байгли на взбалмошной, но донельзя гордой девчонке по имени Алиедора, с его, Дигвила, поездки в замок Венти, ссоры, похода…

…Стрелы мертвяков не остановили, даже не задержали. Обычные стрелы, что хороши против людей, да и только.

И когда тусклая сталь плотно сомкнутых щитов оказалась уже совсем рядом, Дигвил наконец заорал, надсаживаясь и надрывая криком горло:

– Запалы – жги! Канаты – руби!

Затаённый огонь вырвался на свободу. Множество змеек скользнуло к бочонкам, спрятанным в лодках, что держали на

себе настил моста. Хакнули топоры, рассекая канаты на предусмотрительно подложенных обрубках дерева. Сжавшаяся на северном берегу масса живых ответила – одним стремительным ударом-укусом, жало высунулось и вновь спряталось.

Полыхнуло – языки огня вырвались из-под настила, запылало жарко и весело. Не зря собирали по окрестностям мягкую рухлядь, пропитывали горючим маслом, приправляли малой толикой алхимического снадобья – того самого, с Сиххота, укладывали в бочонки, да не абы как, а чтобы вспыхнуло сразу, чтобы не затухло, не загасилось.

Мост жалобно заскрипел, заскрежетал, зашевелился. Словно горько жалуясь на скорбную участь, на жестокосердие людей: мол, столько работал для вас, старался, ни днём ни ночью не зная продыху, – а вы со мной так?

Панцирники в двойном доспехе, застонав от натуги, навалились шестами. Копейщики нагнули пики, встав на одно колено – потому что зомби оказались отнюдь не тупоумными или же ими командовал кто-то посообразительнее, чем того хотелось бы Дигвилу. Передние ряды качнулись вперёд, а мост, проклятый, всё не сдвигался из-за тяжести скопившихся на нём мертвяков и, как назло, не разламывался тоже, хотя на нём собралось куда больше народа, чем обычно выносила его спина.

Первые зомби уже полезли на копья, с занимавшегося пламенем моста дружно летели стрелы, и дон Дигвил Деррано, обнажив меч, сам шагнул вперёд.

Здесь вам не Сиххот, мстительно подумал он. Рядом вяло шевелился оказавшийся по шею в воде мертвяк; двое копейщиков усердно тыкали в него сверху пиками, точно рыбаки острогами.

Да, чистая вода Долье, рождённая на горных ледниках, свободная от магической заразы, отравившей Сиххот, заставляла зомби двигаться еле-еле, с трудом поворачиваясь и поднимая руки так, словно на каждой висела пудовая тяжесть.

Дигвил едва успел принять щитом удар, сам отмахнулся клинком – как мост, наконец, последний раз даже не заскрипел, а словно в отчаянии вскрикнул всеми сочленениями – и медленно поплыл вниз по течению, охваченный быстро разгоравшимся пламенем.

Зомби горохом посыпались с него в воду. Ими командовал далеко не глупый Мастер – потому что те из мертвяков, что свалились в воду у дальнего берега, медленно, с трудом, но выбирались на снег. Выбирались и валились колодами.

Деталей Дигвил разглядеть уже не мог – вновь завьюжило-закрутило, да и темень быстро накатывала, и лишь пылал мост, неторопливо и торжественно удаляясь прочь. Настилу положено

было развалиться, однако он немыслимым образом держался, устраивая множеству зомби огненное погребение. «Те из них, кто успел повалиться в воду, наверное, уцелеют», – сцепив зубы, подумал Дигвил. Но свалилось куда меньше, чем ступило на мост, остальные жарко пылали, так и оставшись стоять там, где их застигло пламя.

– Спасибо тебе, Прокреатор, жизни податель… – по привычке пробормотал Дигвил.

Нет, не Прокреатор тут вмешался, что-то иное. Какое-то волшебство, таящееся в самой Долье; но дальше, прорвись мертвяки на север, не поможет уже ничего, только людские мечи.

Неожиданно для самого себя Дигвил поклонился реке.

– Спасибо, матушка. Защитила, оборонила. Ну а дальше уж мы сами.

Никто не услыхал его слов, только по воде вдруг прошла рябь – или это просто был порыв объевшегося снегом ветра?

* * *

Алиедора смотрела на башни родного замка. Несдавшегося, непокорённого, последнего, что стоял неколебимо, давая надежду на возвращение. Возвращение ко всему тому, что утрачено. К тому, что твоё тело – вновь твоё, и на нём – шитое золотом платье, а не слой мерзкого жира пополам с заскорузлым от крови тряпьём.

Вокруг замка, где весной клубились сады, где летом луга ложились мягкой травкой под босые ноги, где зеленели огороды и где зима набрасывала чистейший, белейший покров, – теперь тянулись уродливые рвы и палисады, накопанные и наставленные осаждающими. Кое-где – почерневшие и обугленные остовы штурмовых башен, так и не помогших сенору Деррано взять Венти.

Там, за стенами, – выжившая родня. Те, кого Алиедора знала с детства, кто носил её на руках и кого на руках носила она сама. Остров, островок в океане расползающейся Гнили, той самой, что изуродовала Метхли, но лишь *изменила* северян, а тебя… как она коснулась тебя, доньята, ещё никто не знает.

Но она коснулась. И великий Дракон обратил на тебя свой взгляд. Ты не верила, но ты таки избранная, особенная. Ты прошла через такое, что твои сёстры упали бы без чувств от одного только рассказа о тобой пережитом. Впрочем, сёстры ли? Они не избранные, в них не течёт кровь Дракона. Чем помогла тебе вся твоя родня, если ты всё равно оказалась там, где

оказалась?

«А чем мы могли тебе помочь?» – с отчаянием вопросил кто-то из глубин памяти, жалобным тонким голоском, так похожим на голосок кого-то из младших сестрёнок.

«Неважно, – отрезала Алиедора. – Могли. Родня – на то и есть. Должны были придумать. Искать. Найти. Защитить. Спасти. Чтобы я не натворила глупостей».

Вокруг северяне деловито готовились к штурму. Они не тратили время на всякие там осадные башни и прочую снасть, недостойную истинного воителя, слуги Дракона великого, величайшего. Достаточно простых лестниц с железными крюками. Крыльев, чтобы взлетать на стены, Дракон варварам пока что не подарил.

– Пришла пора. – Кор Дарбе подошёл, встал рядом. Положил руку на плечо – словно ровне, брату-воину. – Ты идёшь со мной, капля Его крови.

– Куда? – вырвалось у Алиедоры.

– Куда? – Предводитель поднял одну бровь. – Туда, в замок. Мы не оставим от него камня на камне. И тогда ты станешь… законченной. Совершенной. Воплощённой. Белый Дракон, трижды великий и трижды три раза величайший, получит назад каплю Его крови и тоже достигнет полноты. Великой завершённости. Но только если ты пройдёшь последнее испытание.

– Какое?

– Увидишь сама. – Дарбе остался невозмутим.

Алиедора больше не стала ничего спрашивать. У неё, в конце концов, хватало и иных собеседников.

Белый Дракон в небесах.

Пропитанная Гнилью Тьма в том колодце, куда Алиедора открыла себе дорогу, будучи запертой в чёрном кубе. Эта, правда, давненько уже молчала, но, может, сегодня что-нибудь скажет? Перед этим, как говорил варвар, «последним испытанием»?

– Конечно, скажет, – ободряюще заметил Дракон. – *Она вообще-то молчунья, но сегодня у тебя особый день. Что ты видишь перед собой*?

«Что вижу? – безразлично отозвалась доньята. – Вижу стены и башни. Серый камень».

– Правильно, – одобрил Дракон. – *Стены, башни и камень. Простые препятствия, самые обычные. Но тебе предстоит одолеть не только их. Взберись на стены собственной души. Тебя учили боли – пусть она станет опорой.*

«Взобраться на стены души… это как, трижды величайший?»

– А как ты открывала себе дорогу в бездну? Как падала, будучи накрепко запертой в сколоченном из прочных досок ящике? Нет

никого и ничего, кроме тебя. Только ты и важна, всё прочее – тлен и шелуха.

«А ты?»

– Я – часть тебя, следовательно, ответ – нет, не тлен и не шелуха. И ты – часть Меня. И часть той, что живёт в бездне тоже. Как и она.

Алиедора не ответила. Иногда ей казалось, что нет вообще ничего – ни Дракона в низких тучах, ни загадочной Тьмы в несуществующем на самом деле подземелье. И её самой, доньяты Алиедоры Венти, тоже нет. Наверное, её запорол до смерти законный супруг в первую брачную ночь…

– Капля Его крови пойдёт со мной.

Алиедора вздрогнула, словно сброшенная с тёплой постели на ледяной жёсткий пол. Дарбе протягивал ей цепь. Что такое, почему, зачем?

…Ответ оказался прост. Два пояса толстенной кожи с набитыми на них железными пластинами, соединённые длинной змеёй стальных звеньев. Кузнецы заклёпывали всё это прямо тут, раздув угли в небольшом горне. Стучали молоты, и Алиедора болезненно вздрагивала – каждый удар отдавался аж в сердцевине костей.

– Эти трусы открыли нам дорогу. – Дарбе презрительно мотнул головой, указывая на поспешно отступавших дольинцев. – Готова ли ты?

Алиедора не ответила, но подбородок её резко дёрнулся, словно говоря «да».

«Нет, нет, постойте, погодите, как же так?»

– Слишком поздно, – сказала Тьма у неё под ногами, уютно сворачиваясь бесконечным клубком. *– Ты скована. И не только тем, что доступно взгляду.*

– Не сомневайся, – поддержал Дракон наверху. *– Ты – одна, единственна, неповторима. Ты – капля Моей крови, по чистой случайности оказавшаяся в этом нелепом теле.*

– Вот-вот, – подхватила Тьма под ногами. *– В нелепом теле. В темнице. Связанная тем, что люди называют «сознанием». Ну и всем прочим, условностями, обрядами, традицией. Всё это – не для тебя. Ты – одна, единственна, неповторима.*

«Выходит, я всё-таки выдержала испытание?» – не смогла не спросить доньята.

– Выдержала, – с холодной невозмутимостью ответствовала Тьма.

«Значит, ты ошибалась?»

– Я не ошибаюсь никогда. Я говорила те слова, которые нужны были, чтобы ты выдержала. Очень простые слова, должна

*признаться. Но они сработали. Следовательно, это были правильные слова. Согласна, несливша*яся капля?

Алиедора не успела ответить. Сковавшая её с кором Дарбе цепь натянулась, доньяту потащило вперёд.

По своему обычаю, молча, без боевых кличей, северяне пошли на приступ.

* * *

Отряд Дигвила Деррано застрял на левом берегу Долье. Давно унесло течением пылающий мост, а молодой дон никак не мог решить, что же делать дальше. Вызвавшиеся охотники на утлой лодчонке переплыли реку; назад вернулся только один. Он привёз трупы трёх товарищей и известие, что мертвяки прочно держат берег, кишат, словно крошечные лесные строители-шестиноги.

Волна вторгшихся зомби упёрлась в преграду – чистую, неиспоганенную чародейством Мастеров Смерти реку. И, как положено, мертвяки поползли вправо и влево, отыскивая прорехи в запруде.

Отряд Дигвила был слишком мал, чтобы надёжно закрыть берег от Реарских гор до устья Долье. Долье впадает в Сиххот, но по его низовьям, до самого побережья, тянутся непроходимые топи, их не одолеть даже неутомимым зомби. Потому Меодор никогда даже не беспокоился об охране своей границы с Некрополисом – в стародавние времена Мастера Смерти попробовали было сунуться, перетопили в болотах три четверти армии, а оставшаяся четверть едва выбралась обратно. Полки короля Семмера… где они? В Меодоре, удерживают столицу? Кто знает. Однако молодой дон понимал: здесь, на рубеже широкой Долье, он должен стоять елико возможно долго. Каждый выигранный день – это тысячи и тысячи бежан, что уйдут на десяток лиг дальше от неумолимого вала ходячих мертвецов. Должен же, в конце-то концов, выступить могущественный Навсинай! Невозможно иначе, Равновесие нарушено, Мастера Смерти перешагнули рубеж, ранее почитавшийся священным и неприкосновенным. Если же Свободные королевства падут, то несдобровать будет и Высокому Аркану. Он должен вмешаться, не может остаться в стороне! А боевые големы – это совсем не то, что даже самые смелые и твёрдые сердцем люди, помоги нам Ом Прокреатор.

Дигвил уже отправил гонцов в Бринтон, Сашэ и далее, в Шаэтар; но когда ещё посыльные вернутся! Деревни за спиной

молодого дона Деррано тоже опустели – кто похрабрее, присоединился к его сотням, остальные ушли, и Дигвил их не осуждал. Кому позаботиться о бабах, о стариках с ребятишками, о скотине? Там тоже нужны сильные мужчины. Не всем, увы, улыбнётся высокая судьба встать во весь рост в минуту опасности, взяв в руки оружие. Конечно, думал Дигвил, зомби переправятся. Как сказал бы мэтр Бравикус, «проведут стратегическую операцию на окружение». Мэтр обожал заковыристые словечки и обороты.

Но это ещё полбеды – если войско Некрополиса нацелится на горстку собравшихся вокруг Дигвила. Куда хуже, если его четыре сотни не застрянут в глотке Мастеров, словно тонкая и острая рыбья кость, – и зомби обойдут их с боков, повалят, не задерживаясь, следом за живыми, более многочисленными бежанами. Ловить драгоценный полон, уводить в свою страшную землю, о которой верному сыну Ома Прокреатора и размышлять-то грешно.

«Как, как, как привязать их к нам, – думал Дигвил, – как заставить бросаться именно на нас? Не наступать в глубь Меодора, а, стиснув зубы, гоняться за нами?

…Только если в руках у нас окажется нечто очень-очень ценное для самих Мастеров. А лучше всего – сам Мастер».

Мысль оказалась настолько неожиданной, что Дигвил даже остановился, принялся тереть замёрзшие щёки – до этого он мороза почти и не замечал.

Да, захватить Мастера – это дело. Такое ещё никому не удавалось, даже в те далёкие годы, когда рыцари Долье смело переправлялись через отравленный Сиххот.

Конечно, легко сказать – «захватить Мастера», да как это сделать?

«Решиться на то, чего от нас никто не ждёт, – вдруг подумал Дигвил. – Все бегут, и мы бежим. Ну, или останавливаемся, чтобы геройски умереть на последнем рубеже. Наступать ещё никто не пытался – потому что это чистое безумие. Сколько мертвяков шло на нас? Семь тысяч, восемь, может, даже девять или десять? И бросаться на них с четырьмя сотнями – надо быть совершеннейшим безумцем.

И именно потому это может сработать.

Держаться на берегу Долье было б можно, если бы и справа, и слева бойцов Дигвила подпирали плечи соседних полков, если бы на реку вышли соединённые силы самое меньшее трёх королей – Семмера, Хабсбрада и Ульвейля Доарнского. А ничтожные четыреста мечей быстро утонут в мёртвом море, охваченные с боков и со спины, окру– жённые, прижатые к реке и в конце концов уничтоженные, уже неважно, бесславно ли или со славой.

Надо идти вперёд, молодой дон Дигвил, наследник сенорства Деррано. Вперёд, или, вернее сказать, назад. Возвращаться на юг, откуда ты только что так поспешно спасался.

Взять Мастера можно только там».

Дигвил глубоко вздохнул. Подумал о Ютайле, своей молодой жене, о крохах Десмоде и Альвейне, красивой, словно кукла, – Юта порой и возилась с малышкой, словно с куклой, сама не очень давно расставшись с игрушками.

«Прости, Ютайля, прости меня. Я старался быть хорошим мужем, но… соблазны плоти слишком сильны. Я бывал у куртизанок Симэ, не брезговал и крепкими, ядрёными дочерьми серфов. Не знаю, догадывалась ты или нет, но из моих отлучек ты всегда встречала меня нарядной, приветливой и весёлой. Бросалась на шею, рассказывала что-то смешное о детях, о няне, о той тысяче мелочей, что в обыденной жизни порой раздражает, а потом оказывается – что именно они, эти мелочи, и составляли «настоящее», о котором так тоскуешь, оказавшись на холодном ночном берегу Долье.

Прости меня, жена. Прости, если я не вернусь».

Дигвил решительно встряхнулся и пошёл отдавать распоряжения.

* * *

Осаждавшая Венти армия старого сенора Деррано не препятствовала наступавшим северянам. Дольинцы отхлынули от стен, без боя оставив варварам и укреплённый лагерь, и те припасы, что не успели в спешке вывезти из-под носа у детей Белого Дракона. Теперь стяги Деркоора стыдливо колыхались вдали – на безопасном расстоянии от окружённого замка.

– Хорошо идут, – хмуро заметил сенор втянувшему голову в плечи Байгли. – Ровно. Навсинайские големы на параде хуже ходят. Я видел.

– Их ведь перебьют, да, батюшка? – осведомился младший Деррано.

– Перебьют? Х-ха! Куда там, они сами перебьют кого угодно. Вот смотри…

На стенах замка осаждённые, похоже, разобрались, что к чему. Армия Деррано на приступы не ходила, и у бойниц оставались лишь немногие защитники. Сейчас, наверное, туда выбежали и стар и млад. Навстречу северянам полетели стрелы, варвары вскинули круглые щиты.

– Смотри, Байгли, смотри, – с неприятным выражением

проговорил сенор Деррано. – Сейчас они дойдут до самого рва, потеряв едва одного-двух. Лучники на стене станут дружно мазать. Из наших полегла бы половина самое меньшее. А тут…

– Кто же их защищает, батюшка?

– Знал бы ответ, сын, давно правил бы всеми Свободными королевствами, – сухо ответил сенор.

Байгли счёл за лучшее умолкнуть.

В первых рядах у варваров широко шагал могучий воин, обнажённый до пояса и весь покрытый синеватым узором рун. От его пояса тянулась цепь – к другой фигурке, в жалком тряпье, тонкой, явно женской.

– Кого это он с собой тащит, батюшка? – дерзнул поинтересоваться младший сын.

– Ха, это у них что-то вроде жрицы. Видел я такое в прошлый раз, видел… тогда их вожак тоже с собой какую-то девчонку тянул. Дралась как бешеная, да только убили её.

– Убили? Как убили?

– Дубиной! – рявкнул старый дон. – По голове! Размозжили в кашу! Они не бессмертные, сын, просто их очень, очень нелегко убить. А девчонка, видать, не из ихних была. Не защищали её никакие силы. Вот и убили. После этого и вожак… остановился. Словно оцепенел. Словно сердце у него вынули…

Необычная словоохотливость сенора пресеклась, едва северяне, и в самом деле потеряв лишь двоих, добежали до стен и принялись устанавливать штурмовые лестницы.

Здесь им пришлось потяжелее – сверху полетели камни.

Раскалить котлы со смолой или хотя бы с кипятком осаждённые просто не успели.

– Хороши, эх, как хороши! – аж прицокнул языком сенор Деррано. – Не поленились, крюки на лестницы набили. Теперь просто так не отпихнёшь – понял, Байгли? На ус намотал?

– Намотал, батюшка, – пробормотал тот, не в силах оторваться от разворачивающейся картины штурма.

И ещё отчего-то очень, очень сильно притягивала его взгляд тонкая фигурка, скованная цепью с вожаком варваров…

* * *

За спиной Алиедоры тяжело топает дружина северян, они с известной натугой тянут за собой длинные штурмовые лестницы, земля вздрагивает, и вместе с ней вздрагивает сама Алиедора. Тянущаяся к поясу цепь кажется горячей, жжёт наклёпанное железо, немилосердно гонит вперёд, на стены. Серый камень

видится сейчас иссиня-чёрным, единственное тёмное пятно на раскинувшемся снежном одеяле.

– Мы вместе, капля Его крови, – рычит кор Дарбе. – Твоя участь – она же и моя. До конца!

До конца. Да, до конца. А конец – вот он, высоченные бастионы и башни, так и не покорившиеся надменным дерранцам. За ними – избавление. От всего.

От прячущегося в облаках Дракона. От скрывающейся в бездне говорящей Тьмы. От себя самой, Алиедоры Венти, избранной – но вот только для чего?

Неошкуренные перекладины под пальцами. Кор Дарбе лезет первым, цепь натягивается, дёргает доньяту, давящий пояс почти выбивает дыхание. Справа и слева по другим лестницам карабкаются северяне, молча, выставив щиты.

Что-то свистнуло совсем рядом, на щеку дохнуло холодом. Камень? Стрела? Так ли важно, что оборвёт твою жизнь, если ей всё равно суждено оборваться?

– *Ты сможешь*, – зашептали в уши и темнота, и Дракон. – *Ты сможешь, ты победишь, ты одолеешь*.

«Кого?»

– *Себя, прежде всего и только – себя. Остальное и остальные не имеют значения.*

«Как это вы дружно…»

Кор Дарбе охнул, приняв грудью метко пущенный сверху булыжник. Пошатнулся, но устоял. Яростно вздёрнул Алиедору выше, к самым зубцам, где уже скрежетала столкнувшаяся сталь.

Варвары атаковали замок в одном-единственном месте. Казалось бы, осаждённым не составит труда отбить атаку – собрать всех способных носить оружие, сбить, оттолкнуть лестницы, изрубить успевших прорваться на парапеты…

Но Алиедора знала – этот бой не будет честным. Если бы варвары шли на смерть во имя своего Дракона, шли бы и умирали, принимая сталь грудью, меняя одного за одного и расплачиваясь собственной кровью – может, и была б за тобой своя правда, Белый, живущий в облаках.

Но ты простёр над ними свою длань. Ты слишком нетерпелив. Ты дал Гнили течь в их жилах, как и в моих.

И преступил закон.

Чем они заплатили за неуязвимость и невероятную удачу, заставляющую стрелы и камни лететь мимо?

«Ты изуродован. Мы изменены», – говорил Дарбе несчастному Метхли.

Изменены.

Куклы и игрушки силы, вмешавшейся открыто в дела этого

мира.

Полно, Алиедора, твои ли это мысли? Что вырвало тебя из привычного бытия, в какую капсулу заключило? Твоё тело ещё карабкается по последним ступеням, а разум – разум предаётся отвлечённым умствованиям?

Серые камни у самых глаз. Стена. Зубцы. Кор Дарбе уже протискивается в бойницу.

Цепь тащит и тащит наверх.

Больно. Алиедору словно режут пополам, и это – единственное живое чувство.

Ложь. И тут тоже ложь. Ничего, кроме лжи. Могущественная сущность мухлюет, словно ярмарочный шулер.

Верна одна лишь смерть. Только ей ещё можно верить…

Кор Дарбе напирал, широко крестя воздух перед собою мечом. Алиедору тащило следом, и она не заметила, как сзади к ней подобрался копейщик.

– *Обернись!* – разом взвыли и Дракон, и подземная Тьма.

Выпученные глаза под низким наличьем, скрывающим лоб. Раззявленный, разорванный криком рот. И копьё, наконечник, летящий прямо в лоб Алиедоре.

«Как же так? Я ведь должна жить, я не могу так!»

Пустота, внутри всё оборвалось. «*Этот* хочет меня убить – значит, он умрёт, как должны умереть трёхглазый Метхли, старый сенор Деррано, Байгли, Дигвил…»

Перед штурмом Алиедоре сунули в руки меч – или, вернее, мечик, явно сделанный для мальчишки-подростка, сына кого-то из меодорской знати, и неведомым путём оказавшийся среди добычи варваров.

Она отмахнулась – неловко, кое-как попытавшись уклониться от летящего стального оголовка и отшибить в сторону древко.

Нет, тебе не помогут. Ты или убьёшь, или умрёшь.

Наконечник прошёл у неё над плечом, острый край обжёг кожу на скуле.

Доньята столкнулась взглядом с безумным взором копейщика.

У того раскрылся рот.

– Да никак это ж сама… – начал было он, но Алиедора уже не могла остановиться. По щеке и шее текла кровь, обжигавшая, словно кипяток. Взвизгнув, доньята прыгнула, насколько позволяла цепь. Мечик вонзился воину в низ живота, проскользнув под кольчужной рубахой.

Копейщик взвыл, схватился за пах, согнулся и рухнул с парапета вниз.

Девчонка-маркитантка, наёмник, мальчишка-раб и теперь –

воин, служивший её отцу, защищавший её, Алиедоры, собственный дом.

По шее от текущей крови вверх, по щекам, словно карабкались языки пламени.

И сильно, очень сильно пахло Гнилью.

Почему-то за спиной кора Дарбе не оказалось ни одного из его воинов. А на Алиедору разом кинулись двое, наставив копья. Третий, воин в высоком закрытом шлеме, вдруг запрокинул голову, шумно втянул воздух – так, что услыхала даже доньята, – и закричал, закричал именно то, что обязан был:

– Ведьма!!!

Что ещё мог он крикнуть, чувствуя кисло-металлический запах, который не спутаешь ни с чем?

Ведьма.

«Ну да. А кем же ещё я могу оказаться?!»

Дракон и Тьма молчали.

Выкручивайся сама, если достойна.

Два копья. Два острия. И один мечик.

Кор Дарбе взревел диким клыкачом, развернулся, бросился на помощь. Поймал одно древко, зажал под мышкой, достал защитника Венти концом клинка, разрубив стальной налобник. Второго смёл со стены плечом, сшибся с рыцарем в высоком шлеме, клинки проскрежетали, высекая искры; рыцарь пошатнулся, и Алиедора ударила, даже не дождавшись выкрика варвара:

– Добей его!

Доньята прыгнула, изворачиваясь, уже видя, что нужно не колоть или рубить, а подтолкнуть. Миг – и потерявший равновесие рыцарь сорвался со стены вниз, замер там неподвижной железной куклой, раскинув руки и ноги.

– Молодец, – прохрипел Дарбе.

Варвары уже перехлестнули через стену, оставив совсем немного убитых и раненых. Защитники попятились, стараясь сдвинуть щиты и прикрыться щетиной копий, – напрасная попытка.

Кор Дарбе уже не волочил Алиедору, доньята опередила северянина, и перед ней, визжащей, окровавленной, в ужасе попятились бывалые воины.

В горячке боя и не поймёшь, как получилось, что они с вожаком варваров оказались в плотном кольце, почему отстали остальные северяне, остановленные, словно лесной хозяин охотничьей рогатиной, насмерть бившимися защитниками замка Венти. Но сейчас – со всех сторон надвинулись копейные навершия.

Дарбе завертелся волчком, отшибая в сторону древки. Кто-то выпалил из самострела, и болт глубоко рассёк кожу на левом предплечье – вновь повезло, всего лишь *рассёк*, не вонзился в мякоть, не ударил в кость. Кровь капала на землю, капала и оборачивалась чёрными дымящимися кругами. Камень крошился и трескался, из трещин показались желтовато-коричневые головки многоножек.

– Да, да, да! – исступлённо заверещала Алиедора. Руны на её теле вспыхнули жаром.

Она таки может! Она таки избранна! Она способна… она будет властвовать! Надо всем и надо всеми! А кто против – умрут, умрут все до единого!

Вокруг них с кором Дарбе сомкнулось кольцо. Копья, мечи, палицы – всё, могущее пронзать, рубить, расплющивать, – било и по ним, и по высунувшим головы из трещин тварям. Но – поздно, слишком поздно.

Крошился и трескался камень, каверны расширялись, и поток многоножек становился всё гуще. Сухой шелест скребущих по плитам коготков, вдруг показавшийся Алиедоре громче людских криков.

Воронка стремительно расширялась, жёлтый шевелящийся вал напирал, и защитники замка Венти подались назад.

– Ведьму! Ведьму убейте! – кричал кто-то в задних рядах, и Алиедора вздрогнула, сообразив вдруг, почему она услыхала в шуме битвы именно это.

Мама. Мамин голос. Зачем она здесь, почему, отчего?

– Убейте ведьму! – И уже дрогнувшие было остановились, повернули, упёрлись плечами, чтобы уже до конца и насмерть.

– Убейте! – И кто-то, презрев отвратительных тварей Гнили, бросился прямо в середину их потока и почти добрался до Алиедоры, весь облепленный шевелящимися бестиями: грязно-жёлтое пополам с красным, весь в текущей из разрываемого живьём тела крови.

Взлетела рука с топором, взлетела, несмотря на вцепившихся многоножек; натянулась цепь, кор Дарбе бросился под замах, собой закрывая Алиедору. И словно бы Белый Дракон на миг отвернулся или отвёл защищавшую северян незримую длань, – но топор оставил глубокую, заполненную кровью борозду. Вожак варваров раньше не моргнул бы и глазом от такой «царапины», а теперь у него вырвался болезненно-злобный выдох, Дарбе схватился за рассе– чённое плечо.

Неведомый воин-защитник Венти замахнулся вторично, но тут челюсти вцепившейся многоножки перекусили наконец сухожилия – окровавленная кисть бессильно повисла, топорище

выскользнуло из вмиг разжавшихся пальцев.

Человек пошатнулся и медленно осел – мгновенно исчезнув под жёлтой шевелящейся массой. Вокруг Алиедоры и кора Дарбе теперь кипело живое жёлтое море, защитники отступали всё дальше, а с другой стороны напирали остальные варвары.

«Я смогла. Я победила. Я избранна!» – молотами билось в голове Алиедоры.

«Мама. Там же мама…» – где-то глубоко-глубоко и совсем слабо, заглушаемое яростным грохотом победной стали.

– *Я твоя настоящая мать!* – яростно зашипела Тьма.

– *А я – отец!* – поддержал и высунувшийся из облаков Дракон. – *А тут – только те, кто породил твоё тело.*

Но тело легко сменить. Для мудрой, для избранной нет ничего невозможного.

…Поток многоножек растекался всё шире. Кто мог – бежал, кто не мог – того настигали и в считаные мгновения обращали в дочиста обглоданный костяк.

Братья и сёстры…

Подружки…

Нет, это же просто слова. Для тебя, избранная, это бессмысленный набор звуков. Ты спасла себя и поклоняющихся тебе…

«Я спасла?» – удивилась Алиедора.

– *Конечно,* – ответила Тьма. – *Без тебя их бы перебили. Ну или разорвали в клочья те, кого ты вызвала. Они обязаны тебе жизнями. И должны служить теперь – верой и правдой. Веди их, избранная!*

Алиедора больше не смотрела на творившееся вокруг. Глаза подняты к небу, где среди мерно сеющих снежок туч извивается, ныряет и вновь появляется Белый Дракон.

– *Ты всё правильно сделала… дочурка*, – сказала Тьма.

– *Конечно,* – поддержал её Дракон. – *Всё правильно. Они должны уйти с твоего пути – тебе шагать дальше, а им… им отправляться ко Мне.*

* * *

Алиедора медленно брела по двору замка Венти, пинками отбрасывая оказавшихся на дороге дохлых многоножек. Бой кончился, варвары владели крепостью, хотя их и осталась треть от начального числа. Когда, в какой миг твари Гнили набросились на них, когда чуть ослабла воля доньяты, указывавшая им и гнавшая их вперёд, – Алиедора не помнила.

Сперва-то она и вовсе решила, что варвары в безопасности от тварей Гнили, они же сродни; и потому настоящим шоком оказалось зрелище молча рухнувшего в жёлтый поток северянина.

Во всяком случае, уцелевшие северяне молча кланялись ей в пояс, и непохоже было, что судьба погибших товарищей их сколько-нибудь опечалила. Они погибли по воле Дракона милостивого, милосердного, и, значит, так надо. Капля Его крови забрала их жизни, послала к Нему по великой дороге, и воину достойно радоваться участи товарища, надеясь при этом, что он сам встретит такой же конец.

Наверное, они так думали. Наверное, они в это верили.

Как же пусто внутри. Ничего не осталось. Она сама выжгла собственный дом. Вызвала многоножек, подчинила себе Гниль. Вот они, защитники, – груды пустых окровавленных доспехов.

Мама. Нянюшка. Сестрички. Братья.

Почему все эти слова потеряли смысл?

«Я не видела, как они умерли. Милосердные Дракон и Темнота скрыли это от меня…»

– Ну почему же, – тут же всплыл холодный ответ. *– Забыла, кто ты, капля Моей крови? Ты способна видеть глазами каждого из сотворённых твоей волей существ. Стоит только захотеть.*

«Нет, я не хочу!» – беззвучно закричала Алиедора, но было поздно.

…Мама – она отбивалась как могла, подхватив чей-то клинок, и всё кричала, кричала, до самого конца: «Убейте ведьму!»

Убейте ведьму.

– А ведь она тебя узнала, – прошептала на ухо Тьма.

«Почему?» – простонала Алиедора, корчась от боли так, словно её саму раздирали сейчас бесчисленные крючковатые челюсти многоножек.

– Как может мать не узнать собственное дитя, взглянув ей в глаза? Пусть даже ребёнок грязен и нечёсан, всё равно. Твоя мать хотела твоей смерти.

«Она… она просто защищала других…»

– Именно. В тот миг у неё ещё оставались дети. Одним больше, одним меньше – невелика разница, правда? А ведь ещё и внуки, внучки. Ты – никто и ничто, беглянка, опозоренная, убивавшая, чтобы прокормиться!

«Они начали войну, чтобы только не выдать меня!»

– О, вспомнила? Однако войну начали не они, а король Хабсбрад, решивший, что настал момент поживиться за счёт Долье. Да вот только пирог не по зубам оказался.

«Не хочу ничего слышать!» – простонала Алиедора.

– Не хочешь потому, что это правда.

«Я их всех убила. Убила, потому что хотела жить. Продала их всех – за одну-единственную жизнь, свою собственную!»

Навстречу шагает кор Дарбе. Останавливается за пять шагов, тоже кланяется в пояс. Цепи давно сняты, но есть связывающее их крепче стальных звеньев.

– Капля Его крови теперь едина с Ним. – Варвар не спрашивает, он утверждает, а Алиедора даже не знает, что ответить. Едина? Что это значит? Вот эти голоса, влезшие ей в сознание? Это и есть единение?

Она смотрит в глаза северянину. Смотрит, не опуская взгляда. Впрочем, ей врать не впервой.

– Теперь мы пойдём дальше. – Дарбе поворачивается, смотрит на полдень, куда-то над крепостными стенами, – пойдём за реку, туда, где Мастера Смерти. Переведаемся во славу Дракона великого, величайшего.

Алиедоре всё равно. Хочется лечь, впечатать в щёку щербатый камень замка. Ничего больше, ничего, кроме этого.

И она ложится и чувствует, как край плиты корябает щёку, закрывает глаза – но всё равно видит стоящего рядом Дарбе; северянин с поистине варварским терпением ждёт. Она – Капля Крови, её пути – не для обычных смертных, пусть даже *изменённых*, пусть даже служащих Дракону великому, величайшему.

Может, кто-то всё-таки спасся? Где-то там, в глубине, в самых нижних переходах замка, в потайных галереях, что ведут к скрытым колодцам, Алиедора чувствует жизнь. Уцелели. Спрятались. Выжили…

– Добей. Докончи дело. Пути обратно быть не должно.

Алиедора лишь крепче прижимается щекой к холодному камню.

– Добей!

«Нет. Пусть будет как есть».

– Тебе выбирать, но ты рассекла не все корни.

Алиедора молчит. Молчит и очень хочет заплакать, но слёз нет и – она знает – больше никогда не будет.

* * *

Байгли Деррано и его отец досмотрели всё действо до самого конца. Конечно, они не могли видеть, что творилось внутри кольца замковых стен, но вот вырвавшийся из ворот грязно-жёлтый поток многоножек разглядели очень даже хорошо. Армия Деркоора в ужасе качнулась назад – тварей Гнили ратники

боялись даже больше, чем неуязвимых северных варваров.

Однако клин бестий очень быстро втянулся назад, словно повинуясь чьй-то воле. Байгли только выдохнул, трясясь и беспрерывно благодаря про себя великого Ома Прокреатора; больше он ничего не понял и не понял даже, почему отец вдруг привстал в стременах и рявкнул:

– Мэтра Бравикуса сюда!

Запыхавшегося мэтра приволокли под руки двое дюжих сквайров.

– Почему они повернули? – Старый сенор в упор воззрился на пузатенького чародея.

– Я тоже заметил, благородный дон, – зачастил Бравикус. Толстяк дрожал от страха, но способности соображать не утратил. – Ими кто-то управлял. Я… обнаружил это.

– Следил, значит? – Кажется, голос старого сенора чуть-чуть потеплел – или Байгли это показалось?

– Следил, – развёл руками волшебник. – Елико мог и елико позволяли обстоятельства. Там Гниль, благородный дон, но Гниль, повинующаяся чьей-то воле. Этот самый приказ мне и удалось нащупать.

– Не стану спрашивать как. Можешь сказать, кто это был?

Бравикус замялся, отвёл глаза.

– Могу, но это слишком… слишком невероятно, благородный дон.

– Говори! – рыкнул сенор Деррано.

– Если позволите, благородный дон, я шёпотом, на ухо… – И толстяк метнул быстрый взгляд на Байгли.

«Что это он имел в виду? – Младшему Деррано стало не по себе. – Что пронюхал этот толстяк?»

Сенор нагнулся с седла.

Бравикус что-то быстро прошептал, непрерывно кивая.

Дон Деррано медленно выпрямился. Лицо сделалось совершенно стальным.

– Твоё усердие будет вознаграждено, мэтр Бравикус. Теперь разрешаю тебе удалиться и сделать всё потребное, чтобы… моё войско не понесло никакого ущерба, а… направляющее начало… оказалось бы… в наших руках.

Казалось, сенор очень, очень тщательно подбирает слова.

Дерранцы остались на месте. Варвары тоже не покидали захваченный замок.

Равнодушные облака принялись за всегдашнее – сеять на побоище тихий, всё скрывающий снежок.

Глава 11

Всё, Долье-река – позади, Долье-страна – впереди. Четыре сотни Дигвила Деррано шагали по южному берегу, по своей кровной земле, где знаешь каждую дорожную рытвину и каждый камень на тропинке. Где-то совсем рядом в темноте точно так же маршируют отряды зомби, где-то невдалеке и командующий ими Мастер.

Вопросов молодому дону никто не задавал. Он – благородный, он наследник сенорства Деррано, *он знает.* А что он может знать? Что его ведёт, кроме лишь охотничьего чутья, кроме неутолимой жажды вцепиться в горло врагу?

Ну, что дальше, дон Деррано? Четыре сотни дружно топают следом за тобой. Четыре сотни самых стойких, самых храбрых, хорошо вооружённых, сытых пока что; не боящихся этих самых зомби и готовых с ними драться, а не бежать.

Немалая сила, молодой дон. Распорядись ею с толком.

По правую руку – городок Фьёф. Стоит ли туда заворачивать? Едва ли, зомби не требуется ни тёплый ночлег, ни крыша над головой. Когда кончился бой у моста, большинство уцелевших мертвяков потянулось вдоль речного берега на запад, и туда же сворачивал отряд Дигвила.

…Первого зомби они завидели, когда зимняя заря уже пробилась сквозь тенёта предутренней тьмы и над занятым мертвяками Долье стал медленно и как-то осторожно разливаться серый дневной свет.

Мертвяк шагал, держа на плече длинное – обычному человеку таким ворочать неудобно – копьё. Десятник Штарнок вскинул самострел, Дигвил едва успел шикнуть:

– Пусть себе идёт. Приведёт к остальным.

Окружающее, похоже, мертвяка ничуть не волновало. Он размеренно шагал, выполняя полученный приказ, и всё прочее его не касалось.

Так они и шли в предутреннем свете – впереди зомби, быть может, ещё вчера пахавший эти самые поля, а за ним мечники и копейщики Дигвила, поклявшиеся всё это защищать.

Вперёд, обгоняя равнодушного ко всему мертвяка, отправился конный разъезд.

Пусто-то как вокруг, пусто и жутко. Не вьются дымки над домиками серфов, на дорогах – ни саней, ни пеших, ни всадников. Показалась рыбацкая деревня, но туда Дигвил даже не стал посылать доглядчиков.

Страшно, молодой дон? Страшно. Но не от грядущего боя, а

оттого, что можно увидеть в брошенном селении. От одной мысли об этом по спине драл ледяной коготь страха.

И живности никакой. Птицы, звери – попрятались, что ли? Даже чернокрылые враны куда-то делись. Уж эти-то, казалось бы, к мертвякам должны были липнуть.

…А потом вернулись прознатчики. И, срывая шапки, утирая мокрые от пота лбы, только и могли, что выдохнуть:

– Там они!

«Там» – это за небольшим леском, близко к устью неширокой Эве.

– Сколько их?

– Не счесть, благородный дон. Двадцать сотен самое меньшее, а кабы не тридцать.

Дигвил поднёс кулак к губам, яростно закусил костяшку. Вот он, твой шанс, дон Деррано-младший.

– Палаток, шатров каких – не видели?

– Как не видеть, благородный дон, стоят в самой серёдке, ажно пять, и даже флаг торчит.

Палатки, шатры – значит, кто-то там прячется от мороза. Оно и понятно, Мастера – они из плоти и крови.

Две или три тысячи мертвяков. Что дальше, Дигвил?

Зубы сжаты на ни в чём не повинной костяшке.

Ударить и отступить, пусть гонятся? Увлечь их за собой в глубь Долье?

В глубь пустой, мёртвой страны, откуда бежали все, кто только мог? Да вот только шагать неутомимо сутки напролёт, подобно зомби, его воины не смогут.

…Да, мертвяков тут тысячи три, правду сказал разведчик. Суетятся, бегают, совсем не похоже на чинное, мерное, пугающее наступление – что на Сиххоте, что на Долье. Что задумали, чего готовят?

А вот и шатры. Целых пять и – кто это там у них?

Дигвил напряг зрение, сощурился – нет, это не зомби. Мертвяки так не двигаются. В длинных серых плащах – это, похоже, обычные люди.

Люди. Мастера Смерти.

Что ж, молодой дон Деррано, вот и сделан твой выбор.

…Четыреста пар глаз смотрят на тебя, Дигвил. А ты сидишь в седле перед ними и понимаешь, что должен что-то сказать, совсем не то, что раньше. Одинаковая кровь – что у него, благородного дона, что у них, простых копейщиков и дружинников. Одинаково станет литься, когда сшибутся грудь на грудь с ходячими покойниками, которых даже нельзя ненавидеть – не по своей воле они убивают, не сами явились на чужую землю.

– Братцы! – Он сам не знал, откуда это вырвалось. – Их там три тысячи. Но там же – их Мастера. Прорвёмся, возьмём хоть одного – не народ по деревням ловить станут, а за нами гоняться. Нет у нас подмоги, никого за спиной – так ударим же так, чтобы всем в Некрополисе жарко стало! Чтобы узнали, как живые драться могут, когда за своё и своих стоят! Встанем же крепко, и я вместе с вами; вместе у моста бились и сегодня тоже вместе. А там уж как судьба велит – только мы её сами к себе повернуть постараемся.

…Пошли. Сжавшись железным ежом, выставив копья. Дигвил шагал в самой середине строя, на острие готового высунуться клина, что расколет, словно скорлупу, боевой порядок мертвяков.

И никогда ещё молодой дон не был более счастлив.

Их заметили. Мертвяки рысью бросились строиться, но тут Дигвил, как и было условлено, высоко вскинул меч.

Бегом!

Нет колебаний, нет страха – пусть перед тобой и твари, созданные злобной магией, но их можно убивать, я это видел.

Давить и рубить!

Сшиблись, и четыре сотни глоток извергли жуткий звериный рёв. Треск столкнувшихся щитов, в ход пошли последние остатки прихваченного ещё с Сиххота огненного припаса – по рядам зомби заплясало пламя.

Дигвил с маху отшиб нацеленное в живот копьё, хакнув, рассёк мертвяку плечо, выдернул клинок; кто-то из оказавшихся рядом его воинов подрубил ходячему покойнику ноги.

Шаг. Взмах. Отбив и удар. Шаг. Взмах – и ещё один мертвяк валится под ноги наступающим живым.

Подобно тому, как молоток камнетёса раскалывает гранитную плиту, так и невеликий отряд Дигвила ломал скорлупу мертвяцкого строя. Бывает такое, когда даже самый сильный страх отступает, расчищая дорогу совсем иному – твердокаменной уверенности, что да, сломаем, несмотря ни на что. И неважно, что потом случится со мной.

…Они пробили первую линию – на злобе, на горячке, на жарком порыве. Били, не считая собственных потерь.

Дигвил не успел удивиться, когда перед ним вдруг открылась пустота. Последний мервяк свалился грудой неживого мяса ему под ноги, и совсем рядом оказались шатры Мастеров. Дигвил не сомневался, что именно их.

Эх, молодой дон, нет у тебя крыльев, не взлететь тебе над полем боя, не увидеть того, что безо всяких крылий разглядели бы твои отец или король Семмер. А они заметили бы, что отхлынувшие в стороны мертвяки нацелились в спину и в бок

твоему отряду, а те же Мастера – что ж они, дураки, сидеть в шатрах и ждать, когда их вытащат оттуда самым невежливым образом?..

Плотная ткань лопнула с сухим треском, поддаваясь взмаху меча.

Никого. Валяется какая-то утварь, но – никого.

Они не могли уйти далеко!

Но сзади уже нарастал грохот рукопашной, где ломались копья и щиты звучно ударялись друг о друга. Оправившись, мертвяки ударили сами – и отряд Дигвила попятился, присел, словно человек, взваливший на плечи неподъёмную тяжесть.

«Ну я и дурак! – обожгло. – Попался, называется. Старший сын, наследник сенорства! Людей погубил и дела не сделал – конечно, едва заслышав шум боя, Мастера задали стрекача. Но… они ведь и в самом деле должны быть где-то рядом!»

– Штарнок!

Верный десятник держался рядом.

– Мне их взять за глотку надо. Бери всех конных – и кру́гом, кру́гом! Ищи, Штарнок, на тебя вся надежда!

Десятник только кивнул.

Всадников у Дигвила было немного, едва десяток, *гайто* с немалым трудом сохранили при отряде.

– Самому бы вам, благородный дон, – проговорил десятник.

– Людей не брошу. А ты скачи, Штарнок, Мастера – они только мервяками командовать горазды, а как до дела дойдёт – враз в штаны наложат!

Дигвил сказал то, что должен был сказать. Ободрить. Пусть ухмыльнутся, смех убивает страх. А больше говорить было уже нельзя, его отряд пятился, и молодой дон, переведя дух, решительно полез вперёд – туда, где напирали мертвяки.

Ему оставалось только верить в удачу Штарнока – да постепенно отводить людей к холодной Долье. Рядом рыбацкое селение, там наверняка остались лодки с плотами…

Он успел ещё сделать пару шагов, как мир вокруг взорвался болью. Она грянула откуда-то из-за спины, полоснула незримыми когтями, и небо, не выдержав собственной тяжести, обрушилось на него. Последнее, что видел Дигвил, – стремительное, размытое движение человеческой фигурки в чёрном, слишком тонкой и стройной для мужчины-воина.

А дальше была только темнота.

* * *

– Что же теперь станем делать, батюшка? – осторожно осведомился Байгли.

– Что делать? Ждать, когда северянам надоест в замке сидеть. – Сенор Деррано обозревал опустевшие стены Венти. – Они никогда на одном месте не задерживаются.

– А потом?

– А потом отпишем его величеству победную реляцию! – рявкнул старый дон. – Не пытайся казаться глупее, чем ты есть на самом деле, Байгли. Замок займём. После варваров да Гнили там ничего живого. Не это меня заботит, а что от Дигвила вестей нет.

Байгли помрачнел – как и всякий раз, стоило отцу упомянуть старшего брата.

Дольинцы на всякий случай всё-таки отошли подальше от ставшего огромной могилой замка – ждать, когда добыча сама упадёт им в руки и приказ его величества короля Долье и Меодора будет таким образом выполнен. И, что приятно, безо всяких потерь в войске Деркоора.

* * *

Кор Дарбе не торопился покидать Венти. Похоже, он ждал каких-то слов от Алиедоры, а доньята, напротив, молчала, будто воды в рот набрав.

Тьма и Дракон тоже безмолвствовали.

Третья сущность – пустота внутри самой Алиедоры – жадно разевала пасть, щерилась мелкими, но острыми зубками и жевала, жевала, жевала всё, что попадалось: детские воспоминания, краски, запахи и радости. Мамины руки, смех сестёр, проказы братьев. Любимые игрушки. Домашние праздники. Няню…

А вокруг лежала растерзанная страна, опустевшая страна, страна вымершая. Словно разом прошлись по ней и мор, и Гниль. Где-то рядом, словно шип в ране, торчало войско дона Деррано, так и не ушедшего от несчастного Венти.

Меодора больше нет. И помог в этом Семмеру не кто иной, как Навсинай, приславший своих големов. Варварам, конечно, вообще всё равно, против кого биться, у них своя собственная война, война против всех.

И у неё, доньяты Алиедоры, тоже своя война. Внутри всё пусто, у неё больше никого нет, и никто в этом не виноват, кроме неё самой, – нет, что она! Конечно, она не виновата. Это просто обстоятельства, несчастливо сложившиеся случайности. Она не выбирала, куда ей отправляться «воспитанницей», не выбирала,

хочет ли она сделаться женой Байгли Деррано, и потом – желает ли она делаться «каплей крови Дракона», её не спрашивали, не против ли она пройти все потребные для этого испытания.

У неё никто ничего не спрашивал. Но вот крикнуть в лицо – «Убейте ведьму!» – они не забыли. Мать ведь узнала её, не могла не узнать! И ведь всё равно кричала, орала, надсаживалась…

Нет, она, Алиедора, ни в чём не виновата. Она жертва обстоятельств. Она ни при чём. Она никого не хотела убивать из одной лишь корысти. Она вообще не убивала ради убийства. Девчонку-маркитантку, бородатого наёмника и мальчика-раба убил случай, а не её, Алиедоры, злая воля. Она не желала их смерти – осознанно. Бедолаги просто оказались в неправильном месте и в неправильное время. И сложись события лишь самую малость иначе, на их месте была бы уже сама Алиедора.

Нет, нет, она не виновата. Не виновата. Не виновата. Не…

Что там такое? Кор Дарбе? Что ему надо? Она – капля крови, она часть Дракона вечного, истинносущного!

– Големы. – Северянин оставался каменно-бесстрастен. – Големы Навсиная. Идут сюда. Что скажет капля Его крови?

Големы. Навсинай. Навсинай пришёл на помощь Долье. Значит, навсинайцы – враги. И нечего тут рассуждать.

– Истребите их всех, – небрежно бросила доньята. – А я помогу.

Более она не сомневалась в себе.

– Голосом твоим речёт Дракон великий, величайший, воля Его непререкаема. – Ни один мускул не дрогнул на лице варвара. – Мы её исполним.

– Вот и хорошо. – Алиедоре не пришлось играть высокомерие. Ноги сами подняли её на высокий парапет, они помнили дорогу.

С запада, по неширокому, занесённому снегом тракту, тяжёло вилась длинная стальная змея, и под тусклым зимним солнцем так же тускло поблёскивала броня.

Големы – причудливые и очень разные: высокие и не очень, приземистые и вытянутые вверх, иные на двух ногах, иные – на четырёх, а иные и вовсе вдобавок к ногам имели колёса, словно повозки. Торчали в разные стороны чёрные дула, зыркали горящие красным глаза-каменюки, да с лёг– ким шипением двигались шарниры в сочленениях.

Десять… двадцать… сорок…

Алиедора сбилась со счёта.

Ну, капля Его крови, как, справишься? Големов ведь многоножками не испугаешь.

Хотя… люди вот тоже видны, на хороших, породистых гайто, хоть и не чета её собственному. Вроде их называли

«погонщиками», вроде бы они и управляли в бою железным стадом… что ж, тем лучше. Моим жёлтым спинкам будет чем полакомиться, не всё же ломать челюсти о сталь.

Ну, железные куклы, мёртвые болваны, что вы теперь станете делать? Возьмёте Венти в осаду, подобно дерранцам? Или дерзнёте и полезете на стены?

Ответа ждать пришлось недолго. Прямо с ходу, не озаботившись разведкой или там разбивкой лагеря, големы попёрли к замку. Те, что с колёсами, с трудом пробирались по снегу, однако упрямо катили к воротам, таща с собой здоровенный таран.

– Твоё слово, капля Его крови. – Кор Дарбе был спокоен, каменно, льдисто спокоен. Ему всё ясно и понятно. Вся жизнь варвара – служение Белому Дракону, долг исполнен, капля найдена и проведена через необходимые испытания. Собственно говоря, дальше жить незачем. Можно отправляться в тот самый Путь и вступать на него с гордо поднятой головой.

Механические руки големов мерно раскачивали таран, мерно ударяли им, но добротные створки держались.

– Пусть они войдут, – одними губами произнесла Алиедора, однако варвары услышали.

Да, пусть войдут. И все получат своё. По справедливости.

И трёхглазый чародей Метхли.

И вожак северян Дарбе.

И дон Деррано, хотя его и нет поблизости, но ничего, его армия невдалеке, она, Алиедора, дотянется.

Так что пусть входят. Стены или не стены – разницы нет.

Или она, Алиедора, справится и сокрушит – или ей и жить незачем.

Слабые умирают, она не забыла.

Право жить – только у сильных. И у них же – право убивать.

Как, впрочем, и быть убитыми.

– Откройте ворота, – повторила она.

– Постой… погоди… – шипящий шёпот Метхли. Лёгок на помине, трёхглазый. Давненько про тебя не вспоминала, хотя кнут твой гулял у меня по спине совсем недавно, такая вот загадка. Нет, ты тоже получишь своё. – Всё правильно, открой ворота, пусть големы втянутся, втянут варваров, а мы с тобой в это время уйдём, – горячо шептал чародей. Кора Дарбе поблизости уже не было – предводитель северян ушёл отдавать последние распоряжения. – Я знаю, я нашёл пути, я, хе-хе, ещё кое на что способен… Эй, ты чего молчишь?

«Какое мне дело до этого ничтожного червя? Он умрёт в свой черёд, предварительно испытав на себе… много разного. Даже

досадно, что занятость не позволит мне увидеть всё самой и со всеми подробностями».

А, вот и големы. Жаль, что не умеете вы удивляться, бедные стальные болваны. Люди бы, наверное, заподозрили ловушку, когда вот так запросто открываются крепостные ворота; но погонщики ваши то ли неумны, то ли далеко и просто не успели… впрочем, неважно. Она, доньята Алиедора Венти, избранная, наделённая, прошедшая – сейчас покажет всем.

…Было больно – словно живую жилу из себя тянуть. Но кто сказал, что сила должна доставаться даром? Конечно, даром оно лучше, да и положено так – избранным, но ничего, потерпим.

Кисло-металлический запах враз заполнил ноздри, от шеи вниз по плечам побежали незримые жгучие струйки.

Давайте, давайте, давайте. Раз уж во мне – отравленная, изменённая, нечеловеческая кровь, то пусть покажет всю свою силу. Пусть лопнут жилы, пусть потечёт Гниль, рождая тех самых многоножек, что – помнила Алиедора – очищали землю от человеческой скверны. А големы – это скверна ещё бóльшая, это извращение магической природы, ей тоже не место под вечным небом.

– Чего молчишь-то? – продолжал допытываться Метхли. – Смотри, Дарбе пошёл… красиво рубятся варвары… А нам пора, пора отсюда, давай, ну, давай же, пока никто не смотрит!

И он потянул Алиедору за руку.

Не оборачиваясь, доньята вырвала запястье из потных пальцев.

«Больше ты меня не коснёшься, трёхглазый, никогда и ни за что не коснёшься.

Но погоди, погоди ещё немного. Месть сладка, я ещё посмакую. Ты уж не обижайся, я даже сокращу тебе предназначенное, ты умрёшь быстрее, чем того заслужил».

Замкнуты жилы, кровь кипит и буйствует, просится на свободу, но Алиедора сдерживает её, она ждёт, от кисло-металлического запаха кружится голова и всё плывёт в глазах. Кажется, она вновь слышит голоса? Дракон и Темнота ещё раз удостоили её аудиенции?

Пустое. Она сама знает, что делать. Что? Обращающиеся к ней разгневаны? Слишком поздно, дорогие мои, я избранная, а пределы моих сил неведомы даже вам.

Жги, доньята! Жги их всех, обидевших тебя, тебя ударивших, пренебрёгших тобой, тебя оставивших; пусть Гниль покажет свою истинную мощь.

На сей раз каменные плиты просто разносило в пыль, они точно взрывались, словно в них ударяли незримые каменные

ядра, выпущенные огромными катапультами. Под ногами Алиедоры разливалось жёлтое живое море, но на сей раз это были отнюдь не многоножки.

На доньяту в упор взглянули голубые, невинные детские глаза – глаза, что смотрели с круглого младенческого личика. Светлая чёлочка, розовые щеки – малыша хотелось схватить и потискать, словно куклу.

«Мама?» – услыхала она.

«Да, мои родные. Я ваша мама. Идите и сделайте, что должны. Мои… мои детки. Мои *лялькu чорные»*.

В потрескавшийся камень упёрлись короткие, словно у гусениц, ножки. Распахнулись рты, не рты даже – пасти от уха до уха, усаженные игольчато-острыми зубками, и волна жутких порождений Гнили устремилась вперёд – выполнять волю своей «мамочки».

Метхли только и успел, что захрипеть и нелепо взмахнуть руками, когда в него вцепилась дюжина крохотных ручек, сейчас сделавшихся сильнее, чем у любого варвара-северянина. Алиедора вперила издевательский взгляд в искажённое лицо мага и уже приготовилась насладиться его ужасом, его последним всхлипом, когда третий глаз Метхли вдруг вспыхнул самым настоящим пламенем, из глазницы вырвались языки огня. Волшебник взвыл, схватился обеими руками за лоб, опрокинулся – и его тело тотчас же стало бледнеть и таять, он слово сливался с раздробленными в пыль камнями.

Алиедора рванулась – поздно, руки её вцепились в пустоту.

Метхли сбежал.

Каким образом и почему он не сделал того же много раньше – доньяте думать было некогда. Потому что её «детишки» сплошной волной захлестнули сражавшихся друг с другом варваров и големов, а в затылок Алиедоре невесть откуда задуло могильно-холодным ветром.

О, она знала, откуда явились эти малыши, это жуткое подобие человеческих детей. Она знала это даже слишком хорошо, видела это, конец всех и каждого из них, видела, как они умирали, брошенные в костры, удавленные собственными отцами или даже матерями, закопанные в землю, проткнутые колами. Они вернулись, ответили на её зов, потому что… тут она запнулась, не умея словами и мыслями выразить то, что чувствовала, – потому что не простили предательства. Их души, невинные детские души, не простили.

Из каких бездн между жизнью и смертью её воля вырвала их, Алиедора не загадывала. Она просто смотрела, как брошенный ею в бой поток смёл и опрокинул варваров, захлестнул големов, и

даже стальные монстры, казалось, завыли от боли, поспешно разворачиваясь и норовя достать нового противника.

Лялек рубили мечи и големов, и варваров, но те не обращали на это никакого внимания.

Она поймала взгляд кора Дарбе. Вожак северян не отбивался. Он просто стоял, опустив руки, и лицо его оставалось каменным, хотя по бёдрам обильно струилась кровь – *ляльки* облепили его до пояса.

Он не защищался, в отличие от других его собратьев. Он смотрел в глаза Алиедоре, и доньяту по спине драл мороз.

Ей казалось, она слышит его голос, негромкий, спокойный, каким он рассказывал ей о Великом Драконе после того, как Метхли, закончив порку, убирался восвояси.

«Ты довольна, о капля Его крови? Это то, что Он велел тебе сделать? Что ж, я готов идти к Нему».

– Нет! – заорала Алиедора, надсаживаясь и даже приседая от натуги. – Не Ему это надо! Мне, слышишь ты, мне! Это я вас убиваю! Я! Вас! Всех! За всё, всё, всё, слышишь! – Она визжала, в глазах темнело от захлестнувшей ненависти.

Дарбе едва заметно улыбнулся. «Он что, совсем не чувствует боли?» – запоздало удивилась Алиедора, потому что варвар, играючи стряхнув с себя *лялек* с окровавленными пастями, поневоле не очень твёрдо шагнул навстречу здоровенному голему, поднырнул под бешено крутящийся диск, с размаху вонзил клинок в одно из сочленений. Засвистев, ринулся на волю пар, а Дарбе, ухватившись за стальную длань, одним гибким движением оказался на плечах гиганта. Меч свистнул, с размаха вонзившись в ожерелье красных глаз голема, неведомо как, но пробил броню и засел глубоко во внутренностях железного черепа. Голем закружился на месте, бестолково загребая лапищами воздух, – и тяжело грянулся оземь, всё ещё продолжая бессмысленно скрежетать шестернями и сочленениями. Густой пар, словно кровь, продолжал хлестать из перебитых железных жил – или что у них там вместо вен?

Облако совершенно скрыло вожака варваров, но миг спустя Алиедора болезненно дёрнулась, словно внутри лопнуло что-то, – и поняла, что жизнь кора Дарбе оборвалась. Быстро, стремительно, в один миг. От честной стали врага, не от зубов вызванной ею, Алиедорой, нечисти.

Вот досада. Не увидела своими глазами, как бы он корчился и выл – вроде неё, доньяты, избиваемой кнутом что ни вечер…

Что-то враги твои, Алиедора, ухитряются избежать возмездия. Метхли и вовсе скрылся. Стыд и позор, избранная.

Кто-то из варваров, похоже, дрогнул в последние мгновения –

несколько северян разом бросились на Алиедору, только для того, чтобы упасть погребёнными под волной защищавших доньяту тварей. И брошенное копьё тоже пролетело мимо.

…Северян никого не осталось – сгинули, исчезли, расточились. Велика твоя сила, избранная; теперь обрати гнев свой на големов, сотри их с лица земли точно так же, как стёрла своих недавних пленителей!

Ох, хороша же она сейчас, наверное, со стороны! Грозная побеждающая мстительница, посылающая на своих врагов орды покорных, отдавших всех себя ей созданий; ну же, детки, давайте, грызите, покажите им, что такое Гниль!

«Детки» грызли. Они облепили конечности големов, ловко карабкались вверх по бронированным лапам, цепляясь за устрашающего вида шипы и шпоры, оказавшиеся против них слабой защитой.

Големы наступали, отмахиваясь мечами, косами, палицами и прочими смертоубийственными орудиями. *Ляльки* отлетали, размозжённые, разрубленные, простреленные навылет, – но упрямо ползли обратно в бой и замирали, лишь окончательно превращённые в груду окровавленных лохмотьев. Впрочем, даже их кровь продолжала мстить врагам – Алиедора видела, как ещё совсем недавно блестящая броня големов стремительно покрывается рыхлой ржавчиной, целые пласты отваливаются, распадаясь лёгким прахом.

Однако големы наступали, охватывая доньяту сплошным кольцом. Чёрное дуло над плечом у одного окуталось дымом, аркебуза хакнула, что-то ширкнуло по воздуху возле самой щеки Алиедоры; испугаться она не успела, она ведь сейчас неуязвима, она избранная, и потому…

Стрела навылет прошла через волосы.

Кто-то очень старался, чтобы она выжила.

С грохотом подломились лапы у надвигавшегося прямо на неё голема, бронированная громада бессильно задёргалась, оказавшись на спине, словно перевёрнутый морской клешнец. Рядом с ним мгновение спустя оказался другой, уже на брюхе, собственной тяжестью исковеркав многосуставчатые лапы с бесполезным уже оружием.

Восторг. Огонь внутри. Жги их, Алиедора Венти, жги, избранная, жги!

Третий голем свалился, четвёртый, пятый – железный вал вокруг Алиедоры рос стремительно. Она побеждала, она знала, что не может не по…

«Сзади!» – словно кто-то крикнул в ухо. В окутавшей доньяту незримой броне из разлитой в самом воздухе Гнили возникло

какое-то движение, что-то ворвалось в *её* сферу, туда, где избранная должна быть всесильна.

Это «что-то» двигалось очень быстро, куда быстрее обычного человека, не говоря уж о големе. Да и откуда там взяться людям или големам?

Что-то стремительное, тёмное, размытое, словно хищная птица, стремглав падающая на добычу. Не различить, не разобрать – но и не надо, так проще отправлять их всех к Великому Дракону.

Собранная лодочкою ладонь словно бы зачерпнула незримо разлитой вокруг Гнили. Собрала и плеснула туда, где воздух вспарывала тёмная фигура.

Вздёрнутые будто незримыми нитями, точно вода из горсти, следом за рукой доньяты летели её *ляльки*, летели и впивались прямо в загадочную фигуру. Миг – и на камнях осталась только шевелящаяся куча, из которой рвётся звериный вой – и очень быстро прерывается.

Вот так-то, господа Высокий Аркан! Решили, что избранную можно взять вот так просто?!

Но через опрокинутых големов уже карабкались новые, и – что это, как это? – *детки* Алиедоры уже не справлялись. Их теснили. Давили, плющили, рубили – и они отступали.

Холод, ползущий снизу холод.

«Нет, не может быть, такого не может быть, я выдержу, я смогу, я же избрана, я ведь…»

Громадный голем, весь в пятнах ржавчины, с отвалившимися слева грудными пластинами панциря – так, что видно жуткое нутро, мешанина зубчатых колёс и червячных передач, – тяжело бухнулся прямо перед Алиедорой. Машина едва тянула, но прежде, чем визг доньяты и последний взмах руки послали вперёд ещё остававшихся поблизости *лялек*, огромная лапа настигла доньяту, и затылок вспыхнул ослепляющей болью.

Боль и темнота. Как и всегда бывает.

– Что поделать, даже избранная уязвима, если не успела избавиться от оков жалкой плоти.

«Кто произнёс эти слова? Почему я это слышу? Ведь вон же она я – лежу, скорчившись и обхватив голову руками. А вокруг – големы, големы, целое море големов».

– Ты не успела. Не смогла.

«Кто это? Кто тут? Ты, Великий, Величайший? Ты, Темнота?»

– Мы оба. Мы – одно, если ты ещё не поняла. Но теперь уже не поймёшь никогда, неудачница. Мы не прощаем поражений. Избранные не могут проигрывать, иначе они не избранные.

«Я… но я же…»

– Лепечи, лепечи, жалкое создание. Для этого мы удержали твой дух от спасительного беспамятства. Смотри, что с тобой будет дальше.

И – пустота. И медленно тает привычный запах Гнили.

Медленно отступают големы. Появляются люди – в длинных, вычурных, неудобных не то кафтанах, не то камзолах, тёмно-синих, расписанных золотыми извивами и спиралями. Они стоят и смотрят – на Алиедору и на ту фигурку в тёмном, что лежит рядом с ней. Доньята хочет всмотреться и не может, у неё же нет тела, она видит только то, что показывают.

Её – и того – или ту, – кто лежал рядом с ней, подняли на руки служители в синем, понесли прочь…

Всё? Тьма? Забытье?

Нет.

Даже этого её лишили.

Избранные не проигрывают.

* * *

– Поздравляю, благородный сенор, и благодарю за гостеприимство. – Маг Высокого Аркана отставил бокал подогретого вина. Имени своего он дону Деррано не назвал, мол, это не имеет значения. – Поздравляю с исполнением воли его величества Семмера. – Это сопровождалось ироничной улыбкой, говорившей, мол, всё понимаю, сам служу сюзерену, приказы надо исполнять, а уж как – не важно. Мол, были рады помочь. В следующий раз – вы нам поможете.

Сенор Деррано улыбнулся в ответ с должной любезностью и пониманием. Мол, благодарны. Нам, сильным, кто служит власти ещё более могущественной, приходится помогать друг другу.

– Полный успех. – Гость позволил себе ещё глоток. – Ах, превосходное вино, благородный сенор, просто великолепное.

Дон Деррано чуть склонился вперёд, всем видом показывая живейший интерес к словам собеседника.

– Великолепное, да-с. – Маг откинулся на спинку походного кресла, явно ожидая расспросов. – Просто удивительно, на что способны простые виноградари, если, конечно, стоять над ними с большой палкой. А то, видите ли, этот подлый народишко так и норовит утянуть, лишить страну её законного. Так о чём бишь я?..

– Об успехе, дорогой гость, – напомнил сенор.

– Об успехе, да, конечно, – сощурился чародей. – Мы их перебили. Собственно, они сами влезли в ловушку. Дальнейшее, как говорят наши мастера-бронники, было делом техники. А

техника не подкачала.

– Да, эти новые големы просто великолепны, – с готовностью поддакнул дон Деррано.

– Не то слово, милостивый государь, не то слово! Там, где не преуспели люди, справятся машины. На том стоит Высокий Аркан, а слово его нерушимо.

– Мудрость Высокого Аркана непререкаема.

– Воистину!..

– Но как же, я слышал, что эти варвары прошли насквозь весь Меодор, разбив по пути всех, кого только можно?

– Потому что им не встретились наши «малыши», – небрежно отмахнулся маг.

Дон Деррано прищурился – вести о схватке под стенами меодорской столицы добрались и до осаждавшего Венти войска. Но раз гость об этом предпочитает умалчивать, то и мы не станем демонстрировать излишних познаний. «Малыши» с варварами таки встретились, и дело закончилось скорее ничьей. Впрочем, неважно. Варваров перебили, и это хорошо.

– Мы ведь здесь, собственно говоря, не только потому, что северяне напали на новый домен его величества Семмера. Полагаю, благородный сенор, вести с родины вас уже достигли?

– Какие вести? – насторожился благородный дон.

– Как «какие»? – На сей раз изумление гостя не казалось наигранным. – Мастера Смерти перешли Сиххот. Армия мёртвых марширует по Долье.

Несколько мгновений сенор Деррано молча и всё так же любезно улыбался адепту, словно не понимая, что к чему.

– Некрополис нарушил вековое уложение, – продолжал меж тем чародей. – Они выждали момент и ударили в спину его величеству, когда он был занят наведением порядка на доставшихся ему по праву меча землях. Не сомневайтесь, благородный дон, ни у кого в Навсинае не вызвало сомнений право его величества оружно ответить на вторжение Меодора; и потому, когда Мастера Смерти решили, что сейчас-то они невозбранно урвут себе кусок, потому что все лучшие войска Долье сражались на севере, Высокий Аркан не мог не прийти вам на помощь.

– Достопочтеннейший, – медленно проговорил дон Деррано, поднимаясь. – Вами сообщено поистине преудивительное. Ибо если это так, то надо… надо немедленно разворачивать все силы, всё… когда это началось? Как далеко они ушли?

– Наш отряд, – гость посмотрел на свои ногти, – получил приказ на выступление три дня назад. Ровно в тот миг, как зомби пересекли Сиххот. Не удивляйтесь, мы шли день и ночь, и куда

быстрее, чем может показаться, глядя на наших красавцев. За это время зомби заняли всё Долье, не встречая сопротивления, добрались до самой северной границы. Королевство в руках Мастеров Смерти. Но, смею вас уверить, ненадолго.

– Почему же, – хрипло проговорил дон Деррано, – почему я получаю вести только от вас, досточтимый?

– Мастера Смерти наверняка выпустили вперёд своих Гончих, – пожал плечами адепт. – Вся их надежда на успех – в быстроте. Захватить Долье, пока его величество не развернул свои победоносные полки на юг. Поэтому пресечь сношения тех, кто остался в Симэ, с пограничным рубежом – просто азбука войны. Так что гонцы, скорее всего, перехвачены. А те, кто бежал от вторжения… те ещё просто не добежали.

– Наслышан я про Гончих, но неужто перехватили вообще всех?

– Они – могут. – И с лица гостя напрочь смыло улыбку.

– Всех?!

– Если очень захотят, – медленно проговорил маг. И повторил, словно гвоздь вбивая: – Если очень захотят.

– Но его величество…

– Уже осведомлён. Полагаю, приказ не заставит себя ждать.

Дон Деррано ничего не спросил о судьбе Деркоора. Просто молча встал и вышел из палатки – отдавать необходимые распоряжения. Гость вздохнул, допил вино и тоже поднялся. Его ждала трудная работа. Пожалуй, даже труднее, чем биться с теми же мертвяками.

* * *

Все пленения одинаковы. Все допросы – тоже.

По щекам Алиедоры текли не слёзы – вода, щедро выплеснутая из бадейки. Голова кружилась, перед глазами всё плыло. Доньяту плавно потряхивало – вместе с адептом Высокого Аркана они сидели в небольшом закрытом паланкине, только несли его не сильные невольники, а громадные и неторопливые големы Навсиная.

– Полегчало? – спросил маг-дознаватель, аккуратно поставив бадейку в специально для того предназначенное гнездо.

Вода была ледяная, и от неё действительно полегчало. Но, разумеется, признаться в том доньята не могла. Только зубы теперь стучат, а мокрые лохмотья липнут к телу. Хорошо ещё, что в паланкине более-менее тепло.

– Переоденься. – Адепт протянул Алиедоре стопку тщательно

сложенной одежды. Её, эту стопку, похоже, ровняли по отвесу и уровню, настолько она была идеальной. – Переоденься, я отвернусь. Твои прелести, поверь, меня нисколько не интересуют.

«Специально так говорит, – подумала Алиедора. – Какие там мои прелести, грязная вся, исхудавшая, в татуировках, да ещё и намазанная жиром. Огородные пугала по сравнению со мной – сказочные красавицы». Она подумала – но мысль, вместо того чтобы стать первой в цепочке, беззвучно канула в пустоту, жуткую сосущую пустоту, захватившую всё её существо. Больше она уже не рассуждала. Не могла. Мысли остались просто начертанными серым по серому значками, неведомой грамотой, и за ними – только серый же клубящийся туман, ничего более. Ничего. Ничего. Ничего – как удары молота по вискам.

Руки её не связаны, ноги тоже. При адепте Высокого Аркана – никакого оружия, во всяком случае, на виду. Маг, конечно, высок, строен, сух, жилист – такие даже при отсутствии горы мышц могут оказаться ой-ой-ой какими противниками – но всё-таки вот так относиться к ней, избранной, с таким пренебрежением…

Тёмно-синий узкий не то камзол, не то кафтан, не то дублет – поди ж их разбери в этом Навсинае, два ряда петель и крючьев, вокруг – золотое шитьё. Не в бой идти, так нарядившись, а на королевский приём. Лицо у мага узкое, вытянутое, но не отталкивающее. Даже взгляд серых глаз не кажется особенно злобным. Вот, уселся напротив, сплёл пальцы под подбородком. Смотрит…

– Тебе идёт, – сообщил он. – Как на тебя шито.

«Зачем он это говорит? – равнодушно пытается удивиться Алиедора. – Какое дело избранной до… стоп, а избранна ли я? Что они мне толковали, и Тьма, и Дракон?»

«Избранные не проигрывают, – услужливо подсказала предательница-память. – Проигравшие избранными быть не могут».

– Ты голодна? – Адепт ловким движением отомкнул погребец. Запахло едой, тёплым хлебом, но Алиедора сейчас отдала бы всё – хотя, если разобраться, что у неё осталось, что можно было б отдать? – за ставший уже привычным и родным запах Гнили.

Нет, она не голодна. И от еды – обычной человеческой – её тошнит.

– Настаивать не буду, а сам, если ты не против, подкреплюсь. – Маг казался дружелюбным. Конечно, это маска. Ничем иным и быть не может.

И эти слова тоже сорвались вниз, в бездну, мёртвыми сухими листочками.

Ничто тебе уже не поможет, Алиедора. Только если ты сама…

как ты начинала атаку? Ну-ка, ну-ка, вспомни, вспомни…

Чародей не торопил с ответом, глядел ей в глаза, спокойно ждал, прихлёбывая что-то из высокой кружки, над которой поднимался парок.

«Я же не помню, как тут оказалась», – вдруг поняла доньята. В какой-то миг видение того, как тащат её тело деловитые служки, куда-то исчезло, сменившись наконец благодатной чернотой.

– Чего вы… ты… от меня хочешь? – прошептала она, язык почти не повиновался.

– О, много чего. – Кружка отставлена в сторону, и опять же не просто так, а в специальные зажимы, чтобы не расплескать содержимое. – Очень много чего, уважаемая доньята Алиедора Венти. Не удивляйся, ты у нас известна. Можно сказать, знаменита. Разумеется, среди тех, кто понимает.

– Чего вам от меня надо? – повторила Алиедора. Она изо всех сил сдерживалась, чтобы не затрястись: пустота внутри казалась всепоглощающей, ни следа той, былой силы, что отличала избранную. И больше никто не глядит из облаков…

– Высокий Аркан, – волшебник даже наклонился вперёд, – рекомендовал мне испробовать сперва с тобой, доньята, полную откровенность. Каким-то образом, мы пока не знаем каким, ты связана с Гнилью. Эту связь предстоит выявить, понять, чем она грозит миру. Ты можешь нам в этом помочь.

– Я… пуста…

– Не беда, – покровительственно бросил адепт. – Ты пребываешь в отчаянии, тобой владеют тёмные мысли. Надлежит лучше и горячее молиться Ому Прокреатору, дабы Он помог нам избавить тебя от скверны.

«Эта скверна давала мне силу…»

– Что-что? Губы твои шевелятся, но я ничего не слышу, прости великодушно.

– Чем же я помогу?

– О, вот такое начало мне нравится, – воодушевился маг. – Очень много чем! Правдивым рассказом обо всём происшедшем, конечно же; но и добровольной передачей себя в руки дознавательной команды Высокого Аркана. А в неё войдут, не сомневайся, только лучшие из лучших.

Алиедора похолодела.

Чуть позвякивает откинутая крышка на дымящейся кружке, покачивается паланкин, смотрят на неё внимательные серые глаза, совсем вроде как не страшные… а её трясёт с каждым мигом всё сильнее и сильнее.

Дознавательная команда. Которая вскроет ей, Алиедоре, жилы, станет копаться у неё во внутренностях, выявляя то самое,

что делает её… делало её… избранной. Как же страшно, ой, как страшно, хотя, казалось, чего ей теперь бояться?

Не отвечай ничего. Свернись клубком, постарайся уснуть. Его нет, этого человека в сине-золотом одеянии. И големов нет, и замка Венти… ничего нет, и Алиедоры тоже. А слова… да пусть себе. Что значат эти сотрясания воздуха?

– Делайте что хотите…

– Вот и молодец! – неприкрыто обрадовался адепт. – Твоя добрая воля – один из ключей к общему успеху.

Добрая воля… ага, ждите, как же…

– Тогда я тебя покину на время. Вижу, ты устала, измучена. Поспи, доньята. Одеяла вот здесь…

* * *

Она проспала весь остаток дня, всю ночь и всё следующее утро. Отряд големов стоял, негромко переговаривались погонщики, иные, отвинтив болты и сняв броневые плиты, копались во внутренностях железных солдат.

Появился вчерашний маг, идеально выбритый и умащенный благовониями.

Словно на свидание собрался, невольно мелькнуло у Алиедоры.

– Как спалось? Надеюсь, что хорошо. – Он слегка поклонился, изысканно-светским манером взяв Алиедору за кисть и целуя воздух возле самой её кожи, как велел кодекс утончённой куртуазности. – Я получил срочные известия от Высокого Аркана, благородная доньята. Боюсь, что нам придётся начать немедленно. Дело не терпит отлагательств. Буду с тобой откровенен, как и вчера: Гниль всерьёз угрожала резиденции верховной коллегии. Коллегианты, как самые сильные маги Аркана, дали должный отпор, но мне предписано немедля приступить к дознанию. Ибо в Навсинай мы прибудем ещё очень не скоро. Мой походный арсенал доступных средств не столь богат, как хотелось бы, – он развёл руками, – но я постараюсь. Ты не ела? Хорошо, ибо эти процедуры следует проводить на пустой желудок.

Означенный орган Алиедоры немедля скрутило судорогой.

– Идём, идём, – торопил маг.

Алиедора потащилась – молча, на вид покорно.

Големы Навсиная. Големы Навсиная были в союзе с Семмером, защищали его от северян. Враги. И они должны заплатить.

Невольно она вновь потянулась в глубь себя, туда же, откуда черпала силу открывать дороги в сплошном камне и для многоножек, и для *лялек*– сама не зная, как это делает, как не знает обычный человек, как именно он поднимает руку или ногу. Алиедора потянулась – и встретила пустоту. Не глухую стену, которую можно надеяться сломать, разбить, устроить подкоп, – но настоящую пустоту, где копай хоть сто лет, ничего не сыщешь.

– Нет-нет-нет! – всполошился адепт. – Не сейчас, пожалуйста. Мне надо закончить приготовления…

У обочины заснеженной дороги красовался настоящий домик, собранный, похоже, големами за считаные часы. Там топилась походная печка, было тепло, даже жарко, и в самой середине красовался здоровенный стол, весь изрезанный и истыканный, покрытый жуткого вида грязно-бурыми пятнами, а вдобавок ещё и снабжённый четырьмя выразительными петлями из широких ремней – привязывать жертву, чтобы не дёргалась.

Алиедора дёрнулась… И испугало её даже не ожидание боли – память милосердна и заставляет забыть о пережитой му́ке, – а чёткое, холодное, словно ледяная гора, осознание, что это – конец.

Для варваров она была дремлющей каплей крови великого Дракона, и дорога, по их, варварским опять же, представлениям, лежала только через боль; маги Высокого Аркана хотели её не возвысить, но уничтожить. Метхли бил доньяту кнутом, но то, что ей приуготовили здесь, было хуже, много хуже.

Она больше не избранная. Неведомые силы больше не явятся по её зову, и одно это заставило Алиедору мучительно застонать сквозь сжатые зубы. Она – просто никто, обычная девчонка, всё заёмное могущество ушло в единый миг – как обычно и теряется всё *не своё*.

Не своё. В этом всё и дело. Ей рассказали красивую сказку, дали поиграть, попользоваться сказочным могуществом – а потом всё забрали обратно, обидевшись, словно капризные дети. Да и то сказать, зачем этим великим силам какие-то там «избранные», если они настолько всемогущи?

Значит, не всемогущи. Значит, есть что-то, не доступное даже им. И потому им потребны люди, такие, как она, Алиедора.

Прекрасный вывод, но что же дальше?

А дальше, видела она, только одно – покрытый пятнами засохшей крови пыточный стол. И пробирающий до самых печёнок ужас, какого никогда ещё не чувствовала раньше.

Лоб, щёки, шея, плечи, руки – всё стремительно покрывалось холодным потом, а ноги отказывались двигаться. Маг заметил, очутился рядом, как бы даже успокоительно взялся за запястье:

– О да, понимаю, что ты подумала, но ведь тело твоё может повести себя совершенно непредсказуемо, поэтому меры предосторожности – для твоей же безопасности…

Он что-то говорил, тянул доньяту за руку, а у неё даже не было сил вырваться. Маг деловито и ловко накидывал ей на запястья ременные петли, а Алиедора словно пребывала во сне.

И лишь когда чародей, окончательно уверовав, что воля пленницы сломлена, чуть ослабил хватку, Алиедора в последний раз попыталась восстать.

Это походило на мгновенную, обжигающую вспышку ярости. Когда внутри всё охватывает испепеляющим пламенем, когда ты уже не рассуждаешь ни о чём и ничего не боишься.

Маг не успел как следует затянуть петли. Потная, скользкая рука доньяты высвободилась и прежде, чем чародей перехватил её, ткнула его костяшками пальцев в горло.

Адепт захрипел, согнулся, выпучив глаза; Алиедора метнулась к выходу. Подпереть бы дверь, да нечем.

И бежать, бежать, бежать!

Вокруг спокойно погромыхивали големы, их погонщики по-прежнему возились в нутре нескольких, другие железные болваны, время от времени выпуская струйки пара, или медленно шагали вокруг лагеря, или просто стояли – чтобы видеть всё, им не требовалось поворачивать уродливое подобие головы, потому что красные буркалы окружали её сплошным кольцом.

Алиедора побежала. Слепо, не разбирая дороги, словно ушкан, преследуемый хищником.

Сзади что-то хлопнуло, что-то свистнуло над головой. Загрохотало, заскрежетало железо, стальные слуги Навсиная заметили беглянку.

Холодный воздух словно застывает в горле, не вдохнуть, не втянуть в себя. Грудь разрывается, остро колет в боку – на пути возникают какие-то тёмные фигуры, Алиедора мчится прямо на них, уже видя острые верхушки шлемов, торчащие копья; вроде бы не дерранцы и, уж конечно, не големы.

Она промчалась насквозь через этот строй – однако никто даже не попытался её перехватить.

Доньята оказалась за спинами густых шеренг, в промежутке между первой и второй волнами атакующих, явно надвигавшихся на лагерь навсинайцев, – и никому до неё не было никакого дела. Алиедора задыхалась, бежать дальше она не могла, ноги сами подкосились; и, почти рухнув на снег, она смогла наконец разглядеть этих мерно шагавших и совершенно не обращавших на неё внимания воинов.

Серые неподвижные лица под высокими островерхими

шлемами. Кривые мечи, тяжёлые копья, какими можно остановить тяжеловооружённого рыцаря.

И запах. Странный, сладковатый, совсем не похожий на привычную кислую вонь Гнили. Запах… тления? Остановленного заклинанием, но не обращённого вспять?

Нет, Алиедора не завизжала, не забилась в корчах от ужаса, едва поняв, с кем столкнула её судьба. Она просто сжалась в комочек на истоптанном тяжёлыми сапогами снегу, ожидая, когда мимо неё протекут мерно двигающиеся шеренги.

Мёртвые солдаты Некрополиса. Армия Мастеров Смерти. Армия, явившаяся сюда и сражающаяся с навсинайцами, союзниками захвативших Меодор дольинцев.

Многие мертвяки несли здоровенные арбалеты, заряжённые устрашающего вида болтами с зазубренными наконечниками. В строгом порядке целый ряд стрелков опустился на одно колено и дал дружный залп – безо всякой слышимой команды. По броне наступавшей цепочки големов заплясали быстрые отблески, попадая, болты высекали целые снопы искр. Видно, делали они и что-то ещё, потому что движения големов стали заметно медленнее и словно бы неувереннее. Однако от этого ответ навсинайцев не стал менее страшным: захлопали пищали, изрыгнули дым аркебузы, хлопнули туго натянутые тетивы самострелов. Ближайшему к Алиедоре стрелку-зомби начисто снесло голову, и доньята дёрнулась, забрызганная чем-то склизко-холодным, так непохожим на горячую человеческую кровь.

Обезглавленное тело опрокинулось, однако затем поднялось, неуверенно, словно человек с завязанными глазами. На ощупь подобрало упавшее оружие, подняло – и нажало спуск, послав стрелу в белый свет наугад.

Алиедора замерла от ужаса и омерзения – торс с торчащим из серой плоти белым позвоночным столбом едва не заставил её согнуться в приступе жестокой рвоты.

Мёртвый воин выпустил ещё пять или шесть стрел, прежде чем тело окончательно ослабло, ноги подогнулись и зомби замер, так и не выронив оружия.

Зомби-копейщики прошли насквозь через шеренгу стрелков, нагнули длинные пики, встречая големов, словно тяжеловооружённую кавалерию. Мёртвое сражается с мёртвым, вдруг подумалось доньяте. Может, так и надо – пусть гибнут, нет, ломаются бездушные машины да ходячие, благодаря магии, отжившие своё тела?

Стрелы, пули и ядра рвали ряды наступавших зомби, однако ни один, само собой, не дрогнул и не повернул назад. Копья

ломались о броню големов, но, видать, и в их наконечниках крылась какая-то магия, то тут то там на латах железных солдат Навсиная появлялся круг бледно-зеленоватого пламени, расползавшегося в стороны, так что оставалась большая – кулак пролезет – дыра. Из дыры тотчас начинал сочиться густой, зеленоватый же дым.

Но и големы не оставались в долгу. Их огромные мечи рубили солдат Некрополиса напополам, тяжёлые лапищи втаптывали тела в то, что ещё оставалось от снега; мёртвых воинов рвало на куски, столь мелкие, что их уже не смог бы сложить вместе ни один некромант.

Сражаются. За что, почему, отчего? И те и другие – в чужой стране, в чужих землях. Навсинайцы явились сюда «помогать его величеству Семмеру, владыке Долье и Меодора». Зачем сюда явились Мастера Смерти, Алиедора не понимала. Хотела бы понять, но ни Дракон, ни Тьма больше с ней не разговаривали.

Что-то неправильное было в разворачивающемся перед нею сражении. Доньята даже не сразу поняла, что это – безмолвие. Нет, шуму хватало, скрежета, треска, грохота, грома, только что не с молнией. Не хватало человеческих голосов. Криков ярости, воплей ужаса, победных кличей или предсмертного стона.

«Мёртвое сражается с мёртвым», – вновь повторила про себя Алиедора.

Встала в полный рост, повернулась и пошла прочь.

Это не её война, пусть даже зомби и выходят вроде как её союзниками.

Пошла прочь – а куда, к кому, зачем?

Некуда тебе идти, про́клятая беглянка. Одно только место осталось для таких, как ты. Вот оно, похоже, и впрямь по тебе, только ты боишься в этом признаться. Даже себе самой – боишься. Губы отказываются вслух произнести. Но какая ж ты тогда, к Зверям, избранная? Если страшишься даже такого?

Глава 12

…С небес вновь начинало сыпать. Снежок старался, спешил, словно усердный мусорщик, – убрать, скрыть от глаз все следы разыгравшейся битвы.

У иных големов словно бы взорвались внутренности, торчат наружу острыми зубами края. Уже ничего не парит, трещины не сочатся гнилостно-зелёной жижей, красные огни глаз все до одного потухли. И вперемешку с выпотрошенными механическими чудовищами – зомби, умершие второй смертью, изрубленные в такую кашу, что их останки утратили всякое сходство с человеческими телами – жуткая мешанина искромсанной плоти и железа, некогда бывшего доспехами. Сплющенные шлемы и панцири, торчащие острые обломки костей, раздробленные черепа…

От навсинайского отряда не осталось ничего, его истребили полностью, от армады Некрополиса – немногим больше. Големы дорого продали свои механические жизни, ещё дороже – маги, адепты Высокого Аркана. Несколько погонщиков, мелких сошек в изорванных мундирах попались живыми – их тащили за руки и за ноги, навсинайцы орали и извивались так, что, казалось, сейчас вывернутся суставы.

А Алиедора всё пыталась уйти прочь. Ей казалось, что она идёт так уже целую вечность, что бой кончился века, если не тысячелетия назад. Себе она казалась такой же древней, как сама Смерть.

И только теперь она поняла, куда ей надо идти.

Ровно за миг до того, как рядом из ничего возникла тонкая фигура в бесформенной куртке из серо-белых лоскутов. Прямо в лицо Алиедоре упёрся взгляд антрацитово-чёрных глах под белёсыми бровями. Скуластое женское лицо, но что-то в нём определённо не женское. Но и не мужское.

Незнакомка не протянула руки, не попыталась сграбастать доньяту. Молча стояла и смотрела.

– Я сама дойду, – вырвалось у доньяты, так же высокомерно, как в ту пору, когда она не знала жизни без камеристок – самое меньшее двух.

Женщина молча склонила голову – с должной почтительностью, как умеющая подчиняться. Алиедора же, постаравшись как можно выше задрать подбородок, пошла напрямик – туда, где у дороги виднелась небольшая группа людей в скромных серых плащах.

Доньята шагала, чувствуя, как за спиной рушится мир. Она,

живая, совсем недавно – избранная, кому подчинялась сама Гниль, – покорно тащится в сопровождении почётного конвоя прямиком к Мастерам Смерти, и, хотя внутри всё давно заледенело, вперёд толкает не только страх, не только безысходность – но и какая-то злая надежда.

Надежда, что вот тут-то я уж точно окажусь на своём месте.

Их заметили. Алиедора чувствовала впившиеся в неё взгляды – совсем не такие, к каким она привыкла. *Так* на неё ещё никто и никогда не смотрел. Потому что взгляды она чувствовала всей кожей, словно ожог пополам со множеством ледяных иголок.

Пятеро. Немолодые мужчины в серых плащах, наголо обритые, ни усов, ни бород. Спокойные. Очень спокойные, словно и не кипело только что яростное сражение. Угадать возраст по лицам не получалось – Мастерам можно было дать и сорок, и семьдесят лет.

Скользившая рядом с Алиедорой неслышная человеческая тень в бело-сером замерла, едва уловимым движением на миг почтительно склонилась – и отошла, растворилась меж мирно порхающих снежинок, словно никогда её тут и не было.

Взгляды скрестились.

– Я… пришла.

– Мы видим, – спокойным голосом откликнулся один из Мастеров. – Мы рады. И радо наше дело. Назови себя.

– Вы… не знаете?

– Назови себя, – с прежним спокойным терпением произнёс Мастер. – Нам это важно. Я поясню позже.

– Я – Алиедора Венти. Доньята Алиедора Венти. Дочь барона Венти, владетеля… впрочем, какое это теперь… Я… я – избранная… я так думаю… думала. У меня есть… была… сила и власть над Гнилью, над её тварями. Я понимаю… понимала, зачем она. Восстановить равновесие. Людей слишком много. Гниль убирает лишних. Я её орудие. Её и Белого Дракона, в которого верят северные варвары и который говорил со мной.

– Белого Дракона?

– Так он назвался. Создание… сущность в облаках.

– Чего же ты хочешь, доньята Алиедора Венти?

Она остановилась. Слова сами собой исчезли с языка.

Никто доселе не спрашивал, чего же она хочет. Всё всегда решали за неё. Родители, когда отдавали «на воспитание» хоть и не в столь далёкий, но чужой замок Деркоор. Сенор Деррано, когда явился объявить, что ей предстоит сделаться женой его младшего сына. Да и потом, после её бегства, когда она вернулась домой, – никто не вёл с ней подобных разговоров. Ей говорили, что нужно делать. Не исключая чародея Метхли, северных

варваров, Белого Дракона или же Тьму. Все чего-то хотели от неё.

– А вы? – вырвалось у неё. – Вы ничего не хотите от меня?

Мастера обменялись быстрыми улыбками.

– Нет, доньята Венти. Тебе придётся ответить самой на наш вопрос. Но не нам. Прежде всего себе, ну а потом, если ты сочтёшь нужным поделиться с нами… Но сейчас пора оставить это место. Война разгорается, доньята Алиедора, война Навсиная с Некрополисом, и тебе придётся выбирать своё в ней место.

Место в войне. В очередной войне…

Которую начала ты, доньята Венти, убившая всю свою семью, и почти всех – собственноручно.

– Если это не противоречит твоим желаниям, благородная доньята, – негромко проговорил один из Мастеров, – ты можешь отправиться в Некрополис с одним из нас, Мастером Латариусом.

Худощавый человек коротко кивнул Алиедоре, блеснули тёмные глаза.

– Мы видим некий путь перед тобой, но вступить на него ты можешь лишь сама.

– Сама?

– Да, сама. У нас нет недостатка в… иных, пригодных для схожей цели. Но, чтобы стать лучшей из лучших, ты должна сама этого хотеть.

– Хотеть чего?!

– Ты увидишь, – загадочно проговорил Мастер Латариус.

– А… война?

– Война пойдёт своим чередом. – Он пожал плечами. – Высокий Аркан понимает, что проиграл первый раунд. Решатся ли они на всеобщую войну, что охватит мир, или уберутся за Реарский хребет – вот из чего им приходится выбирать. Но здесь, в Меодоре и Долье, они проиграли. Прислали недостаточно големов. Слишком уверовали в свою магию. Ну и… получили.

– Но зачем Некрополис ввязался в эту свару? – не удержалась Алиедора.

Мастера обменялись одобрительными взглядами.

– Девочка молодец.

– Далеко пойдёт.

– Если захочет, конечно.

– Погодите. Пусть увидит всё сама.

– Латариус, не медли. Справимся без тебя.

– Тем более что тебе достанется самое интересное.

Самое интересное? Ещё совсем недавно она поняла бы это очень просто и однозначно. Но «интересное» в устах Мастеров Смерти означало иное, совсем иное.

– Но что будет с Долье? С Меодором?

– Нам не нужно расширившееся впятеро Долье, – глядя ей прямо в глаза, отозвался Латариус. – Нам не нужен разгромленный Меодор, нам не нужны варвары у наших границ, равно как и экспедиционный корпус Высокого Аркана. Всё должно оставаться как было. То рыцари Долье будут переходить Сиххот, ища славы, то мы. Всё как всегда. У Мастеров иные цели и задачи.

– Ты узнаешь о них. В своё время, – закончил один из соратников Латариуса.

– Ешь, если голодна. Пей, если мучает жажда. Через час мы отправляемся.

– Но мой Меодор…

– Будет свободным. Пусть даже освободят его руки тех, кому никакая свобода уже не нужна, – усмехнулся Латариус.

* * *

Поскрипывает под копытами *гайто* свежевыпавший снежок. Остался позади новонаведённый мост через Долье, лежат вокруг давно знакомые места – Фьёф, окрестности озера Эве. Вокруг – пустыня. Через такую же пустоту пробиралась Алиедора, настойчиво стремясь к доарнской границе.

Однако дорога тщательно расчищена.

– Дороги содержатся в порядке специальными командами. – Мастер Латариус предугадал вопрос доньяты. – Нам не нужны завоевания. Войска Некрополиса выполнили свою задачу и вернутся за Сиххот. В конце концов, строить новые укрепления по берегу Долье – весьма накладно.

– Мастера… уйдут из Долье?

– Уйдут, – кивнул Мастер. – В своё время. Меодорская династия должна вернуться на трон, его величество Семмер – понять, что ему лучше всего сидеть тихо, а не мечтать о великой империи, объединяющей все Свободные королевства. Равновесие, доньята Алиедора, равновесие. Поспешай медленно, как говорят в Некрополисе. Мы учимся обращать вспять саму Смерть, стоит ли торопиться в мирских делах?

Они ехали вдвоём, два гайто бок о бок, по пустой дороге. Алиедора старалась смотреть вперёд и не думать о прошлом. Там был… несчастный случай. Тогда, в Венти. Несчастный случай, и ничего больше. Она не виновата. Конечно же, не виновата. У неё ведь не оставалось выхода. Вот и Мастер Латариус говорит…

Как всегда, спутник Алиедоры почувствовал, о чём она думает.

– Ты не виновата. – Он едва коснулся обтянутыми серой

шерстяной перчаткой пальцами плеча доньяты. – Силы вне пределов – пока что вне пределов, разумеется, – твоего понимания овладели тобой, заставив делать невозможные, невероятные, с твоей точки зрения, вещи. Но, оставаясь с нами, ты осознаешь, что твоя вина – это лишь иллюзия. Иллюзия вины, которой мир привязывает нас к себе.

– Иллюзия вины? – растерялась Алиедора.

– Конечно, иллюзия, – охотно подтвердил Латариус. – Смерть – великий обман. Это просто естественный процесс, переход в иное качество. Мы исследуем его, подвергаем научному анализу. Но ты ведь, признайся честно, не знаешь, что такое «научный анализ»?

– Нет, – созналась Алиедора.

– Не страшно, – ободряюще улыбнулся Мастер. – Не страшно что-то не знать, страшно не признаваться в этом. Я тоже очень, очень многого не знаю. Но учусь. Каждый день. Ты тоже научишься.

– Чему?

– Чему ты сама сочтёшь нужным научиться.

– Сама? Я сама?

– Мы покажем, что Некрополис может тебе предложить.

– Но… почему?

– Если кто-то скажет тебе, что ты *теперь* самая обычная девушка, человеческое дитя, не верь. Силы могли покинуть тебя, надмировые сущности могли отвернуться, но это значит, что они *видели* в тебе нечто, некое сродство, некую… инаковость. Наша задача – помочь тебе овладеть собой. Познать себя.

– За просто так? – не поверила Алиедора.

– Очень правильный вопрос, благородная доньята. Мы надеемся, что сможем объяснить тебе правильность нашего пути. Мы верим, что ты встанешь рядом с нами и сама изберёшь способ, как принести пользу Некрополису.

– Мастер, могу ли я спросить?..

– Разумеется, доньята. Один из постулатов того дела, которому я служу, гласит, что правдой можно добиться куда большего, нежели ложью. Ведь что может быть правдивей смерти и лживей жизни?

– Лживей жизни? – опять не поняла девушка.

– Сколько масок требует надеть жизнь? Быть кем угодно, только не самою собой? И только смерть ничем не прикрывается и никем себя не выставляет. Она просто приходит и говорит: «Пора».

Алиедора поёжилась.

– Первое, чему мы учим, – заметил зоркий Мастер, – это не

бояться. Страх – союзник гибели. Гибели, но не Смерти. И со страхом ты научишься бороться, это я тебе обещаю.

Двое всадников в дороге. И пустая, словно призрачная, страна вокруг. Алиедора не спрашивала, что случилось с теми жителями Долье, кто не успел сбежать, со стариками, с малыми детьми.

Они не останавливались в домах, ночевали всегда и только под открытым небом. Латариус самолично ставил небольшой, но плотный шатёр, разжигал походную жаровню, кидал в неё какие-то странные, явно алхимического происхождения кусочки вместо топлива. Жаровня раскалялась мигом, старый Мастер сбрасывал плащ, устраивался, протягивая руки к пышущим железным бокам.

– Ешь. – И на низком походном столике оказывались мёрзлый хлеб, солонина, сушёные фрукты, простая, если не сказать грубая еда.

– Пей, – Мастер Латариус никогда не употреблял чистой воды. Только какие-то напитки из плотно закупоренных деревянных фляг. И – удивительное дело! – пары глотков хватало, чтобы не чувствовать жажды полдня, а то и больше. Почему так, почему нельзя хотя бы растопить снега, которого вокруг – завалы великие и поля необозримые, Алиедора благоразумно не спрашивала. Она вообще старалась поменьше задавать вопросов. Она смотрела и слушала.

Латариус же, в свою очередь, словно и не замечал молчаливости доньяты. Сам он говорил за двоих, много, охотно и обо всём. О погоде, зиме и Высоком Аркане. Долье, Меодоре и Доарне. Со стороны казалось – немолодой, повидавший жизнь дядюшка везёт любимую племянницу в столичный град.

… – Война, конечно, дело ужасное, особенно когда смерть не познана, не изучена и люди пребывают в гибельном страхе перед нею. Поэтому Некрополис так долго проявлял сдержанность, не отвечая на явные наскоки Высокого Аркана. У нас правило – бить, так бить, один раз, а не мучить без нужды. Теперь Долье ещё долго не сможет ни на кого нападать. А мы? Мы уйдём за Сиххот. Во имя восстановления равновесия.

…Война, как я уже сказал, ужасна и подлежит осуждению. Нельзя заставлять воинов идти на смерть, когда они не понимают, что ждёт их после. Пока мудрость и магия не открыли нам секреты небытия – как можно вести людей в сражения? Ты скажешь, что они охотно идут сами, что они не понимают… и будешь права, но в Некрополисе думают по-иному. Мы не понуждаем наших подданных идти на войну. Для этого у нас есть… мертвяки, как их называют за Сиххотом. Идеальные воины. Не знают ни страха, ни сомнений, выполняют приказы без

колебаний, ни во что не ставят собственное существование. Высокий Аркан, кстати, придерживается подобной же точки зрения. Там вместо армии, как высокородная доньята уже имела сомнительное удовольствие убедиться, мёртвые големы. Машины, приводимые в действие Камнями Магии. Адепты Аркана не доверяют простонародью. Тебе известно, что носить оружие там могут лишь благородные?

Алиедора кивнула. Что-то подобное, в совсем иной жизни, ей кто-то говорил… кто именно – она забыла. Честно забыла, не только имя, но и лицо.

– Так что пусть уж лучше големы сражаются против наших зомби, чем пахари режут друг дружку, – с немалым удовлетворением закончил свою тираду Латариус. Закончил – и выразительно поглядел на Алиедору.

А та сидела, наслаждаясь теплом от походной жаровни, и думала совсем о другом.

О силах, что ведут её по заранее начерченной тропе. О том, что все, ну буквально *все,* с кем она сталкивалась, *знали,* кто она такая. За исключением доарнцев, ну так и у них сыскался трёхглазый Метхли, быстро сделавший нужные выводы.

Ты действительно особенная, доньята. Есть с тобой силы или нет. Но чего-то ты будешь стоить, только если обретёшь своё собственное, чего не отнять никаким драконам.

Своё. Собственное.

Слова медленно проворачивались во рту, Алиедора смаковала их и понимала, что всё ею сделанное раньше было зря. Она бежала – а надо было нападать. Она говорила себе всякие правильные вещи – и сама же поступала наоборот. Дралась, только если её загоняли в угол.

Нельзя защищаться. Надо нападать. Ты поняла один закон, Алиедора, но не до конца. И оттого оказалась там, где оказалась.

– Мастер Латариус…

– Да? – с готовностью откликнулся старик.

– Та… женщина, что привела меня… она ведь… особенная, так?

– Умница! – всплеснул руками Мастер. – Зришь в корень. Ты видела, моя дорогая, вершину того, на что способна магия Некрополиса. Ты видела Гончую.

– Гончую? – вздрогнула Алиедора. О них что в Долье, что в Меодоре ходили самые страшные россказни.

– А-а, ты о них слышала, – с удовлетворением заметил Латариус. – Слышала, конечно же, всякий вздор. Оно и понятно, мы сами его распространяем. Слухами земля полнится, а страх разит ничуть не хуже мечей.

– Говорили… это чудовища… пожирающие детей…

– Вздор, моя милая, полный и совершеннейший вздор. – Мастер замахал руками. – Конечно, Гончие… м-м-м… своеобычны. Их с другими так просто не сравнишь. Но пожирать детей? Для чего? Если даже и принять каннибализм как один из способов питания, нельзя не видеть, что…

– Мастер?

– Прости великодушно, благородная доньята. Забываюсь и начинаю вещать, словно среди соратников. Видишь ли, мы в Некрополисе стремимся к упорядоченности всего, что мы делаем. Чтобы любое наше… творение, – кажется, Латариус хотел сперва произнести совсем иное слово, – исполняло бы на него возложенное наилучшим образом. А для того, чтобы Гончие делали своё дело по-настоящему, им потребно совсем иное. А вовсе не пожирание младенцев.

– Они и в самом деле могут летать?

– Летать? Ох, насмешила, благородная доньята. Нет, любезная моя Алиедора, на сие не способен никто из живущих. Говорят, величайшие маги могли проделывать такое во времена владычества Семи Зверей… но про те времена чего только не болтают. Конечно, Гончие куда совершеннее простых людей. Если захочешь, убедишься в этом сама.

– Как это делается? Им… дают силу?

Латариус ответил не сразу, несколько мгновений с необычной пристальностью смотрел на Алиедору, словно прикидывая, как лучше сказать.

– В том-то и дело, что нет, – медленно проговорил он, точно взвешивая каждое слово. – Заёмного легко лишиться. Силы у Гончих не отобрать. Никак. Они с ней до самого конца. Во всяком случае, в анналах Некрополиса ничего подобного никогда не отмечалось. Гончая – оружие само в себе. Войско, в котором только один ратник. Она сражается самыми разными способами. Цель должна быть достигнута, всё остальное неважно. Может биться мечом и кинжалом, стрелой и ядом, огнём и голыми руками. Одинокая Гончая справится с отрядом в два, а то и три десятка хорошо вооружённых латников. О, гляди-ка, как глаза-то у тебя загорелись, благородная доньята! Спрашивай, спрашивай ещё. Всё расскажу. – И Латариус подмигнул Алиедоре.

– Но… это ж, наверное… надо учиться годы и годы, с самого детства…

– Начиталась сказок, – фыркнул Мастер. – Годы и годы изнурительного труда – для простаков, кто не умеет обходить Безымянными воздвигнутые стены… А? Что? Безымянные? Ну да, ну да, тебя ведь воспитывали в строгой вере. Ом Прокреатор, всё

такое – но про Безымянных расскажу после, это предания сидхов. А Гончие – это шедевр. Это монумент человеческому могуществу, гимн его знанию, его способности побеждать косную природу, – Латариус заметно разгорячился. – Мы берём тело, обычное тело обычного человека и обучаем его тому, что оно якобы никогда не сможет сделать. Мы соединяем слабую плоть и последние достижения алхимии, магии вещества с магией крови! Мы творим новое, не только мёртвое, как наши зомби, но живое, доньята Алиедора, *живое*!

– Мне кажется… – доньята коснулась пальцами лба, – я припоминаю… в бою, когда големы штурмовали замок… я… увидела… странное. И… убила. Своею ушедшей силой.

– Гхм, – вроде как смешался Латариус, улыбка погасла. Губы стянулись в скорбно-тонкую чёрточку. – Да. Не хотел говорить об этом, да ты сама упомянула. Было дело, доньята Алиедора. Ты и впрямь убила её – одну из Гончих, мою ученицу. Мы послали её спасти и вытащить тебя, но ты… была не в себе. Разила всё и вся вокруг.

– Но если я её убила…

– Конечно, Гончие не всесильны, не неуязвимы и не непобедимы. – Теперь в голосе Латариуса отчётливо читалось раздражение. – Иначе давно не существовало бы никакого Аркана и на всём континенте царил бы Некрополис…

– А как же равновесие?

– Равновесие? Ах да, равновесие… видишь ли, доньята, равновесия можно добиться двумя путями. Либо положить на чаши весов два одинаковых камня, либо… либо снять с них оба. Но, увы, увы, – поспешно закончил он, – не всё в этом мире зависит от нас… А Гончих ты увидишь. Рассмотришь во всех подробностях, это я тебе обещаю, – Мастер явно спешил свернуть разговор.

И вновь – снег, дорога, пустота, одиночество. Алиедора не спрашивала, что творится на свете, что с её Меодором, что с опустевшим Долье – теперь это уже неважно. Впервые за много месяцев она была свободна. Да, да, совершенно свободна. Мастер Латариус не связывал её по рукам и ногам, она могла идти – или ехать – куда угодно. Эх, эх, так и пропал её верный гайто, сведённый из стойла в Деркооре…

Мостов через Сиххот на всём его течении – от Реарских гор до моря Тысячи Бухт – не было. Ни постоянных, ни наплавных – никаких. В возведённых на северном, «людском», берегу стенах не имелось даже ворот.

Только там, достигнув разделяющую «землю мёртвых и землю живых» реку, Алиедора вновь увидела зомби. Они

медленно, аккуратно возились с камнем, разбирая часть стены; внизу, под наскоро возведённым пандусом, через русло перекинулся составленный из множества лодок мост. Утоптанная дорога вела вверх по скатам южного берега и быстро исчезала за холмами – уже во владениях Некрополиса.

Алиедора невольно натянула поводья, и послушный скакун замер. Хороший гайто, неприхотливый и покорный, но нет в нём, конечно, и малой части того огня, что отличал спасшего её жеребца.

Покорный. Наверное, это самое главное слово. В Некрополисе ведь всё – такое, как этот гайто. Или так кажется?

Стук камней. Удары стальных кирок. Глухой скрип колёс – на тачках и тележках мёртвые работники возят битый щебень вниз, к замёрзшему наконец Сиххоту.

Дощатый настил под копытами. Приближается южный берег, владения страшных Мастеров Смерти, которыми и в Долье, и в Меодоре, и даже в Доарне пугали детей…

Но там точно так же светит солнце и дует ветер. Так же идёт снег и сеют дожди. И Гниль небось свирепствует там точно так же. И воздухом в пределах Некрополиса можно дышать, и воду можно пи… стой, а почему Мастер Латариус и сам ни глотка не выпил, и ей не давал?

– Почему? – прищурился тот. – Это просто. Вода – стихия хаоса, она противостоит монументу порядка: едва ли есть что-то более упорядоченное, нежели смерть. Вода разрушает то изначально незыблемое, что есть в каждом из нас, приближая наш телесный конец.

– Приближая конец? – ошарашенная Алиедора не знала, что сказать. – Но без воды… мы умираем, Мастер? Разве не так? Кровь…

– Есть жидкости, – перебил Алиедору Латариус, – созданные алхимией, где нет ни грана воды.

– Но как же мы можем их пить?!

– Можем, моя милая, очень даже можем. И, сражаясь с хаосом в себе, отдаляем момент собственного перехода.

– Не понимаю, Мастер.

– Это придёт, – снисходительно бросил Латариус. – А пока что – приветствую тебя в Некрополисе, высокородная доньята Алиедора!

Она и не заметила, как их гайто перешли мост.

Заснеженные склоны, кое-где ветер сорвал белые покрывала, бесстыдно обнажив чёрную неживую землю. Камни, много камней. Наверх ведёт торная дорога, санная колея. А что там дальше, за холмами?

Алиедора поёжилась. Мастера в избытке снабдили её тёплой одеждой, чистой, новой, явно ненадёванной, но сейчас её пробрало до костей. Туда, за приречную гряду, уже много лет не заглядывали даже рыцари Долье. Что там? Царство смерти и ужаса? Груды костей у обочин дорог, голодные звери, сбивающиеся в стаи, роющиеся в брошенных останках и рычащие на пока ещё живых?

Некрополис был Злом. Всегдашним, всеобщим и совершенным. Прежде всего тем, что оставался непонятен. Непонятно, что там творили-мудрили его Мастера и, главное, как. Навсинай же оставался прост, привычен – да, маги и архимаги, да, правящий всем тайный совет мудрейших, объединившихся под именем Высокого Аркана, да, подчиняют стихии, разрабатывают новые заклинания, добывают из глубоких шахт Камни Магии, воюют со свирепствующей в их владениях Гнилью…

А есть ли Гниль в пределах Некрополиса, никто даже и не знал.

Оттуда не приходили купеческие караваны, и высокомерные послы в меховых мантиях не шествовали в сопровождении пышных свит, заносчиво вскинув подбородки. Некрополис отгородился от всего остального мира – во всяком случае, так учили доньяту Алиедору.

И потому, поднявшись на заснеженную гряду, Алиедора невольно остановилась. Сиххот тёк в неширокой долине, и за грядой местность вновь понижалась, так что было видно далеко окрест, несмотря на лёгкий снежок.

Равнина, плавно, медленно стекающая к далёкому серому горизонту. Среди снегов расчищенная дорога, и это, наверное, единственное, что говорит об обитаемости приречных земель. Никаких укреплений, если не считать таковыми одинокие башни, торчавшие вверх, словно обнажившиеся кости погребённых под землёй ископаемых рыб. Среди снежного простора чернели купы деревьев, разбросанные по белой равнине, словно рой насекомых, облепивших саван умершего. Жилья поблизости не видно.

– Всё там, – Латариус не без гордости ткнул пальцем себе под ноги. – Всё скрыто. Там и ходы, и склады, и всё остальное.

– Здесь никто не живёт? – вырвалось у Алиедоры.

– Никто. Зачем? Земли неважные, не сравнить с дольинскими. Гораздо выгоднее держать пахарей южнее, где и погода лучше, и лето дольше, и дождей хватает.

– А зачем те башни?

– О, башни! – усмехнулся Латариус. – Памятники архитектуры… ты ведь знаешь, что такое архитектура, верно,

доньята? Стоят тут со стародавних времён, когда окрестности были густо населены, а мы ещё не закончили упорядочивание жизни подданных Некрополиса. Служили двум целям – наблюдениям за Долье, да, да, ты не ошиблась, в ту пору *они* ходили на наши земли куда чаще, чем мы переправлялись на ту сторону Сиххота. Ну и ещё башни застали самое начало Гнили. Случалось, в них спасались десятки людей. Потом мы приняли меры, земли очистились. А башни остались – никогда не спеши рушить что-нибудь, только если у тебя нет ну совершенно никакого выхода.

– А почему земля-то плохая? За рекой, совсем близко, она ведь хорошая!

– Верно, досточтимая доньята, – кивнул Мастер. – Когда-то, ещё до того, как воздвиглись тут эти башни, молодые в ту пору магические ордена решили навсегда покончить с «царством тьмы и смерти», как они называли нас. Сиххот перешла могучая армия – могучая не числом, но умением, ибо там шли, наверное, лучшие чародеи западных земель. Державы Навсинай тогда не существовало, на её месте располагались мелкие королевства и ещё более мелкие баронства вкупе с обширнейшими чёрными лесами – а то, не сомневаюсь, они бы тоже поучаствовали… – Латариус утёр проступивший пот. Алиедоре показалось, что Мастер Смерти рассказывает сейчас о чём-то им самим пережитом, отнюдь не о додревней истории. – Мы встретили их здесь. Некрополис тогда не имел подобной мощи, наши зомби ещё не достигли того совершенства, что позволяет им побеждать сегодня, и началась магическая война, самого дурного пошиба, знаешь, когда стороны обрушивают друг на друга огненные лавины, заваливают противника ледяными глыбами, заставляют расступаться земные пласты и швыряются здоровенными валунами. Элементальное чародейство в чистом виде, фу-у, – Латариус напоказ сморщил нос. – Итог известен. Плодородные почвы спеклись до состояния камня, погибла тьма-тьмущая мелких тварей, помогающих их жизни; наверное, целый век на этих землях вообще ничего не росло. Потом, после долгих трудов, мы добились того, что здесь вновь можно было сеять хлеб с простыми овощами, но урожая едва хватало на пропитание самим же пахарям. Они влачили жалкое существование, толку с них Некрополису не было никакого, и совет Мастеров принял решение оставить эти места. Да и Гниль… её тоже не стало. Что немаловажно, учитывая близость границы и то, что, гм, наши зомби Гниль тоже не очень любят.

– Но ведь рыцари Долье ходили сюда походами, и не так давно…

– Совершенно правильно, ходили, – подтвердил Латариус. – Не могли не ходить, потому что иначе чем же они рыцарственность свою подтверждать станут? Потом, правда, бросили, другие дела нашлись. А силы воинские-то мы всегда здесь держали, что верно, то верно. Вот с ними дольинцы и рубились. Храбрые они, того не отнимешь. Но, – хитро прищурился Мастер, – нам с того убыток прямой, что ходить перестали. Новые тела нам всегда надобны. Ряды зомби пополнять разумнее всего из тех, кто эти ряды и проредил. – Латариус коротко и негромко рассмеялся собственной «остроте». Алиедора не улыбнулась.

– Та война, – кашлянув, вернулся к прерванному повествованию Мастер, – закончилась, если честно, вничью. Решающих побед не одержали ни мы, ни маги. Армии просто взаимно истребили друг друга. Ордена прошли лиг тридцать от Сиххота, но в конце концов повернули назад. Высокоучёные чародеи, что жили и наслаждались жизнью куда дольше обычного пахаря или даже рыцаря, не хотели умирать. А после приграничного сражения они поняли, что лёгкой прогулки не будет. Некрополис лишился почти на треть больше того, что потеряли вторгшиеся, но мы готовы были погибать, а они – нет. У них были лучшие волшебники, более умелые, более изобретательные, лучше подготовленные, с изощрёнными заклинаниями, с могущественными Камнями Магии… и всё-таки мы устояли. Нападавшие убрались за Сиххот; а вдобавок ещё и перессорились. Мы сперва радовались, однако верх, к сожалению, взяли молодые и напористые маги, ушедшие на юго-запад и основавшие Державу Навсинай. Старики разбрелись кто куда, «постигать мистические тайны», и о большинстве мы потом вообще ничего слышали. Ну как, ответил я на твой вопрос, доньята?

– О да, – отозвалась Алиедора.

Сейчас она была благодарна и этой белой безжизненной равнине, и серому небу, и снегу, и даже черноте деревьев. Мир вокруг неё, направляющейся в Некрополис, по– блёк, утратил краски. Ей предстояло отыскать их заново, потому что прежняя Алиедора Венти, как теперь становилось понятно, окончательно погибла. Умерла в штурмуемом Венти, погибла в схватке с големами. Потому что нынешняя Алиедора, мельком вспоминая домашних, мать, сестёр с братьями, – ничего не чувствовала. Никакой вины.

«Так было предначертано. Они встали на пути избранной, и судьба моей рукой убрала их с дороги. Мне указано, что я должна отыскать свою собственную силу, которую не отнять ни при каких

обстоятельствах».

Гончие…

Она представила себя, неслышной тенью скользящей мимо таких же теней, лишь на миг выступая из них – чтобы нанести короткий разящий удар. Потому что осталось ещё немало тех, кому она задолжала. Немало, ой как немало…

И тут мысль доньяты останавливалась. На осознании того, что «немало». Но имён память услужливо не называла. Словно Алиедоре достаточно было знать, что есть, просто есть ещё кому отомстить.

Снежная дорога вела дальше, мимо острых башен и чёрных нагих рощиц. Трактом пользовались, хотя сейчас он был пустынен. Действовавшая в Долье и Меодоре армия мёртвых не нуждалась в транспортах с провиантом и тёп– лой одеждой.

Однако возле дороги Алиедоре попадались следы стоянок – словно тут побывали большие караваны, по несколько сотен людей. Снег вытоптан далеко окрест, валяются какие-то жердины, обрывки ткани, чернеют ещё не занесённые кострища; ну и, конечно, человеческие фекалии.

Кто здесь побывал? Куда направлялся?

Она спросила.

– Ты наблюдательна. – Латариус вновь говорил медленно, тщательно взвешивая слова. – Здесь прошли караваны пленных. Они же несут в Некрополис подобранные на поле боя свежие трупы, пригодные для зомбирования. Нам надо пополнять армию, доньята Алиедора. Войны без потерь не бывает, а наши зомби, увы, не неуязвимы, и в большинстве случаев их не «починить». Поэтому да, мы берём пленных. Но только тех, кто сражался против нас с оружием в руках. Мирных селян мы не трогаем.

Алиедора промолчала – хотя Латариус пристально и неотрывно смотрел ей прямо в глаза.

Какое ей дело до каких-то неудачников, проигравших свой бой, а вдобавок ещё и угодивших в плен? Она тоже побывала в плену, однако вырвалась и отправила на свидание с Белым Драконом немало своих мучителей. Жаль, трёх– глазый гад Метхли ускользнул… но с ним она ещё встретится. Доньята в это верила.

– Ты увидишь всю процедуру, – вдруг сказал Латариус. – И сможешь сама судить.

– Для чего?

– Что «для чего»? – неподдельно удивился Мастер.

– Мне не надо ничего судить, – глядя вперёд и не поворачивая головы, бросила Алиедора. – Судить и взвешивать –

пусть тот, кому нравится, этим и развлекается. Мне нужно то, что нужно мне.

– Достойно. – Латариус взялся за подбородок. – Из тебя, доньята Алиедора, может выйти отличная, непревзой– дённая, я бы даже сказал – величайшая Гончая. Предводительница Гончих.

– Вы льстите мне, Мастер.

– Льщу? О нет. Некрополис правдив, как правдива сама Смерть, – никого не жалея, она тем не менее никому и не отказала в помощи. В тебе есть то, что сделает тебя… той, кем ты захочешь. Вернее, уже хочешь. Верно?

Алиедора промолчала.

* * *

Тьма отступила, и сразу же множеством ледяных зубов в Дигвила Деррано вцепился холод. Тяжко звякнули цепи.

Наследник дома Деррано не задавался вопросами «где я?» и «что со мной?». Он отчётливо помнил ту возникшую из ниоткуда тень и внезапный удар, лишивший его сознания. Помнил холодные липкие руки, поднявшие его, механически, без злобы, разжавшие ему зубы и влившие в рот что-то обжигающе-перцовое. Дон Дигвил отличался стойкостью к хмельному, но на сей раз его пробрало.

Смутно ощущалось, что он куда-то идёт, едва передвигая ногами, в длинной шеренге таких же, как он, скованных одной судьбой. Свет сменялся темнотою, однако неизменным оставалось одно – снег и ветер в лицо, холод да бесконечное упорное движение, словно сам Дигвил пробивался сквозь заросший тиной пруд.

Мыслей не осталось. Только ходьба. Движение костей и мышц, с тяжким усилием проталкивающее усталое тело через сгустившийся, сделавшийся до невозможности плотным воздух. Идёт не человек – идёт лишь плоть, по случайности ещё не расставшаяся с душой.

Сейчас вокруг Дигвила были снег и равнина со странными острыми башнями, понатыканными, казалось, безо всякой системы и порядка. Вокруг – прямо на снегу – сидели и лежали люди. Сознание прояснялось – он узнавал собственных товарищей по защищавшему северный берег Долье отряду, по безумному походу «для поимки Мастера Смерти»… Ага, поймали. Да только не они, а их.

Руки Дигвила были свободны, а вот ноги – скованы кандалами на длинной цепи. Можно идти, но не бежать. Доспехи

и оружие исчезли, однако добротную одежду молодому дону оставили, равно как и фамильный перстень с гербом сенорства и его инициалами. Пленников явно берегли.

А потом появились мертвяки. Застывшие лица, серая, блестящая, словно обильно смазанная жиром кожа. Угловатые, на первый взгляд неловкие движения – но в бою, знал Дигвил, эта неловкость отнюдь не делает зомби лёгкой добычей. Воины Некрополиса раздавали еду – куски грубого хлеба. Дигвила передёрнуло от отвращения, он оттолкнул протянутый ломоть, тот упал на снег. Мертвяк равнодушно шагнул далее, к следующему пленнику. Чувства явно не входили в список оставленного ему Мастерами.

Сосед Дигвила только оскалился и мигом подхватил упавшую краюху.

– Ты, молодой дон, не задирайся тут, а жри, как все. Иначе ноги не дотащишь, – злорадно бросил ратник.

Дигвил ответил ударом, как умел ударить человек благородного происхождения, сызмальства обучавшийся самому разному бою. Старый сенор Деррано никогда не наказывал дворовых мальчишек, если те дрались с его отпрысками, даже если Дигвилу или Байгли изрядно доставалось. И потом, учителя всегда начинали и заканчивали с «последнего оружия, которого не лишить мужчину» – кулака.

Ратник опрокинулся, поперхнувшись кровью и выбитыми зубами.

Дигвил ударил, не думая о том, чем это обернётся, ударил просто потому, что простолюдину, оскорбившему благородного, этого нельзя спускать.

На него навалились его же собственные воины, те, с кем он стоял насмерть у Долье, тут враз обернувшиеся злейшими врагами.

Но прежде, чем заработали кулаки, вмешались бдительные надсмотрщики.

Сильные холодные руки хватали дерущихся за плечи, равнодушно оттаскивая в стороны. Самых ретивых угостили по головам дубинками, обмотанными тканью.

Перед тяжело дышащим Дигвилом появился наголо обритый человек в скромном сером плаще, капюшон откинут, несмотря на холод. Угадать возраст по гладкому лицу невозможно, и странно выглядят на молодой и здоровой коже глубоко рассёкшие её морщины.

– Беспорядки запрещены, – ровным, без гнева голосом сообщил новоприбывший. – И даже благородный дон Деррано не станет нарушать уложений.

Тяжело дыша, Дигвил во все глаза уставился на пленителя. Мастер смотрел на него, не опуская взгляда, твёрдо, без тени злорадства или насмешки.

– Благородный дон Деррано не станет нарушать уложений, – повторил адепт Некрополиса.

Надо что-то сделать. Сразу показать, что ничуть не боишься серой мрази, наводнившей твою родную землю мертвяками.

Дигвил откинул голову назад и плюнул.

Мастер усмехнулся. Плевок застыл в воздухе перед вскинутой ладонью, – когда лысый успел поднять руку, Дигвил даже не разглядел, – и льдинкой упал на снег.

– Чувства благородного дона Деррано вполне понятны, – с прежним спокойствием произнёс адепт. – Однако никакие чувства не послужат оправданием для учинения беспорядков. Счастливо оставаться, благородный дон. И не страшитесь, слуги Некрополиса вас в обиду не дадут. Здесь не сводят счёты.

Здесь не сводят счёты и здесь не дадут в обиду. А что случится потом, когда караван доберётся… туда, куда должен добраться?

Адепт Некрополиса ещё немного помолчал – для внушительности, что ли? – повернулся, заложил руки за спину и неспешно зашагал прочь.

Дигвил закусил губу.

Плен. Плен в Некрополисе. Самое страшное, что может произойти, гораздо хуже смерти. Все в Долье знали, что случается с угодившими в лапы Мастеров Смерти: через жуткие муки сделаться мертвяком, зомби, послушным и безвольным исполнителем приказов. И, быть может, встать потом в ряды воинства Некрополиса, с мечом у руке лезть на те же самые стены, что недавно защищал.

Наследник сенорства Деррано огляделся, ловя взгляды товарищей по несчастью. Все отвернулись. Все до одного. Верный Штарнок сгинул, а остальные… остальные, похоже, винят во всём случившемся его, дона Деррано.

Но – пока живу, надеюсь. Они ещё не дошли до Некрополиса. Они всё ещё люди, никак не зомби. Пусть скованы ноги, но руки свободны. Так неужто они…

– Пробовали бежать, пробовали, благородный дон, – со злостью проговорил кто-то из ратников. – Недалеко убежали. Здесь мертвяками вся земля нашпигована, ровно флак печёный – сальными шариками.

– Что с ними сделали? Казнили?

– Казнить? Зачем казнить, этими глупостями токмо мы, живые, занимаемся. Матерьял портить не положено. Мы им

нужны целенькими, с руками-ногами. Говорят, – голос ратника задрожал, – что из таких, как мы, из живых, лучшие мертвяки получаются. Кого, значится, не после смерти оживили, а из живого в зомбяка превратили.

Он хотел сказать что-то ещё, но тут где-то в стороне заиграл рог, и равнодушные надсмотрщики пошли выстраивать живое стадо в колонну.

Путь к Некрополису продолжался.

* * *

Дилижанс оказался превосходным. Мягкие диваны, просторно – есть куда ноги вытянуть, откидные столики, жаркая походная печь. Служанка-мертвячка с математической точностью застелила скатерти, расставила приборы. И исчезла, вернувшись на запятки экипажа. Кучер – живой человек – щёлкнул кнутом. Тягуны влегли в постромки.

– Прошу. – Латариус широко повёл рукою. – Наконец-то дома. Могу угостить тебя, как ты, благородная доньята, наверное, и привыкла. Не смотри, что на ходу, у нас такие дороги и такие экипажи, что ничего не шелохнется и не вздрогнет.

Насчёт последнего Мастер, конечно, преувеличивал. Но трясло и впрямь несильно, и не столь давно вошедшие в моду вилки лишь чуть позвякивали о посуду.

Только тут Алиедора поняла, что вновь хочет есть – обычной человеческой еды. Тело брало своё, безумие прежней «избранности» уходило.

Почтовая станция, где их с Мастером ждал длинный, запряжённый аж шестёркой тягунов дилижанс, стояла далеко от границы, в глубине подвластных Некрополису земель.

Тут тоже лежал снег, тоже чернели нагие деревья, но, в отличие от пустого пограничья, посаженные ровными рядами. Словно выправленные по линии, стояли заборы, разделяя идеально правильные прямоугольники огородов, на равном удалении друг от друга были вырыты колодцы. Здесь Алиедора увидела первых подданных Некрополиса и уставилась на них во все глаза.

– А чего же ты ожидала? Что отсюда до восточных морей нет ни одной живой души, кроме нас, Мастеров, а все остальные – зомби?

Именно подобное Алиедоре и рассказывали в детстве, но признаваться в этом доньята, конечно, не стала.

Лёгкий снежок так и не переставал, неотступно сопровождая

путников с самой границы, облака, подобно преданным гайто, следовали за Алиедорой – родные облака, плававшие в небесах над Меодором и Долье, ронявшие то дождь, то снег на усталую, израненную человеческими плугами и боронами землю. Словно память, упорно тянущаяся с родины. Родины, что теперь не значит ничего.

По селению ходили люди. Самые обыкновенные, однако одетые явно лучше, чем серфы-пахари в Долье или арендаторы Меодора. Во дворе ближайшего дома мертвяк, явно слуга, мерными взмахами колол чурбаки на дрова.

– Мы стремимся, чтобы каждый земледелец, исправно платящий подати, имел не менее трёх прислужников-зомби. – Латариус заметил её взгляд. – Мёртвые должны работать и приносить пользу. Лениться у нас никому не позволено, телесная смерть – не оправдание безделью!

– Но ведь умирают все, – взглянула на него Алиедора. – У Некрополиса должны были бы скопиться бесчисленные армии!

– Гм, – слегка смутился Латариус. – Вновь похвалю твою наблюдательность и сообразительность, благородная доньята. Конечно, легко решить, что благодаря умению обращать мёртвое на службу обществу Некрополис располагает огромной ордою работников. Но, увы, далеко не все годятся в зомби. Старики, умершие своей смертью, скончавшиеся от тяжёлых болезней, маленькие дети – не годятся. Конечно, их, гм-гм, останкам тоже находится применение, но всё-таки для настоящего, правильного зомби нужно здоровое и нестарое тело. Остальные… быстро прекращают существование. Их тоже можно использовать, и мы используем, но… – Латариус развёл руками, – в этом мире нет ничего совершенного, кроме лишь того идеала, к коему мы стремимся. Искусство изготовления зомби – высоко и таинственно, оно плохо поддаётся упорядочиванию, нельзя написать трактат, по которому любой мальчишка-аколит проведёт всю процедуру. Слишком многое по-прежнему остаётся на долю… догадок и чутья, скажем так. Нас это не устраивает, как нетрудно догадаться. Мы – сила порядка, хотя нас слишком часто изображают, гм, совершенно в ином свете.

– А разве тогда Некрополис не должен непрерывно воевать? Чтобы пополнить запасы?

– Есть различные методы, и война – далеко не главный, – поморщился Мастер. Распространяться на эту тему ему явно не хотелось, и Алиедора не стала допытываться.

…Путешествовать в дилижансе оказалось легко и приятно. Дорога вела на восход, лишь немного уклоняясь к полудню. Чем дальше от моря, тем выше и глубже становились снега, словно

здесь, в Некрополисе, зима встала на вечный бивуак. Оставались позади несчётные лиги, менялись тягуны на почтовых станциях; Алиедоре бросилось в глаза, что по тракту шагало множество одиночек, неспешно тащились телеги, где на передке восседал лишь один возница.

– А как же разбойники, Мастер?

– Разбойники… – вздохнул Латариус. – О, как я люблю разбойников! Да вот беда – повывелись в последнее время. Видишь ли, благородная доньята, за преступления у нас в Некрополисе наказаний всего два. Или публичная порка на площади – за незначительные проступки; или зомбирование. Разбой, убийство, кражи – все без исключения караются зомбированием. Конечно, лихие головы будут всегда – «а я самый хитрый, меня не поймают», – но таких становится всё меньше. Что весьма прискорбно, ибо, – он ухмыльнулся, – ранее сие сословие давало неплохой прибыток отличных, в самом соку, зомби.

Откуда же всё-таки берутся новые зомби, как, если нет войны, пополняются ряды мертвяков, Латариус предпочёл не отвечать.

Оставались позади деревни и городки; порой встречались укрепления, но большей частью все поселения стояли совершенно открыто, без какой-либо защиты.

– Зачем? – отвечая, пожал плечами Мастер. – Донов да сеноров у нас отродясь не было. Вернее, были когда-то, давным-давно, пока не основали мы Некрополис. Кое-где их совсем уже старые замки ещё стоят – красивые, зачем их рушить? А новые крепости мы строим совсем не так. Набегами друг на друга у нас ходить некому, разбойники, что ещё остались, разве что одинокого путника в глухом месте выследят, а уж чтобы на деревню напасть – о таком у нас и думать забыли. Кто не хотел забывать, тому мы разъяснили, – и он проделал какой-то сложный жест, разом и как бы сворачивая шею, и перерезая горло. – Спокойствие в стране – для нас превыше всего. А кто «желает странного» – у нас для таких дело тоже находится. Они становятся, как нетрудно догадаться, Мастерами.

– Только Мастерами?

– Ты имеешь в виду, есть ли женщины-Мастера? Есть. А вот мужчин-Гончих нет. Как говорится, не дано. Вся наша магия и всё наше искусство не смогли создать ничего подобного, взяв за исходный материал мужчину. Так что и тут вы, – он подмигнул, – совершеннее нас.

– А всё-таки, как у вас живут? В Долье или Меодоре всё понятно – есть короли, есть сеноры, есть рыцари, общинники, серфы. А в Некрополисе? Кто правит?

– Гм… – Латариус провёл ладонью по гладкому черепу, вроде

собираясь с мыслями. – Правим мы. Мастера. Наш Совет. Он никем не выбираем, новых людей туда рекомендуют покидающие его. В деревнях есть младшие Мастера, назначенные Советом. Когда надо, они собирают сходы. Но обычно всё решают сами. Звучит ужасно, правда? По сравнению с народными собраниями Навсиная или единоличными правителями королевств вокруг моря Тысячи Бухт.

Алиедора не ответила. В принципе, какая ей разница, как это выглядит? У неё есть своё дело. Остальное её не волнует. Она *станет* сильной или сгинет, пытаясь стать такою.

Но в последнее она не верила. Не для того судьба провела её узкой и страшной дорожкой, чтобы потом вот так просто спихнуть с обрыва.

Так они и ехали – уютно, покойно, проводя время в беседах. Словно и не длилась жуткая зима, вырвавшая Алиедору из всего привычного и обратив во прах само «привычное». Словно не было осады замка, гибели всего рода Венти и её, Алиедоры, спасения теми, кого она почитала злейшими врагами всего живого.

Жизни самого Некрополиса она видела немного – чего особенного углядишь из окна дилижанса? На первый взгляд – страна как страна, разве что тут мёртвые по земле ходят, и это никого не смущает. Да ещё стоят в каждой деревне здоровенные и мрачные каменные сараи, а зачем они, для чего – Алиедора спрашивать не стала. Так далеко её любознательность не простиралась.

Ближе к столице, что расположилась у слияния двух рек, Ашвена и Дирха, дороги, как и положено, стали куда шире. Прибавилось путников – в одежде добротной, но какой-то слишком уж одинаковой.

– У нас – мануфактуры, – внушительно заметил Мастер. – Нам расфуфырство в народе не нужно. Постановлено, что быть тулупам зимним в один цвет, дабы с покраской не возиться, зряшней работы не делать.

– Что ж, даже платья яркого не надеть? – что-то слабо ворохнулось где-то на самом дне души, что-то напрочь, казалось бы, забытое, глупое, детское, пустячное…

– Отчего ж не надеть? – удивился Латариус. – У нас кто хорошо работает, тот хорошо и получает. Желает жене иль дочкам платье какое особенное – милости просим, к портному. Живому, само собой. Потому как есть у нас мануфактура, где зомби работают, шьют простую одежду, и простому же народу она за малую цену даётся, а если сверх всех повинностей отработано – так и вовсе бесплатно.

Вокруг столицы раскинулось широкое кольцо садов, полей и

небольших, в три-четыре двора, хуторков. Дорога шла по насыпи, из окна дилижанса было видно далеко окрест, и Алиедора глядела с удивившей её саму жадностью.

Сходящиеся реки покрывал лёд, через русла перекинуты длинные арочные мосты. Подобное Алиедора видела на картинах, что, лишь из собственных рук, показывал детям домашний учитель семейства Венти. Схожие акведуки строила древняя империя, некогда завоевавшая почти весь обитаемый свет – тот, где сейчас раскинулись и Некрополис, и Навсинай, и прочие королевства поменьше.

За реками – стены, но таких стен Алиедора, выросшая в рыцарском замке, никогда не видывала. Во все стороны торчали острые углы, укрепления топорщились, словно иглами. Наступающие вынуждены были бы забежать между далеко вытянувшимися вперёд каменными «мысами», поражаемые с боков и даже со спины. Верхние ряды камня нависали над подножием стен, делая тех, кто дерзнёт штурмовать твердыню, уязвимыми для летящих сверху валунов.

Ну, и надо ли говорить, что высота стен превосходила всякое воображение? Такого Алиедора не встречала даже в меодорской столице.

В воротах – узких, словно ножом пробитая щель, – не стояла стража. Свободно проходили люди и мертвяки, иногда сопровождая хозяев, иногда сами по себе, проезжали возы, но никто не собирал пошлину за вход.

Доньята привыкла, что города Меодора и Долье по окраинам мало чем отличались от селений: те же одиночные домики, те же огороды и местами даже пасущийся скот. Лишь ближе к центру дома плотно сдвигались боками, сталкивались крышами, нависали над узенькими – двое всадников едва разъедутся – улочками. Нигде: ни в Меодоре, ни в Симэ – не строили выше чем в три этажа – здесь же возвышались громады и в пять, и в шесть, и даже в семь этажей, больше самой главной башни замка Венти. Чистые воды текли по многочисленным протокам, смело пропущенным под стенами; улицы были тщательно вымощены, выметены, нигде ни единой сточной канавы, которая отравляла бы зловонными миазмами воздух.

Нижние этажи, как и полагалось, были заняты торговыми лавками. Народ ходил неспешно, никто никуда не нёсся, не торопились курьеры и разносчики, и совсем не было видно уличных торговцев с лотками.

– У нас всё упорядочено, – не без гордости заметил Латариус, откровенно наблюдая за своей подопечной. – Каждый занимает своё место. Пирамида – самая устойчивая вещь на земле, это ещё

древние знали. Нужно, чтобы никто не рвался сменить своё место в ней сам по себе, порядок нарушая, а делал бы это согласно установлениям. Тогда в стране воцарятся мир, покой, процветание и последний земледелец действительно будет иметь не менее трёх слуг-зомби. Но для этого нам, Мастерам, предстоит ещё очень многое сделать…

Вопрос «что же именно?» напрашивался, однако Алиедора промолчала. Какое ей дело до того, сколько именно слуг будет у местных серфов? Хоть три, хоть тридцать три, хоть ни одного. Она здесь для совершенно иного.

Не дождавшись её вопроса, Латариус кашлянул, расправил плечи.

– Мы сейчас направляемся в Гильдию Мастеров. Это сердце Некрополиса, сердце нашей силы. Ты увидишь всё, что только сможешь узреть.

И вновь Алиедора не ответила. Молчание – признак силы. Умей молчать, если хочешь чего-то добиться, и тебе всё скажут сами.

Дилижанс миновал окраины, широкая улица пошла заметно в гору. Над городом постоянно висели облака, плотные и серые, неяркое зимнее солнце едва пробивалось сквозь плотную пелену.

«Странно, – подумала Алиедора, – когда проезжали ворота – светило вовсю. И когда только затянуть успело?»

Дилижанс остановился. Путники вышли, и доньята замерла с открытым ртом, несмотря на все усилия сохранить хладнокровие.

Перед ней вздымалась серо-чёрно-белая постройка, исполинская, словно сработанная руками гигантов. Чёрный и серый камень, рассечённый стремительными росчерками белого – словно молнии, пробившиеся сквозь грозовую хмарь. Глухие гладкие стены поднимались на высоту почти десяти ростов самой Алиедоры, а дальше начинались ряды узких стрельчатых окон, промежутки меж ними украшала сложная резьба, разглядеть детали отсюда, снизу, особенно не получалось.

– Нам сюда, – не без гордости уронил Мастер.

Ворота цитадели оказались совсем нешироки и невысоки. Телега проедет, да и того довольно. Алиедора ступила под гулкий холодный свод… и сердце заледенело, впервые за много дней проснулся глубинный подсердечный ужас.

Что она делает? Куда она идёт и зачем?

– Не сомневайся, – прошелестел Латариус. – Когда смотришь Смерти в глаза, главное – не сомневаться в том, что Она не сделает тебе ничего плохого. Что Её можно одолеть знанием и опытом. Иди смело, благородная доньята! Иди и послужи Той, кому ты и так уже служишь, как и мы все!

И Алиедора пошла. Длинным, почти бесконечным и узким, словно глотка змеи, коридором. По стенам вместо факелов оказались прибиты черепа со спиленным теменем, оттуда лился неяркий желтоватый свет. Это совершенно не вязалось с общим строгим, но спокойным обликом цитадели и сделано было явно напоказ. Алиедора вдруг вспомнила детские сказки нянюшки о лесных ведьмах, что имели привычку насаживать на колья заборов вываренные черепа угодивших к ним в лапы.

Нянюшка… что-то с ней случилось, что-то очень нехорошее…

Память услужливо захлопывала двери.

Что бы ни случилось, тебя это не касается, доньята. Всё решила Судьба, избравшая тебя своим орудием.

Алиедора обернулась – далеко-далеко едва заметно серело пятно входа. Или выхода. С какой стороны посмотреть.

– Идём, идём, – мягко подтолкнул её Латариус. – Мастера уже ждут тебя. А я до этого хотел тебе показать ещё кое-что…

Он провёл Алиедору длинным широким балконом, выходившим на внутренний «двор» цитадели. «Двор», потому что на самом деле это оказался исполинский карьер, громадная воронка в земле, шириной как бы не в десятую часть лиги. Цитадель уступами спускалась вниз, и самые нижние ярусы тонули в плотных волнах сизого тумана.

И там, на дне, пряталась сила.

Словно огонь, словно текучая вода, словно режущий ледяной ветер. Всё вместе – и всё порознь. Совершенно не похоже на могущество Гнили, что успела изведать Алиедора.

– Ты ощутила. – Латариус не спрашивал, он утверждал, негромко, без тени сомнения. – Ты входишь в Смерть, девочка, и здесь уже мы все равны.

У Алиедоры невольно застучали зубы. День был морозным, но по вискам обильно заструился пот.

– Смерти можно бояться. Так делают все и этим оправдывают своё бездействие. Мол, чего дёргаться, если потом все всё равно помрём? А можно её уважать и стараться понять. Если Боги или Силы – неважно кто – наделили нас разумом, то, очевидно, с одной-единственной достойной целью – победить Смерть, но не воюя с ней, а познав её и, если угодно, заключив с ней перемирие. Некрополис настойчиво ищет пути к достижению такового.

Большую часть напыщенной тирады Латариуса доньята пропустила мимо ушей.

– Ч-что т-там? Источник силы?

– Нет, – покачал головой Мастер. – Некрополис, конечно, применяет эссенции и эликсиры, использующие, скажем, тонкоразмолотые Камни Магии, однако наша мощь совсем в

другом. А то, что ты чувствуешь, – наш монумент Смерти. Дань уважения Ей и одновременно – окно в Её владения. Быть может, ты не знаешь, но эти выработки – древние каменоломни, где добывались Камни Магии. Давным-давно рабы Империи извлекли оттуда последний кристалл… потому что добывать тогда умели лишь совершенно варварски. Земля отдала свои богатства, однако надругательств так и не простила. Там песок и глина смешаны с мельчайшими крупицами Камней Магии, так и не доросших до настоящих кристаллов. Маги Навсиная не додумались, как использовать подобное. Чтобы Камень подчинился заклинателю, он обязан быть не меньше некоего размера. Ну, и чем крупнее, тем лучше, разумеется. А вот с этим… – Мастер махнул рукой, указывая вниз. – И мы не знали, что с ним можно поделать. Пока не почувствовали стоящую у самого порога Смерть и не решили, что рассеянная сила может стать лучшим памятником для Неё. Вижу, что не очень пока понимаешь?

– Не очень, – призналась доньята.

– Мы не заимствуем силу. Не просим её ни у кого. Мы всего добиваемся сами. Что бы о нас ни врали, мы не поклоняемся Смерти, мы не изуверы-убийцы, уничтожающие на своём пути всё живое. Мы изучаем Смерть, мы подчиняем Её себе. Вот настоящий, достойный уважения враг, считающийся совершенно непобедимым. И мы создали… место, где границы нашего мира раздвинуты. Где они вплотную подступают к Её владениям. Мы ещё не можем войти в них, так сказать, во плоти, но стремимся к этому. И то, что ты видишь там, внизу, – как раз и есть это самое место. Сюда приходят Мастера и Гончие, приходят, чтобы ощутить, насколько близок великий рубеж, проникнуться величием нашего противника и наших собственных усилий. Теперь понятно?

Алиедора кивнула. Да, понятней объяснить было трудно.

Монумент Смерти. Место, где сходятся границы. Место, где грань совсем близка, где небытие – или, может, просто *иное* бытие? – вот оно, рядом.

Клубящийся туман завораживал. Казалось, там, за невысокими перилами, – поистине не имеющая дна бездна.

– Нет, нет, дно там, конечно же, есть. – Латариус вновь словно услыхал её мысли. – Не забывай, доньята, это ведь самые обычные каменоломни… пусть даже и глубокие, и древние. Ну а теперь идём. Мастера ждут тебя.

* * *

Мастера встретили Алиедору в низком круглом зале, упрятанном глубоко под землю. Во всяком случае, окон не было, а стены между полукруглыми колоннами закрывали красно-чёрные шпалеры со странными, зловещими рунами. Воображение доньяты уже нарисовало узкие и высокие кресла, где восседают безликие фигуры с низко надвинутыми капюшонами; однако всё оказалось не так.

Мастера свободно бродили по залу, присаживаясь кто где хочет, на каменные скамьи вдоль стен, на красно-чёрные же, в тон шпалерам, пуфы, иные устраивались и вовсе на полу, покрытом коврами. Мужчины в одинаковых серых плащах – их на первый взгляд собралось не меньше полутора десятков – и три женщины в коротких чёрных куртках и совершенно вульгарных (на взгляд «старой» доньяты Алиедоры Венти) широких штанах, наподобие тех, что носило меодорское простонародье. Сама доньята тоже щеголяла в мужской одежде, но так то она, беглянка, – а тут это выглядело повседневным обычаем.

Нельзя сказать, что на неё мгновенно «уставились», что её «прожигали чужие пристальные взгляды». Нет, смотрели внимательно, но спокойно, не оскорбляя излишним интересом. И ещё одно – в зале не было «главного Мастера». Не было того, кто отдавал бы приказы, в чьём присутствии все обязаны были бы встать, как принято в Свободных королевствах вассалам вставать перед своим владыкой, неважно, насколько мал его домен.

Заговорил Латариус – похоже, «по праву явившегося»:

– Соратники. Вот девушка, о которой мы говорили. Я проделал с ней долгий путь и потому воздерживаюсь от суждений, ибо мог сделаться пристрастен. Испытайте её.

– Что мыслит сама приведённая? – немедля спросил один из Мастеров. На первый взгляд его трудно было бы отличить от Латариуса – такой же наголо обритый череп, такой же просторный плащ, скрывающий фигуру, того же типа худое, вытянутое, костистое лицо с глубоко посаженными глазами и густыми бровями. – Нет-нет, не отвечай за неё. Пусть даже она только что очутилась в Некрополисе. Чем ты хочешь стать, доньята Венти?

Холод в животе стремительно собирался в тугой комок. Слова пришлось силой проталкивать между губами.

– Я хочу стать сильной. Я видела смерть, и я видела Дракона. Со мной говорила Тьма. Но это всё подделки. Я пришла за настоящим.

Некоторое время собравшиеся молча переглядывались. Алиедора готова была поклясться, что для общения друг с другом им далеко не всегда нужны слова.

– Ты хочешь предать себя Некрополису, вручить нам твои душу и тело? – вкрадчиво проговорила женщина в кожаной куртке.

– Я никому и ничего не предаю! – Откуда взялись силы гордо вскинуть голову? – Я сама по себе. Могу оказаться полезной, готова быть полезной, но предавать – нет! На меня смотрел Белый Дракон, со мной говорила Тьма – так почему же я должна предаваться кому-то душой и телом?!

– Потому что и тот, и другая отвернулись от тебя, Алиедора Венти. – Взгляд женщины резал, словно нож. – Потому что ты сейчас – никто. Только мы знаем, как огранить тот незримый алмаз, что ты носишь в себе. Но для этого нам нужно, чтобы ты верила Некрополису и подчинялась. – Говорившая поднялась, одним гибким движением оказавшись совсем рядом с Алиедорой. Холодная ладонь в тонких кожаных перчатках со срезанными пальцами твёрдо взялась за плечо, развернула доньяту так, что взгляды скрестились. – Я вижу, что из тебя можно сделать. Я понимаю, почему Мастер Латариус потратил столько отличных боевых зомби, чтобы только выручить тебя и доставить сюда. В тебе и впрямь дремлет алмаз, доньята Венти. Но без твоей доброй воли мы ничего не сможем сделать.

– Что именно сделать? – вырвалось у Алиедоры.

– Из тебя выйдет превосходная, великолепная Гончая, – сощурилась женщина. – Для начала, разумеется.

– Мне кажется, с этим не стоит спешить, Мастер Аттара, – заметил ещё один адепт, невысокий, пожилой, с шишковатым черепом, покрытым старческими коричневыми пятнами. Удобно устроившись на пуфе, он пристально разглядывал Алиедору. – Девочек, чтобы делать новых Гончих, у тебя и так хватает.

– Простых Гончих – бесспорно, – отрезала Аттара. – Но не тех, кто поведёт их в бой. Не тех, кому… не нужно многое из того, что потребно им.

– Вот даже как, – усмехнулся спросивший.

– Так и именно так! – резко бросила Аттара. – Я редко ошибаюсь, Мастер Ошгрен. Тебе это известно лучше, чем кому бы то ни было.

– Верно, – миролюбиво кивнул названный Ошгреном. – Но ты редко ошибалась с простыми Гончими, соратница Аттара. А тут, по твоим же собственным словам, совершенно особый случай.

– Я верю. – Стали в голосе Аттары хватило бы, чтобы выковать полный доспех. – Девочка пройдёт испытания.

– А ты её саму-то спросила? – не унимался Ошгрен. – Пусть скажет сама доньята.

– Как она может ответить, если ещё ничего не знает?! –

возмутилась Аттара. – Мастер Латариус, насколько я поняла, говорил с ней о чём угодно, кроме дела!

– Торопливость тут неуместна, – парировал Латариус, подмигивая Алиедоре, словно намеренно стараясь подорвать «серьёзность» момента. И доньята поняла – по сравнению со Смертью там, на дне карьера, всё прочее и впрямь становилось несерьёзным.

– Я беру её. – Аттара крепко держала Алиедору за руку, точно боясь, что девушка в последний миг куда-нибудь скроется.

– А она? Она примет такую наставницу? – Ошгрен продолжал бой. Доньята не понимала, в чём причина этого раздора.

Она готова была поклясться, что с губ Аттары едва не сорвалось нечто вроде «да кто её спрашивать станет?!», однако адептка сдержалась.

– Если мы видим то… что нам обещали, то торопиться тут никак не следует, – поддержал Ошгрена ещё один Мастер.

– Если мы видим то, что нам обещали, то нам как раз следует очень даже торопиться! – Аттара посмотрела на Алиедору. – Идём со мной, девочка. Совет хочет, как я поняла, чтобы я показала тебе всё. Чтобы ты сама решила. Я верно всё поняла, господа Совет? – возвысила она голос.

– Правильно! Верно! Точно! – раздалось с разных сторон.

– Тогда идём. – Аттара бесцеремонно тянула за собой Алиедору, и доньята невольно обернулась, ища взглядом поддержки у Латариуса.

– С твоего разрешения, многодостойная, я бы отправился с вами, – тотчас понял намёк Мастер. – В конце концов, делу Гончих я не совсем чужой.

Аттара не сочла нужным скрывать недовольство, несмотря на дружные кивки других Мастеров.

– Эльсин, Майре! За мной.

Две другие женщины тотчас поднялись, присоединившись к Аттаре. За всё время они не произнесли ни единого слова.

Со стороны все трое могли показаться сёстрами. У всех – бледная чуть ли не до синевы кожа, большие иссиня-чёр– ные глаза, короткие, по-мужски остриженные волосы. Все двигались одинаково, мягкими, слитными, неразрывными для глаза движениями.

Покидая круглый зал, Алиедора, лишь самую малость поколебавшись, всё же поклонилась Совету, словно простолюдинка.

«Ничего, ничего. Мне бы только заполучить то, что требуется, научиться, понять, освоить. Так, чтобы обрести своё, неотъёмное. А там увидим, кто кому станет кланяться».

Коридоры Гильдии Мастеров были широки, прямы и хорошо освещены – свет проникал сверху через специальные шахты. По стенам висели шпалеры и гобелены – похоже, ткачество особенно почиталось в Некрополисе. Конечно, до роскоши – приписываемой слухами резиденции Высокого Аркана – этому месту было далеко. Но сказки, как мы знаем, врут слишком часто. Здесь всё было строго, не чрезмерно и аскетично. На гобеленах, однако, не было ни одного портрета, вообще ни единого человека: только пейзажи. Море, горы, опушка леса, речное устье и вновь морской берег. Причину Алиедора спрашивать не стала, понятно было и так: человек слишком мал в сравнении с истинно бессмертной Природой, не ведающей страха Смерти, вечной в постоянном обновлении.

Шли молча. Аттара, похоже, ожидала вопросов доньяты, но та не раскрывала рта. Этому Мастер Латариус уже успел её научить, сам того не желая.

Идти пришлось долго. Лестничные марши вели всё глубже и глубже под землю, но свет не тускнел, лился из прорубленных в потолке широких «окон».

– Там зеркала, – перехватила Аттара взгляд доньяты. – Мы не жжём факелы понапрасну.

Алиедора чуть заметно пожала плечами. Мол, ничего удивительного. Меня этим не проймёшь..

Наконец спуск закончился. Стало заметно теплее. Аттара быстрым, неуловимым движением коснулась стены, плита с лёгким шумом опустилась.

– Входи, доньята.

За каменной дверью их ждали темнота и огромное пространство. Подземелье было бедно светом, но зато богато звуками. И звуками далеко не самыми приятными.

Что-то скрипело, скрежетало, утробно взрыкивало, жутковато не то всхлипывало, не то всхлюпывало, словно мокрый шмат мяса волокли по неровной дороге с глубокими лужами.

– Свет, – негромко проговорила Аттара, и одна из её спутниц – Майре – вновь коснулась стены.

Латариус кашлянул – как показалось Алиедоре, с лёгкой насмешкой. Мол, любят тут пыль пускать в глаза…

От места, где они стояли – на небольшом каменном балконе с высокими перилами, – вправо и влево по стенам побежали вспыхивающие один за другим две цепочки огней. Странных, голубоватых, призрачных, дающих не очень много света, в самый раз, чтобы едва рассеять мрак.

Внизу, под балконом, лежал земляной пол, на нём хаотично

натыканы поставленные стоймя громадные валуны в рост человека, сухие, лишённые коры, давно мёртвые деревья, каким-то явно магическим образом удерживавшиеся от гниения и распада. Среди отбрасываемых каменными глыбами и древесными стволами теней смутно шевелились какие-то существа. Очертаний было не разглядеть – создания явно не желали быть замеченными.

– Майре, – вновь проговорила Аттара. – Покажи доньяте… что ты можешь.

Майре молча кивнула и одним стремительным броском перемахнула через перила. Алидора не вздрогнула, хотя было отчего – высота составляла самое меньшее четыре человеческих роста.

Гончая коснулась пола мягко, уходя в глубокий присед, словно над ней не властвовала сама тяга земная.

Существа ответили гневным шипением. В голубоватом свете блеснули выпущенные клыки.

Майре медленным, нарочито-плавным движением выпрямилась.

– Идите сюда, – раздался преувеличенно-спокойный голос.

И вот тут Алиедора вздрогнула – потому что Майре говорила с характерным доарнским акцентом. Ошибиться доньята не могла – доарнцев с первой же фразы узнавали на любом торжище, в любой корчме, что в Долье, что в Меодоре.

Доарнка. Среди высокопоставленных слуг Некрополиса.

Майре шумно вздохнула, переступила с ноги на ногу, а потом и вовсе повернулась к шипящим существам спиной.

И там, в темноте, не выдержали. Свистящее, словно сквозь зубы, шипение – а потом шелест разворачивающихся крыльев, упругий толчок – Алиедора видела только ворвавшиеся в круг света стремительные росчерки, вытянувшиеся в длинном прыжке тела, не то звериные, не то человеческие.

Бросившиеся на Майре твари были очень, очень опасны. Они исходили, истекали жаждой убийства. Она, эта жажда, расплывалась в воздухе, словно пятно крови в текучей воде. Алиедора чувствовала эту их неистовую жажду смерти, жажду кровавой оргии, раздирания ещё трепещущей, ещё живой плоти, жадное, с утробным рычанием, насыщение.

И ещё она чувствовала, что существа, с такой яростью бросившиеся на оказавшегося перед ними человека, сами не были живыми. Однако они никак не походили на зомби-солдат Некрополиса, те были просто механизмами, ничем, кроме исходного материала, не отличавшимися от големов Навсиная. Эти же – стремительные, смертоносные, жадные до боя и живой

крови.

Упыри?

Майре сделала короткое, опять же почти неразличимое движение. И – взвилась в невероятном прыжке, откуда-то из-под куртки возникла пара коротких клинков. Сталь ярко сияла голубоватым, по лезвиям прокатывались волны призрачного пламени, и она, эта сталь, сказочно, неправдоподобно легко рассекла плоть самой смелой – или самой жадной – твари, бросившейся на доарнку.

Упырь с мокрым хлюпаньем шмякнулся о землю бесформенным куском мяса и костей, даже не дёргаясь и не хрипя. Он умер сразу, даже не поняв, что умирает, – хотя, конечно, и не жил до того. Его смерть не остановила остальных, так что Майре на миг исчезла под лавиной тёмных тел; Алиедоре казалось, что сами их очертания плывут, меняются, оставаясь нечёткими.

Но, как бы ни были стремительны и яростны их атаки, шансов у нападавших не было. С самого начала и ни одного, потому что Майре двигалась с поистине запредельной быстротой, всякий раз опережая направленный в неё удар на долю мгновения. И сама доарнка при этом не промахивалась. Два коротких кинжала били насмерть, и второго удара не требовалось.

Схватка длилась мгновения. На земле осталось восемь распростёртых тел, причудливая смесь человека с ночным летуном, морды украшены здоровенными клыками.

Точно кровососы, подумала доньята. Упыри. Страх и ужас во плоти. Стремительные, бесшумные, невидимые. Почти неуязвимые для обычного оружия. Способные летать – правда, только ночью, когда сильна власть небесных Гончих; во всяком случае, так утверждал мэтр… мэтр… как же его звали, чародея в замке Деркоор?..

Она не помнила. Нет, Байгли, Дигвил, старый сенор Деррано стояли перед глазами как живые – потому что им назначено умереть от её руки, – а вот всё остальное выветрилось напрочь.

– Ты видела, доньята Венти?

Это Аттара. Смотрит гордо и испытующе. Наверное, считает, что я должна пасть на колени и восхищаться со слезами на глазах. Нет, не дождутся. Боевое умение – это хорошо, это прекрасно. Но таких, как Майре, – много. А она, Алиедора, достойна только одного – стать единственной.

Однако что-то сказать надо, и Алиедора разлепила губы:

– Красиво.

– Верно! – подхватила Аттара. – Красиво! Молодец, умница,

доньята. Мало кто может увидеть, насколько наше искусство прекрасно. Я не ошиблась. Мэтр Латариус, прости меня за резкие слова. Поздравляю с отличной находкой.

Латариус лишь поднял бровь.

– Ты поняла, кто это был? – продолжала предводительница Гончих. – Кто нападал на Майре?

– Это неважно, – вполголоса, едва раскрывая губы, ответила Алиедора.

– Почему?

– Не стоит так наседать на мою подопечную, Аттара, – вступился Латариус. – Доньята совершенно права. Майре показала отличное владение клинком и телом, но на это способны все Гончие. Ты ничем не удивила благородную доньяту, Аттара. Не забывай, что ей подчинялись твари Гнили.

– Верно. – Аттара положила неожиданно тяжёлую руку Алиедоре на плечо, и та невольно дёрнулась – такой жест могла бы позволить себе королева Меодора или супруга кого-то из семи знатнейших сеноров Долье, но вряд ли кто другой.

То, что ей должны оказывать почести, Алиедора, оказывается, не забыла.

– Лучше покажи, как Гончие начинают. – В голосе старого Мастера вдруг прорезались жёсткие нотки. – Покажи всё, ничего не скрывая. Если благородная доньята хочет стать одной из нас, она должна видеть всё без изъянов. Наше дело, – он повернулся к Алиедоре, – тяжело и не всегда красиво. Есть и неприглядное, есть, наверное, и такое, что тебя в детстве научили считать постыдным. Я не стану спорить с тобой. Просто прошу почтенную Аттару показать тебе всё как есть. Ведь ты ещё не знаешь толком, что такое Гончая. Как становятся ею, через что проходят. Думаю, тебе не повредит узнать это всё до того, как ты решишь, с нами ты – или нет.

«Они ждут, что я спрошу, а что будет, если выберу «не их», – мелькнуло в голове Алиедоры. – Хотят, чтобы я показала слабость, страх, признала, что я в их власти. Что они могут учинить надо мной нечто такое, чего я испугаюсь».

Этого не будет. Ту, которая боялась, давно убили варвары кора Дарбе.

И она ничего не ответила. Лишь слегка пожала плечами, мол, что ж, давайте, раз так настаиваете – взгляну…

Аттара некоторое время молчала, буравя Латариуса взглядом. Майре обиженно вскинула подбородок – о показанном доарнкой искусстве все уже забыли.

– Хорошо, – еле выдавила предводительница Гончих. – Ты хочешь знать всё, благородная доньята? Ты узнаешь. Иди за

мной. – И тотчас вполголоса отдала какие-то приказания Эльсин и Майре.

И вновь бесконечные коридоры, правда, глубже они уже не спускались.

– Гончие – это глаза, уши и месть Некрополиса, – вполголоса, не глядя на Алиедору, говорила Аттара. – Они должны видеть всё, сами оставаясь невидимыми. Должны проникать туда, куда не проникнет обычный человек. Должны… пресекать существование тех, чьи деяния угрожают делу Некрополиса, если на то есть слово Гильдии Мастеров. Везде в мире волшебство основано на силе Камней Магии, то есть является заёмным; мы же пошли другим путём. Мы не используем то, что можно легко отнять. Лишь становящееся частью тебя самой.

– Говори, говори, почтенная Аттара, – Латариус словно подгонял главную Гончую, – не бойся. Доньята Алиедора прошла через такое, что хитрить и лукавить с ней – только во вред, ничего больше.

Аттара чуть дёрнула уголком рта – явно напоказ, давая Алиедоре понять, что упрекать её в попытках скрыть что-либо – совершенно напрасная затея.

– Да, Гончим необходимы сила, резкость, отточенное воинское умение. Всему этому учат годами. Мы пробовали идти таким путём. Собирали по всем градам и весям ребятишек, учили их… однако нужного не достигали. И тогда было создано… другое. То, что нельзя отнять. Магия и алхимия помогали изменить тело Гончей, дать ей то, на что не способна простая человеческая плоть. Понимаешь, доньята? – Аттара взглянула Алиедоре прямо в глаза – твёрдо, непреклонно, уверенная в своей правоте. – Мы изменяли. Мы исправляли ошибки сил, сотворивших нас – и обрекших нас смерти. Это… больно, я не скрываю. Через боль надо пройти. Доставшееся бесплатно, в подарок, не имеет настоящей цены.

Она вновь ждала вопроса, и вновь Алиедора промолчала.

– Кровь Гончих смешивается с алхимическими снадобьями. Удалить их можно только ценой жизни самой Гончей. Зато Гончая может творить чудеса. Побеждать целые отряды хорошо вооружённых воинов. Пробираться в самое сердце чужих держав, добывая жизненно важные для дела Некрополиса секреты…

– Только-то? – негромко, сощурившись, уронила Алиедора. Внутри ядовитым шестиногом-сетеловом свилось разочарование.

– Нет, не только. – Латариус решительно перебил предводительницу Гончих, не дав той и рта раскрыть. – Досточтимая Аттара говорит о низших. О тех, кто исполняет приказы. Кто без нашей магии и алхимии так и остался бы никем

и ничем. Но есть другие, те, кто поднимается над простыми воительницами. Кто отдаёт им приказы и творит такое, на что не способны никакие снадобья и эликсиры. Кому эти самые снадобья с эликсирами нужны лишь первое время и кто потом вполне может обходиться без них.

– В самую точку, Мастер, – кивнула Аттара. – Я начинала простой Гончей, доньята Алиедора. Бездомной побирушкой, совсем девчонкой, меня привезли в Некрополис, показали, что могут Гончие… и я стала одной из них.

– Но не просто «одной из них», а лучшей, – вставил Латариус.

– Благодарю, – кивнула Аттара. – Мне было плохо и больно, но дух восторжествовал. Я выполняла задания, я делала куда больше, чем, казалось бы, могут мне дать алхимия и чародейство. И… в конце концов последнее дело выполнила вообще без них. О чём мне, разумеется, сказали только по возвращении. Я надеюсь, что ты окажешься такой же, доньята Алиедора. Ты – из благородного сословия. Ела на золоте и спала на пуховых перинах. Я – бывшая бродяжка и нищенка, воровка, и, гм… ну, всё остальное, ты понимаешь, о чём я…

«Ишь, куда метнула, – усмехнулась про себя Алиедора. – Про равенство заговорила. Как же, как же. Воровки да шлюшки так и останутся воровками да шлюшками. А кровь – она своё возьмёт. Вот увидите».

– Испытания, каким подвергаются Гончие, не разбирают, родилась ли ты в канаве или на позолоченном «кресле королев», – продолжала меж тем Аттара. – Выдерживают их не все, далеко не все…

И вновь Алиедора не задала напрашивающегося вопроса: «И что же потом случается с теми, кто не выдержал?» Пауза уже становилась неловкой, когда Аттара, кашлянув, вынужденно продолжила:

– Не справившиеся, если они, конечно, уцелели, живут обычной жизнью, им дают какую-нибудь мелкую должность среди тех, кто служит Гильдии. Кров и тёплая постель им обеспечены. Те, кто погиб, – пополняют собой ряды зомби. Мы не можем разбрасываться ценным материалом. А среди тех, кто не выдержал самого первого испытания, мы устраиваем… состязание. Выжившие получают право рискнуть ещё раз и сделаться-таки настоящими Гончими. Это кровавое зрелище, доньята Алиедора, но мы от тебя ничего не скрываем.

– Идём, – бросила Алиедора.

Аттара, да и сам Латариус – всего лишь слуги. Ступеньки на её пути к настоящей силе, которую не отнять по прихоти великих (как они сами себя называют) сил.

…Ещё одна яма внизу под балконом. Разлитый вокруг призрачно-голубоватый свет алхимических факелов. У дальней стены – десяток смутных фигур. Две замерли, вытянулись, словно струны, – но в них нет напряжения, нет принуждения. Они такие, какие есть. Восемь остальных – обычные. Люди. Молоденькие девчонки, Алиедора оказалась бы среди них самой старшей. У них в руках короткие прямые клинки, одинаковые у всех. Девчонкам страшно и больно, с ними делали что-то жуткое, они ещё не отошли от пережитого и не осознали предстоящее.

– Да, мы жестоки, – вновь заговорила Аттара. – Жестоки, как сама жизнь. Только так, только ставя выбор «да или нет», можно чего-то добиться. Смотри, благородная доньята, смотри. Эти девочки пытались стать Гончими. Не удалось, не смогли. Их плоть отвергла необходимые эликсиры. Но мы даём им ещё один шанс.

– Они не захотели тёплой постели и крыши над головой? Необременительной мелкой должности при Гильдии Мастеров? – Алиедора позволила себе тень насмешки.

– Они зашли слишком далеко, – не очень охотно отозвалась Аттара. – Эликсиры… весьма сильны. Если просто принять их и на этом остановиться, они разрушат тело. Те восемь прошли сквозь сито первого отбора. Но остановились на втором. Повернуть назад и жить обычной жизнью, стать жёнами и матерями они уже не смогут.

Вопрос о том, могут ли быть «жёнами и матерями» сами состоявшиеся Гончие, Алиедора задавать не стала.

– Из этих восьми мы оставим одну. Или двоих, – продолжала Аттара.

– Но если они не выдержали испытаний – как же можно из них сделать-таки Гончих?

– Можно, хотя и трудно. Дух может восторжествовать над плотью, и если девчонка имеет предрасположенность, то после тяжких трудов и мучительного привыкания она всё-таки имеет шанс стать одной из нас. Начинайте! – вдруг резко крикнула Аттара и хлопнула в ладоши.

Гончие вытолкнули на середину арены первую пару.

Алиедора глядела, презрительно оттопырив губу. Девочки, конечно, успели подержать в руках если не меч, то хотя бы палку (как и любые другие дети того времени). Но драться их никто никогда не учил, и клинками они размахивали неумело. Схватка была совсем недолгой, победительница зажимала рассечённое предплечье, а проигравшая, утробно воя, каталась по земляному полу. Куда ей угодило остриё, Алиедора даже не поняла.

Неудачницу тотчас подхватили двое зомби, поволокли в

сторону. Крики боли вдруг сменились жутким истеричным взвизгом, и наступила тишина.

Той, что с рассечённым предплечьем, одна из Гончих бросила тряпицу, предварительно смочив из фляжки каким-то снадобьем с резким и сильным запахом.

На арене уже стояла другая пара. И вновь бой закончился не начавшись – победительница с неровно обрезанными волосами (явно остатками некогда роскошной косы) просто не дала сопернице даже поднять меч. Отшибла клинок в сторону, ударив шаром-противовесом прямо в лицо. Несчастная опрокинулась, дёрнулась было, попытавшись встать, – и увидела остриё у самого лица. Застыла, обездвиженная ужасом, забыв, похоже, обо всём, даже о судьбе проигравшей. И так и не очнулась, когда всё те же двое зомби поволокли её, словно куль с мукой, прочь с арены. Истошный вопль, почти такой же, как и у первой неудачницы, – и вновь тишина.

Третьего боя не состоялось – одна из девчонок, обезумев от ужаса, вереща, бросилась прямо к выходу; её остановила Гончая, как именно – Алиедора даже не смогла рассмотреть, настолько стремительным было то движение. Девчонку швырнули обратно на арену, и та застыла на коленях, судорожно всхлипывая и закрыв лицо ладонями. Её противница тоже замерла, опустив клинок, и, похоже, растерялась.

– Прикончи её! – резко бросила предводительница Гончих.

Но убить рыдающую, размазывающую слёзы по щекам соперницу та так и не смогла. Затрясла головой, уронила меч и тоже разрыдалась.

Аттара пожала плечами.

– Зомбировать. Обеих.

Два последних взвизга слились в один.

Четвёртая пара, похоже, вышла на бой с отчаянием обречённых. Мечами что одна, что другая совсем не владели и вдобавок отчаянно боялись, а потому не подходили близко друг к другу.

– Мне скучно! – громко объявила Аттара. – Считаю до десяти, если никто никого так и не зацепит – зомбирую и ту и другую!

Это помогло. Обе девчонки, завизжав, ринулись друг на друга – и обе свалились, взаимно проткнув друг дружку же мечами.

Из восьмёрки уцелели только двое.

– Ну, теперь-то я увижу что-нибудь настоящее?! – Аттара напоказ перевесилась через перила.

Девушка с раненым предплечьем и другая, с косо обрезанными волосами, встали друг перед другом. Они уже не дрожали, не колебались. В движениях сквозила угрюмая

решимость.

Стриженая решилась первой. У неё, похоже, имелся кое-какой опыт. Обманув соперницу ложным замахом поверху, она попыталась ударить вниз, целя в живот. Заскрежетала сталь, выпад оказался отбит. Раненая, словно забыв о боли, сама бросилась вперёд, и Алиедору словно обожгло неистовой, первобытной яростью. Эта девчонка не умела держать в руках меч, но она уже мечтала убить. Так, чтобы сразу и наверняка.

Стриженая отбила раз, другой, но попятилась под бешеным напором. Ей удалось зацепить соперницу, ткнув её в плечо, но та словно ничего и не заметила. Взмах, ещё один – и клинок наискось вошёл стриженой в основание шеи. Фонтан крови – и всё кончено.

Шатаясь, победительница тем не менее удержалась на ногах и, вся трясясь, сумела даже поклониться Аттаре.

– Достойно, – осклабилась та. – Майре, убедись, что с победительницей поступят как положено. А ты, благородная доньята, хочешь ли посмотреть, что такое зомбирование?

Алиедора сжала зубы и молча кивнула.

Глава 13

Дорога от границы до столицы Некрополиса показалась Дигвилу Деррано бесконечной. Ничего не менялось в унылой заснеженной равнине, тянулся и тянулся в бесконечность белый тракт, да изредка попадались нанизанные на него, словно бусины на нитку, деревни. Нет, посмотреть там было на что – такие дома, как здесь, в Долье строили лишь зажиточные отрубные или даже усадебные. Люди же оказались обычными, правда, одетыми подобротнее. К одному только Дигвил привыкнуть не смог – к равнодушным, безмолвным зомби. В деревнях они делали чёрную работу, рубили дрова, таскали воду, расчищали тракт после снегопадов – всё то же, чем в Долье занимались серфы.

Караван едва плёлся. Невозмутимые Мастера сопровождали пленных, даже и не думая подгонять измученных страхом и неизвестностью людей. Именно страхом и именно неизвестностью: в остальном с пленными обращались вполне сносно, кормили, не лупили почём зря – Дигвил, со своей стороны, привык к совершенно иному. Сколько раз он сам широко размахивался кнутом, подгоняя уныло бредущий к владениям Деркоора двуногий сброд! И это было сладко, признавался сейчас себе Дигвил. Ему это нравилось. Власть над беззащитным пьянит, впадаешь в грех гордыни, как сказал бы фра Шломини.

А потом взору бывшего нобиля открылся Некрополис. Отличные расчищенные дороги, мощённые камнем, – такие были только в Симэ вокруг мощёной же площади перед королевской цитаделью. Высоченные стены, шпили над крышами, крытыми красной черепицей. Правда, смертельную тоску навевало серое бессолнечное небо, низкое, словно крышка гроба.

Колонну прогнали через ворота, под злобно нацелившимися сверху копьями опускных решёток, и сразу же заставили свернуть влево, в широко раскрывшийся зев подземелья. Мимо спокойно шествовали по своим делам обыватели Некрополиса – охранники-зомби никого не отгоняли, не отталкивали. Дигвил невольно поймал чужой взгляд: немолодой уже толстяк в хорошей шубе, явно купец, и молоденькая девушка в чёрных мехах рядом с ним, разрумянившаяся на морозе. На Дигвила она глядела с откровенной жалостью.

Он попытался улыбнуться в ответ, хотя бы растянуть губы в некоем подобии улыбки, но сведённые холодом мышцы лица слушались совсем плохо. Получилась какая-то гримаса, но красавица, похоже, поняла. Вздохнула и едва заметно качнула головой, правой рукой сотворяя нечто вроде знамения Ома

Прокреатора.

Она *знала*.

Дигвил успел оглянуться – сероватое небо, снег и гулкий подземный ход, настоящая дорога, уходящая наклонно вниз. Наверху оставался город, красивый город, небывалый город, совсем не похожий на Симэ или там Меодор; пленникам раскрывалось его исподнее, его нутро, и оттуда тянуло затхлым, неистребимым запахом гнили. Нет, не той Гнили, что опустошала земли Навсиная или Свободных королевств, – но самой обычной, кухонной, словно там давным-давно не убирались мясные обрезки.

Стало заметно теплее. Пленники тащились по широкому тоннелю, дневной свет померк. За спиной Дигвила кто-то вдруг истошно заорал, забился, задёргался, словно и впрямь надеясь избавиться от цепей. Стражники-зомби без спешки и молча надвинулись на смутьяна, что-то коротко свистнуло в воздухе, крик захлебнулся, сменившись хлюпающим кашлем.

Соседи Дигвила по скорбному шествию глядели в пол. Они тащились, тяжело волоча ноги, отбросив всякую мысль о сопротивлении.

«Что с нами будет? Что с нами сделают?

Нет, неправильно, – скрипнул зубами Дигвил. – Мы не вещь, чтобы с нами что-то «делали». Цепи должны рано или поздно снять, никакой хозяин не станет держать раба вечно закованным, и тогда-то вот мы и посмотрим, кто кого».

О том, что их может ждать, он заставлял себя не думать.

Тоннель опустился ещё глубже и теперь шёл ровно. Зловоние становилось всё тяжелее, добавилась вонь фекалий – где-то совсем рядом пролегала городская клоака.

Так, в молчании, пленники и дошагали до цели. Ею оказался огромный подземный зал, широченный и низкий; под ногами, против ожиданий, была земля, а не привычные каменные плиты.

Цепи никто не снимал. Воды не давали. В полутёмном подземелье скапливалось отчаяние, словно гной в ране; ещё немного, и люди даже скованными кинутся на стражников, потому что ожидание невесть чего становилось совершенно невыносимым.

* * *

– Ты должна увидеть всё, – настаивал Латариус, шагая рядом с Алиедорой. – Мы могли бы показать тебе только красивости: Некрополис с пригородами, воинское искусство Гончих, парад

наших полков. Могли бы отвести тебя в сокровищницу, могли бы разложить перед тобой труды лучших златокузнецов, представить лучшим магам и алхимикам, поразить тебя их чудесами; но как я уже сказал – мы предпочитаем правду. Одну лишь правду и ничего, кроме правды. И ты, вставая на нашу сторону, должна знать, на чём зиждется благополучие Некрополиса и его обитателей.

Аттара благоразумно помалкивала.

– Входи и смотри. Не отворачивайся. Это ничуть не страшнее Гнили или обычного сражения. Ну, или, скажем, когда скопом казнят ведьм. – Мастер зло осклабился.

Да, как казнят ведьм, Алиедора помнила.

И помнила, как собственноручно казнила заподозривших её в ведьмовстве.

…Этот зал оказался самым большим, его дальний край терялся в полумраке. Резко и зловеще светили призрачные факелы по стенам, а прямо перед Алиедорой, за оградой невысокого балкончика, колыхалось человеческое море – так, во всяком случае, в первый миг показалось доньяте.

Как обухом по голове, ударило сжатое до предела отчаяние, им, словно ядом, был для Алиедоры пропитан сам воздух подземной тюрьмы. Горе. Конец надежды. Конец всему и даже хуже, потому что согнанные сюда могли лишь догадываться, что их ожидает и через что им предстоит пройти.

– Это только начало, – восторженно прошипел на ухо Латариус. Казалось, он вот-вот потеряет самообладание. – Смотри, сейчас выйдет… один человек. Смотри на него внимательно.

На самой границе толпы вдруг возник круг яркого света, яркого до такой степени, что резало глаза, привыкшие к полумраку подземного зала. Люди качнулись, толкая и сбивая друг друга, кто-то закричал.

– Они ж сейчас друг друга передавят! – не выдержала Алиедора. Ладони доньяты покрылись по́том, кулаки сжались. Там, прямо перед ней, – были люди, а не скот. Что-то ещё не давало Алиедоре сделать последний шаг, перейти за грань, после которой – только холод презрения.

В круг света шагнул человек в ярко-алом плаще, под ним – блестяще-чёрное одеяние. Рядом с ним не было никого – ни стражников-зомби, ни аколитов-помощников. Руки новоприбывший прятал под плащом. Ровным и твёр– дым шагом он двинулся прямо на толпу, и люди поспешно пятились, едва не падая и не опрокидывая соседей.

– Первое – явить им свою волю, – взялся пояснять Латариус. –

Подавить их. Заставить…

На взгляд Алиедоры, согнанные в подземелье люди и так были подавлены, запуганы куда хуже, чем «до смерти».

Человек в красном и чёрном шёл сквозь толпу, и пленники послушно расступались. Вслед за ним двигался и круг невесть откуда исходящего света, казалось, там светится сам воздух.

Человек остановился в самом центре зала, один, безоружный. Толпа людей, даже скованных, сомнёт и растерзает его в одно мгновение; но чародея в красно-чёрном одеянии это словно ничуть и не волновало.

Он поднял руки – и всё разом стихло.

– Вы все – счастливцы. – Маг говорил вроде бы негромко, но слышно его было во всех концах огромного подземелья. – Ваши страдания окончены. Вас ждёт свобода, – правая рука поднялась, начертала над головой чародея какой-то странный знак, и тот мигом вспыхнул багровым пламенем. – Прежнее сгорит в огне, но вы станете куда большим, чем были до этого. Вы пойдёте за мной. Вы будете внимать мне.

Никто не произнёс ни слова.

– Вы пойдёте за мной, – рассекая толпу, волшебник двинулся прочь. Круг света следовал на ним, над головой пылал кровавый «нимб». – Там конец бед и тревог. Ступайте смело!

Слова были нарочито банальны, и Алиедора понимала, что дело тут совершенно не в них. Толпа охнула, словно больной тягун, и медленно потянулась вслед за магом. На дальней стороне подземелья раскрылись широкие ворота, там что-то призрачно светилось.

Чародей первым шагнул за порог.

– Здесь всё закончено. – Латариус потянул Алиедору за локоть. – Теперь идём смотреть главное.

* * *

…Это было концом, Дигвил вполне отдавал себе в том отчёт. Слова чародея, огненный знак над его головой не напугали дольинца. Но куда деваться от поселившейся в душе обречённости? Когда некуда бежать, нечем сражаться и никто не придёт на помощь?

В потоке других, таких же бедолаг, он шагал следом за магом; так же, как и остальные, очутился в узком бесконечном коридоре. Их было несколько, бравших начало в недавно оставленном круглом зале, тянувшихся рядом в одну и ту же сторону.

Люди волей-неволей оказались стоящими длинной цепью в затылок друг другу. И – потекли вперёд, словно муравьи по лесной тропке, так же, как и муравьи, не зная, зачем, почему и для чего.

* * *

Света здесь было гораздо больше. Но такого же, призрачного, голубоватого, какого-то не-света, ущербного, больного, калечного. Здесь лязгали цепи, медленно поворачивались зубчатые колёса, скрипели шкивы и приводные ремни.

– Сотворение зомби – дело штучное, – принялся объяснять Латариус. – Но порой, когда требуют обстоятельства, приходится использовать… особые методы. Мастер Шиималь – единственный, кто на такое способен. Мы понесли потери, надо затыкать бреши в армиях, а Навсинай, конечно же, не забудет и не простит поражения.

…Нитки-коридоры оканчивались перед невысоким круглым помостом. На нём, закатав по локоть рукава и сбросив плащ, стоял всё тот же маг с кровавым нимбом над головой – надо полагать, мастер Шиималь. Над ним медленно проворачивалось подвешенное к потолку огромное, выступающее за края помоста колесо, тянувшее из двух коридоров справа длинную цепь со свисающими с неё через равные промежутки крюками, покрытыми бурой ржавчиною. У подножия помоста застыли четверо зомбяков, молчаливых и равнодушных. Им было всё равно – что было, есть и будет.

– Смотри, смотри, благородная доньята, – Аттара стояла рядом, вскинув подбородок и скрестив руки на груди. – Смотри, как у нас делают солдат.

Четыре цепочки пленников, выходящие из узких коридоров. Четыре первые жертвы. Четыре пары мёртвых рук хватают четверых живых, вздёргивая их, вешают на крюки. И страшная карусель плавно тащит их вокруг круглой «сцены».

Кто-то из людей закричал, вопль метнулся обратно по узким коридорам, словно огонь по запальным шнурам. Но бежать было некуда, потому что с другой стороны уже закрылись каменные двери; оставалось только броситься вперёд, и на миг Алиедора даже удивилась: как же хозяева Некрополиса оставили это совершенно без внимания?

Оказалось, что не оставили. Зомби резво поднимали по-прежнему скованных цепью пленников, едва те выходили из коридора, и цепляли за наручные кандалы к массивным крюкам.

Стучало колесо, воющие, вопящие люди медленно плыли над полом, приближаясь к наблюдавшим. Сзади напирали, но четвёрка зомби работала без сбоев.

Скрежетало колесо, крюки выезжали и выезжали из дальнего коридора, зомби трудились усердно, и все выходившие тут же оказывались развешаны, словно пойманная плотва на чудовищном кукане.

Стоявший на дощатой площадке Мастер не обращал на крики никакого внимания. С ловкостью ярмарочного жонг– лёра он расставлял на стоявшем тут же столе целые вереницы разноцветных флаконов, быстро-быстро шевелил над ними пальцами, стремительным, отточенным, хищным движением хватал то один, то другой, отмеряя несколько капель в огромную чашу, вырезанную словно из единой друзы горного хрусталя. Содержимое шипело, пенилось, становилось то кристально-прозрачным, то непроглядно-чёр– ным. Помощники-зомби мерными, неживыми движениями раскладывали перед мастером, справа и слева от радужной батареи флаконов, ряды странных, пугающего вида инструментов, на взгляд словно лекарских.

– Он что же, их всех, за один раз? – не сдержалась Алиедора.

– Всех и за один раз, можешь не сомневаться, благородная доньята, – закивал Латариус. – Нам нужны солдаты. Нужны срочно, немедленно. Надо затыкать дыры, восполнять потери. Отсюда и спешка. Конечно, настоящего зомби так не получишь. Для этого нужно с каждым телом работать в отдельности, не одну неделю… Но дело Некрополиса не может ждать. Даже как-то обидно, – неожиданно закончил он. – Такой хороший материал… с ним бы только работать да работать.

– Тех, с кем нам работать надо, тоже хватает, – напомнила Аттара не без ревности.

– Верно, верно. – Латариусу явно не хотелось пикироваться. – Смотри, доньята, смотри, начинается самое интересное!

«Самое интересное. Для них, для Мастеров Смерти, – это по-прежнему развлечение».

Наконец неспешная «карусель» дотащила первого из пленников до мастера Шиималя.

Тот макнул в хрустальную чашу что-то вроде кисточки, окропил висящего перед ним, отчаянно корчащегося человека – и тот вмиг забился так, словно с него живым снимали кожу. Цепь уже тащила следующего, дрыгавшего ногами, будто марионетка в руках обезумевшего кукольника. Взмах – и человека сгибает дугой, он разрывает рот криком, на губах кипит пена, глаза лезут из орбит; там, куда попали капли эликсира, кожа стремительно чернеет, лопается и начинает опадать, словно сгоревшие сухие

листья.

Разумеется, маг не только махал кропилом. Алиедора чувствовала словно обжигающие удары незримого бича – чародей накладывал заклинания, на каждого пленника – своё собственное, в чём-то отличное от других. Это были не слова, это были мысли, сжатые, стянутые в единый кулак воли. Совсем недавно что-то подобное могла сделать и она сама…

Грохотала цепь, людей тащило как раз туда, где на высоком балконе стояла Алиедора. Она сверху видела, что творит с людьми снадобье Мастера Смерти, видела, как стремительно чернеет их кожа, как неведомая сила словно сдирает прежние покровы; появились ещё зомби, тоже с чашами и кропилами в руках. Расположившись через равные промежутки, они мерно взмахивали руками, обрызгивая истошно вопящих, корчащихся от боли людей ещё какими-то эликсирами. Здесь, наверное, никакой магии не требовалось.

Можно ли было всё сделать проще, без жутких колёс, машин и цепей? Наверное. Но, видно, у Мастеров имелся свой резон.

От криков звенело в ушах, подкатывала тошнота. Мимо сплошной вереницей ползли быстро чернеющие, заживо лишаемые кожи люди, и Алиедоре едва хватало сил не опускать глаз. Невольно она скользнула взглядом вдоль громыхающей цепи, тащившей на себе десятки и десятки несчастных, – и вздрогнула. Ногти впились в ладони, а человек, на которого она смотрела, в свою очередь, широко раскрыл рот и выпучил глаза, забыв, похоже, даже о собственной участи.

Дигвил Деррано.

Нет, она не удивилась. Кажется, последний раз доньята испытала удивление, когда из туч вдруг заговорил Белый Дракон. Или нет?.. Алиедора не помнила.

– Остановите, – сами собой сказали её губы. – Остановите. Мне он нужен.

– Что остановить? Кто нужен? – поразился Латариус.

– Человек на крюке, – продолжало самовольничать тело. – Вон тот. Снимите его. Он мой.

Когда не сомневаешься в собственном праве приказывать, твои распоряжения исполняют даже те, кто, казалось бы, должен в ответ на них лишь недоумённо пожать плечами.

Как бы то ни было, её послушали. Нет, цепь не остановилась, маг, весь в поту, похоже, просто не мог сбиться с ритма – но пара зомби сноровисто, хоть и небыстро, сняла Дигвила Деррано с крюка и подтащила прямо к Алиедоре.

Мастер Латариус скрестил руки на груди и чуть отступил назад. Похоже, он искренне наслаждался зрелищем. Аттара

недоумённо взглянула было на Мастера, но, правильно его поняв, сочла за лучшее помолчать.

Зомби удерживали Дигвила на коленях – просто потому, что никто не удосужился отдать им новый приказ.

Молодой дон Деррано глядел на Алиедору так, словно перед ним разом очутились во плоти все Семь Зверей.

– Ты…

– Я, – кивнула она.

– Жаль, что я… – он перевёл дух, облизнул сухие губы, – жаль, что я не догнал тебя тогда.

– Почему? – Ей вдруг стало весело. Вернулась старая, давно забытая злость.

Губы Дигвила растянулись в подобии усмешки.

– Потому что войны бы тогда не было, – медленно и отчётливо проговорил он. – Тебя бы выпороли, да и всё. Ну, разве что посадили бы под замок на какое-то время, пока ты не оказалась бы в тягости. Но ты предпочла… устроить всё это.

– Достойная речь для человека, которого вот-вот зомбируют, – хохотнул за плечом Алиедоры Мастер Латариус.

Доньята улыбнулась. С трудом, словно губы не желали подчиняться.

– Ты, Дигвил, мой. И больше ничей. С тобою, как и с твоим братцем, моим так называемым мужем, я разберусь сама. Поэтому тебя не зомбируют. Вы слышите, Мастер Латариус? Пусть он уйдёт. В свой час мы с ним встретимся.

Аттара возмущённо зашипела – девчонка позволяла себе вопиющее нарушение субординации, но самого Мастера всё происходящее, по-видимому, только забавляло.

– Чего не сделаешь ради любимой воспитанницы, – подмигнул он доньяте. – Выведите его из города и отпустите на все четыре стороны. Пусть его судьбу решат Звери, или в кого он там верует.

Алиедора кивнула.

– Ещё свидимся, Дигвил.

– Ещё свидимся. – В его глазах была ненависть, чистая и незамутнённая.

* * *

Грохотали цепи, вопили только что повисшие на крюках люди. Но едва зомби закончили развешивать пришедших узкими коридорами, цепь с крюками обошла полный круг где-то в подземельях, и в зал стали выплывать те несчастные, что были

обработаны первыми. Стоящий на подмостках чародей снова принялся за них. Теперь он деловито орудовал своим жутким инструментарием. Несколько стремительных взмахов – и из рассечённых жил начинала хлестать кровь, вернее, уже не кровь, а какое-то её подобие. Густое, тёмно-багровое, какой кровь никогда не бывает и быть не может. Она стекала прямо на пол, бежала по проложенным желобкам, словно изо всех сил пытаясь выбраться из темницы. Подоспевшие зомби снимали с крюков обескровленные тела и укладывали их в ряд на полу. Покончив со своей работой, маг спустился с помоста и прошёл туда. В руку каждому лежащему он вонзил толстую иглу, увенчанную голубоватым шариком – искусно выдутым стеклянным вместилищем для какого-то эликсира.

– Дальше уже неинтересно. – Латариус потянулся. – Снадобье будет всасываться не меньше дня. Отрастёт новая кожа, затянутся раны. Назавтра мы получим целый полк зомби. Не самых лучших, но, как я говорил, сейчас выбирать не приходится.

– Навсинай перешёл в наступление? – не стала играть в словесные прятки Алиедора. – И, видно, вам здорово досталось?

Аттара гневно вскинулась, однако Латариус лишь примирительно поднял руку.

– Не стоит возмущаться из-за слов. За элегантностью изречений пусть следят другие, Некрополис говорит правду. Да, благородная доньята, мы потерпели поражение. Высокий Аркан успел перебросить через перевал около двух сотен новых големов, тяжёло забронированных и по-новому вооружённых. Наши отряды отступили. За нами осталось Долье, големы Навсиная удерживают Меодор. Потери тяжелы, хотя и не катастрофичны. Однако пополнения нужны немедленно. Впрочем, – потёр руки Мастер, – перед нами сейчас стоит совсем другой вопрос. Чего хочешь ты, доньята Алиедора Венти? Твою просьбу – отпустить выбранного тобой человека – мы выполнили. Не думай, что он сейчас «на самом деле» сидит где-то в подземном мешке. Нам нет нужды тебя обманывать. Ты с нами, доньята? Ты видела, на что мы способны. Только мы можем дать тебе то, чего ты так жаждешь, – свою собственную силу. Ту, что не отнять по капризу какой-то иномировой сущности.

Алиедора помолчала. Она им нужна. Очень нужна. Они готовы терпеть её капризы, исполнять прихоти – вроде этой, с Дигвилом. Им не понять, даже им, называющим себя Мастерами Смерти, что покончить с кланом Деррано может только она сама, своей собственной рукой.

– Как это будет? – наконец бросила она – сквозь зубы, словно королева нерадивым слугам.

– Будет больно, – честно ответила Аттара, видя, что Латариус на сей раз решил уступить ей слово. – Чтобы дать толчок… придётся вводить тебе снадобья и эликсиры. А там… если прав Мастер, если правы остальные… если верно моё чутьё… тебе не потребуется вшивать постоянные капсулы. Только на первое время, и терпеть поначалу придётся. К тому же… сперва нужна проверка… как благородная доньята вынесет сами эти эликсиры…

– Делайте! – И это уже был настоящий приказ.

* * *

Здесь не грохотали цепи, не скрипели шестерни. Здесь вообще царила тишина.

– Разоблачись, доньята, – тихо прошелестела фигурка в необъятном плаще и капюшоне, совершенно скрывавшем лицо, так что непонятно было, как человек вообще может смотреть. – Отбрось стеснение.

Алиедора не ответила. Избранные выше стыда, это верно. Она вступает на дорогу, предназначенную только ей, и всякие глупые предрассудки лучше оставить на пороге.

В тесной келье – только узкий лежак. Резкий запах чего-то алхимического, словно множество снадобий смешали разом. Есть здесь и кровь, её тоже пролилось немало.

Алиедора швырнула одежду на пол, гордо выпрямилась. Мастер Латариус не отвернулся? Что ж, пусть себе смотрит. Он ведь не мужчина, он Мастер.

– Прошу ложиться, благородная доньята.

Ремни мягкой кожи охватывают щиколотки и запястья. Хозяева берегутся, усмехнулась про себя Алиедора. Наверняка не одна девчонка, оказавшись в этом покое, начинала дико орать, извиваться и рваться прочь, наконец осознав, что ей предстоит…

Алиедора точно знает, что ей предстоит. Она терпела такое, что простая боль уже ничто. Она пройдёт через это и станет *настоящей* Гончей. Сильнее Аттары.

– Начинайте! – скомандовала она сама, точно имела право отдавать тут распоряжения.

Игла вонзилась в вену, Алиедора поморщилась – а миг спустя заорала так, что сама едва не оглохла.

…Прокравшись по жилам, боль властно вступила во владение её телом, словно победоносное войско. Она, эта боль, заставила руки и ноги дёргаться так, что лопнул один из охватывавших запястье ремней, и потребовались усилия троих – Аттары,

Латариуса и Майре, – чтобы удержать бьющуюся и бешено рычащую доньяту.

Такая боль должна гасить сознание, однако у Алиедоры отобрали и это избавление. Чувств она не лишилась, а миг (или вечность?) спустя к боли прибавилась ненависть.

Опаляющая, сжигающая изнутри ненависть, что заставляет сжиматься челюсти так, что едва не крошатся зубы. Ненависть прежде всего к себе-прежней. К себе-слабой, себе-ни-на-что-не-годной. Как она могла быть такой глупой? Медлила и ждала, когда вот тут, совсем рядом – только руку протяни да потерпи чуток! – настоящие океаны силы, которую вдобавок у тебя можно отнять только вместе с жизнью. Мастера Смерти поистине транжиры, если даром отдают такое богатство!

Огонь свивался в жилах, рвался по ним, изменяя саму кровь, саму сердцевину костей. Алиедора разом и рыдала, и хохотала, вся покрытая пóтом и собственной кровью. В неё втыкались новые и новые иглы, тело дёргалось – оно, это тело, ещё несовершенно, ещё не понимает свалившегося на него счастья.

Удивительно, она дёргалась и выла, вопила и рвалась, однако какая-то часть сознания оставалась спокойной и ясной. Она, эта часть, видела, как споро, но чётко работают Мастера, слышала и их короткие фразы:

– Потрясающе. Никогда такого не видел. Полное отсутствие реакции…

– Напротив, реакция есть. Но именно такая, как надо.

– На малые дозы отвечает идеально.

– Поглядим, что станет, когда вшивать начнём.

– Не забудь, что неглубоко надо. Ей же не навсегда.

– Не забуду, когда я что забывал?

– А вот Мастер Хтатли как-то скальпель забыл…

– Так что же, начинаем?

– Прямо сейчас? Трактаты подобную смелость не одобряют…

– Ты что, ничего не чувствуешь? – Это Аттара. – Девчонка идеальна. Таких не бывает. Ни за что бы не поверила, кабы сама не видела.

– Лучше тебя? – поддел Латариус.

– Лучше, – неожиданно кивнула та. – Дело Некрополиса от этого только выиграет.

…Что с ней делали потом, Алиедора, как ни странно, запомнила в мельчайших деталях. Словно со стороны, она видела собственное нагое тело, распростёртое на окровавленном столе, видела до блеска надраенные инструменты в руках сменявших друг друга «лекарей», видела чёрные скляницы, укладывавшиеся в глубину разрезов, чувствовала резкую вонь алхимических

снадобий, коими обильно промывались раны. Её словно разбирали на части, рвали, точно тряпичную куклу, и снова сшивали. Внешне всё оставалось как было – но только внешне.

В какой-то миг доньяте показалось – она различает шёпот Белого Дракона, перед глазами закачалась та самая дорога, полная устремлявшихся к нему душ, среди которых влачились и странно знакомые: женщина средних лет, окружённая целым выводком молодёжи. Когда-то эти люди что-то значили для Алидоры, доньята это помнила точно. Но когда и что именно – в тот миг она вспомнить не могла.

«Нет, ты опоздал, небесный змей. И твои варвары опоздали тоже. Я уже не с вами, я там, куда вам никогда не дотянуться. Но вот *я* до вас дотянусь. Обещаю».

…Потом, когда всё кончилось, она долго лежала, охрипнув от крика, наслаждаясь уже тем, что боль медленно отступает. Плечи, локти, бёдра, почти всё тело покрывали плотные повязки.

Очень хотелось пить, но воды почему-то не давали. Вместо неё молчаливая служанка – неужто из несостоявшихся Гончих? – с нарочито бесстрастным лицом поднесла какого-то отвара. Вкус, на взгляд Алиедоры, был совершенно отвратителен, гнилостен, затхл. Словно собрали по углам плесень с гнильём, да и намешали.

Прежняя доньята Алиедора Венти просто швырнула бы кружку на пол, а мерзавку, осмелившуюся явиться к ней с эдакой мерзостью, безо всяких рассуждений выпорола бы так, чтобы та неделю сесть не могла. Нынешняя, воин Некрополиса, лишь молча кивнула и опорожнила кружку в несколько глотков. Её и без того постоянно мутило, а тут чуть не вырвало, но чуть, как известно, не считается.

…Когда она впервые встала и прошлась, держась за стену и морщась от боли при каждом шаге, ей пришлось что было сил сжать зубы – дабы не разрыдаться от позорного разочарования. Алиедора надеялась, что стоит затянуться ранам, как она сможет, подобно Майре, творить небывалое, едва пожелав.

– Нет, благородная моя доньята, это не так. – Латариус уселся поудобнее, утвердил локти на столе, сплёл пальцы. – Силу можно подарить. Это верно. Ты сама испытала подобное. Получая подарок, ты не должна ничего делать с собой, ничего менять в себе. Любой взявший нож может ткнуть врага в спину и убить – но чего он будет стоить, если этот нож у него выбьют? А вот научиться, добиться того, что никакой нож никогда тебе не понадобится, – сама понимаешь, требует времени. Мы помогли тебе, мы убрали несовершенства дарованного тебе тела, исправили плохо сработанное богами. Теперь дело за тобой.

Знание и умение отобрать невозможно. – Он развёл руками.

Она молча кивнула. Да. Всё верно. Только очень уж хочется пить. Простой колодезной воды. Здесь, в Некрополисе, ей всегда давали только какие-то отвратительные настойки. И ещё не было простой еды. Только что-то изменённое алхимией до полной неузнаваемости, полоски чего-то, некогда, наверное, бывшего мясом, сперва засушенное и потом вымоченное в чём-то, состав чего Алиедоре узнавать совсем не хотелось.

Доньята теперь почти не видела солнца. Даже от низкого и неяркого зимнего тотчас начинало жечь глаза. Её мир сжался до нескольких подземных ристалищ, где Аттара, Майре и другие, молчаливые, словно тени, старшие Гончие учили её этой новой, обещающей стать восхитительной жизни.

* * *

– Прыгай! – кричит Аттара, выбивая запор на клетке с какими-то крылатыми бестиями размером с доброго клыкача.

Тело послушно складывается, словно карманный нож. Что-то остро-вонючее, кожистое, утыканное шипами, проносится над самой головой – нет, не «что-то», вдруг понимает Алиедора. Она точно может описать бестию, вплоть до последней ворсинки короткого и жёсткого меха на брюхе, вплоть до последней чешуйки на голом, словно у помоечника, хвосте, может назвать, сколько зубов в распахнутой, истекающей слюною пасти. Она точно знает, где сейчас каждое из двух дюжин вырвавшихся из клетки созданий, и тело её движется само, а два коротких клинка плетут вокруг доньяты сплошную стальную сеть.

Она видит всё и всех. Замечает каждый взмах чёрных крыльев, каждое движение увенчанных крючковатыми когтями лап.

Что было до этого? Мучительные часы на песке арены, бесчисленные удары, рухнувшие на её плечи и спину, когда Аттара, словно играючи, выбивала у Алиедоры из рук деревянный ученический меч. Обжигающая боль в неестественно вывернутых суставах, растягиваемых чуть ли не до разрыва связках. Слёзы, правда, течь перестали. Просто перестали, и всё. Алиедора падала без сил, её выворачивало наизнанку, и тогда Аттара молча садилась рядом, прикладывала к испачканным губам фляжку с очередным мутным, гниловатым пойлом. Только с ним. Никогда – с водой. В первый миг это казалось совершенно невыносимым; но потом становилось легче.

– Ну, протошнилась, доньята? – как ни в чём не бывало

спрашивала Аттара. – Тогда вставай. Показываю ещё раз. Отбитие атаки двуручным мечом сверху выполняется так…

Потом Аттару менял Латариус. С ним Алиедора уходила на самые глубинные ярусы Гильдии, там, среди темноты и холодного камня, наставник брал её за руку, помогая войти в Ничто.

Сила Некрополиса пограничена Смерти, объяснял Латариус. За саму грань нам пока не заглянуть, тем более не зайти. Но кое-что позаимствовать оттуда можно. Разумеется, после должной подготовки.

– Здесь ни при чём Камни Магии, – тихо, совсем не по-учительски говорил Латариус, не отпуская узкой ладони доньяты. – Здесь только твоя сила. Ты словно бы умираешь. Вернее, умирает одна твоя часть, ты её сама же и создаёшь. И чем лучше ты представишь ту Алиедору, что должна умереть, тем большая мощь придёт к тебе с той стороны. Это непросто. Не надейся освоить за один, два или десять уроков. Это станет венцом твоего учения, когда тебе придёт пора получать… – Он вдруг осёкся. – Гм, думаю, к тебе обычный порядок не относится. Простые Гончие носят ошейники с рунами, знаками отличия, полученными за успешно выполненные задания. Но ты – дело другое…

Шаг за шагом Алиедора спускалась всё ниже и ниже – в Смерть. Не в темноту – в Ничто, где нет даже мрака. Училась останавливать дыхание, задерживать его всё дольше и дольше. Часами просиживала в совершенно невозможных позах, закрыв глаза и отчётливо представляя, как умирает прежняя Алиедора Венти – та весёлая и взбалмошная гордячка, сорванец, отчаянная девчонка, не желавшая сидеть за пяльцами. Она не ожидала, что это окажется не так уж и сложно – спасибо кору Дарбе и его чёрному кубу.

Она умирала и никак не могла умереть. Отсекала часть собственной души и скармливала её равнодушному Ничто. Несколько раз её вытаскивал Латариус – когда Алиедора погружалась слишком уже глубоко. Наставник её не торопил – по пути к Смерти спешки быть не может.

… – Мы на самом дне, доньята. – Слова с трудом пробивались сквозь мрак. – Ниже нас уже ничего нет. Рабы древней Империи добыли последние Камни Магии – огромные, небывалой силы – и стали ненужными. Их перебили, замуровав прямо тут, чтобы никому не смогли рассказать об исчерпании камненосных жил. Потом расправились и с палачами… Рабы умерли, и Империя простояла ещё два века – никто не дерзал всерьёз попробовать её на зуб, прииск так долго казался бездонным, а имперские маги –

имевшими в руках безграничный резерв силы. Империя в любой момент могла извлечь из недр земных сколько угодно Камней – в этом никто не сомневался. Однако в один прекрасный день некий настырный некромант докопался-таки до истины и… некоторое время спустя Империи не стало. Мы с тобой – в этих последних выработках.

Да, копали потом ещё долго, отчаянно грызли землю, пытались найти хоть что-нибудь, хоть осколки – напрасно. Тогдашние чародеи умели использовать лишь более-менее крупные Камни, мелочь для них была бесполезна.

Видишь эту кладку? Там замурован живьём и встретил свой конец один из рудничных рабов. Он ли, нет, но кто-то из его собратьев ответил-таки на вопросы того дотошного некроманта, рассказал ему правду. Здесь нет ничего, кроме пустоты и смерти, доньята. Превосходное место для наших штудий, верно?

Алиедора молча кивнула. Да, место было что надо, даже ей становилось жутко под низкими сводами, под давящей тяжестью исполинских каменных масс, нависавших над головой.

Мастер Латариус стоял рядом, держал лампу с призрачно светящимся кристаллом внутри и как-то по-особенному внимательно глядел на Алиедору, будто ждал от неё чего-то. То ли слов, то ли дела…

Доньята замерла, а потом, повинуясь внезапному порыву, поспешно разулась, встав босыми ногами на холодный камень.

Ей показалось – или она и вправду ощутила? – что там, в глубине, тяжело и медленно бьётся каменное сердце мира, мира Семи Зверей, Зверей древних и жестоких, как и положено древним.

Она уже привычно стала отделять от себя Алиедору-вторую, Алиедору-прежнюю, обречённую на очередное заклание, – как вдруг остановилась.

Что-то было не так. Что-то в её родном мире шло наперекосяк, и Алиедора, похолодев, внезапно поняла, что именно.

Сердце бьётся тяжело и натужно. Мир болен, и болен тяжко. Он гниёт изнутри, он медленно умирает.

Это не требовало доказательств. Это *было*. Как цвет, как запах, как звук.

– Я не ошибся, – одними губами, еле слышно шепнул Латариус, печально кивнув головой. – Ты тоже почувствовала?

– Да… – так же шёпотом отозвалась Алиедора, пытаясь побороть сжавшийся в животе ледяной комок страха.

– Услышать это способны единицы. Даже среди нас, Мастеров.

– Что *это* такое?

– Мы не знаем. Мы только ощущаем, подобно тому, как обычный человек чувствует вонь разложения, проходя мимо полежавшего на жаре трупа. Видно, у нас… и у тебя тоже… есть что-то ещё, помимо носа, ушей, глаз, языка и пальцев. Однако… – Он продолжил, но уже совсем о другом, сбившись вдруг на различия среди Мастеров. Алиедора едва заметно покачала головой и перестала слушать. Её не интересовало, как она выглядит в сравнении с остальными. Она – одна-единственная. Кто ещё из Гончих Некрополиса может похвастаться тем, что с нею говорил Белый Дракон? Кому ещё давала свою силу – пусть и взаймы – сама непобедимая Гниль?

– …и это – одно из главнейших дел для Некрополиса, – тихо, но убеждённо повторил тем временем Латариус, и Алиедора вернулась обратно. – Мы верим, что наш мир ещё можно вылечить. Не «победить Зло», не свалить какого-нибудь распоясавшегося чародея, вообразившего себя всемогущим, а именно вылечить. Как лекарь больного. Настоями, примочками, припарками. Возможно, иссечением поражённых членов. Но для этого требуется понять Смерть. Равно как и сокрушить тех, кто заставляет нас тратить время на глупые войны вместо главного.

– И как скоро… болезнь станет… совсем тяжкой? – Алиедора старательно давила пытавшийся вырваться на волю страх.

– О, по людским меркам, ещё не скоро. – Латариус скривился в подобии улыбки. – Несколько веков. Самое меньшее – четыре. Скорее всего – пять. Через шесть – наверняка.

– А уже известно… что именно случится?

– Гниль станет необоримой и всеобщей. Большего мы сказать не можем.

Алиедора сощурилась. Гниль – не болезнь. Гниль – лекарство. Но лишний раз обсуждать это с Мастерами, пожалуй, не стоит. Значит, глубже Гнили, выше Белого Дракона прячется ещё что-то. Может, и впрямь наподобие человеческой болести.

…Они ещё не раз приходили сюда, практикуя самые сложные, самые опасные заклятья. Вторая смерть сделалась для Алиедоры почти привычной; почти, потому что привыкнуть к этому окончательно не способен никто из ещё живущих.

Так миновала зима. Осторожно постучалась в глухие ворота Некрополиса робкая весна, но её словно и не заметили. Алиедора по-прежнему испытывала тошноту, но уже меньше колол ей глаза солнечный свет. Постепенно она стала выходить на улицы днём, всё ещё щурясь даже под густыми тучами, покрывавшими центр Некрополиса.

…В самом начале лета, когда в Долье и Меодоре молодёжь до

утра танцует возле высоких костров, Алиедора в первый раз покинула Гильдию. Стояла тёплая и тихая ночь, вызвездило – но небесные узоры занимали Алиедору лишь как необходимый ориентир.

– Ступай, девочка, – тихо промолвил за плечом Латариус. – Ты знаешь, что делать. Обратно ты вернёшься уже полноправной Гончей.

Алиедора тихо усмехнулась. Она и так уже Гончая, а уж кем её станут считать – полноправной или нет, – ей неважно.

Она та, кто есть. И только она сама решает, кто именно.

* * *

Дигвил Деррано не бежал, не шёл, он еле тащился. Из последних сил, упрямо, сжав зубы, одолевал одну холмистую гряду за другой, направляясь на юго-запад. Прямая дорога к дому, на закат, оказалась закрыта. Нет, не кордонами и не заставами – а зимой, холодом и голодом.

Он не переставал удивляться – и собственному спасению, и тому, как оно случилось. Вися на крюке, изо всех сил заставляя себя не опускать голову и «смотреть смерти в глаза», он сто раз попрощался со всем и вся, когда тащившие его цепи вдруг ослабли и прямо в упор взглянула на него та самая «несносная девчонка» Алиедора, с которой, если разобраться, всё и началось.

Этого он никак не ожидал. Всего, чего угодно, – но не этого.

…Но как же, Ом Прокреатор, она изменилась! Татуировки на лбу и щеках, огромные глаза на исхудавшем донельзя лице, а за ними – ничего, кроме ненависти. Медленной, неспешной, подсердечной, но не той, что, легко вспыхнув, так же легко и гаснет.

Алиедора ненавидела. Его, Байгли, отца, всех.

Почему Алиедора решила его пощадить, Дигвил понимал, причём даже слишком хорошо. Считала себя единственной, кто вправе покончить с ним. Месть могла совершиться только её рукой, и это право она не собиралась уступать никому. Даже приютившему её Некрополису. Алиедоре не принесла бы желаемого удовлетворения расправа с беспомощным пленником, вдобавок взятым не ею самой.

…Когда его выволокли из страшного подземелья и уронили на пол грудой беспомощной, ещё не верящей в спасение плоти, над Дигвилом склонился кто-то из Мастеров – безликий, неотличимый от других в сером плаще с низко надвинутым капюшоном.

– Ты можешь уйти, – спокойно сказал адепт. – Уйти невозбранно.

Очевидно, на лице Дигвила слишком явно отразилось неверие, потому что Мастер позволил себе хмыкнуть.

– Нет, мы не обманываем. Ни тебя, ни доньяту. Ты свободен, и никто не станет обращать тебя в зомби, пока благородная Алиедора не видит. Некрополис, да будет тебе известно, почитает правду самым мощным оружием. Смерть ведь тоже… не ведает лжи. Так что уходи, дольинец, ступай на все четыре стороны. Мы не нарушим слова. Тебя выпустят из столицы, но дальше – как распорядится судьба. Давать тебе охранные листы никто не станет. И, будь я тобой, я не стал бы пытать самую короткую дорогу. Зима, холод, снег, а в деревни вдоль того тракта ты не войдёшь – у зомби-стражей в тех местах приказы строгие, да и народ шутить не умеет. Мой тебе совет – пробирайся к навсинайской границе. Там, конечно, тоже не сладко, особенно по нынешним временам, но всё же полегче. – Адепт резко вскинул голову, отбрасывая капюшон. Ухмылка была ядовитой и злой. – Простому смертному вроде тебя пробраться будет трудно, очень трудно. Но всё же можно. А пойдёшь прямо на запад – сгинешь. Если не на нашей земле, то за Сиххотом, в Долье – наверняка. Мне перед доньятой Алиедорой стыдно станет. Всё понял, человече? Из города тебя выведут, а теперь прощай. И молись своему Прокреатору, чтобы никогда-никогда с нами больше не встретиться.

Отвернулся – только полы плаща взлетели крыльями.

Двое зомби решительно, но не грубо подняли Дигвила, поставили на ноги. С него сняли цепи.

До самых ворот Некрополиса его вели по улицам, а не подземными тоннелями. И благородный дон Деррано, забыв обо всём, крутил головой, точно тёмная деревенщина, впервые попавшая в замок владетельного сенора.

Широкие улицы, мощённые камнем. Никаких тебе сточных канав, никаких сходящихся над головой крыш, таких, что соседи напротив могли пожать друг другу руки, просто высунувшись из окон. Да и сами окна – большие, застеклённые; в Долье умели делать небольшие стеклянные пластинки или кругляши, никак не здоровенные пласты с добрый воинский щит, как здесь. Некрополис словно пришёл из совсем других времён – впрочем, и неудивительно, подумал Дигвил, если у тебя сколько угодно покорных бессловесных рабов, не знающих, что такое «мятеж».

…Мастер и впрямь не нарушил данного слова. Дигвила вывели из города, после чего сопровождавшие его неживые стражи равнодушно повернулись к нему спиной и зашагали

прочь. Приказ исполнен, до остального им дела нет.

Одежду Дигвилу оставили, но больше – ничего. Ни хлеба, ни огнива, ни ножа. Ничего, кроме голых рук. Иди, благородный наследник сенорства Деррано, иди и выживай как хочешь.

Дигвил постоял, глядя то на юг, то на запад. Дорог в Некрополисе он не знал – как и никто другой из живших в Свободных королевствах. Оставалось одно – идти, следуя за солнцем.

Куда повернуть? Кратким ли путём к дому, прямиком на закат? Небось не зря тщился отсоветовать ему это Мастер Смерти, небось уж не зря. Хотя… какое-то время Дигвил колебался, а затем, вдруг решившись, сам неожиданно для себя повернул на юг, подчиняясь невесть откуда явившейся уверенности.

Нет, не врал ему бритоголовый адепт, не врал. Желай того Некрополис – и впрямь никуда бы не ушёл Дигвил, скрутили бы его прямо там, стоило только отвернуться вздумавшей сохранить ему жизнь Алиедоре. «И ведь правда, – терзался дон Деррано, шагая по обочине широкой, тщательно расчищенной от снега дороги, – что сильнее правды оружия порой и не придумаешь. Вот вернёшься ты, молодой дон Дигвил, домой (если вернёшься); что тогда рассказывать станешь? Будешь врать, что бежал, сотню стражей перебив-раскидав? Зубами решётки в остроге перегрызя? Или скажешь правду – мол, пообещали отпустить и отпустили? Припасов, правда, на дорогу не дали, гады такие. Но всё равно – отпустили, нелюдь некромансеровская, отпустили, зомбей погонщики. Что тогда люди думать станут?»

Дигвил шёл до самого вечера. Счастье ещё, что мороза не было, стояло безветрие, и тихий, совсем дольинский снежок сеял из низких туч. Дигвила обгоняли конные, обгоняли сани; многие на него косились, а ближе к темноте, когда он уже всерьёз думал, как уломать сторожа-зомби на почтовой станции, одни из проезжавших саней остановились.

– Эй, – отбросив полог, из саней поднялся дородный негоциант с массивной цепью и цеховым медальоном на шее. – Постой, дольинец.

Дигвил так и замер. Хорошо ещё, рот не раскрыл.

– Это тебя по городу вели, а потом за воротами отпустили?

Никакого почтения. Ни должного обращения низкорождённого к благородному, ничего.

– Держи. – Купец, похоже, не ожидал ответа. Просто протянул Дигвилу небольшой, туго набитый мешок. – Я так мню, тебя домой отпустили?

Дигвил кивнул. Слов по-прежнему не находилось.

– Оно и видно, ты и одет не по-нашему, и себя по-иному

держишь, – ухмыльнулся торговец. – Чай, домой идёшь? Только кружным путём? И пра-ально, я так мню. Ступай этим трактом, никуда не сворачивая, – он тебя к самой границе и выведет. Ну а там уж как повезёт, за големов навсинайских мы не ответчики. И не бойся у людей дорожных помощь спрашивать. Все поймут, что Мастера доброй волей тебя отпустили.

– А сбежать я не мог? – только и вымолвил Дигвил.

Купец расхохотался, от души, запрокидывая бородищу и уперев руки в боки.

– Сам сбежать, ха-ха-ха, ну, насмешил, ну, уморил! Сбежать, уо-хо-хо! От Мастеров не убегают, дольинец. Только если они сами отпускают. Ну а кого Мастера отпустили, тому бояться нечего… если на рожон не лезть.

– А это куда?

– К стражам не подходи, – отсмеявшись, уже всерьёз посоветовал купец. – Они слов не понимают. К людям… подходи, но с разбором. Лучше всего – на большаке, кто не затрапезный. Негоцианты у нас с понятием. А вот кто пашет, он да, может и руки скрутить да местному Мастеру на зомбирование сдать, рассчитывая хоть какого, а прислужника получить. Так что смотри, дольинец, без разбору в дома не суйся, дороги держись, почтовых станций особенно. Спросят – мол, откуда? – отвечай правдиво. Из Долье, мол, Мастера отпустили, домой возвращаюсь. Спросят – мол, а что делать станешь? – говори, скажу всю правду, как здесь своими глазами увидел, не совру. Тогда, может, всё и обойдётся.

– С-спасибо… – выдавил молодой дон.

– Не за что, – величественно кивнул купец. – Эх, вы, неразумные! Нашли с кем связаться, у кого защиты просить – у Навсиная! Это ж первые лиходеи во всём мире, всё под себя гребут, землю роют да просеивают, Камни Магии ищут. От них все и беды. И Гниль та же. Её тоже бойся, дольинец. Мастера бдят как могут, но коли прорвётся где – ох, беда-а-а… – Купец покрутил головой. – Ну, бывай, человече. Зла к таким, как ты, у нас в Некрополисе нету. Своей дорогой ступай да головой думай. Глядишь, и надумаешь чего.

А подвезти на санях и не предложил даже – Дигвил смотрел вслед скрывшейся тройке негоцианта. Так далеко доброта у местных не распространялась. Раз Мастера отпустили – то пусть себе идёт, можно и подмогнуть. А веления на сани сажать – не было. Потому как иначе на санях бы его и везли.

Что ж, и на том спасибо. Глянем, чем человек добрый поделился…

Добрый человек поделился с Дигвилом копчёным мясом,

сухарями, огнивом и коробочкой трута, сушёными же яблоками, солью и небольшим, в пол-ладони, ножиком. Обнаружив последнее, Дигвил хмыкнул. Ага, так я и поверил, что это простой купец был. Что ж, спасибо вам, Мастера. А уж что я дома стану рассказывать – когда доберусь, – не ваша забота.

Наскоро закусив небольшим куском мяса (надо растягивать запас!), Дигвил зашагал дальше.

* * *

Велик и обилен Некрополис. Это тебе не Долье, где каждую деревню знаешь, словно собственный наследный замок. Дигвил неуклонно следовал совету «купца», держался наезженного тракта да не забывал смотреть по сторонам. В селения он не заходил, почтовых станций, правда, не избегал, и это оказалось правильно – а что же, ночевать в открытом поле зимой?

На станциях хоть и косились, но, в общем, не обижали. Смотрители, похоже, всё понимали с первого взгляда. Да, не наш человек. Но раз идёт – значит, так надо. А не надо – так Мастера мигнут, и всё по-другому станет.

Нет, кормить его никто не кормил. И о помощи гордый дон Деррано просить, конечно же, не мог. Полученный невдалеке от ворот столицы мешочек почти опустел, Дигвил растягивал запасы как мог, однако и они закончились, когда до границы с Навсинаем было ещё далеко.

…Он сидел в углу, медленно и тщательно перетирая зубами последний сухарь. Сидел и благодарил судьбу, что всё-таки тепло, что топится печка и весь скрюченный, сморщенный зомби-слуга, отнюдь не страж, медленными и неверными движениями подбрасывает дрова. Мертвяк был уже старый, поддерживавшие в нём подобие «жизни» то ли заклятья, то ли снадобья ослабели от времени и усилий. Дигвил уже успел понять, что ожидало такого «старика».

На негнущихся ногах он ещё дотащится, выполняя последний приказ, к длинному низкому сараю на окраине ближайшего городка. Молодой, ещё не выслужившийся для столицы Мастер подаст знак, двое мертвяков распахнут створки ворот, оттуда дохнёт теплом и сладковатым тленом. Обречённый зомби проковыляет внутрь, его взгромоздят на стол, прихватят ремнями, и Мастер начнёт ритуал – всё, что ещё годится в дело, должно быть извлечено и должным образом сохранено.

И вот тут старый зомби, давным-давно умерший человек, закричит.

Дигвил слыхал эти вопли. Жуткие, нечеловеческие, низкие и тягучие, их ни с чем не спутаешь и ни с чем не сравнишь. Что-то, значит, оставалось «живым» в этих шагающих трупах, что-то такое, о чём задумаешься – и пробирает дрожь. Начинаешь понимать, что и впрямь есть нечто «хуже смерти».

– Э, чего расселся? – буркнул, проходя мимо Дигвила, почтовый смотритель. – Стар наш старик, стар. Совсем плох. А ты… – быстрый, внимательный взгляд, – никак не из наших. Да, сказывали про тебя, сказывали… что отпустили тебя Мастера, мол, иди на все четыре стороны. Нечасто такое бывает, ну а мне резоны их и вовсе обсуждать невместно. Вот что, мил-человек, вижу, у тебя глаза, как у клыкача голодного. Давай-ка, бери колун, ступай во двор, дров поколи. А за мною ужин не пропадёт. Или… нет, погоди. Вижу, ты отощал совсем. На вот краюху. Задаток вроде как. Потом уж иди.

Хлеб был мягким и тёплым. Дигвил готов был поклясться всеми Семью Зверьми и самим Омом Прокреатором, что ничего вкуснее в своей жизни он не едал.

Потом, правда, пришлось туго. Благородный дон Дигвил Деррано, наследник замка Деркоор, никогда в жизни не держал в руках колуна. Боевые топоры – сколько угодно, вот только дрова ими рубить не доводилось. Старый смотритель вышел во двор, полюбовался, сокрушённо покачал головой, поцокал и принялся учить молодого дона уму-разуму.

– Да ты из благородных, как я погляжу? – Вопрос был задан без малейшего пиетета и вроде б даже без ожидания ответа. – Не взыщи, человече, у нас благородных-то нету. Извели их всех, вишь, какая история. Мастера наши говорят, что у людей у всех кровь одинакова.

Дигвил опустил голову, скрывая поднимающийся гнев, с хряском рубанул, развалив кругляш надвое.

– Славно, славно, – одобрил смотритель. – Есть си– лёнки-то.

Деревенщина неотёсанная, с яростью сжимая топорище, думал молодой дон. Благородных у них, видишь ли, нету! Выпороть бы тебя как следует, шкуру б спустить, чтобы помнил, как надлежит обращаться к наследнику целого сенорства!

Но вслух он, разумеется, этого не сказал. Получить горячий ужин казалось куда важнее.

* * *

Он видел многое. Странное, непонятное, непривычное. Страна, где нет благородного сословия – но не скатывающаяся в

полную дикость и хаос. Страна, где правят простолюдины, выбившиеся наверх не по праву рождения, а лишь собственными способностями. Страна, где мёртвых хоронят лишь в том случае, если они *совершенно* «ни на что не годятся», то есть из них невозможно сделать даже самого плохонького зомби. Страна, где у взрослых детей зачастую в мертвяках-работниках их собственные родители, – от этого у Дигвила всякий раз шёл мороз по коже. Страна, где к смерти относятся… незнамо как. С почтением, но без страха. Или, вернее, со страхом, но совсем иным, нежели у обитателей Свободных королевств.

Дигвил двигался к границе. Нельзя сказать, чтобы с великими муками и лишениями, – нет, обычные тяготы зимнего пути для одинокого странника. Освоившись, он уже смело стучал в ставни почтовых станций. Работа и кров находились почти всегда, а если работы и не случалось, в ночлеге никто не отказывал. Благородный Дигвил Деррано привык к мозолям, натёртым рукоятью меча, никак не черенком лопаты или топорищем обычного колуна, – но здесь, пробираясь сквозь зимние земли Некрополиса, свыкся и с такими.

Несколько раз его останавливали – молодые Мастера; смотрели пристально, спрашивали положенное, однако не злобствовали, не сажали в порубы, отпускали.

Он осторожно пытался расспрашивать – что творится на севере, как идёт война с Навсинаем? С Навсинаем потому, что осведомляться о судьбе родного Долье было бы по меньшей мере неумно.

Отвечали ему неохотно, и не оттого, что вести были дурными. Нет, он всё-таки оставался чужаком, отпущенным непонятной милостью Мастеров, и ему вполне можно было разрешить переночевать в тепле и дать ломоть хлеба с наваристой похлёбкой – после того, как отработает; потому что Мастера оставили ему жизнь и жизнь же его следовало поддерживать прочим законопослушным обитателям Некрополиса. Жизнь, но не более того.

Вести же с северо-запада были кратки и немногословны. Мастера не признавали слухов, из Гильдии «вниз» не просачивалось ничего, что могло бы послужить основой для пересудов. Война затихла, где-то по мелочи то мы верх возьмём, то они. А в общем, ни взад, ни вперёд, так и пихаем друг друга от Реарских гор до побережья.

О Долье вообще не упоминалось. Скорее всего, уныло подумал Дигвил, королевство так и осталось под рукой Некрополиса, а то самое «пихание» имеет место быть в Меодоре, вдоль пограничной Долье от устья до перевала, за которым уже

Навсинай.

Видел он и Гниль.

Видел цепочки мертвяков, мерно надвигавшиеся на какое-то селение, окружив его со всех сторон. Ветер доносил знакомую кислую вонь да жуткие крики людей. Зомби не пытались никого спасти – они истребляли многоножек, не давая им расползтись. Людей всё равно оставалось только списать – их ведь даже на зомби не пустишь.

Какое-то время Дигвил размышлял над тем, нельзя ли зомбировать, кроме людей, также всяких чудовищ или просто хищников. В конце концов, а как насчёт тех же многоножек?.. И есть ли творения Мастеров среди везущих повозки тягунов?

Потом ему повезло – или же вновь вмешались всё те же Мастера. Дигвил сумел присоединиться к большому обозу, двигавшемуся на запад. Разумеется, подвозили его не за просто так – пришлось ходить за тягунами, колоть дрова, чистить котлы и прочее. Благородный дон уже ничему не удивлялся и брался за любое дело. В противном случае ему пришлось бы провести в дороге долгие месяцы; караван же шёл ходко.

…Навсинайская граница открылась множеством укреплений, гарнизонов, перекопанных рвами дорог и бесчисленных застав. Вдоль обочин тянулись бесконечные частоколы. Сторожевые отряды мертвяков маршировали туда-сюда; хорошо ещё, под водительством живых, а то бы странствия Дигвила тут бы и закончились. На него смотрели – и усмехались. Мол, иди-иди себе, человече. Знаем, для чего ты здесь.

…На севере тлела война, а здесь, где застыли друг против друга главные силы непримиримых противников, всё оставалось спокойно. Ну, или почти спокойно. Дигвил шёл и только поражался, что его ещё не схватили и не повесили, как явного и несомненного навсинайского шпиона.

К пограничной реке его вывел один из Мастеров – на его отряд в сотню зомби Дигвил наткнулся, когда просто и безыскусно топал по ведущей к последнему мосту дороге.

Здесь никто ничего не говорил. Тройка зомби сопроводила Дигвила до уреза замёрзшей воды, толкнули в спину – иди, мол.

Слева от Дигвила прямо из льда поднимались изглоданные магическим огнём опоры. Когда-то через широкий Делхар и впрямь был перекинут мост, одно из чудес древней Империи. Потом, когда по реке легла граница «между Жизнью и Смертью», мост, само собой, обрушили.

Дигвил шагал по льду, направляясь прямо к палисадам и дозорным башням закатного берега. Сплошной стены вроде бы нет, уже хорошо.

Дзынньт!

Брызги льда, и прямо перед Дигвилом воткнулся здоровенный зазубренный дрот. Молодой дон послушно застыл, на всякий случай высоко подняв безоружные руки. Довольно долго ничего не происходило, пока наконец ему не крикнули – мол, подходи медленно и рук не опускай!

…Дальше всё тоже было просто и понятно для дона, хоть и молодого, но видавшего виды. Явились служители Высокого Аркана, в длинных тёмно-синих одеяниях до земли, вызывающе расшитых серебряными рунами. Маги Навсиная носили и посохи, резные, вычурные, с цветными камнями в навершиях. Иные светились, иные таинственно мерцали – в общем, выглядело всё это красиво и внушительно.

Дигвила привели в жарко натопленную кордегардию. Он назвал себя.

– Благородный дон Дигвил Деррано? Наследник сенорства? – Старший из магов продемонстрировал завидную осведомлённость. – Чем можете подтвердить?

Дигвил молча вытянул руку с фамильным кольцом. Допрашивавший его навсинаец – круглолицый, с двойным подбородком и явно не чуждый радостям жизни – покивал, вытянув губы трубочкой.

– Кольцо можно снять с трупа.

Вместо ответа Дигвил с усилием чуть сдвинул жёлтый обод ближе к фаланге. Открылся оставленный перстнем след – какой возникает, только если носить кольцо годы и годы. За несколько недель или даже месяцев такое не появится. Показал он и заметные мозоли на соседних пальцах – там, где они тёрлись о печатку.

– Хм, убедительно, – признал круглолицый. – Но кое-какие испытания мы всё же проведём, надо убедиться в аутентичности…

Молодой дон Деррано пожал плечами.

Убеждаться в аутеничности адептам Навсиная пришлось долго, и выглядело это весьма эффектно – с облаками светящегося и искрящего изнутри дыма, спиралями поднимавшихся вверх искр и многоцветным пламенем, плясавшим в бронзовых чашах. В происходящем Дигвил не понимал ровным счётом ничего. Раньше бы, наверное, удивился, стоял бы, широко раскрыв глаза, – а теперь, после зимнего Долье, после моста, после Некрополиса и зомбирования его товарищей по несчастью, после долгого пути через всю страну, почитавшуюся на его родине средоточием ужаса и зла, – нет.

…В конце концов дым, пар и пламя сошли на нет.

Убедившись в его правдивости, приграничные маги решили отправить Дигвила дальше – в самую столицу, в сказочный город магов, что, говорят, мог, если надо, подниматься над землёй со всеми обитателями.

Вновь предстоял неблизкий путь. Но теперь благородный дон Деррано проделал его с куда большими удобствами. Санный возок тащил могучий, не знающий усталости голем, любезный маг Сафрий развлекал достойного дона приятной беседой, а трое слуг бдительно следили за тем, чтобы дорожные тяготы ни в коей мере не испортили настроение путникам.

Глава 14

Алиедора наслаждалась. Она была счастлива. Тело стало совершенно иным, способным проделывать такие фокусы, о каких не могли мечтать даже лучшие акробаты. Лёгкий меч лежал в руке как влитой и рубил насмерть.

«Обратно вернёшься уже полноправной Гончей», – с усмешкой повторяла она прощальные слова Латариуса. Бедолага. Не понять ему, что она уже сейчас куда больше Гончая, чем даже Аттара. Старая, умная Аттара, с движениями, отточенными до остроты клинка, но – слабая, слабая, безнадёжно слабее её, Алиедоры.

Доньята вспоминала последний их бой. Победить Гончую может только Гончая, и лучшая из всех, кем располагал Некрополис, бросила вызов Алиедоре. Разумеется, под самым что ни на есть благовидным предлогом. «Покажи, чему научилась».

Алиедора вышла на песок арены с деревянным мечом в руках и ухмылкой на губах. Границы своей силы, неотъёмной, ставшей частью её собственной плоти, она знала. Знала чётко и остро, не нуждаясь во внешних подтверждениях.

Вообще-то меч для Гончей – не главное средство. Гончая добивается цели, а не пытается победить в соответствии с какими-то там «правилами боя» или «кодексами чести». Они придуманы слабаками и для слабаков. И чтобы достичь требуемого, у Гончей есть средства куда действеннее обычной железки.

Эликсиры, взрывающиеся, сжигающие всё вокруг, вспыхивающие таким пламенем, что ничем не загасишь. Или, скажем, могущие всклубиться облаками дыма, что погружает в сон, неотличимый от смерти. Снадобья, что помогут видеть в темноте, дышать под водой, невредимой пройти сквозь пламя. Средства, позволяющие ходить на руках с той же лёгкостью и непринуждённостью, что и на ногах. Да, пока что доньята ещё носит в плотном кожаном поясе твёрдые стеклянные цилиндрики. Выпей перед тем-то и тем-то, вдохни тогда-то и тогда-то, вылей на одежду, буде случится то-то. Конечно, это – подаренное, вручённое. Но лишь до той поры, как заверяют её и Латариус, и Аттара, пока тело не изменится до такой степени, что никакие снадобья уже не потребуются.

Поэтому Алиедоре не нужны пустые «победы». Ей было всё равно, выиграет она или проиграет в том поединке с Аттарой. Старшей Гончей, давно уже не ходившей в поле, нужен призрачный успех – ну и пусть её. Только зависти той же Аттары

ей, доньяте, и не хватает.

…Нет, старшая из Гончих была совсем неплоха. Даже хороша. Движения её казались самим совершенством, тя– жёлый деревянный меч порхал, словно невесомый. Аттара отказалась от боевых снадобий, в том числе и ослепляющих, и дымовых – словно наперекор всему, что говорила и чему учила сама, старой Гончей требовалась чистая победа.

И Алиедора охотно отдала ей эту вожделенную победу – пропустила удар, но не раньше, чем Аттара начала тяжело, прерывисто дышать, хватая раскрытым ртом ускользающий воздух.

«Выбилась из сил, – холодно подумала Алиедора. – Продержишься ещё сотню ударов сердца, а потом всё. Будь у нас всё по-настоящему, Гончая Аттара, я убила бы тебя, просто и без затей. Уж я-то не выложила бы напоказ из собственного пояса ослепляющие и обездвиживающие заряды. Можешь не сомневаться.

А пока – что ж, победи меня. Голову даю на отсечение, ты сейчас скажешь нечто вроде «ещё чего-то могу».

– Х-ха! Ещё чего-то могу, – хрипло объявила Аттара, опуская деревянный меч и утирая обильно проступивший пот. – Молодец, благородная доньята. Немногие бы продержались так долго. Молодец! – Она хлопнула Алиедору по спине, и та с трудом удержалась, чтобы не передёрнуть с презрением плечами.

Как же вами легко управлять, люди. Даже лучшими из вас, такими, как Гончие или Мастера.

Но теперь всё позади. В Некрополис пришла весна, а она, Алиедора, направляется в гавань Скришшар, чтобы сесть на корабль и отплыть далеко на северо-запад, на сам Безлюдный берег. Там ей надлежит отыскать некую экспедицию ордена Чаши и «обеспечить её невозвращение», как элегантно выразился Мастер Латариус.

О захвате Долье Некрополисом Алиедора, конечно же, знала. Знала также, что Навсинай, оправившись от первого натиска, поспешил отправить в Меодор все свободные полки своих големов, потеснив армии Мастеров Смерти.

Алиедора искренне удивлялась – зачем Мастерам такие игры? Хороших зомби-воинов не так просто сделать, они дороги, процедура требует редких ингредиентов. Почему бы не отправить ко всем «привилегированным и дипломированным пользователям Высокого Аркана» по Гончей, раз и навсегда прекратив эту войну?

Однако она уже поняла, что вопросы в Некрополисе имеют право задавать не все. Поэтому она, даже и находясь на особом положении, кое на что ответов просто не получала.

«Всё, забыла об этом, – приказала себе Алиедора. – Впереди дальняя дорога, а потом дело. Дело, которое я сделаю, как и подобает настоящей Гончей».

Оказалось, что весна в Некрополисе – это очень красиво. Как и в Деркооре, как и в родном Венти. Деревни, мимо которых проносился дилижанс Алиедоры, окутались белым маревом цветущих садов, и, подгоняемые заклятьями Мастеров, неутомимые зомби трудились не покладая рук.

Миновали развилку, влево отошёл широкий тракт, что вёл к Сиххоту. Туда сплошным потоком шли подкрепления, стягиваемые со всей огромной страны, и Алиедора мельком подумала, что Дигвил, если, конечно, он не полный дурак, подобно его младшему братцу, – уже должен быть очень, очень далеко. Почему-то эта мысль грела, хотя перед собой Алиедора оправдывалась, конечно же, тем, что это именно она обязана убить деркоорского наследника.

В Скришшаре её ждала угрюмая чёрная галера, расписанная красными и белыми черепами. Алиедора мельком удивилась, откуда такая странная раскраска.

– Так оно ведь понятно, госпожа, – ухмыльнулся капитан щербатым ртом. – Нас бояться должны, за лигу чтоб обходили. Когда надо, мы и серой тенью прокрасться могём.

– Вот на сей раз и пойдём серой тенью, – строго бросила Алиедора. На самом деле отданные ей приказы ничего подобного не содержали, но капитан, по счастью, даже не подумал усомниться в словах грозной Гончей с шестью старшими рунами на ошейнике.

Ошейник ей принёс, кстати, сам Латариус. Руны, конечно, ещё не заслуженные, но…

– Надень. Чтобы не задавали лишних вопросов. И не нужно тебе так уж сильно и сразу выделяться.

…Окраску корабля изменили почти мгновенно – стоило обрызгать борта, палубу, паруса, вёсла и мачту каким-то алхимическим добром, в изобилии имевшимся у щербатого капитана. Галера и впрямь превратилась в серый призрак, едва заметный над серой же, окутанной туманом поверхностью моря.

Долгое плавание промелькнуло для Алиедоры почти незаметно. Большую часть времени она спала, или, во всяком случае, старалась спать, борясь с подступающей дурнотой – давали о себе знать эликсиры Некрополиса, медленно и постепенно впитывавшиеся в кровь, а может, одолевала и морская болезнь – ведь раньше Алиедоре хаживать на кораблях не приходилось.

… – Госпожа! Госпожа! – Щербатый капитан осторожно

постучал в дверь. – На месте мы, госпожа. Ближе к прибою подходить небезопасно, госпожа. Но лодка вам уже готова.

– Благодарю за верную службу, – с ледяным достоинством бросила Алиедора. – Не сомневайтесь, капитан, я оповещу Гильдию о вашем усердии.

– Премного благодарен, госпожа…

Доньята величественно кивнула.

Утлую лодчонку она спрятала меж скал – в назначенное время её подберёт судно Некрополиса. Та же галера или, быть может, другая. Какая разница? Алиедора не собиралась заводить друзей среди тех, кто служит Гильдии Мастеров.

Безлюдный берег. Глухомань, дичь, о которой на юге рассказывали столько жуткого. Здесь – только нелюдь и нежить. Ну, и те, ради кого Некрополис отправил сюда свою лучшую Гончую. Конечно, Мастера сами ещё не знают, что она – лучшая, но это ничего, скоро поймут.

В Некрополисе уже наступало лето, а здесь едва-едва подняла голову весна, протирая мутные со сна глаза бесчисленных озёр и озерец, щедро раскиданных по мшистой равнине. То тут, то там виднелись купы низких кривоватых деревьев, едва по плечо Алиедоре. Вокруг всё плоско, взгляду не за что зацепиться – сама-то доньята привыкла жить в виду высоченных снеговых вершин.

Здесь много воды, среди моховых берегов неслышно струятся тихие речки, впадающие в озёра. Стаи непуганых птиц, только что вернувшихся из тёплых краёв. Алиедора тихонько вздохнула. В Некрополисе ей строжайше запрещали только одно – пить чистую воду. Исключительно – эликсиры. Если они кончатся, учили Мастера, набери воды в баклажку, кинь туда крупицу из красного флакона, крупицу из синего, размешай, пока всё не сделается чёрным, и только потом пей. Почему так – подробно не объясняли, ограничиваясь лишь самым общим «нарушением баланса начальных снадобий, в твоей крови пребывающих», впрочем, сказали также, что, когда её тело перестроится окончательно, это требование не будет столь уж строгим.

Одна. Под северным небом, что, казалось, вот-вот рухнет на голову, словно подгнившая крыша. Пальцы Алиедоры пробежались по холодным пробкам скляниц с боевыми эликсирами; нет, пить она ничего сейчас не станет. И вообще – лучше всего ей выполнить задание, поменьше прибегая к какой бы то ни было алхимии Мастеров.

Интересно, что здесь, на Безлюдном берегу, понадобилось ордену Чаши, этим всемирным старьёвщикам, как их называл Мастер Латариус. Алиедоре следовало узнать, что же именно, и, разумеется, доставить *это* в Некрополис, буде оно окажется

вполне вещественным.

«Орден Чаши, – говорил Мастер Латариус, – противник, конечно, серьёзный, но не так, чтобы очень. Вот на орден Солнца я бы тебя ещё не отпустил, честное слово, да, не отпустил бы. Маленькая ещё». Алиедора чуть улыбалась уголками губ. Маленькая. Ха-ха. Она чувствовала себя старше не только Аттары, не только Латариуса, но даже и камней Гильдии, древнее вырытого давно умершими рабами карьера. Наверное, ровесником мог бы оказаться лишь сам мир.

«Вы ушли от меня, Дракон с Тьмою. Не знаю, что за сущности крылись за вашими жуткими масками, да и знать не хочу. Я не подошла, не смогла – ну и ладно. Есть те, кто в меня верит, кто знает, что я сумею, преодолею, сдюжу». Она замерла, прислушалась к себе. Нет, дурнота никуда не исчезла, просто чуть отступила, приглушённая. К постоянным тошнотным позывам привыкать было труднее всего. Интересно, что в бою они исчезали. Сражаясь, молодая Гончая становилась сама собой, идеальной машиной, живым големом. Когда кончался бой и возвращалась обыденность, вместе с ней приходила и дурнота.

И сейчас Алиедора вольно или невольно торопила события, ожидание первой настоящей схватки становилось невыносимым.

Указанное Мастерами место находилось невдалеке от берега, лишь в полудне пути. Алиедора спешила, перейдя на ровный бег, каким Гончие способны были одолевать два десятка лиг за день. Тут уже не обойтись без снадобий, и Алиедора, не останавливаясь, зубами выдернула пробку одной из скляниц.

Жидкий огонь потёк по внутренностям, заставляя ноги забыть об усталости. Казалось, прибавь доньята ходу – вмиг достигнет далёких-предалёких гор.

Но нет, нельзя. Только так, сдерживая собственное пламя, вдох-выдох, правая нога, левая, вновь правая. На время ты не человек, даже не Гончая. Ты – голем. Гончей ты сделаешься, когда вцепишься врагу в глотку.

А вокруг – мох, да болотца, да озерца во мху. И она, режущая плоскость мира, словно чёрный клинок. Ветер касался пылающих щёк, и Алиедоре казалось – ещё немного, и она взлетит, взлетит без всяких крыльев.

…В назначенное место она вышла, как и планировали Мастера, в сумерках. Добралась бы и быстрее, но последнюю лигу пришлось идти сторожко, оглядываясь, застывая на месте и подолгу вслушиваясь. Впереди лежало нечто вроде тесно сдвинувшихся боками холмов, и там, не скрываясь, вились флаги, горели костры, тесным кругом сбились добротные повозки, по мху бродили унылые тягуны – им, беднягам, он едва ли пришёлся

по вкусу.

Алиедора распласталась, змейкой-ползушкой скользнула меж кочками. Волны серого сумрака обгоняли новоявленную Гончую, сердце быстро гнало кровь по жилам, и это было плохо – действовать надлежало в совершенном спокойствии.

Она остановилась, уткнулась лбом в мягкий, шелковистый мох. Помедли. Погоди. Это первая часть твоей мести. Не испорти её вкус. Насладись как следует.

…Помогло. Лихорадочно колотившееся сердце вновь забилось ровно, и Алиедора подняла голову.

Ничего особенного, сказала она себе. Рыцари – просто закованные в доспехи люди. Големы Навсиная куда опаснее. Чтобы свалить стального болвана, требовалось вскрыть толстенную, без продухов, броню. С человеком сладить легче, правда, их многовато, и эликсирами, увы, воспользоваться придётся.

Она на ощупь вытянула скляницу из гнезда на поясе, выдернула пробку. Терпкий вкус на языке, мгновенное помутнение в глазах – и вот мир словно остановился, а она, Гончая Некрополиса, сделалась быстрой, подобно молнии. Да, пока ещё ей не обойтись без эликсиров, её тело ещё слишком косно, недостаточно совершенно.

…Доньята поднялась и спокойно, даже неторопливо прошла мимо ближайшего рыцаря, стоявшего к ней спиной. Его голову закрывал железный горшок с узкой прорезью, шею защищали спуски кольчужного капюшона, и потому Алиедора с невероятной, недоступной обычному человеку точностью послала рыцарю между тесно сплетённых колец небольшую чёрную иглу из короткой духовой трубки. На тупом конце иглы пламенела багровая капля, невесть как удерживавшаяся там.

Рыцарю показалось – в шею ему впился докучный комар. Рука «чашника» дёрнулась – и в тот же миг безвольно повисла. Ноги его подогнулись, и он умер, даже не успев рухнуть в мягкие мхи.

– Оттор! – крикнул кто-то из его спутников.

Алиедора улыбнулась. И продолжила идти. Просто идти, прямо на поднимающего огромный двуручный меч рыцаря. В узкой прорези шлема доньята чётко видела его глаза – расширившиеся сперва от изумления, а потом от ужаса. Громадный и тяжёлый клинок «чашника» всё ещё поднимался, а Гончая уже выбросила на всю длину руки свой собственный меч, плашмя вошедший точно в смотровую щель.

Алиедора чётким, отточенным движением выдернула окровавленный клинок и позволила себе один очень-очень долгий миг смотреть на бессильно падающее тело.

Это было сладко. Она всем существом чувствовала сжигающий ужас тонущей в посмертии души, души, отправляющейся на ту самую дорогу к Белому Дракону. «Кор Дарбе был прав, – мельком подумала она. – Ты многому научил меня, варвар, сам того не желая».

Третий и четвёртый рыцари кинулись на неё разом, и для облачённых в тяжёлый доспех людей они двигались очень даже резво. Но, разумеется, угнаться за лёгкой, словно пушинка, Гончей они не могли. Алиедора даже не пыталась состязаться в фехтовании – уклонялась, уворачивалась и била сама. Причём даже не собственным мечом.

…Первый из нападавших получил прямо в глаз отравленную стрелку, второму Алиедора швырнула в боковину шлема стеклянную горошину, разбившуюся и полыхнувшую тугим клубком чёрно-рыжего пламени. Жидкий огонь потёк под нагрудник и оплечья рыцаря, человек истошно завизжал, в последних судорогах пытаясь сорвать с себя латы; его агония длилась совсем недолго, горящий труп замер, а из всех сочленений доспеха вырвались языки пламени.

Как же сладко, всемогущие Звери, как сладко!

Спокойствия словно и не бывало. Алиедора плыла по волнам яростного, яркого наслаждения, совершенно ни с чем не сравнимого. Не в детской игре, не на турнирном ристалище, когда в руках у тебя деревянный меч, – она побеждала по-настоящему, в настоящей жизни. Она платила за всё. За розги в руках Байгли, за похотливые лапы в «Побитой собаке», за унижения в королевской столице, за голод и холод той зимы, за бегство, за трёхглазого Метхли, за варваров, за чёрный куб, за Гниль – за всё.

Какой-то храбрый служка выпалил в неё из самострела. Он ещё только нажимал на спуск, а рука Алиедоры уже взметнулась, миг спустя с небрежной ловкостью взяв из воздуха стальную стрелу возле самого лица. Парнишка – а он был ещё очень и очень молод, сгодился бы Алиедоре в младшие братья – не успел ни бросить оружие, ни даже крикнуть. Алиедора на повороте косо рубанула остриём меча пониже уха и равнодушно повернулась спиной к фонтанирующему кровью из перебитой артерии телу.

Никогда не жёг её такой восторг, такое упоение. Чувствовать, как исчезают, словно мошки в огне, чужие жизни, жизни, гаснущие по её воле. Она побеждала, потому что она была лучше. Быстрее, сноровистее, сильнее. Она, девушка, спокойно убивала хорошо вооружённых, закованных в тяжёлую броню мужчин. Тех самых, что презирали её и ей подобных. Такие же, как эти, вытолкали её из родного дома, выдали замуж против её воли,

пытались надругаться, чуть не уморили голодом и холодом.

Да, она, Алиедора, теперь совсем другая. Пусть Аттара думает, что получила всего лишь очередную Гончую, пусть даже и талантливее других. О нет, конечно же, нет! Она пойдёт далеко, очень далеко.

Мысли эти текли, против всех ожиданий, размеренно и спокойно, словно и не играл в руке Алиедоры окровавленный клинок, точно и не выхватывала рука из поясных гнёзд одну скляницу за другой, оставляя за собой пламя, пятна разъедающей всё и вся кислоты или облака удушливого дыма. Вдохнув его всего лишь раз, человек падал замертво.

За спиной Алиедоры оставались мёртвые тела, чьи души уже унесены жёстким – хоть и весенним – ветром.

Весна – пора великого обновления. Старое уходит, это закон жизни, и она, Алиедора, всего лишь помогает свершиться всеобщему и обязательному.

Она шла, как ей казалось – спокойно и неторопливо. Нельзя сказать, что «руки сами делали дело», пока ещё приходилось думать, действовать осознанно; но Алиедора знала, что это ненадолго. Скоро тело обретёт способность сражаться само по себе. Его хозяйке есть о чём подумать, кроме мечемашества.

…Она замерла как-то сразу, внезапно, ощутив рядом с собой лишь пустоту и холод. Нигде поблизости не осталось никого живого. Даже раненых. Клинок и эликсиры Некрополиса разили сразу и насмерть. Повторных ударов не требовалось.

Лагерь опустел. Алиедора аккуратно протёрла лезвие пучком мха, брезгливо его отбросила. Дело сделано. И, всевеликие Звери, как же ей хорошо! Как покойно и уютно! Она доказала, что может, что способна. Теперь осталось лишь взять то, за чем её отправили, – и больше здесь делать нечего. Не стоит разочаровывать Мастера Латариуса. Он, в конце концов, немало ей помогал. Быть может, она оставит его в живых и даже сделает своим советником – когда вместо Мастеров Смерти, вместо их Гильдии Некрополисом будет править истинная королева.

* * *

Почему и отчего рыцари ордена Чаши не поленились притащиться – себе на погибель – в этакую глушь, Алиедора обнаружила достаточно быстро. Чёрная дыра среди хаотично наваленных каменных глыб. Рядом – кучи свежевыкопанной земли. Как учили, доньята сорвала пару растущих рядом травинок, растёрла между пальцами, поднесла к лицу – так и

есть, это подземелье не простое. Корни растений тянут из земли не только воду, они вбирают и незримую сущность самого места, где растут; опытный человек всегда сможет отличить «запах магии».

Но лезть туда, внутрь, она пока погодит. Сейчас она запоздало пожалела, что не оставила в живых никого из «чашников», – но будущая владычица Некрополиса не должна унижать себя какими-то допросами и зависеть от вырванных у врага признаний. К тому же они могут лгать – даже и под пыткой. Они могут оказаться крепки духом и предпочтут умереть, нежели выдать тайну. Так что Алиедора просто ускорила неизбежное и сэкономила себе немало времени, которое иначе растратила бы впустую на бесполезные дознавания.

Она вновь обошла лагерь, обыскала его, перевернув всё вверх дном. День угасал, но Алиедора не нуждалась в свете. Доньята стащила к костру все дорожные мешки и сундучки, найденные на стоянке; не были забыты седельные сумы храпящих и пятящихся от неё гайто.

Добычей Алиедоры стало немало золотых монет (Некрополис щедро тратил, но не брезговал даже ломаным грошом, попадись он какому-нибудь Мастеру на пыльной дороге); множество талисманов, амулетов и оберегов; эти она осмотрела особенно тщательно, осторожно поднося к глазам – и вновь откладывая в сторону. Иное из подобранного действительно было кое на что способно; но всерьёз заинтересовать Гильдию они, конечно же, не могли.

Значит, надо лезть вниз.

…Факел доньята не взяла. Снадобье позволяло видеть в темноте куда лучше самых зорких ночных хищников.

Ход больше напоминал звериную нору, приходилось ползти на четвереньках. Земля да корни – ничего интересного. Холодно, под пальцами – склизко от недавних дождей. Внутри наверняка вода.

…Наклонный ход – или, вернее, лаз – вывел Алиедору в просторное, хоть и невысокое, подземелье. Низкий потолок поддерживали массивные колонны, на немало претерпевших от времени барельефах белого камня расправляла крылья невиданная птица.

Храм Феникса, мелькнула мысль. Алиедора даже прикусила губу – обязана была догадаться раньше. Понятно, что здесь делают, э-э-э, делали рыцари ордена Чаши: неразграбленных святилищ Летающего-меж-Мирами почти совсем не осталось, говорили доньяте в Некрополисе. Найти такой – огромная удача.

Удача, гм, да. Удача, конечно же.

Некрополис тоже интересовался храмами Феникса, но после того, как здесь побывали «чашники»… стоп! Почему она не нашла в их лагере никакой добычи? Куда всё делось? Или ничего не нашли? Или не успели поднять? Судя по кучам земли, раскопали этот лаз они совсем недавно.

Алиедора прошлась кругом. Ничего особенного, кроме грязи под ногами, – сквозь прорытый «чашниками» лаз успело натечь воды.

Наконец отыскался и ход вниз.

Здесь уже были каменные ступени, истёртые и потрескавшиеся. В одном месте под ноги Алиедоре попалась латная перчатка – не то брошенная, не то потерянная – и рядом с ней пятна крови. Скорее всего, отсюда унесли тело.

Мастера говорили, что храмы Феникса славились своими ловушками, исправно срабатывавшими и через столетия после того, как были насторожены. Алиедора застыла на миг, затем поморщилась, но всё-таки приложила к губам ещё одну скляницу – эликсир обострённого слуха она терпеть не могла, после него тошнило просто невыносимо, но сейчас без этого не обойтись.

И точно – едва слышимый скрип пружины она уловила и успела отпрыгнуть за миг до того, как воздух там, где она стояла, пронзила короткая стрела.

Гончая презрительно усмехнулась.

Второй ярус оказался интереснее первого. Для начала – целым лесом поставленных стоймя каменных плит, сверху донизу покрытых непонятной вязью, – это должна была быть знаменитая храмовая библиотека, вспомнила Алиедора. Язык Феникса она, само собой, выучить ещё не успела. Тем не менее это хорошая находка: Мастера отправят сюда сильный отряд, который или скопирует все до одной надписи, или просто вывезет бесценные плиты в Некрополис, чтобы созданные древними жрецами заклятья не попали в неправильные руки.

А потом она увидела алтарь. Белый камень, чьи бока обнимали крылья властителя небес, странника меж бытийными планами. Гончая вгляделась – и отшатнулась: камень иссекли трещины, но отпрянула Алиедора совсем не поэтому.

Магия разрушения и уничтожения. Не смерти, нет, смерть есть порог и покой, но именно разрушение и уничтожение. Причём разрушали они не только и не сколько сам алтарь…

На цыпочках Алиедора подкралась поближе. Всем существом Гончая чувствовала опасность, хотя и не понимала, откуда она может исходить.

…Алтарный камень тем не менее как магический объект мёртв не был. Сердце старого храма мерно билось под гнётом

белой глыбы, и доньята невольно опустилась на колени, застыла надгробной статуэткой.

Перо Феникса. Главный артефакт старого святилища. Уж не его ли пытались упромыслить алчные «чашники»? Во всяком случае, оставлять его тут – верх глупости. Один отряд ордена Чаши она уничтожила, но кто может сказать наверняка, что рыцари не поспешат отправить подкрепление? Конечно, Перо Феникса так просто не возьмёшь, но разве может отступить лучшая из Гончих Некрополиса перед какими-то там жрецами, давным-давно мёртвыми и обратившимися во прах?

…Очень быстро она поняла, что даже весь алхимический арсенал, имеющийся в её распоряжении, ничего не сделает с охранительными заклятьями, наложенными явно не людьми. Прикоснуться к Перу означало умереть даже для неё, Гончей. Некоторое время Алиедора лихорадочно рылась в памяти, стараясь отыскать подходящий рецепт; увы, за несколько месяцев, даже впитывая премудрость Некрополиса как губка, всего постичь невозможно.

Алиедора выпрямилась, досадливо поморщилась. Как же быть с этим Пером? Волны исходящей от него силы Алиедора чувствовала так же ясно, как солнечное тепло. Не бросать же здесь, верно? Но и не взяться, ни голыми руками, ни в рукавицах. Даже латных.

Наконец решившись, она вытащила из гнёзд на поясе две плотно сидевшие там скляницы – нетронутые, с при– тёртыми пробками, наглухо залитыми сургучом. Решительно сломала печати, вытянула руки – и капнула ровно две капли, по одной из каждого флакона, прямо на пол перед вместилищем Пера.

Несколько мгновений ничего не происходило, а потом пол внезапно вздрогнул, по трещинам в белом алтарном камне побежали струйки голубоватого пламени. Гончая отшатнулась, почти отпрыгнула – и вовремя, потому что и сам алтарь, и Перо Феникса разлетелись в пыль, а на их месте возникла пылающая всё тем же голубовато-призрачным, переливчатым огнём сфера.

Алиедору словно схватили за горло, незримая рука душила Гончую, и казалось невозможным разжать бесплотные пальцы. Призрачный шар раздувался, вбирая в себя и алтарь, и всё остальное вокруг, – а потом из него внезапно вынырнул целый рой крошечных крылатых существ в зеленовато-золотых одеждах. Радужные прозрачные крылья били воздух, сверкали голубым лезвия обнажённых крохотных мечей, и у Алиедоры глаза полезли на лоб. Такого она никогда не видела и ни о чём подобном не слыхивала, даже учась в Некрополисе.

Долго удивляться ей не пришлось – незваные гости ринулись

прямо на неё, воинственно размахивая маленькими клинками. А за этим роем уже спешили новые пришельцы – уже обычного роста, в изысканных, совсем не боевых камзолах с золотым шитьём и тонкими изящными шпагами. Голубое пламя на клинках, странные, мягкие, полумужские-полуженские черты и – *три глаза*.

Почти как у приснопамятного Метхли.

Не так страшно, даже красиво, но – ошибиться Алиедора не могла. Доньята враз ощутила всё тот же, прекрасно знакомый кисло-металлический привкус Гнили. Они все были *изменёнными*, так же как трёхглазый чародей.

Пришельцев было слишком много даже для Гончей Некрополиса. Алиедора и не пыталась состязаться с ними в ловкости и владении клинком. Пальцы сами вырвали из прихваченного для верности суровой ниткой газыря заветную скляницу, где, разделённые тонкой перегородкой, едва заметно колыхались иссиня-чёрная и кроваво-красная жидкости.

Призрачная сфера, откуда рвались незваные гости, явно была творением магии высшего порядка, а красно-чёрная скляница как раз и предназначалась для разрушения магических конструктов. О том, что случится с воспользовавшейся эликсиром Гончей, создатели его, разумеется, предупреждать не стали.

…Алиедору спасло лишь до предела убыстрённое алхимией тело, отшвырнувшее хозяйку прочь, да так, что доньята с размаху врезалась в стену и едва не лишилась чувств. Её окатило волной жара, одежда задымилась, несмотря на все пропитывавшие её алхимические премудрости. За спиной что-то грохотало и рушилось, подземелье заполнил удушливый дым. Кашляя и цепляясь за щербатую каменную кладку, Алиедора поднялась, качнулась, пытаясь понять, где же ведущие наверх ступени.

Сапог доньяты наткнулся на что-то мягкое, слабо застонавшее.

Трёхглазое существо вяло копошилось, судорожно дёргая руками и ногами. Рядом валялась сломанная шпага, от эфеса вниз по клинку по-прежнему струились волны голубоватого пламени. Там, где только что был алтарь, бушевало тёмное пламя. Тут и там среди клубов дыма на плитах виднелись неподвижные тела вторгшихся, одежда на многих тлела, на иных – полыхала.

– Гррр… – у Гончей вырвалось звериное рычание. Алиедора рывком вскинула пришельца на плечо, кряхтя, потащила наверх. Тот лишь слабо стонал, не пытаясь сопротивляться.

…Из дыры, когда они выбрались на поверхность, валил непроглядный чёрный дым, тяжёлый и жирный. Вся покрытая копотью, отчаянно отплёвывающаяся и откашливающаяся доньята

тем не менее сумела выволочь диковинного пленника на поверхность. В лагере «чашников» всё оставалось по-прежнему – то есть лежали трупы. Алиедора кое-как доползла до раскинутого шатра, и тут её согнуло пополам жестокой судорогой, началась рвота – тело отвергало влитую в него алхимическую отраву.

Пить. Безумно хочется пить, губы сами собой словно приникают к незримой чаше, в которой – вода, холодная, ломящая зубы, со хрусткими тонкими льдинками. Что угодно за глоток воды, чтобы безо всяких добавок, настоек и эликсиров!

Вода в лагере «чашников» была. Усердные служки натаскали с избытком – вот она, в аккуратных пузатых бочонках. На краю одного даже висит ковшик с цепочкой, чтобы не пропал. Только дотянись.

…Алиедора дотянулась. Трясущейся рукою зачерпнула из бочонка, дрожа и расплёскивая, поднесла ковшик ко рту.

Нет, словно щёлкнул невидимый бич. Ты – Гончая. Ты исполняешь приказы. Никакой чистой воды, ты знаешь. Ты не человек, ты больше, чем человек, но тело ещё не закончило преображение. Чистая вода тебя убьёт. Брось крупинки, ты знаешь какие, потом уж пей.

Корчась от сосущей, тянущей боли, поселившейся где-то в животе, Алиедора таки откупорила нужные склянки, уронила в воду горошинки снадобья. Вода мгновенно изменила цвет, загустела, сделавшись словно жидкий кисель, завоняла тухлым. Алиедоре пришлось задержать дыхание и зажмуриться, прежде чем она смогла сделать хоть глоток.

…Как обычно, после первого приступа отвращения стало легче. Вся в поту, она лежала, не имея сил даже пошевелиться. Из отупения и прострации её вывел пленник, застонавший громче обычного. Пришлось подняться.

– Чего тебе? – Алиедора знала, он – или она? оно? – не ответит.

Однако существо приоткрыло рот, слабым движением указывая на него.

– Пить, что ли, просишь? – Она взглянула на «кисель» в ковшике. Хоть пленник и изменённый, но дать ему сейчас эту смесь – обречь на верную смерть. – Погоди ты. Сейчас добуду тебе чего-нибудь…

Мятая серебряная фляга, найденная у одного из убитых ею рыцарей, мелко колотилась о дрожащие зубы – пленник пил жадно, вздрагивая всем телом.

Алиедора чуть не умерла от зависти, с отвращением швырнув ковшик наземь. Тёмная слизь полилась на мох, и тот немедленно почернел, обугливаясь. Доньята поёжилась.

Трёхглазое существо попыталось сесть, едва не упало обратно на мох, наконец, с помощью Алиедоры, ему удалось подняться.

– Авви а? Авви а?! – настойчиво-музыкальный голос.

– Какое тебе ещё «авви а», – огрызнулась доньята, на всякий случай пинком ноги отбрасывая подальше обломок тонкой шпаги. – Попался, так сиди и не чирикай. – Так говорили дворовые мальчишки и девчонки ещё в родном замке, отчего-то всплывшем сейчас из глубины памяти с поистине убийственной остротой и чёткостью. – Ножа нигде не прячешь?

Нет, иного оружия на пленнике не отыскалось. Все три глаза уставились в упор на Алиедору, тонкие пальцы беспокойно шевельнулись.

– Но-но! – Воронёный клинок её собственного меча вмиг оказался у горла пленника, там, где совсем по-человечески трепетала синеватая жилка. – Будешь делать, что я говорю, иначе… – Она слегка вдавила остриё. Трёхглазый беспокойно захрипел, пытаясь отодвинуться.

В походном арсенале Гончей всегда найдётся, чем связать пленному руки. Так они и побрели к морю – впереди трёхглазый, следом за ним – Алиедора.

Добираться пришлось вдвое дольше, чем доньята потратила на дорогу сюда. Пленник ничего не ел, только пил воду, однако сил у него не убывало, по крайней мере на первый взгляд. Он то и дело порывался заговорить со своей пленительницей, повторяя всё то же «авви а?» с неизменно вопросительным видом. Попытки Алиедоры научить его хотя бы простейшим словам – «вода», «еда», «земля» – ни к чему не привели.

– Ру-ка. Видишь? Это рука. И у тебя – рука. А ты как её назовёшь?

– Авви а?

– Это я уже слышала. Давай что-нибудь другое.

– Авви а?

– Ру-ка. Понимаешь, нет? А это – но-га. А у те…

– Авви а…

В конце концов Алиедора махнула рукой. Выбивать из пленного что-то пытками ей не хотелось, на это есть умельцы в самом Некрополисе. Трёхглазый казался сломленным и жалким. Ещё бы – попал невесть куда, потерял всех спутников, и теперь его волочёт за собой страшная, непобедимая Гончая, в одиночку уничтожившая весь его отряд…

В должный день и час к берегу подошла чёрно-красная галера. Капитан, уже другой, не тот, что доставил сюда доньяту, с почтением склонился перед холодной и надменной Гончей, судя по всему, совершившей в очередной раз что-то непредставимое

для обычных людей и захватившей важного пленника. На третий глаз во лбу светловолосого пришельца капитан воззрился с открытым ртом и долго ещё его не мог закрыть.

Обратный путь в Некрополис через море Тысячи Бухт занял немало времени. Несмотря на весеннее время, с севера, от Ледяного горла, мчались злые и холодные ветры. Галера боролась с бурями, так и норовившими отнести её к югу, где хищно вздымались скалы негостеприимных берегов королевства Воршт. Трёхглазый, казалось, вполне смирился со своей участью.

Алиедора расспрашивала капитана о последних новостях, оказалось, что война всё же вспыхнула. Да не чета той, что началась было зимой. От гор до самого моря заполыхало по-настоящему. Горело всё, что не успели сжечь во время вторжения кора Дарбе. Големы наступали вдоль тракта и не щадили никого. Если в деревне они замечали хотя бы одного мертвяка, то, стараясь не приближаться, забрасывали селение огнетворными шарами из массивных паровых катапульт, обращая всё в море пламени. Оттуда уже не выходил никто – ни живые, ни мёртвые.

Некрополис не оставался в долгу. Големы проваливались в хитроумные ловушки, под ними расступалась земля, с шумом валились вековые деревья. Зомби засыпали отряды железных воинов стрелами с оголовками, начинёнными алхимическим зельем. Оголовками, прожигающими даже толстую броню. Мастера Смерти, наткнувшись на отряд големов, занявший хутор или заимку, обрушивали на тесовые крыши обречённых домишек очередной дождь из пламени и тоже не обременяли себя выяснением, есть ли там простые меодорцы или дольинцы.

Столица Меодора осталась у Мастеров, но весь юг и юго-запад попали в руки Высокого Аркана.

– А Долье? Как в Долье? – неожиданно для самой себя спросила Алиедора. Казалось бы, какое ей дело до этой проклятой страны, где стоит замок проклятых Деррано?..

– В Долье, госпожа? – капитан задумался. – Тихо там. Народишко поразбежался, кого могли, наши забрали. Работать некому, зомби на войне нужны. Так что пусто там теперь, клыкачи рыщут.

Алиедора молча, отрывисто кивнула. В Долье рыщут звери, а его жители, кто не успел сбежать, уведены-таки в Некрополис. Что ж, это лучше, чем быть убитым, зарезанным или изнасилованным. Пусть работают. Зомби и впрямь нужны Мастерам больше для войны.

О пленнике капитан, разумеется, не задал ни одного вопроса. Он был хорошо вышколен, этот мореход, всю жизнь проведший на службе Некрополиса. Госпожу Гончую следовало как можно

скорее доставить в Скришшар, а там трава не расти.

…За время пути на дальний юго-восточный край моря Мечей лето уже окончательно вступило в свои права. Скришшар встретил Алиедору буйной зеленью, среди которой угрюмо вздымались серые бастионы припортового форта.

Пленник, так и не прикоснувшийся ни к чему, кроме чистой воды (да и ту он пил с очевидным отвращением), начал сдавать. С корабля он едва спустился, тяжело опираясь на плечо Алиедоры. Все усилия Гончей узнать хоть одно слово из чужого языка пропали втуне: пришелец так и не произнёс ничего, кроме всё того же «авви а». Оставалось утешаться лишь тем, что, во всяком случае, она дотащила этого чудика живым. Пусть теперь разбираются Мастера. У самой Алиедоры найдутся другие дела, поважнее. Трон владычицы Некрополиса остаётся свободным слишком долго, вернее сказать – с самого основания державы Мастеров Смерти.

В порту – чистом, почти пустом, безо всяких там кабаков и прочих злачных заведений – её должен был ожидать дилижанс. Сперва, конечно, следовало передать кому надо пленника… или же тащить его с собой в Некрополис?

Сомнения Алиедоры разрешились самым неожиданным образом. Прямо на пирсе появился небольшой крытый возок, дверца его распахнулась.

– Благородная доньята Алиедора. – Мастер Латариус улыбнулся ей, но как-то с натугой и тревожно. Внутри у него, чувствовала Гончая, прочно поселился жестоко терзавший его страх.

– С возвращением, – на дощатый настил спрыгнула Аттара. Она тоже боялась. Вот только чего?

Алиедора молча вытянулась струной, приветствуя старших, как и надлежало пусть и подающей большие надежды, но всё-таки ещё совсем молодой, начинающей Гончей.

– Мой Мастер. Порученное мне Некрополисом исполнено. Препятствия устранены, обнаружено новое, при сём захвачен относящийся к нему пленник.

«Обнаружено новое» – так рапортовали Гончие, столкнувшись с чем-то совершенно необычайным. Услыхав такое, Мастер обязан был если не разинуть рот и не подпрыгнуть от изумления, то, во всяком случае, велеть немедля доложить ему всё до мельчайших подробностей. Однако Латариус лишь досадливо дёрнул щекой.

– Потом, благородная доньята. Случилось так, что нам надо поручить тебе дело первостепенной важности.

– Важнее того, что я сейчас сообщу? Важнее даже вот этого? – Она кивнула на безучастно уронившего голову пленника.

Острый взгляд Мастера Смерти быстро скользнул по пришельцу.

– Важнее, благородная доньята. – Латариус понизил голос. – Но… мы выслушаем тебя. Только кратко. Происшедшее поневоле заставляет нас… м-м-м… сменить приоритеты.

– Слушаюсь. – Алиедора усмехнулась про себя, внешне сохраняя полную серьёзность. Припекло, господа Мастера. Даже вас чёрный несунок в лысину клюнул.

Как и требовали от неё, доньята кратко сообщила о стычке с орденом Чаши, о найденном храме Феникса, о белом алтарном камне, Пере и раскрывшейся голубоватой сфере.

– Одного такого, – закончила она рассказ, – я и словила.

Аттара и Латариус переглянулись.

– Всё сходится, – сказала старая Гончая.

– Именно, – кивнул Мастер. Вздохнул, посмотрел Алиедоре прямо в глаза. – Ты видела раскрытие Пути. На твоих глазах два мира оказались соединены тонкой пуповиной, незримой эфирной тропой. И там, куда вела эта тропа, нашлись готовые немедля вторгнуться в наши пределы. Изловленное тобой существо – не с нашего Листа, благородная доньята. Когда ты бросила скляницу, взрыв перемешал и спутал тонкие нити сил, поддерживавших портал, только поэтому ты и уцелела. Иначе их бы тут очутилась целая армия, с которой не справился бы никто. За проявленное усердие, за добытого пленника, будь ты обычной Гончей, ты получила бы самое меньшее

, большую «вайт»…

– А теперь? – Алиедора подняла бровь. – Но почему…

– А теперь мы дадим тебе

, «ашер», – решительно перебил её Латариус. – Вторую по значению из больших рун. И велим тебе немедля, не теряя ни дня, ни даже часа, отправляться в Гиалмар.

Когда Мастер говорит таким тоном, задавать вопросы не принято. Даже если ты считаешь себя будущей королевой Некрополиса.

– Отправляться в Гиалмар, не теряя ни часа, – повторила Алиедора, для верности кивнув ещё несколько раз. – Чего я должна там добиться?

– Гиалмар пока остаётся «свободной землёй». – Латариус сделал наконец жест, приглашая доньяту подняться в возок.

Пленника уже заталкивали в подъехавший следом дилижанс равнодушные, как всегда, зомби; тот слабо сопротивлялся, еле слышно повторяя всё то же «авви а». – Там хватает и големов, и тайных слуг Высокого Аркана, и прознатчиков рыцарских орденов, и тех, кто, гм, оказывает некие услуги делу Некрополиса.

Алиедора ощутила нетерпение. Яснее ясного, что такие места просто обязаны кишеть шпионами и осведомителями всех хоть сколько-нибудь значимых игроков мира Семи Зверей. Зачем повторяться? Нет, эти Мастера явно распустились без настоящей хозяйки…

– Тебе нужно будет отыскать там одного человека.

– Гм, не совсем человека, – подала голос молчавшая до сих пор Аттара.

– Согласен, – неожиданно легко кивнул Латариус. – Не совсем человека. Дхусса. Хотя и утверждающего, что он вовсе не дхусс.

– Понятно, – бесстрастно сказала Алиедора. Использовать её как обычную устранительницу мешающих делу Некрополиса типов, конечно, не шибко умно. Но Мастера, похоже, не страдают от избытка мудрости.

– Ничего тебе ещё не может быть понятно, благородная доньята! – неожиданно рассердился Латариус. – Слушай внимательно и запоминай крепко. Этот, гм, дхусс – достойный противник. Да, да, я знаю. Ты ещё недостаточно опытна, за плечами всего один поход. Доучиваться придётся в бою. Аттара была против. Предлагала послать десяток бывалых, опытных Гончих. Я сказал, что должна идти ты и должна идти одна.

– Почему я? Почему одна? Кто он такой, этот дхусс?

Латариус и Аттара переглянулись.

– О, это замечательная история, – протянул Мастер. – Долгая и очень странная. С ней связано немало нелепостей, глупых верований, но…

– Проклятые дети? Дети-разрушители? – опередила его Алиедора.

– Вот пожалуйста, нахваталась по верхам и готова судить, – проворчал Мастер, похоже пытаясь скрыть известную растерянность. – Это, благородная доньята, конечно же, сказки. Следы их можно отыскать в верованиях даже самых отсталых племён юга с их тотемической магией… кхе, гм, прошу прощения, отвлёкся. Некрополис, как страж равновесия, всегда обращал особое внимание на различные… – он на миг поднял глаза, поджал губы, словно подбирая слово, – на различные отклонения. Так вот, доньята, предание о Небесном Саде тебе, я думаю,

известно?

Алиедора кивнула.

– Выдумка тёмных и неграмотных пахарей, в ужасе наблюдавших за очередным явлением комет. Которые мы имеем счастье ныне лицезреть в созвездии Жужелицы.

– Выдумка?

– Ну… не совсем, – нехотя признал Латариус. – В основе лежали правильные, в общем-то, наблюдения, что каждый раз с появлением в небесах комет случаются всякие бедствия. И не просто войны или там приход Белого мора, но появления всяких… зловредных сущностей. Гниль с каждым появлением кометы появляется всё чаще, и пока комета не небесах свирепствует сильнее. Заметили также, что явление «хвостатой звезды» указывает на рождение какого-нибудь сильного чародея или нашествие неведомых страшилищ, что берутся из ниоткуда и исчезают в никуда…

– А на самом деле?

– Что там «на самом деле», никто по-настоящему не знает. Некрополис уделял этим кометам достаточно внимания, но значимых результатов мы пока не достигли. Возможно, это некое магическое образование, непредсказуемым образом влияющее на… появление тех, кто, скажем так, отличается от других.

«Это же мне втолковывали и Дракон с Тьмою», – подумала Алиедора.

– Кометы появляются каждые двадцать четыре года. Казалось бы, за столько лет можно было в деталях изучить все, гм, последствия. Однако мы не преуспели. Установили лишь, что по всему миру после их прохождения возникают всякие… неправильности. Но не только каждые двадцать четыре. Каждые восемь и шестнадцать лет, пока кометы не видны, это же повторяется, только куда слабее. В теоретических трудах утвердилось понятие о «кометных триместрах». В каждый из них количество… странного, творящегося в Райлеге, сильно возрастает. А двадцать четыре года назад – как тебе, быть может, известно – там, наверху, – Латариус ткнул пальцем, – творилось и вовсе что-то небывалое. После этого и появилось название «Небесный Сад»…

– Значит, во всём виноваты кометы? – сощурилась Алиедора.

– Не обязательно. После того – не значит, что вследствие того, – сухо ответил Латариус. – Мы лишь установили соответствие. Причины нам по-прежнему неясны. На самих кометах, как нетрудно догадаться, пока ещё не побывал ни один из наших Мастеров.

– Так к чему же вы клоните, досточтимый Латариус? К тому,

что я…

– Что за манера – всё сразу поворачивать на себя! Нет, благородная доньята, речь я вёл совсем не к тому. В Райлеге появился тот самый дхусс, о котором мы тебе говорили. Дхусс, который, как мы считаем, стал сильнейшим, быть может – самым сильным в истории – отклонением от обыденности.

– Он что, летает, аки птица? Выдыхает огонь? – поинтересовалась Алиедора.

– Ни то, ни другое. Но мы обнаружили – не спрашивай, как именно, – резкое изменение баланса.

– Баланса чего? Баланса где? – Как же эти Мастера любят изъясняться напыщенно и витиевато, причём, как правило, толком их не понять.

– Баланса сил, оставшегося в неустойчивом равновесии после ухода Семи Зверей. Разнообразие угасло, стянулось ко всего лишь двум полюсам, двум цветам – чёрному и белому. Увиденное тобой во храме – лишнее тому подтверждение. Где-то в ином мире, на ином Листе Великого Древа, куда, похоже, заглядывал Феникс, – есть те, кто не прочь прогуляться и под нашим небом. Это, если откровенно, тоже весьма тревожит. Пока что от пленника мало толку, мы не знаем его языка, а вскрыть ему голову наши Мастера, конечно, могут, но едва ли мы многого добьёмся – вот будь он из наших мест…

– Однако они прорываются, – заметила Аттара. – Стоят наготове.

– Стоят наготове, – согласился Латариус. – Но я говорю о другом. О том, что кометы своим воздействием истончают окружающие наш мир барьеры, они становятся проницаемыми… для самых разных существ.

– Вы намекаете, Мастер, что этот дхусс, о котором вы говорили…

– Это одно из предположений. Ничем не подтверж– дённое, кстати, – перебил Мастер. – Но связь между всем этим очевидна, и… ты помнишь наш первый спуск вглубь?

«Помню, – подумала Алиедора, молча кивнув. – Помню, как почувствовала боль и муку моего мира. Боль и муку, идущие из глубины, тяжкую болезнь, которую неведомо, как лечить…»

– Итак, нам нужен этот дхусс, – закончил Латариус. Сцепил пальцы, принявшись крутить большими друг вокруг друга, словно наматывая невидимую цепь на колодезный ворот.

Мастер боялся.

– Я уже спрашивала, что он может? Летать?

– Нет, – угрюмо сказала Аттара. – Вернее сказать, никто не знает, на что он способен. Мы только… получили известие, что

равновесие нарушено. И что связано оно с… этим дхуссом.

Алиедору так и подмывало спросить «от кого получено», однако она вовремя спохватилась. Пока ещё она должна играть «правильную», настоящую Гончую.

– Тебе предстоит отыскать его, благородная доньята, и следовать за ним, не отступая ни на шаг. Если представится случай – проверь границы его способностей. Но ни под каким видом, повторяю, ни под каким – не вступай с ним в открытый бой. Твоё дело смотреть, замечать и сообщать нам. Ничего больше.

Алиедора позволила себе удивлённо пожать плечами.

– Прошу прощения, мой Мастер, но с этим справится любая Гончая. Смотреть и наблюдать – тут ни ума не требуется, ни ловкости. Почему я?

– Не прикидывайся, – нахмурился Латариус. – Любая Гончая не сможет, в случае надобности, сделать то, на что способна лишь ты, благородная доньята. Мы шлём тебя на случай непредвиденного. Едва ли кто-то ещё из воспитанниц Аттары сумела б закрыть портал в храме Феникса и захватить пленного.

– Что с ним будет, кстати?

– Неожиданный вопрос для истинной Гончей, – заметил Латариус с тенью насмешки, и Алиедора досадливо прикусила губу.

– Будем думать, как его можно разговорить, – смилостивилась Аттара. – Нам надо понять, как получилось, что они хлынули сразу же, стоило порталу открыться.

– Вот именно, – Латариус попытался тотчас же перехватить инициативу. – Врата отворились с нашей стороны. Или – быть может – был только передан сигнал, что открытие возможно. После чего они уже сами взломали барьер.

– Это означает только одно, – Аттара скрестила руки на груди, с вызовом взглянула прямо в глаза Мастеру. – Там, в их мире, стоит наготове армия вторжения. И, едва появляется хоть малейший шанс, они бросаются в брешь, словно штурмуя крепость. Некрополис не оставит это без внимания, благородная доньята. Но твоё задание это не отменяет. Ищи дхусса.

– Имя? Приметы? – деловито осведомилась Алиедора.

Латариус с сожалением покачал головой.

– Тот, от кого пришли эти вести, не сумел передать ничего, кроме лишь главного. Тебе придётся очень сильно постараться, Гончая. И это – ещё одна причина, почему задание досталось тебе и именно тебе. Отправляйся немедленно. До гавани Дир-Танолли тебя отвезёт галера. Обычно Гончие не путешествуют верхами, но для этого случая мы сделаем исключение. Полагаю, *этому* гайто

ты обрадуешься. Выгляни наружу.

Алиедора в растерянности распахнула дверцу возка – и едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть.

Двое дюжих конюхов-людей держали под уздцы огромного вороного. При виде доньяты гайто вскинул точёную голову, заржал, ударил раздвоенным копытом.

– Мой… мой скакун… – только и смогла выдавить доньята. – Но как… но откуда…

– Сам пришёл, – пояснила Аттара, высовываясь следом. – Сам пришёл к Сиххоту, в руки не давался, двух зомби копытами зашиб так, что пришлось отдать на разделку. Но и не уходил. Хорошо, попался толковый Мастер, даром, что совсем ещё молодой. Сделал, что надо, понял, что этот гайто *запечатлён*, сообщил куда следует… мы разобрались. В общем, скакун твой, доньята Алиедора, прошагал весь путь до Некрополиса, а потом сюда. Но ди-и-икий! – она покачала головой. – Подолгу упрашивать надо, словно человека. Так вот и шёл за нами. Вплоть до самого Скришшара. Не поверишь, правда?

Алиедора и впрямь с трудом могла поверить собственным глазам. Выбралась из возка, на негнущихся ногах шагнула к жеребцу – тот чуть повернул голову, глядя на неё одним глазом, словно бы изучающе. Затем вдруг гневно фыркнул, попятился, захрапел.

– Ты что, что ты? – только и смогла пролепетать доньята, но гайто уже успокоился. Голова его низко опустилась, дышал он шумно и, когда Алиедора осторожно коснулась могучей шеи, чуть заметно дёрнулся.

– Боится. – Алиедора готова была поклясться, что в голосе Аттары прозвучало нечто, очень похожее на злорадство. – Почуял, умница, что ты уже другая, не та, что раньше. Кровь-то сменилась, благородная доньята. Пахнешь уже по-иному.

Алиедора промолчала. Аттара была совершенно права. Гайто, её гайто, неведомо как нашедший свою маленькую хозяйку, – теперь неложно её боялся. Боялся того, во что она превратилась. Страшился того нового, что текло теперь в её жилах, смешанное с кровью.

Она поёжилась. Сердито передёрнула плечами, злясь на себя за эту слабость. Она то, что она есть. И ты, гайто, примешь меня такой, какой я стала. А нет – пожалуйста, иди хоть на все четыре стороны.

Отыскать дхусса в Гиалмаре – проще найти иголку в стоге сена…

– Ты его почувствуешь, – непререкаемо бросил Латариус. – Заклятья поиска, которые мы осваивали… те самые, с

принесением жертвы… они помогут. Но главное – вы, образно выражаясь, брат и сестра. Только он – дитя комет, плод Небесного Сада, а ты родилась на восемь лет позже. Вторая часть цикла.

– Значит, я слабее, чем он? – Алиедора гордо вскинула подбородок.

– В чём-то, – нехотя признал Мастер. – Но в другом ты, напротив, на голову выше. У него нет твоего… прошлого. С ним не говорили Белый Дракон и Тьма, он не повелевал Гнилью. Его магия могущественна, да, но и твоя, благородная доньята, ничуть не хуже.

– Значит, нам всё-таки придётся с ним драться?

– Не исключаю, – Латариус вздохнул. – Но это – крайний и весьма нежелательный для нас исход. Твоя задача, повторяю, найти его и не спускать с него глаз. Не препятствуя – ни в коем случае не препятствуя! – ни в одном из его начинаний. Смотри, доньята, смотри в оба и запоминай. Это всё, что от тебя требуется.

* * *

– Благородный дон Деррано. Какая честь для нас, – произнёсший эти слова маг словно сошёл с книжной миниатюры. Высокий, худой, белобородый, в тёмно-синей мантии, расшитой прихотливым серебристым узором – бесконечные переплетённые спирали. – Покорнейше прошу благородного дона присесть. Не угодно ли приказать, чтобы подавали трапезу?

Дигвил молча склонил голову. В животе его холодело: могущественный чародей, один из столпов Высокого Аркана, не будет так унижаться, тем более перед наследником сенорства, где не осталось ни одного серфа и где маршируют лишь мрачные полки оживлённых мертвецов. Вежливость, чуть ли не угодливость мага казалась изощрённым издевательством, предвестником готовой вот-вот захлопнуться западни.

Они сидели в роскошном покое, белый мрамор стен пересекали полуколонны синего камня с золотыми прожилками. Голубое и серебряное занавесей, ультрамариновые напольные вазоны с только-только распускающимися белыми цветами. Хрусталь и золото на круглом инкрустированном столике, лёгкие белые стулья – и любезный жест руки, заставляющий колыхаться сине-серебряное облачение.

– Прошу вас, благородный дон Деррано.

Дигвил был в Державе уже больше двух месяцев. Короткая и бурная весна уступала место стремительно набиравшему силу

лету. Всё это время он провёл, если честно, на положении почётного пленника: с ним хорошо обращались, потчевали изысканными яствами, развлекали застольными беседами и иными, достойными благородного дона потехами вроде загонной охоты, но не спускали с него глаз, ни на миг не оставляли одного и никуда не отпускали. Дигвил сбился со счёта, сколько таких вот седобородых магов вело с ним длинные и, казалось бы, отвлечённые беседы. Беседы, неожиданно прерываемые «истинным» вопросом, на котором, как они ожидали, шпион Некрополиса мог провалиться. Дигвил устало отвечал, пока в один прекрасный день, услыхав: «А кстати, как звали вашу кормилицу, благородный дон?» – он не пожал равнодушно плечами и не сообщил, что ему, наследнику сенорства, такие вещи помнить совершенно необязательно. Серфы оставались серфами, чёрной костью, и для благородного дона помнить имена всех служанок его почтенной матери?!

Как ни странно, это подействовало. Вопросы «а как звали племянницу помощника главного егеря» задавать перестали. Теперь упирали больше на вещи, которые благородный дон не мог не знать, вращаясь в высшем обществе Долье и часто бывая при дворе.

Дигвил удивлялся – великий и всемогущий Аркан мог, как утверждалось, свободно читать «в умах и сердцах»; для чего же эти древние как мир уловки? Тем не менее он отвечал честно и терпеливо. Наверное, другой бы на его месте просто наслаждался б жизнью – ему ведь несказанно повезло: он уцелел под ударом мертвяков, Дигвила не зомбировали, как сотни других его товарищей по несчастью; он пробрался сквозь вражеское государство и наконец очутился среди «своих», правда, упорно считавших его «чужим», но, по крайней мере, не упрятавших за решётку.

Однако перед глазами у Дигвила неотступно стояло только одно – низкий подземный зал; грохочущие цепи, наматывающие их на себя барабаны, медленно вращающиеся зубчатые колёса. Бездушная механика, словно нарочно позаимствованная у злейших врагов – Державы Навсинай.

Конечно, он тоже задавал вопросы. Его величество король Семмер, законный владыка Долье *и* Меодора, как говорили «дипломированные пользователи Высокого Аркана», пребывал в добром здравии, вместе с отрядами големов Навсиная его уцелевшие полки помогали отражать приступы мертвяков, обнаглевших до такой степени, что пытались штурмовать перевалы Реарских гор.

Старый дон Деррано, по имевшимся у магов известиям, также

был жив. Отцу Дигвил написал сразу же, как только разрешили, – вот только дошла ли весточка?

И – самое мучительное – в Державе, разумеется, ничего не знали о судьбе домашних Дигвила, оставленных им по пути в горное убежище.

– Не стесняйтесь, благородный дон, – маг ободряюще улыбнулся. Дигвил растянул губы в ответ, опасаясь, однако, что получившееся куда больше напоминало звериный оскал.

Улыбнуться-то он улыбнулся, но к расставленным яствам не притронулся. Не пригубил и бокала. Чародей если и заметил, то вида никак не показал.

– Вы, бесспорно, уже не раз повествовали о своём спасении из лап отвратных некромансеров. – Маг сел напротив, спина прямая, взгляд внимательный, отработанно-сочувствующий.

Дигвил молча кивнул. Да, повествовал. Со счёта сбился, сколько раз. И чего вам всё неймется, господа маги?

– И говорили, что все ратники, пребывавшие под вашим командованием и вместе с вами взятые в плен, оказались зомбированы?

– Истинно так, – на сей раз Дигвил счёл необходимым ответить вслух.

Маг покивал, глядя на молодого дона с подобающим случаю сочувствием.

– Но вы уцелели? И, более того, были отпущены с миром?

– Да.

Маг вздохнул.

– Благородный дон Дигвил. Вы – наследник знатного и славного рода – не можете не понимать, в сколь трудное положение вы меня поставили.

– Нет, сударь. – Дигвил выпрямился, взглянул прямо в глаза чародею. – Не понимаю. Я предоставил все доказательства, какие только мог предоставить человек благородного происхождения, не причинив урона своей чести.

– Я не понимаю, – маг переплёл сухие пальцы, воззрился на Дигвила из-под кустистых старческих бровей, – что заставило Мастеров Смерти всё-таки отпустить вас?

– Я же говорил, сударь. Моя невестка, урождённая доньята Алиедора Венти…

– Мне это известно, – перебил чародей. – Вы, благородный дон, не раз упоминали, что сия доньята попросила некромантов отпустить вас. И они согласились. Отложив пока что в сторону вопрос о том, как вышесказанная доньята очутилась в Некрополисе, спрошу, – маг наклонился, вперив в Дигвила буравящий взгляд, – *почему, нет, почему они таки её послушали*?!

Что такого было в её словах? Чем девчонка так ценна для Мастеров Смерти?

Дигвил пожал плечами.

– Как же я могу знать, сударь? Я не маг, не чародей. Сии тайны скрыты от меня.

– Она же была воспитанницей в Деркооре!

– Совершенно точно. Обычная, ничем от других не отличающаяся девчонка.

– Безо всяких странностей, благородный дон?

– Безо всяких странностей, сударь.

Ему не поверили.

– Тогда как, – глаза чародея сузились, – как вы объясните, благородный дон, что если проложить путь от Деркоора до Венти, то именно в то время там один за другим случались сильнейшие прорывы Гнили? Как понять саму гибель рода Венти – Гниль уничтожила всех в пределах кольца стен, в каменном строении, чего не бывало до того нигде и никогда?

Дигвил недоумённо развёл руками.

– Сударь, я – не чародей.

– Это я уже слышал! – отрезал маг. – Вас держали тут так долго, благородный дон, потому что мы, Высокий Аркан, оказались принуждены вплотную заняться вашей беглой невесткой. Все эти седмицы лучшие дознаватели Аркана пытались воссоздать картину происшедшего. И, надо сказать, не без успеха.

Не зная, что отвечать, Дигвил вновь развёл руками.

– Ничего не видели, ничего не замечали, ни о чём не догадывались. – Маг не скрывал ни раздражения, ни досады. – У вас, благородный дон, под носом росло… зрело… чудовище, монстр в человеческом обличье, ведьма, всем ведьмам ведьма – а вы, как говорится в народе, «ни сном ни духом»?

– Ведьма? – растерялся Дигвил. – Монстр? Откуда?

– Я теряю с вами время, благородный дон. Вы сейчас – во владениях Державы Навсинай и таким образом подпадаете под действие уложений Высокого Аркана, строго карающих за укрывательство!

– Укрывательство кого?

– Ведьм, конечно же! Вы, благородный дон, прекрасно были осведомлены о качествах невестки вашей, однако же предпочли об оных умолчать!

– Да зачем мне это? – Дигвила, казалось, это совсем сбило с толку.

– Вот я и пытаюсь понять: зачем?

Лишившись дара речи, молодой дон Деррано только вздохнул.

– Значит, будем молчать? – зловещим тоном заправского палача осведомился маг.

– Да я бы сказал, было б что, – совершенно честно ответил Дигвил. – Говорю же, обычная девчонка… ну, лихая, задорная, что верно, то верно… но уж никак не ведьма! Да ведь и не было никаких прорывов Гнили вблизи замка, пока она там жила!

– Никакого от вас толку, благородный дон, – махнул рукою чародей. – Поймите же, мы воюем с Некрополисом, весь миропорядок канул в бездну…

– Позвольте, – вдруг перебил мага Дигвил. – Как же «канул в бездну», когда я сам видел – на Делхаре никакой войны нет. Големы и мертвяки стоят друг против друга, но реку никто не переходит. Держава толкается с Мастерами Смерти в Меодоре и Долье, а там, где, казалось бы, и следовало наступать, вершить решительные битвы, – тишина. Разве это называется «миропорядок канул…»?

Маг несколько мгновений молчал, сердито сверкая глазами.

– Да, большой, всеобщей войны пока что нет, – нехотя признал он наконец. – Но то, что Держава и Некрополис вообще сшиблись…

– И что? – гнул своё Дигвил, почувствовав слабину противника. – По мне, так есть молчаливый договор. Толкаемся у нас в Меодоре да в Долье, вроде как на турнире, а главные силы не трогаем, границу не переходим, коренные земли Державы или Некрополиса не разоряем. Разве не так, сударь?

– Меняем темы, благородный дон? – усмехнулся маг. – Что ж, неплохо, неплохо. Но меня интересует не политика и не стратегия. Меня, признаюсь, очень занимает доньята Алиедора. Вернее, то, во что она превратилась. И, я боюсь, благородный дон, вам придётся ещё какое-то время попользоваться нашим гостеприимством. До тех пор, пока означенная доньята не окажется у нас.

Глава 15

Лето перевалило за середину, когда благородная доньята Алиедора Венти, когда-то законная супруга молодого дона Байгли Деррано, а ныне – Гончая Некрополиса, добралась до Дир-Танолли. О расположенной здесь магической школе, в просторечии именуемой не иначе как «Шкуродёрня», она, конечно, слыхала – ещё до войны, в совсем иной жизни. Порой оттуда приезжали «разыскатели» – шарили по деревням и ярмаркам, по замкам благородного сословия и по городским трущобам. И, случалось, увозили с собой пареньков и девчат – нередко подобранных в придорожных канавах.

Какие отношения существовали между Некрополисом и формально независимой (даже от Высокого Аркана) школой, Алиедора не знала. Во всяком случае, когда галера ошвартовалась глухой ночью, на причалах никого не было, из сторожевых башен, где горели сигнальные огни, тоже никто не вышел.

Вроде как «ничего не видели».

Алиедора поняла намёк. Ещё до зари она была уже далеко.

Гайто, её верный гайто, слушался как прежде, но теперь доньята постоянно ощущала его страх. Скакун боялся, боялся её и ничего не мог с этим поделать.

Сперва она ощущала нечто вроде жалости. Нечто вроде стыда. Подходила к гайто, клала ладонь на шею – и, ощутив непроизвольное содрогание мышц, принималась шептать, мол, как же так, мы с тобой столько вместе пережили, ты ж меня спасал, с самого дна вытаскивал! А теперь, получается, боишься, да?

На глаза наворачивались слёзы. Очень хотелось, чтобы скакун, как встарь, совсем по-человечески вздохнув, положил голову ей на плечо или мягко взял бы с ладони протянутую краюху. Но нет, пугался, пятился, сколько позволяла привязь, – и мало-помалу в Алиедоре стала брать верх холодная злость. Не хочешь по-хорошему – значит, будем по-плохому. Не хочешь любить, хочешь бояться – твоя воля, гайто. Ты тварь бессловесная, значит, будешь просто подчиняться.

Гайто подчинялся, но как-то безрадостно, словно и впрямь сделавшись совершенно обычным жеребцом, каких много.

Впереди лежали дикие края, сквозь них ниткой протянулся тракт, бравший начало далеко-далеко на юге, в навсинайских пределах. С юго-запада тёк Делэр, его истоки терялись где-то в равнинах Гиалмара. Туда-то Алиедора и направила своего гайто, не мудрствуя лукаво, вдоль речного берега.

Дир-Танолли обосновалась на самом краю людских владений, в нескольких днях верхового пути от северной границы королевства Воршт – королевства крохотного, захудалого, которое до сих пор не прибрали под свою руку более сильные южные соседи только потому, что никто не знал, что с ним потом делать. Земля родила из рук вон плохо, до богатых рудами гор – далеко, в лесах, конечно, много пушного зверя, ну так его бьют и в Килионе, и в Масано, и в Гвиане. Гнать сюда серфов, силком осаживать на бедные, тощие пашни – разбегутся, кто не помрёт с голодухи.

Гайто мерно ступал раздвоенными копытами по мелкой воде. Прозрачные струи мягко плескались у бабок. Доньяте предстояло одолеть огромное расстояние. Смешно вспомнить, когда-то из Деркоора ей казался страшно далёким и недостижимым замок Венти…

«Ты дойдёшь, доньята, – говорила она себе. – Не потому, что тебе приказали, но потому, что тебе самой нужна эта победа. Не забывай, после неё тебя ждёт Некрополис и те небольшие усовершенствования, что ты решила там произвести».

Итак, неведомый дхусс. Нарушитель равновесия, как сказал о нём Мастер Латариус. И оный дхусс может оказаться где угодно «в пределах Гиалмара». Да, призналась себе Алиедора, задачка. Гиалмарские равнины лишь немногим меньше всех Свободных королевств, вместе взятых. Где и как она станет искать?

Странное дело, но доньята не задумывалась. Нет, вовсе не по легкомыслию, не в надежде на авось, мол, «на месте разберусь». Сидя в седле, Алиедора неспешно пробиралась берегом ночной реки, запрокинув лицо и глядя в безоблачное, усеянное звёздами небо.

Прикреплённые к невидимым снизу хрустальным сферам огоньки перемигивались, как делали они от века. Пылала, заставляя невольно смотреть лишь на неё, громадная хвостатая комета, звезда горя и злосчастья, якобы изменившая всю судьбу Алиедоры; но нет, не какие-то там бродячие небесные огни, или воля Белого Дракона, или Гниль, или что-то ещё «изменило» её, нет! Она сама изменила себя. Она страстно желала изменения, не соглашаясь и не покорствуя, не склоняясь перед «обстоятельствами». Быть может, она не знала путей и средств, но желания оказалось достаточно. Её услышали и указали дорогу. Указали, однако шла по ней она одна. Через все ужасы и лишения, через кровь и кошмары, через голод и плен, страх и унижения – шла, не гнулась и не ломалась. А тот же Дигвил, её как бы деверь, – какой страх стоял в его глазах, какой ужас! Он ведь бы сделал всё, что Алиедора ни потребуй. Пошёл бы на

любую низость, на любую подлость – люди, они такие. Страх смерти сильно их испортил; и потому возблагодарим Мастеров Некрополиса, неустанно трудящихся для этой, самой важной победы. Мастера, конечно, нуждаются в сильной руке, но *в главном-то* они правы.

«Дхусс, дхусс, загадочный дхусс, выскочивший, словно тряпичная кукла из-за ширмы – на руке у площадного актёришки. Если тебя опасаются и о тебе говорят в Некрополисе – ты серьёзный противник. Больше того, ты противник, способный один на один победить любую Гончую; именно потому ведь Мастера отправили меня. Меня, потому что я способна на неожиданное, на то, чего нет ни в каких магических трактатах и описаниях».

Бурно расцветавшие равнины Гиалмара в то же время поражали пустынностью. С дороги Алиедоры убирались и птицы, и звери. Самой Гончей они тоже были не нужны, хватало взятых с собой припасов. Доньята строго блюла запрет Латариуса не прикасаться к чистой воде. Другие Гончие, знала она, могли не придерживаться этого правила; другие, но не она. Её преображение ещё не завершено, не уставал повторять Мастер, пока они оставались в Гильдии.

Да, видать, дело и впрямь серьёзно, если Некрополис пустил в ход своё самое сильное оружие, не без самодовольства подумала Алиедора. И она оправдает доверие. Ей именно что должны доверять, доверять безоглядно – тогда её планы и надежды имеют шанс осуществиться. Как ни обидно, но приходилось признавать свою зависимость от других. Но, если вдуматься, именно этим она и отличается от той доньяты Алиедоры, что наслаждалась «даром вручённой» силой, радовалась, как дитя, что «способна повелевать Гнилью».

Путь вверх по Делэру оказался восхитительно скучен. Ничего не происходило. То есть вообще ничего. Никто не пытался заступить Алиедоре дорогу, никто на неё не охотился, никто вообще не знал, что она здесь, и это было хорошо. Потому что все прыжки и приёмы Гончей, столь поражающие воображение тёмных простолюдинов, – они ведь говорят лишь о том, что задание если и выполнено, то не чисто. Гончую заметили, и ей пришлось пробиваться силой. О сделанном же *настоящей* Гончей догадываются, лишь когда её и след простыл. «И да, – признавалась сама себе доньята, – моё первое задание я тоже выполнила не чисто. Но ведь никто из них и не ушел», – ухмыльнулась она про себя.

Неожиданно у Алиедоры оказалась уйма свободного времени. Гончая Некрополиса не нуждается в огне и мягкой постели,

дорожные неудобства скрашиваются соответствующими эликсирами. Доньята смотрела на безоблачное ночное небо, на звёзды и думала, думала, думала…

О том, с чего она начнёт, вернувшись в Некрополис. Кто из Мастеров недостаточно силён, чтобы сразу же встать у неё на пути; кто может быть недоволен, кому можно пообещать возвышение, а кого потребуется убить немедленно, не обменявшись и парой слов, потому что ни купить, ни запугать его невозможно. Алиедора загодя оттачивала каждый жест, каждое слово, без конца проигрывая в воображении самые разные сцены, проверяя самые разные исходы.

Гончая упорно продвигалась на юго-запад вдоль постепенно сужавшегося Делэра. Она не загадывала, как же именно станет разыскивать этого самого дхусса, когда окажется в сердце Гиалмара. Доньята не сомневалась, что решение придёт само, потому что если этот дхусс – сила, способная напугать Некрополис, то «лежать под спудом» такая мощь не сможет. Дхусс непременно проявит себя, и уж тут она, доньята Алиедора Венти, сплоховать не должна.

* * *

Она почти не останавливалась, берегла гайто, но не себя. Алиедоре отдыха, даже сна, требовалось с каждой седмицей всё меньше. Доньята дремала лишь малую толику ночи, пережидая самое тёмное время.

Порой ей казалось – до неё пытаются докричаться. Порой чудилось – в ночных облаках над головой мелькает, свивая бесконечные кольца, Белый Дракон. Иногда возле него в небесах же возникало мёртвое лицо кора Дарбе, глаза широко раскрыты, щёки и лоб изодраны до кости жвалами многоножек. Алиедора не отворачивалась. Ей было приятно. По крайней мере, *этому* мучителю она отомстила. Метхли и прочие тоже не избегнут своей участи. Дайте только время.

…Так она добралась до среднего течения Делэра. Здесь Алиедора начала беспокоиться. Не могла лежать, на коротких привалах ходила, ходила, ходила из стороны в сторону, и пальцы то и дело сжимались в кулаки.

След был близко. Где-то совсем рядом. Алиедора должна была его найти. По крайней мере следы.

И она нашла. У небольшой фактории на самом берегу реки.

За невысоким частоколом – шесть бревенчатых срубов, крытых соломой, яблони отягощены начавшими созревать

плодами. Фактория, торговый пост – но уже много дней как заброшен. И понятно почему – совсем рядом с ним Алиедора нашла давно вскрывшуюся пустулу Гнили. Многоножки вырвались здесь на свободу, но, так и не найдя добычи, передохли, рассыпавшись затем желтоватым прахом. Даже не стали грызть-обваливать стены человеческого жилья.

Алиедора походила вокруг старой, почти зарубцевавшейся пустулы, лишний раз поражаясь сходству с раной на живом теле. Каверна, где вызревали многоножки, обвалилась, оставив широкую воронку, земля приходила в себя, выпустив молодую поросль трав; но запах Гнили, ясно ощутимый для Алиедоры, оставался. И останется тут ещё надолго, заключила Гончая.

Казалось бы, ну чего особенного, прорыв Гнили, мало ли их случалось, даже и вблизи от замка Венти! Но – нет, было тут что-то неправильное, что-то не дававшее покоя Алиедоре; доньята спрыгнула вниз, на дно воронки, опустилась на корточки, приложив к земле раскрытые ладони.

Да, обычная Гончая, скорее всего, ничего бы не заподозрила. Обычная – но не она, доньята Алиедора Венти.

Сквозь кисло-металлический запах Гнили уверенно пробивался совершенно другой, снежно-холодный, словно у только что принесённых с ледника фруктов, и тоже хорошо знакомый Алиедоре. В её поясе, в одном из многочисленных карманчиков, пряталась скляница тёмно-алого стекла – эликсир, позволяющий на время запечатать прорвавшуюся свежую пустулу.

Здесь побывала Гончая Некрополиса. И пустила в ход это снадобье. Очень дорогое и редкое, его мало кому отпускали щедрой мерой.

Что делала здесь эта прислужница Мастеров? Кто она такая? Прорыв Гнили случился не сегодня и не вчера, тут Алиедора не сомневалась. Может, именно эта подчинённая Аттары передала вести о дхуссе? А может, это никак с ним и не связано?

…Итак, пустулу запечатывали эликсиром Некрополиса. Но ведь это – знала Алиедора – было лишь временным, пожарным средством, способным лишь ненадолго заткнуть прореху. Было тут и что-то ещё, неуловимое, ускользающее и оттого вызывающее глухое, всё нарастающее раздражение.

Она выбралась из воронки и принялась осматривать окрестности – внимательно, тщательно, как умеют только Гончие, не упуская ни мельчайшей детали.

Вскоре обнаружились новые подробности.

Широкая полоса втоптанного в землю подлеска, чуть ли не с корнем вырванные кусты; изломы ветвей уже потемнели, посерели, прошло немало времени, как тут ломился неведомый

зверь. Странный, однако, зверь – Алиедора выросла среди тех, кто не мыслил себя без охоты, что для меодорской, что для дольинской знати выезды в лес служили наряду с балами главным развлечением, доньята знала, что к чему. Зверь ступает осторожно, если и ломится, не видя дороги, то всё равно он словно бы скользит даже в самых глухих зарослях.

Что-то совсем другое пронеслось здесь, промчалось, круша всё на своём пути; какое-то чудовище, монстр, не виданный в этих краях.

Алиедора нагнулась, осторожно коснулась кончиками пальцев земли. Она не знала, что именно старается разыскать; молодая Гончая доверяла чутью, дивно обострённому благодаря растворившимся в её крови эликсирам.

…Здесь прошла поистине удивительная тварь. Здесь вообще произошло слишком много удивительного. И Мастера словом не обмолвились, что Алиедора может встретить тут товарку.

Доньята чувствовала, что напала на след. Нет, конечно, совсем не так, как охотники, она не гнала добычу ни назрячь, ни по запаху; она не знала наверняка, куда идти после этого, но не сомневалась в одном – здесь не обошлось без упомянутого дхусса. Вряд ли он сам оставил этакую просеку… значит, у него странные, *очень* странные спутники. Мысль, что вытоптанная полоса могла появиться здесь совсем от других причин, Алиедора сразу отбросила.

Доньята побродила по пустому дому, отодвинула печную заслонку. Серый пепел, останки умерших дров, на них готовилась каша, поспевал суп, простая еда простых людей – и сколько ж времени она, Алиедора, не притрагивалась к обычной человеческой пище?

Только еда Некрополиса. Только питьё Некрополиса. Хорошо, что она, Алиедора, сильна, иначе один вид чистого прозрачного Делэра свёл бы её с ума.

Всё, одёрнула себя доньята. Захотелось зло швырнуть заслонку на пол – пусть загрохочет; захотелось даже поджечь этот дом, хоть и опустевший, хоть и брошенный, а всё равно хранящий следы чужого уюта и счастья. Две небольшие кровати в соседней комнатушке – наверное, здесь спали дети. «Что с ними стало, куда они делись?» – невольно подумала Алиедора и тотчас же зло прикрикнула на себя – совсем, мол, разнюнилась, дура.

Из фактории она вылетела вихрем.

И вновь Делэр, вновь череда дней и ночей, но уже совсем, совсем другие. Алиедора знала: тот, кого она ищет, – не призрак, не мираж и не сказка.

* * *

После фактории стало хуже и смурнее. Первые дни Алиедоре казалось, что она вот-вот настигнет неведомую добычу; именно казалось, потому что разум говорил совсем другое. Вести, что дхусс в Гиалмаре, достигли Некрополиса уже давно, прошло несколько седмиц, пока она сама добиралась в эти затерянные края.

Мастер Латариус не сомневался, что она не собьётся с пути. Что-то, значит, есть в ней такое, что позволит настичь добычу, хоть она и сама не знает, как именно.

Это не давало покоя, выводило из себя, раздражало. Некрополис строг и логичен. Он не отдаёт туманных приказов, не велит идти незнамо куда неведомо зачем, чтобы справиться непонятно с кем невесть каким образом. Одно из двух – или Латариус на самом деле уверен, что Алиедора железно доберётся до дхусса, или…

Или всё это – хитроумная ловушка, где сама доньята играет роль живца.

От последней мысли должно было стать страшно, но Алиедора испытала лишь злой азарт. Все-то вы считаете себя самыми умными-благоразумными, дорогие мои Мастера. Что ж, поглядим, посмотрим. Но для начала – загадочный дхусс, как же тебя искать?

День за днём Алиедора пробивалась всё дальше и дальше на юг. Недалека уже крепость Этар, вольный город, до которого не успели дотянуться загребущие лапы Навсиная.

Здесь пришлось сделаться невидимкой и пустить в ход всё, чему учила Аттара. Скользить серой тенью по тёмным углам, замирать в неестественных позах, подслушивая чужие разговоры; как-то доньята просидела несколько часов на потолочной балке в одном из этарских трактиров, оставшись никем не замеченной.

Время она потратила не напрасно – добычей стал передаваемый из уст в уста рассказ о недавнем прорыве Гнили[2]. В былые времена, толковали по корчмам, от Этара бы и стен не осталось («Ну, это вы привираете, конечно!» – подумала Гончая), а тут, гляди-кось, защитили и оборонили Семь Зверей, спящих, но за нами вполглаза всё равно присматривающих.

Многие видели странную пару – старика и худенькую стриженую девушку. Видели, как девушка что-то швырнула в разрывающуюся пустулу, что-то такое, разом вспухшее клубами пурпурного дыма. Дым словно запечатал прорыв, и люди успели разбежаться. Потом, когда многоножки вырвались-таки на волю, вреда они уже не причинили.

Нельзя сказать, что в Этаре «только об этом и говорили»; Алиедоре пришлось потратить немало времени, пока из обмолвок, непонятных сперва упоминаний и прочей словесной шелухи составилась цельная картина.

Старик. Кое-кто даже называл его по имени.

Мэтр Ксарбирус, его давно знали в Этаре. Знатный алхимик, обосновавшийся севернее, в Семме. Девушку никто не опознал. Болтали разное, но Алиедора уже умела различать увиденное своими глазами от придуманного.

Нет сомнений, здесь побывала Гончая. Побывала и запечатала прорыв. Та же самая, что и у фактории. Спутница мэтра Ксарбируса.

Вот только какое отношение какая-то Гончая может иметь к неведомому дхуссу? С чего Алиедора вообще взяла, что меж ними есть связь?

Объяснить это чёткими и понятными словами Алиедора не могла. Уверенность приходила из ниоткуда, и, надо сказать, это обстоятельство доньяте не сильно нравилось. Когда ответы возникают сами, их, скорее всего, тебе кто-то подсказывает. Нет уж, я сама буду задавать вопросы – тем, кому сочту нужным. А неведомо чьих голосов мне не надо.

За Этаром дорога кончалась. Вернее, торговый тракт убегал себе дальше на юг, обходя опасные земли Кессера и Ринн-А-Элина, но Алиедоре было явно не туда. Её добыча повернула на запад – ей просто некуда было деться.

Доньята пробиралась на запад, но теперь куда осторожнее. Здесь в чащах обитали длормы, низкорослый, осторожный народец, превыше всего любивший, чтобы в его дела никто бы не совался. С давних лет у них установился союз с огромными, но не очень преуспевшими в ремёслах клоссами, бдительно охранявшими длормов от докучливого внимания людей или таэнгов. Связываться с клоссами Мастера Некрополиса не советовали – знали эти простодушные гиганты немного, но мстить умели, как мало кто в мире Семи Зверей.

Впрочем, клоссы Алиедору не интересовали. А вот длормы, с их естественной способностью чувствовать магию, напротив, могли рассказать немало интересного.

…Отыскать тщательно укрытую в глухой чащобе деревушку маленького народца оказалось непросто. Её не окружал обычный для, скажем, человеческих поселений круг возделанных полей. Не был сведён лес – напротив, длормы, подобно сидхам, норовили сохранить как можно больше деревьев, умело пряча небольшие свои хижины в тени огромных стволов. Хлеб эти малыши растили на укромных делянках, раскиданных по склонам предгорий,

стараясь не выдать себя чужакам. С теми же, «кому положено знать», длормы умели как-то ладить, так что ни големы, ни Гончие их до недавнего времени не беспокоили.

Что ж, всему когда-нибудь приходит черёд измениться.

Некоторое время Алиедора провела в ветвях раскидистого лесного патриарха, накрывшего своей кроной длормское поселение. На глазах доньяты маленькие человечки возились возле низких домишек, занятые обычными для всякого живущего с земли и леса делами. Простыми и понятными – копались в огородах, ладили какую-то утварь, управлялись, хоть и не без труда, с тягунами.

Что-то кольнуло внутри. Словно то, что она собиралась сделать, было в чём-то… неправильно. Алиедора не сразу даже подобрала нужное слово. Но ведь нет же, ей доверено важнейшее – даже если Мастера решили перехитрить сами себя и выставили доньяту лишь приманкой в расставленной непонятно на кого западне.

Так что прочь сомнения. Ей нужны правдивые вести, и она их получит.

Незадачливый длорм лишь на миг оказался за углом собственного дома, где его никто не видел, – и тотчас же плечи и шею ему захлестнул жёсткий аркан, не менее жёст– кий рывок вздёрнул вверх; и, полузадушенный, он не успел даже крикнуть. Прямо в лицо ему взглянули жёсткие, нечеловечески чёрные глаза на бледном девичьем лице.

Длорм обмер, намочив штаны от ужаса.

Алиедора смотрела на корчащегося человечка с нескрываемым презрением.

– Ты будешь говорить? Если мне понравится то, что ты скажешь, – отпущу.

Длорм поспешно закивал. Из круглых, казавшихся совиными глаз быстро-быстро катились слёзы.

…С лесовиком пришлось повозиться. Он боялся боли, боялся Гончую, боялся смерти – но того, что жило под этими лесами, боялся ещё больше.

От него, опухшего от слёз, изошедшего криком – но никто не пришёл на помощь в глухую ложбину, никто не спас, – Алиедора узнала о храме Феникса. О священном месте, куда в тяжкие нынешние времена ходили поклоняться клоссы. И о том, что недавно прошли тут «люди небывалые и нелюди тоже», после чего случилась в том храме жуткая замятня, вмешались големы Навсиная, и в конце концов «всё там завалилось».

«Молодец, Алиедора, – мысленно похвалила себя доньята. – Всё верно. Всё правильно. Некрополис в тебе не ошибся.

Неведомый дхусс прошёл здесь».

– Ты их сам видел?

Торопясь ответить и избежать новой боли, длорм торопливо затряс головой. Он был бы счастлив, счастлив увидеть и ответить! Видеть не видел, но – чуял. Впрочем, и не он один, возьми любого в деревне…

– Может, и возьму, – с каменным лицом посулила Алиедора. – Говори дальше!

Запинаясь, маленький человечек спешил рассказать страшной Гончей всё, что только знал – или о чём хотя бы догадывался. Длормы, как говорили в Некрополисе, выведены с естественным чутьём на необычную магию, но слова у них свои, зачастую совершенно непонятные остальным обитателям мира Семи Зверей.

Вот и этот длорм толковал о каких-то «нижних вратах», «открывшейся дороге из-под корней». Болтал о странной, небывалой музыке, что заставила всю деревню замереть от восторга и слушать, слушать, слушать, как не слушали никогда и ничего. Музыка была то нежной, то страшной; заставляла то рыдать, то плясать от радости. И она, эта музыка, была Силой, настоящей силой, что крушила врагов в рушившихся подземельях храма Феникса.

Алиедора призадумалась. Неведомая магия? Неслышимая музыка, являющаяся силой, способной рушить каменные своды? Нет сомнений, это от него, загадочного дхусса.

Длорм дрожащей рукой указал направление, куда ушёл странный музыкант, – на запад, к вольным городам через горный перевал. Сообщил он и другое, крайне важное: дхусс был не один. «Отзвуки магии» дали понять, что с ним самое меньшее двое людей, одна сидха и ещё один… одна… одно… существо, которое «из-под корней. А может, сверху».

Значит, пятеро. И все – далеко не простые. Достойная задача, что и говорить.

В отношении «двух людей» Алиедора почти не сомневалась, что речь идёт о мэтре Ксарбирусе и неведомой Гончей, запечатавшей прорывы Гнили эликсирами Некрополиса. Сидха пока оставалась загадкой, но можно было предположить сильное владение стихийной магией, Мастера упоминали их знаменитые стражевые лозы. Неизвестное существо «из-под корней, а может, сверху» занимало Алиедору особенно. Длормы говорили так о тех, кто «не из-под этого неба»; что же получается, дхусса сопровождает кто-то не из мира Семи Зверей?

Ещё интереснее…

Что ж, она узнала всё, что можно, от этого человечка.

– Ты был послушен, – сказала Алиедора. – Можешь идти.

«Как, – возмутилась старательная ученица Аттары внутри её. – Отпускаешь его *живым*? Чтобы он разболтал о тебе всем и каждому?»

Похоже, длорм думал точно так же. По щекам его градом катились слёзы, и, даже освобождённый от пут, он не двигался с места.

Алиедора усмехнулась. Страх и ужас перед Гончими – конечно, хорошо, но полезно иногда дать и обратный пример.

– Ступай, – повторила она. – И запомни – слуги Некрополиса не отступают от обещанного.

* * *

Горы она преодолела одним броском. Гончая торопилась, оправдывая собственное прозвище. Частично она уже выполнила задание – отыскала след дхусса, установила, что он не один, узнала, хоть пока приблизительно, кто его спутники.

Куда он направится дальше? Вольные города стоят на морском взморье, что, дхусс решил махнуть ещё дальше на закат? Конечно, там есть о-очень интересные места, как тот же Облачный Лес, если верить всему читанному Алиедорой в Некрополисе; однако что-то подсказывало доньяте, что никуда отсюда дхусс не денется. За спиной его пылает пожар войны, Некрополис и Навсинай вот-вот вцепятся друг другу в глотку по-настоящему, не ограничиваясь лишь «малой войной» отдельных отрядов в Меодоре; странно, что он вообще потащился на самый край земли. Что ему тут нужно, скажите на милость?

Оставив позади Вилосский хребет, Алиедора спускалась к Феану, вновь двигаясь на ощупь, словно в темноте. Дхусс обязан себя проявить, твердила она. Как? Неважно, но ту неслышимую музыку, о которой толковал длорм, она, конечно же, распознает. Не может не распознать. Кто умирал в чёрном кубе варваров, чей нагой дух распадался перед разинутой пастью бездонного Космоса – тот услышит.

…Феан раскрылся перед доньятой неопрятный, расхристанный, как и положено портовому городку, где превыше всего – барыш, а как он добыт, никого не волнует, если только делишься с магистратом. Оставив скакуна у таверны, что приютилась возле самых городских ворот, и бросив пару монеток хозяину – чтоб присмотрел и накормил, Алиедора медленно брела узкой улочкой, стараясь держаться подальше от благоухающей сточной канавы. По Феану она кружила с самого

утра, безо всякого плана, прислушиваясь к собственным чувствам. От неё шарахались – Гончая не пряталась, не старалась скрыть собственную природу. Пусть мечутся, пусть бросаются куда глаза глядят – ей сейчас нужна паника, и чем больше, тем лучше. Сейчас она уже сама составляет план западни и добровольно играет роль приманки. Пусть дхусс узнает о ней, пусть услышит. Быть может, та, другая Гончая, тоже не оставит это без внимания.

…Нет, всё-таки, что она тут делает, эта неведомая посланница Некрополиса? И зачем Мастерам таки понадобилась я, если она тут? Или случилось-таки небывалое и вот эта, именно эта Гончая каким-то образом восстала против воли всемогущей Гильдии? Но если восстала, то почему Мастера ещё не отрядили на её поимку всех товарок Алиедоры?

Впрочем, скоро она всё это выяснит сама. Совсем скоро, как только наткнётся на упомянутого дхусса.

…Троих рыцарей в полном вооружении она сознательно не замечала, шла прямо на них, будто ослепнув. Как и Гончая, они не скрывались, не прятали выбитый на стали нагрудников знак Чаши. За их спиной застыли сквайры, целая шестёрка, тоже вооружённые до зубов.

Да, об этом она знала. Ордена рыцарей-магов – и орден Чаши и другие – с особым рвением ловили «посланниц Смерти самой» – то есть Гончих Некрополиса. В схватке, даже против обычной Гончей, один на один рыцарь не имел никаких шансов, однако если их трое да ещё шестёрка слуг…

Усмехнувшись, Алиедора продолжала идти прямо на замершую троицу. Нет, не простые рыцари, пожалуй, «меченосцы», если не командоры.

Железная башня преградила Гончей дорогу. Невысокая, худенькая Алиедора казалась вдвое меньше заступившего путь великана, опиравшегося на чудовищного вида двуручный меч.

– Стой, порождение Тьмы! – прорычали из-под глухого забрала.

Конечно, с обычными рыцарями Гончая бы справилась играючи – и притом отнюдь не с тремя. С тридцатью тремя, и даже бы не запыхалась. Но рыцари-маги другое дело. Странно, что не попытались напасть внезапно…

– Стою, – охотно согласилась Алиедора, невинно глядя прямо в тёмную смотровую щель.

На неё не напали из-за угла, не попытались накинуть мешок на голову или попросту оглушить ударом по затылку. Что это – гордость или глупость? Скорее всего, последнее. Впрочем, первое от второго отличается не слишком сильно.

Кажется, она их удивила. Наверное, от неё ожидался

немедленный прыжок, бросок, удар или ещё какой-нибудь фокус из богатого арсенала Гончих. Однако она просто стояла, даже не потянувшись к оружию, и это сбило рыцарей с толку.

– Предаёшь ли ты себя добровольно в руки Света?! – прорычал всё тот же гигант. – Только чистосердечное раскаяние, только отказ от следования путём Тьмы могут спасти…

– Ты здесь, чтобы поговорить со мной об этом? – усмехнулась Гончая. Насколько всё-таки ослабляют людей эти нелепые догмы. Счастье, что она от них избавлена.

– Мы здесь, – мягко и спокойно проговорил другой рыцарь, – потому что не каждый день Гончая Некрополиса в открытую, не таясь, разгуливает по улицам Феана. Мы могли бы убить тебя тысячу раз. Но расценили подобное как… э-э-э… приглашение к разговору. Убить мы тебя всегда успеем, Гончая. Не слишком надейся на свои таланты. Поверь, здесь собрались не новички.

– Охотно верю! – весело кивнула Алиедора. – Разумеется, три доблестных рыцаря, причём каждый – с парой слуг, уж, конечно, должны справиться со слабой девушкой.

– Мы выше насмешек, – самодовольно провозгласил первый рыцарь. – Поэтому повторяем свой вопрос: имеешь ли ты что сказать нам, Гончая Некрополиса, сказать добровольно, до того, как мы применим, назовём их так, средства принуждения?

– Конечно, я имею что сказать! – кивнула доньята. – Скажите, доблестные рыцари, не случалось ли в последнее время тут, вокруг и около Феана, чего-нибудь из ряда вон выходящего? Такого, что не лезло бы ни в какие ворота? Такого, о чём не слыхали от веку?

– Кое-что неслыханное уже творится прямо сейчас, – по-прежнему мягко заметил второй рыцарь. – Мы, воины Света, паладины ордена Чаши, мирно стоим и беседуем с исчадьем Тьмы, с орудием Мастеров Смерти, вместо того чтобы без долгих рассуждений отправить тебя на костёр. Поистине достойно упоминания в Анналах.

– А почему мы должны отвечать тебе, Гончая? – громыхнул третий рыцарь. – Тебе не кажется, что это мы должны задавать тебе вопросы?

– Задавайте, – пожала плечами Алиедора с великолепным хладнокровием.

– Что ты делаешь в Феане?

– Разыскиваю одно существо.

– Какое именно?

– Одного очень необычного дхусса.

Она просто чувствовала, как под низкими забралами у рыцарей лезут глаза на лоб.

– Я не знаю его имени, мне лишь известно, что он дхусс и странствует в сопровождении самое меньшее четырёх спутников. Один из них – сидха. Другой – известный алхимик из Семме, мэтр Ксарбирус. Видите, благородные рыцари ордена Чаши, я отвечаю на ваши вопросы.

– Гм, да, – издал неопределённое великан. – Откровенность твоя поистине безгранична, о дщерь Тьмы и Смерти.

– О чём ещё желают спросить меня благородные рыцари?

– Это – твоя миссия? Твоё задание?

– Да. Гильдия Мастеров велела мне разыскать вышеупомянутого дхусса. В этом деле я имею право поступать любым способом, дабы достичь поставленной цели.

– Почему он так нужен Мастерам? – резко бросил второй рыцарь.

– Они сказали мне, что подобного чародея наш свет ещё не знал.

– Кратко и точно, – сказал третий рыцарь. – Что ж, Гончая, мы видим, что ты говоришь правду. Отрадно, весьма отрадно. Это внушает надежду, что ты можешь отринуть пути Тьмы и встать на дорогу, что ведёт к Свету…

– И они отправили тебя одну? – перебил первый.

– Сие мне неведомо, – развела руками Алиедора. – Мастера не посвящают простых Гончих в свои планы, как вам наверняка известно, благородные рыцари.

– Ты из Свободных королевств, – вдруг сказал второй рыцарь. – Судя по выговору, скорее всего, из Меодора или Доарна. И ты благородного сословия. Во всяком случае, была. Как же ты попала в Некрополис? Я признаюсь, что впервые вижу настолько… расположенную к беседе Гончую.

– Долгая история. – Алиедора беззаботно махнула рукой, про себя ругнувшись. Да, правильная речь не могла её не выдать. Теперь уже поздно менять маску, это лишь вызовет лишние подозрения – до срока. А когда эти глупцы поймут наконец, в чём дело, будет уже поздно. – Едва ли об этом можно толковать вот так, на улице.

– Мы готовы предложить наше гостеприимство, – тут же сказал третий рыцарь. – Мой брат совершенно прав. Благородную донью, вернее, доньяту видно издалека. Достаточно взглянуть на руки.

Алиедора лишь томно улыбнулась, проделав сложную фигуру придворного поклона с такой ловкостью и грацией, что заставила бы позеленеть от зависти всех королевских фрейлин.

– Разумеется, – кивнул первый рыцарь. – Так оно и есть. Такому не научишь простолюдинку. Это должно быть в крови.

«Знал бы ты, насколько это правда!» – усмехнулась про себя Алиедора.

– Мы поражены, – просто признался третий рыцарь. – Мы допускали, что это – ловушка… но у нас есть способ читать в сердце. Ты не лжёшь. Ты действительно благородного происхождения, ты недавно в Некрополисе… скажи, дочь моя, неужели ты всецело предана Мастерам Смерти?

– Благородные господа, я бы не хотела говорить об этом, – почти прошептала Алиедора, скромно опуская глаза. – Путы, сдерживающие меня, очень сильны. Не надо рассуждать о преданности. Я честно ответила вам, господа рыцари, что привело меня в Феан. Мастера Смерти разрешили мне поступиться сохранением тайны ради достижения цели. Иначе, клянусь честью моих действительно благородных предков, вы не услыхали бы от меня ни слова. Я умерла бы на костре, не проронив ни звука. Как и все прочие Гончие до меня.

– Да слышала бы ты, как они кри… – гневно начал было великан, однако второй рыцарь положил руку тому на плечо.

– Не оскверняй своих уст ложью, брат Бартем. Ты знаешь, что она права. Мы захватывали Гончих, но всё, что узнали, – как скоро действуют эликсиры Некрополиса, убивая его адепток до того, как боль успевала сломить их волю. И ты знаешь, что наша собеседница говорила правду о том дхуссе. Мы, наш орден, весьма желали бы заполучить его тоже.

– Спасибо за сказанное, – поклонилась Алиедора. – Стало быть, ваш орден тоже имеет интерес к означенному дхуссу?

– О да, имеет, и даже более чем, – процедил сквозь зубы третий рыцарь. – Дхусс недавно побывал тут, в Феане. И перешёл нам дорогу.

– Это как? – наивно распахнув глаза, вопросила Алиедора.

Однако на сей раз рыцари только переглянулись.

– Не стоит толковать об этом здесь, – протянул великан.

Дальнейшего Алиедора ожидать не стала.

…Нет, не напрасно она травила себя эликсирами и снадобьями, перед тем как направиться в город. Не напрасно валялась на траве, слабая, словно новорождённый, едва преодолевая тошноту и головокружение. Сейчас отрава Некрополиса уже разошлась, впиталась, растворилась в крови, позволяя Гончей творить настоящие чудеса.

И это было сладко.

Рук и ног не стало, не было и оружия – сама мысль Гончей стала смертью. Мысль оборачивалась сталью, вонзившейся в темноту смотровой щели, кровью, хлынувшей из перерезанных жил, тяжело грохнувшимся оземь телом, которому не помогли

тяжёлые доспехи.

Доньята ударила всего трижды и два раза уклонилась от просвистевшего совсем рядом клинка. Бок и левую руку на миг словно стянуло липкой, жгучей паутиной, но Алиедора не обратила на боль никакого внимания. Даже напротив, звала её, радовалась ей, потому что боль давала ярость, а ярость, в свою очередь, помогала рвать набрасываемые на неё незримые путы.

Неведомая сила вывернула эфес из её кисти, однако Алиедора успела выхватить короткий нож из-за голенища, ударив точно в шею оказавшемуся самым расторопным слуге.

И тут всё кончилось. Трое рыцарей валялись на земле безжизненными стальными колодами, с ними – тот самый слуга. Остальные пятеро сквайров поспешно улепётывали. Гнаться за ними Алиедора, конечно же, не стала.

Она и так узнала довольно, не заходя слишком далеко. Левые рука и бок быстро немели, каждое движение локтя сопровождалось болью – какое-то заклятье на неё всё-таки успели набросить. Наверное, хотели взять в плен, хотя единственно верным было бы попытаться её убить.

Что ж, благородные рыцари ордена Чаши, впредь ваши собратья станут осторожнее вступать в разговоры с Гончими.

Зеваки давно разбежались, улица опустела, окна и двери поспешно захлопнулись. Алиедора позволила себе улыбнуться. Она всей кожей ощущала скопившийся там, за плотно затворёнными ставнями, жуткий, давящий страх. Людишки тряслись от ужаса при одной мысли о ней, великой, кошмарной, непобедимой Гончей! Право слово, желай она захватить сейчас весь этот несчастный городишко, ей всего-то и надо было бы явиться к магистрату.

Никто не преградил ей дорогу, стража бежала от ворот, и Алиедора, забрав скакуна, беспрепятственно покинула Феан. Дхусс был где-то поблизости; возможно, стоило сохранить жизнь кому-то одному из рыцарей и как следует допросить, однако доньята не хотела рисковать. Самый страшный враг Гончих – самоуверенность; рыцаря-мага ордена Чаши она могла свалить в стремительной, внезапной атаке, но вступать в длительный магический поединок поостереглась. Для этого она недостаточно знала об их заклинаниях – Мастера Некрополиса не успели за считаные седмицы учения впихнуть в доньяту все необходимые познания.

Итак, дхусс кружит по окрестностям Феана. В лесах Гиалмара он со спутниками устроил настоящий шабаш в бывшем храме Феникса, так что рухнули своды подземелий; и после этого сломя голову бросился на запад.

Успел ли он сделать всё, что хотел, там, на востоке? Или нет? Если нет, то логичным представлялось, что дхусс ищет способ закончить начатое. Коли так, то ему нужен ещё один храм. Ну а если успел, если сюда, на взморье, его привело совсем иное? Тут оставалось только гадать.

Тем не менее, решила Алиедора, пришла пора известить Гильдию. Мастер Латариус наверняка заждался новостей.

Снестись с Некрополисом отсюда, с дальнего закатного края мира, требовало известных приготовлений.

…Красногрудая пичужка билась и пищала в прочном волосяном силке. Глупая, она соблазнилась рассыпанными на земле ягодами и оказалась в западне. Алиедора морщилась от боли в руке и собирала сушняк для костра. Вскоре вокруг накрепко привязанной птахи заплясало пламя; несчастное существо несколько раз дёрнулось, отчаянно, совсем по-человечески, вскрикнуло и камнем упало в огонь.

Дождавшись, когда прогорели угли и от бедной пленницы остались лишь почерневшие косточки, Алиедора тщательно окропила их сразу несколькими снадобьями, шёпотом отсчитывая капли.

Обугленный скелет дёрнулся раз, другой, между крыльевыми костями быстро натягивалось подобие серой призрачной кожи. Магия использованных тут эликсиров – неимоверно сложных и дорогих – даст крылатому посланцу доньяты силы долететь до Некрополиса в считаные дни. Но, увы, использовать подобное средство для каждодневной переписки не станешь.

Крошечная скляница с написанной бисерным почерком запиской на невесомой, словно из паучьего шёлка, ткани прикрепляется к надетому на лапку-кость кольцу – и жутковатое создание взлетает, трепеща новосотворёнными крыльями на манер летучего мыша.

Дело сделано.

Теперь осталась совсем малая малость, сущая ерунда – найти наконец дхусса.

Думай, доньята, если хочешь с честью вернуться в Некрополис. Думай, потому что это – твой первый шаг к полной и окончательной победе.

Гниль, вдруг пришла в голову мысль. Там, где дхусс, – там была и Гниль. Фактория на реке, прорыв во вратах Этара, это ведь неспроста.

Доньята с досадой хлопнула себя по лбу, только сейчас она вдруг осознала, что уже несколько дней в ноздри лез слабый, однако стойкий и неотвязный запах Гнили.

Он шёл от земли, был разлит в воздухе, ощущался в воде.

Алиедора, конечно, её не пила, но касалась языком, лишний раз убеждаясь – то, чем она, хоть и недолго, повелевала, оставило тут свой след.

Теперь, оглядываясь назад, доньята понимала, что этот след был всё время. Он начался у фактории на Делэре, он явственно ощущался возле Этара, на перевале и потом, возле Феана.

След дхусса? Или кого-то из его спутников?

Так или иначе, теперь она заполучила ниточку. Правда, весьма и весьма запутанную. Та тянулась разом и на запад и на восток. Поразмыслив, доньята повернула на закат – если дхусс сел-таки на корабль… хотя, скорее всего, нет, большие порты, куда заходили морские суда покрупнее каботажников моря Мечей, все остались на восходе. Значит, ему всё же что-то здесь надо. А блуждания на востоке… не так уж и важно, чем он тут занимался, если в конце концов отправился туда, куда отправился.

…Вокруг раскинулись бесконечные застывшие волны холмов, убегавших вдаль насколько хватало глаз. Гончая брела лесными тропинками, огибая людские селения, – запах Гнили становился всё сильнее и сильнее. В один момент он и вовсе сделался нестерпимым, словно перед прорывом, и Алиедору буквально затрясло; однако ничего не произошло, многоножки на поверхность не полезли, зато доньята почти уверовала: что-то изменилось или с самим дхуссом, или с его отрядом. Запах стал гораздо сильнее; нет, не потому, что Алиедора так резко приблизилась к преследуемым, а, скорее всего, потому, что на след дхусса встал кто-то ещё.

Доньята долго гнала от себя эту мысль. Нет, не может быть, почему, откуда, как? Неужели Некрополис отправил, кроме неё, кого-то ещё? Нет, едва ли, едва ли, откуда тогда запах Гнили? Нет, здесь что-то совершенно новое, небывалое, как и сама Алиедора, имеющее сродство с поразившим старый мир бедствием.

Стали посещать доньяту и странные сны. По серым равнинам, лишённым всяких мало-мальски различимых деталей, брела высокая тень, коронованный трёхзубчатым венцом призрак, а ещё дальше, на самом пределе открытого спящему горизонта, смутно маячили ещё шесть фигурок.

Шесть, а не пять. И ещё одна – седьмая – где-то на полпути между сновидицей и ими.

Снам Алиедора доверяла, особенно сейчас.

Что ж, она будет осторожна вдвойне. Даже втройне.

Однако, несмотря ни на что, двигалась она быстро. Неутомимость гайто, вошедшая в легенды, пришлась сейчас очень

кстати. Эликсиры Некрополиса помогали поддерживать силы наездницы, Алиедора ощущала всё возрастающее нетерпение, не дававшее спать, она поддалась. Снадобье помогало бодрствовать теперь круглые сутки.

…Тяжкий подземный удар она ощутила всем существом. Где-то не так далеко рушились своды и перекрытия, всё проваливалось во внезапно открывшуюся бездну. Вскрикнуло и навек умолкло множество голосов; несколько томительных мгновений, и воцарилась тишина.

Неслышимая другим музыка, быстро затухая, ещё звучала в сознании Алиедоры. По жилам словно расползалось пламя – какой удар, какие силы выпущены на волю!

Что ж, теперь ты точно знаешь, куда идти. Найдёшь даже с закрытыми глазами.

…Последние лиги она не шла, не бежала – летела, нахлёстывая гайто. И, смежая веки, точно наяву видела дхусса. Его самого и спутников, но вместе их стало только пять, а вовсе не шесть. Один куда-то сгинул.

Дхусс шёл навстречу, а Алиедора, вместо того чтобы остановиться и просто ждать, сломя голову мчалась к нему.

…Она позволила себе их увидеть, лишь тщательно подготовившись. Из надёжного убежища, из тени сплетённых ветвей. Лицо закрыто тряпичной маской, тело прижато к земле.

Вот он, дхусс. Ну точно с картинки, виденной в вивлиофиках Гильдии. Широкоплеч, коренаст, шипы торчат прямо сквозь кожу. Идёт, опираясь на посох.

Рядом с ним худая девушка с коротко обрезанными волосами в куртке, знакомой до боли. Гончая Некрополиса, невесть чем тут занятая. Может даже – *беглая* Гончая. Хотя доньята не верила, что такое бывает.

Гном. Поперёк себя шире, но отнюдь не от жира. Тащит на плече чудовищного вида красно-золотистый меч, каким нипочём не станешь сражаться в настоящем бою, если только на самом деле это не меч, а хитроумно замаскированный артефакт.

Сидха. О ней Алиедора ничего не могла сказать – разве что позавидовать удивительной мягкости движений.

И, наконец, почтенный алхимик Ксарбирус. Этот выглядел, как ему и полагалось – сухощавый, поджарый старик, весь увешанный сумками и сумочками. Наверняка у него найдутся эликсиры не слабее тех, что у доньяты.

Пятеро. Что ж, дело сделано. Молодец, доньята Алиедора Венти. Ты совершила неисполнимое, нечто потруднее поисков пресловутой иголки в стоге сена.

Она тихо засмеялась. Кажется, впервые с того мига, как

засвистели розги в руке благородного дона Байгли Деррано, Алиедора ощущала настоящий, глубокий, полный покой.

Сделала. Осилила. Превозмогла. На огромных просторах Гиалмара и окрестных земель нашла одного-единственного дхусса.

Хорошо шагаешь, безымянный. Есть в тебе и сила, и стать. И… что-то эта непонятная Гончая как-то уж слишком к тебе липнет. Близковато идёт, неудобно же, и, случись чего, можно потерять мгновение.

Алиедора следила за пятёркой путников долго, не шевелясь, словно змея в засаде. Она совершенно не боялась их «упустить». Нет. Теперь-то никуда они не денутся. Доньята уронила голову на сгиб локтя и тихо засмеялась.

Теперь доньята пошлёт ещё одну птицу, вторую. Пусть в Некрополисе знают, что она выполнила задание.

И да, она счастлива. Правда, очень хочется спать – эликсиры, которыми она поддерживала силы, вдруг, как-то все сразу, словно прекратили действовать. Что ж, Гончая, немного поспать теперь не грех. След дхусса она не потеряет.

Веки смежились. Обо всём важном она подумает завтра, завтра, завтра…

Нет!

Волна ядовитого, кисло-металлического запаха. Гниль. Совсем рядом. И очень, очень сильная.

Алиедору подбросило, словно сама земля оттолкнула от себя.

Это что ещё за чудо?

О дхуссе и его спутниках она почти сразу забыла.

…*Это* явно шло по их же следу, как и сама Алиедора. Невысокая нескладная фигурка, девчонка в сером поношенном платьице, ноги босые. Но, конечно, девочкой это существо только казалось.

Ходячий сосуд с Гнилью. Её вместилище, её лоно. И тащится за дхуссом. Интересно знать, зачем?

Доньята подавила первое желание преградить незнакомке дорогу. Нет, пусть идёт. Гончая двинется следом, невидимая, словно тень во мраке. Откуда девчонка взялась – узнаем. Своевременно или немного позже.

…В своём убежище Алиедора досидела до темноты. И лишь после этого осторожно, не торопясь, ведя гайто в поводу, двинулась в путь – по свежему следу.

Где-то впереди трепетала кожистыми крыльями мёртвая и сожжённая птичка, отправленная доньятой со вторым, самым важным донесением в Некрополис.

Гончей предстояло взять достойную добычу.

Глава 16

– Кхе, кхе, тьфу, тьфу, да когда уже доберёмся-то? – пыхтел алхимик Ксарбирус. Близкое море не приносило прохлады – откуда-то с юга примчался незваный и нежданный суховей.

– Не хнычь, господин хороший, скоро на месте будем, – фыркнул Брабер, непринуждённо перекидывая с плеча на плечо красно-золотой меч. – Задуло и впрямь знатно, не припомню такой жары…

– Горы, вот они, – заметил и Тёрн, останавливаясь возле запыхавшегося алхимика. – Скоро вверх двинемся. Станет прохладнее. А там леса. Да и осень… не запоздает.

Всю дорогу от храма Феникса, ставшего вратами домой для демона Кройона, пятеро спутников разговаривали мало, и по большей части всё сводилось к пикировкам между гномом и алхимиком разной степени забавности. Гончая Стайни откровенно жалась к Тёрну и бросала на него порой такие взгляды, что смущался и отворачивался даже во всех щёлоках мытый Брабер. Нэисс молчала, наглухо замкнувшись в себе; Тёрн несколько раз подступался, но, натолкнувшись на несокрушимую стену, не стал ломиться силой.

План отряда был прост и понятен: проводить мэтра Ксарбируса до его родного Семме, оттуда же повернуть к северу и, обогнув Таэнгский хребет, трактом, нанизавшим на себя десять Свободных королевств, добраться до охваченного войной Меодора.

О том, что он собирается делать дальше, Тёрн предпочитал не распространяться.

Лето уходило, истаивало, на прощание дохнув испепеляющей, достойной южных пустынь жарой. Без ушедшего Кройона *керван* казался сейчас такой же пустыней.

– Ты всё молчишь, – упрекнула дхусса Стайни, после того как стенания Ксарбируса и наигранно-бодрые шуточки Брабера понемногу стихли. – Идём на войну, а как воевать станем? И с кем? С Некрополисом, с Гильдией моей бывшей? С Навсинаем? Со всеми ними и ещё с кем-нибудь в придачу? А эту самую Мелли, что так за нами и волочится, станем на големов и зомби натаскивать?

– Ты всё шутишь, Стайни. Мелли ни на кого натаскать не удастся.

– Не удастся? А рыцари?

– Им только казалось. Она делала что хотела, к чему её подталкивала природа и Гниль вдобавок. Нет, оставим её, она

несчастное, больное существо, чью жизнь, право же, более милосердно было б пресечь сразу после рождения, как ни дико мне произносить такие слова…

– Ага, вот и ты про «меньшее зло» вспомнил!

– Я о нём никогда не забываю. – Дхусс глядел прямо в глаза бывшей Гончей. – Только это не меньшее зло. Душа её осталась бы чиста. Не замарана Гнилью.

– Душа, душа… – Гончая отвернулась. – А что же у меня тогда, а, Тёрн? Скажи, не томи!

– Разве я один из Семи, чтобы на такое отвечать? – Дхусс печально улыбнулся.

Мгновение Стайни молчала, словно не в силах решиться; а потом резко тряхнула головой.

– Спасибо на добром слове, – Тёрн развел руками. – Хотел бы я им оказаться, этим Зверем, честное слово.

– И что бы тогда случилось, мой добрый дхусс? – медовым голосом осведомился Ксарбирус. – Окажись ты и впрямь со властью и могуществом Зверя? Погнал бы всех, так сказать, к счастью жезлом железным?

– Какие жезлы, о чём ты, мэтр… – Тёрн укоризненно покачал головой. – Нет, конечно. Оставил бы всё идти своим чередом. Только… убирал бы излишнее. И ещё дал бы цель. Великую цель – и каждому.

– Каждому? – хихикнул Ксарбирус. – Не напасёсси на всех-то, Тёрн. Кому девета подавай целую кучу, чтобы на ней возлежать, кому – красавиц без счёта. Как всех-то удоволишь, чтобы никто губы не дул?

Тёрн вновь улыбнулся.

– Неправильно вы рассуждаете, мэтр Ксарбирус. У вас всё выходит – дай, дай, дай, мол, только тогда счастье…

– А, слышали мы и другое, – пренебрежительно отмахнулся алхимик. – Нестяжание. Добровольная бедность, коя, как известно, не порок. Взыскивать не земного, но горнего. Об этом особенно любят поговорить служители Прокреатора.

Тёрн только качал головой и улыбался.

– Не о том они все говорили, мэтр. Не о том. Всё думали, что вот сделаю что-то такое, эдакое, и будет мне счастье. Ну, опутаю себя веригами или откажусь от хлеба, стану одну воду пить да ягоды упавшие собирать. Только это ведь всё – напоказ, мэтр, напоказ. Уйти в глухое место да там Прокреатора молить – дело нехитрое. Остаться с сородичами и сделать так, чтобы жилось им лучше, – куда труднее. Не в «нестяжании» дело или там, напротив, в стяжательстве. Что сам себе говоришь, то важно. Если каждый миг с собой бороться надо, «искусы» отгоняя, – то зачем

такая жизнь? Промучиться с единой мыслью – поскорее бы помереть?

– А как же надо? – тихонько спросила Стайни.

Дхусс вздохнул.

– Точно знаю, как *не* надо. Знаю, что когда силы есть, нельзя сидеть сиднем в дальнем углу. Иди к сородичам, иди к тем, кому плохо. Боль утишать, недуг отгонять. Злобу других на себя брать и в себе гасить. А самое главное, самое главное, – он сделал паузу, глубоко вздохнул, – верить, что ты – не червь ничтожный и что душе твоей предназначено куда большее, чем вечное прозябание. Я говорил тебе о великом Мастере, как-то встреченном мною. О том, как он именно «нестяжал», ничего не желал, ничего не хотел, кроме лишь одного – обрести «истинное бессмертие», стать духом, сохранить власть над «телом» и «свободу». Это неправильно. Я это знаю. А верный ответ… я его ищу. Может, обрету в Меодоре, – дхусс окинул спутников взглядом, – а может, и ещё дальше, в Некрополисе. Но никого с собой насильно не волоку.

– А с чего ты решил, любезный мой дхусс, что я вообще потащусь куда бы то ни было дальше моего собственного дома? – сварливо осведомился Ксарбирус.

Тёрн пожал плечами, явно не желая вступать в перебранку.

– Идёмте дальше, – размкнула губы молчавшая доселе сидха. – До Семме ещё далеко.

* * *

Никогда ещё Алиедора не жила так ярко и полно, как эти последние дни угасавшего лета. Осень уверенно наступала с севера, уже дули холодные ветры, и первые жёлтые листья появились среди ещё пышной зелени. Наблюдать за дхуссом оказалось чуть ли не интереснее, чем выслеживать его. Теперь Алиедора знала куда больше. Знала его имя – Тёрн, знала всех его спутников, знала, что они едят, где предпочитают останавливаться, о чём говорят, о чём спорят, в чём у них согласие, а в чём раздор; словом, Гончая была готова выполнить задание и «пресечь их дальнейшее движение».

Из Некрополиса меж тем пришёл наряду с похвалами приказ – продолжать следить за дхуссом, не сводя глаз. Ничем себя не выдавать, наблюдать. Запоминать всё необычное. Обычное, впрочем, тоже.

Алиедора этому следовала. Не замеченная никем, она ничком лежала в зарослях, не пытаясь приближаться к лагерю дхусса, и

слушала, слушала, слушала…

Гайто вздыхал, скучал в недальней рощице, но – умница – не подавал голоса.

Где-то неподалёку – но позади Гончей – болталось и это существо, тварь Гнили. Оно, по-видимому, приближаться не имело намерений, просто следовало за Тёрном, куда бы тот ни направился.

…След чужаков она почувствовала сразу, едва натолкнувшись. Алиедора уже не мыслила себя без эликсиров Некрополиса. Не только и не столько боевых. Были и такие, что дивно обостряли чувства, помогая ощущать мир куда богаче простых смертных. Алиедора, будучи твёрдо уверена, что теперь дхусс никуда не денется, порой – особенно бессонными ночами – осторожно покидала окрестности лагеря. Садилась в седло – и накручивала бесконечные круги, пока не толкнулся в ноздри небывалый, холодноватый, но в то же время пряный запах.

Алиедора насторожилась мгновенно, соскочила с седла, зажмурилась, жадно втягивая ноздрями воздух. Ничего подобного ей раньше не попадалось.

Холод. Лёд. Но… живой лёд. И пряность, тёплая пряность юга, пропитанная солнцем. Как такое может соединиться воедино?

И ещё там была магия, могучая и древняя, с какой Алиедора не сталкивалась ни во время краткого своего пребывания «владычицей Гнили», ни потом, когда училась в Некрополисе. Мастера показывали ей «образчики», тем или иным способом добытые артефакты чужих школ, уча распознавать их «с налёта». Алиедора узнала бы, конечно, любые изыски чародеев Навсиная или им подобных затейников из вольных городов вдоль южного побережья; с некоторым трудом, но не ошиблась бы, столкнувшись с удивительной и непонятной прочим волшбой пришлецов из Облачного Леса, что за морем Мечей; но ничего подобного учуянному ей сейчас в Некрополисе не изучали.

Тепло и холод. Лёд и пряность.

Алиедора опустилась на колени, что было сил зажмурилась, стараясь покрепче запомнить запах. Запах магии – его не спутаешь ни с каким другим, и почти бесполезно объяснять несведущему, чем он отличается, скажем, от аромата тушёного рагу из флаков. Внутри у доньяты болезненно дрожала туго натянутая струна, но пальцы отыскали нужное снадобье быстро и безошибочно.

Пей, Алиедора, пей, пусть даже потом – ты знаешь наверняка – тебе будет очень плохо, вплоть до рвоты пополам с кровью.

Здесь прошли чужие. Нет, не так – *чужие*. Нет знакомого

горьковатого привкуса Камней Магии, не пахнет тонкой механикой големов, нет сложного аромата трав, такого характерного для шаманов с южных островов…

Мир перед Алиедорой померк и посерел, лишаясь красок. Меж чёрных стволов вилась причудливыми спиралями тонкая зеленоватая дорожка, мало-помалу растворяясь и истаивая в густой, заткавшей всё вокруг дымке.

Предостерегающе заржал гайто, однако Алиедора, не оборачиваясь, уже шагала вдоль этой путеводной нити. Погоня, преследование, жгучий азарт. Небывалая добыча, с какой не сталкивалась ещё ни одна Гончая, – что может быть лакомее?

Она ждала и предвкушала. Какой там рыцарь на белом коне, «тот, кого всегда я жду»? Настичь, схватиться и превзойти – вот истинное счастье. Превзойти того, о ком ничего не известно, кто возник внезапно, из ниоткуда, и вот одолеть его – без подсказок от Мастеров, самой – в этом истинная слава.

Несмотря на помрачившееся сознание, Алиедора точно знала, куда и насколько быстро она идёт, ни на миг не теряя направления. Горный ручей… изгиб… небольшой водопад и купа деревьев, противу всех законов выросшая на голом камне… там!

Алиедора остановилась, гайто привязывать не стала, просто несколько раз прошептала в подрагивающее ухо – «жди меня». И змеёй скользнула через подлесок; запах чужой магии кружил голову, притягивал, словно добыча хищника.

…Она знала, что будут ловушки, и потому остановилась заблаговременно, тщательно «пробивая», как говаривали в Некрополисе, каждый локоть лежавшего перед нею пространства. Почувствовала нечто вроде стражевой лозы – насмотрелась, как сидха Нэисс раскладывала её, что ни вечер. Тут, конечно, Алиедору ждала западня куда хитрее и заковыристее.

– Ничего, разгадаю, – шептала про себя доньята. – Обязательно раз…

Она не допустила никакой ошибки. Просто в глаза вдруг плеснула чёрная волна, ничто безо вкуса и запаха; Алиедора даже не почувствовала, как лоб её уткнулся в покрытую палым листом землю.

* * *

На неё смотрели, и именно от этого взгляда она очнулась. Не от боли, не от удара – от взгляда. И, как учили в Гильдии, доньята не торопилась открывать глаза.

– Не надо бояться, – спокойно и мягко сказал кто-то рядом.

Сказал на понятном ей языке, языке Навсиная, Некрополиса и Свободных королевств, хотя, если судить по акценту, для говорившего эта речь не была родной. – Открой глаза, воительница.

Алиедора осторожно приподняла веки.

…Спина опирается на древесный ствол. Прямо перед ней, где положено гореть походному костру, пляшет на незримой опоре призрачное пламя, ало-оранжевое, дающее и тепло, и свет, однако ничего не сжигающее.

Перед Алиедорой – несвязанной, ничем не стеснённой, у неё забрали только меч – на корточках сидели двое. Зелёные с прожилками серебра одежды – короткие куртки и широкие порты. У одного над плечами торчали рукояти пары недлинных и кривых мечей, другой довольствовался посохом, простой палкой, на которой тем не менее беззаботно зеленели листья.

Оба её пленителя не были людьми. Приподнятые у висков уголки глаз придавали им сходство с сидхами, но не более. Кожа куда темнее, волосы, в отличие от коротких торчащих волос сородичей Нэисс, льются, словно вода, на плечи и ниже. И ещё в отличие от сидхов зрачки глаз у этих двоих были круглыми, а не как у хищной птицы.

– Не надо бояться, – повторил тот, что с посохом. – Мы тебе не враги. Но мы… поступаем с осмотрительностью, когда кто-то пытается тайно приблизиться к нашей стоянке. – Речь незнакомца отличалась книжной правильностью и отточенными интонациями.

– Ответь на то, о чём мы спросим, и иди своей дорогой, – резко бросил другой, с двумя мечами.

Алиедора попыталась двинуться – напрасная попытка. Чужая магия держала куда крепче любых пут.

От бессильной ярости на глаза, наверное, навернулись бы слёзы, не разучись она раз и навсегда плакать после славной школы кора Дарбе.

Кипящее внутри пламя пригодится.

– Спрашивайте, – как можно более равнодушно и холодно произнесла она вслух.

– Почему ты следуешь за дхуссом? – немедленно осведомился пленитель с посохом.

– Потому что я получила такой приказ. – Настоящая Гончая, конечно, в плен попадать не должна. Но Мастера, люди широких взглядов, не исключали и подобного исхода и не забыли снабдить свою воительницу соответствующими указаниями.

– От кого? – спросил другой, с двумя мечами.

– От кого может получить приказ Гончая Некрополиса? –

пожал плечами обладатель посоха, словно раздражённый непонятливостью спутника. – Гильдия Мастеров Смерти. В чём есть суть приказа? – обратился он к доньяте.

– Следить за дхуссом. Извещать о его поступках.

– И это всё?

– Всё. – Алиедора отвернулась. Хорошо ещё, ей оставили свободу вертеть головой. – Больше мне ничего не приказывали.

Допрашивавшие переглянулись и обменялись парой быстрых фраз на певучем и непонятном доньяте языке.

– Как давно ты следишь за ним? – наконец спросил тот, что с посохом.

Алиедора попыталась пожать плечами – и ей это удалось.

– Несколько седмиц.

– Точнее! – недовольно потребовал мечник.

– Дни не считала. Мне надо было следовать за ним и наблюдать. Про дни и седмицы я приказов не получала.

…Тело мало-помалу возвращало своё. Магия пришельцев отступала, однако Алиедора не могла понять, заметили это её пленители или нет.

Ещё несколько таких же пустых вопросов, и она попытается. Меча нет, но это и неважно. Справится и голыми руками, тем более что брони ни у кого из них нет.

Она оттолкнётся и собьёт мечника ударом в горло. Не разворачиваясь, ногой достанет второго. Доля мгновения, чтобы их добить.

– Не нужно этого делать, – заметил обладатель посоха. – Ты не успеешь, а мне придётся ударить тебя сильнее, чем в первый раз.

«Так. Ещё один чтец мыслей на мою голову. Словно мало было Метхли…»

– Мы не воюем с Некрополисом, – холодно бросил мечник. – И нам нет до тебя дела, Гончая. И мы не убиваем без крайней нужды. Принцип меньшего зла, видишь ли. Но не думай, что тебе удастся нас опередить. Впрочем, можешь попытаться.

– Я бы не стал её уговаривать, – мягко заметил тот, что с посохом. – Я чувствую в ней немало интересного…

Мечник резко прервал соратника короткой повелительной фразой на своём собственном языке.

Его собеседник примирительно улыбнулся, и пальцы его пробежали по посоху, словно по грифу музыкального инструмента. Доньяту словно толкнула в грудь невидимая рука, прижимая обратно к стволу. И она готова была поклясться, что в гулкой тишине иного мира разнеслись неслышимые здесь, под небом Семи Зверей, странные, непривычные звуки и переходы

музыки. Совершенно чужой, как и сами эти двое, шутя взявшие в плен лучшую Гончую Некрополиса, даже не замарав рук.

– Немало интересного, – повторил он, не повышая тона и продолжая улыбаться. – Гниль очень сильна в ней. Гниль и ещё что-то, так с ходу не определишь.

И вновь резкое восклицание мечника.

– Я не хочу превращать её во врага, потому и говорю на понятном ей языке, – не обратил на него внимания чужой волшебник. – Она сильна, хорошо сопротивляется. Так что я просто следую самым выигрышным путём.

Мечник состроил выразительную гримасу – Алиедора не сомневалась, специально для неё.

– Тебя зовут Алиедора, – чародей не спрашивал, он утверждал. – Ты из рода Венти. Твои родные… все погибли. Каким образом, от меня скрыто, ты заставила себя забыть об этом. С тобой было… что-то очень страшное. Ты видела… с тобой говорили… – он нахмурился, брови сошлись, – сущности, что превыше твоего понимания.

И вновь спутник чародея прервал его недовольным возгласом на непонятном Алиедоре языке. Волшебник ответил – неожиданно резко и повелительно, на том же наречии. Мечник выпрямился, надменно вскинув подбородок и скрестив руки на груди, однако возражать не дерзнул.

– Так-то лучше, – мягко сказал чародей, опускаясь перед Алиедорой на одно колено и пристально глядя в глаза. – Ты говорила с могущественными созданиями, обитающими за гранью этого мира. Кто-то называет их богами, кто-то Зверьми, кто-то – почитает под именем Ома Прокреатора…

– Белый Дракон – это не Звери! – возразила Алиедора. – И Гниль тоже.

Чародей едва заметно усмехнулся.

– Девочка, я прожил на свете куда больше, чем может показаться, глядя на моё ещё совсем не старое, по меркам твоей расы, лицо. Все эти разные «боги» или «звери» – суть лишь различные аспекты одного и того же, великой живородящей сущности, великого изначального.

Мечник, похоже, потерял терпение. Встал за плечом чародея, положив ладони на эфесы кривых мечей, бросил нечто, судя по тону, подсердечное.

Волшебник вздохнул, развёл руками.

– На сей раз он прав. Мы возьмём тебя с собой, Алиедора Венти, так будет лучше и для тебя, и… для многих других, могущих повстречаться тебе на пути. Спи, доньята.

Неуловимое движение жилистых пальцев – и в лицо Гончей

плеснула уже знакомая чёрная волна.

* * *

– Что тебя тревожит, Тёрн?

Стайни осторожно подкатилась к застывшему на спине дхуссу, неотрывно глядевшему в ночное звёздное небо.

– Что-то рядом. Или кто-то, – кратко ответил тот.

Губы бывшей Гончей едва заметно дрогнули. Дхусс нечасто отвечал вот так, сразу, обычно отмалчивался, извинялся за это, уверял, что не хочет никого обижать, но так, мол, «всем будет лучше».

– Мелли?

– Она тоже. Но не только. – Тёрн сощурился, словно норовя разглядеть нечто, невидимое остальным, в рассечённом кометным хвостом рисунке привычных созвездий. – Кто-то новый. Или, вернее сказать, кто-то старый. Из моего… прошлого.

– О! – только и смогла вымолвить Стайни. Это самое «прошлое» дхусса оставалось тайной за семью печатями. И узнать хоть что-то из него представлялось редкой удачей.

– Об этом мы говорить не будем, – поспешно остановил её Тёрн. – Ни к чему. Незачем.

– Почему ты это прячешь? – не выдержала Стайни. – Уж столько вместе хожено, столько раз плечом к плечу стояли! И я ведь тебе, вспомни, сразу же всё рассказала!

Ошиблась, с досадой и раскаянием подумала она. Дхусс немедля замкнулся, скулы закаменели.

– Мне нужно побыть одному. Не обижайся, пожалуйста. Может, нам снова придётся драться, как ты сказала, плечом к плечу. И куда скорее, чем мне того хотелось бы.

– Тьфу! – Стайни досадливо отодвинулась. – Знал бы ты, дхусс, который не дхусс, как мне уже надоели эти твои тайны! Молчишь со значительным видом, чтобы уж точно все увидели бы и восхитились, чтобы умилялись и ручки к груди прижимали, ах, мол, какой он у нас таинственный, загадочный и непонятный! Пожалеть его да пригреть его надо! А ты и рад…

– Ничего я не… – вскинулся было Тёрн, однако тотчас же одёрнул себя и вновь лёг навзничь, со вздохом отмахнувшись рукой. – Не надо так, Стайни. Видят Семь Зверей, что я не играю. Просто я не люблю притворяться и натягивать улыбку. Не люблю делать вид, что «ничего не случилось». Потому что это враньё.

– То есть ты хочешь, чтобы мы… чтобы я знала, как тебе плохо, но при этом не попыталась помочь? – Стайни сердилась

всё больше и больше.

– Пойми же, ты *не можешь* помочь. Вернее, можешь, но не впрямую.

– Это как же?

– Позволь мне оставаться тем, кто я есть.

Стайни вздохнула, прижала к груди сжатые кулаки. Казалось, она собирается что-то сказать, что-то очень для неё важное, – но, наткнувшись на успевший обратиться в бесконечность, отсутствующий взгляд дхусса, промолчала, без слов поднявшись и отойдя в сторону.

Горел костёр, поодаль от него сжалась Нэисс, неприязненно глядя на пламя. Бывшей Гончей показалось, что сидха готова что-то сказать, однако та в последний момент дрогнула, вновь уставившись на огонь: по установлениям её народа, жечь даже мёртвое дерево – неслыханное святотатство.

Где-то рядом алхимик и гном. Попробовать поговорить хотя бы с Брабером? Однако Гончая не могла избавиться – нет, не от горечи, а от пробивающейся сквозь неё тревоги. Сосущей тревоги, смешанной с отвращением, о котором, казалось, она давным-давно забыла.

Получается, не забыла.

– Некрополис, – вслух сказала она. И тотчас повторила, громче: – Все слышали?! Они совсем рядом!

– Кто?! – вскочил Брабер, замахиваясь своим чудовищным клинком.

– Гончие. Или Гончая. – Стайни зажмурилась, вытянулась в струнку, втягивая ноздрями воздух. – Да, Гончая. Совсем рядом. И… она…

– Она страдает, – мрачно проговорил Тёрн, оказавшись рядом. – Я помню. Ты испытывала то же самое, Стайни, пока мы не притащили тебя к почтенному мэтру Ксарбирусу.

– Да, – прошипела сквозь зубы бывшая Гончая. – Именно так. Кто-то её поймал, и…

Тёрн мрачно усмехнулся.

– Они решили, что расставили отличную западню. И что нашли первосортную приманку.

– О чём ты, Тёрн? – приподнялся Ксарбирус.

– Кто-то схватил Гончую Некрополиса, – холодно сказал дхусс. – И надеется, что я приду ей на помощь.

– С чего ты так решил, распечать их всех в три кости? – удивился гном.

– Потому что *они* схватили не совсем обычную Гончую. – На лицо Тёрна было страшно смотреть. Клановый знак Морры на щеке ожил, словно наливаясь живым ог– нём. – Она испытывает

боль и ужас тоже, но при этом *чувствует* своих пленителей. – Шипы на плечах угрожающе шевельнулись. – Она не знает, что *я* знаю их.

– Что за глупости, – не выдержал Ксарбирус. – Зачем такие сложности, пытать какую-то Гончую! Если эти загадочные «они» настолько могущественны, что с лёгкостью захватили Гончую Некрополиса, то можно было бы просто напасть на наш лагерь, и тогда…

Тёрн покачал головой.

– Они стараются избегать зряшных убийств. Это приглашение. Мне надо идти.

– Они… знают, что ты здесь? – схватилась за голову Стайни.

– К сожалению, да, – медленно кивнул дхусс. – Не вздумайте идти за мной. Так у меня ещё есть шансы. Если я стану думать о вашем спасении – их не останется вовсе. Эти пришельцы – куда сильнее всех чудовищ в здешних подземельях или даже тех теней, с которыми нам пришлось иметь дело. Не вмешивайтесь! Сворачивайте лагерь и уходите! Как можно скорее и куда глаза глядят!

– Бежать? – криво усмехнулся Ксарбирус, скрещивая руки на груди. – От такой великолепной возможности наконец-то узреть тех, кого почитает за опасных врагов сам дхусс? Ну уж нет. Я, милостивые судари мои, уже стар и давно отучился бояться. Так что, Тёрн, я уж пойду с тобой.

– Вы не понимаете, – с отчаянием повысил голос Тёрн. – Вы не знаете, кто они такие и на что способны…

– А вот, кстати, и узнаем, распечать их в три корня!

– Да-да-да, – закивал Ксарбирус. – Мне, знаешь ли, сударь мой дхусс, до ужаса любопытно посмотреть на истинного Мастера Беззвучной Арфы.

– Он сотрёт тебя в порошок, – на сей раз Тёрн забыл о всех и всяческих «достопочтимых мэтрах».

– Он? Меня? В порошок? Такого слабого и бе-е-еспо-о-мощного? – Ксарбирус мастерски изобразил старческую дребезжащую речь. – Едва ли. Ведь его учение – то есть ты, мой добрый дхусс, – как раз и есть воплощение добра, сочувствия и жалости. Не может быть, чтобы учитель настолько сильно отличался от тебя.

Дхусс не стал спорить. Просто повернулся, махнул рукой, вскинул посох – и Стайни едва успела заметить стремительное движение рук. Бывшей Гончей показалось – она узнаёт мелодию, неслышимую, но существующую; Тёрн сотворил заклятье невидимости.

– Ну, чего встали? – не растерялся Ксарбирус. – Невидимость

невидимостью, а траву-то он ещё пригнетает!

Стайни, Брабер и сидха бегом бросились за решительным алхимиком.

* * *

– Будет очень больно, – терпеливо повторял чужой чародей, сидя на корточках возле Алиедоры. – Будет очень больно, и ты можешь кричать. Чем громче, тем лучше.

Мечник угрюмо вышагивал рядом, оба клинка наголо, словно собрался вот-вот кого-то рубить. Сама благородная доньята не могла ни пошевелиться, ни крикнуть – горло слово парализовала обвившая её тьма. Левая рука откинута в сторону и тоже обездвижена – кольцо мрака вокруг запястья, два возле локтя и ещё одно – на плече. Волшебник же тем временем закатал ей рукав и сейчас сосредоточенно возился, протирая кожу какими-то дурно пахнущими снадобьями. Алиедора догадывалась, что он собирается делать, и внутри у нее всё сжималось от позорного ужаса; однако, против её ожиданий, ничего колюще-режущего чародей не вытащил. Вместо этого провёл чем-то вроде жирного угля короткую черту вдоль надувшейся, словно сытая змея, вены, прошептал что-то на своём непонятном языке – и там, где была нарисованная им линия, плоть Алиедоры лопнула. Кровь обильно заструилась по руке вниз, струйки сбегали, обнимая пальцы, тяжёлые капли срывались с их кончиков.

«Ну, и где боль-то?» – успела подумать Алиедора. В Некрополисе (а особенно допрежь него) приходилось терпеть такое, что *эта* боль показалась бы мелким укусом.

– Сейчас всё будет, – волшебник опять прочёл её мысли.

В кожу над ключицей аккуратно и осторожно вошла острая адамантовая игла. Мускулы затряслись мелкой дрожью, страх очумело рванулся из живота вверх, но тут, как и обещал чародей, пришла настоящая боль. Вместе с кровью из Алиедоры уходили силы, она теряла защищавшие её эликсиры Некрополиса, а вместо них – вместо них приходила лишь ещё более сильная боль.

Драло, выворачивало, рвало, распирало. Лопалось, ломалось, содрогалось, крошилось и вновь лопалось. В теле, казалось, не осталось ни одной целой кости.

– Кричи, кричи, – поощрял волшебник.

Кричала ли она – Алиедора не знала. Мир стремительно тонул в багровом мареве, и из него один за другим выступали – кор Дарбе и Байгли Деррано, трёхглазый чародей Метхли и давным-давно сгинувший громила из «Побитой собаки». Целая

череда лиц. Где-то вдали маячил Белый Дракон.

Думать и рассуждать она не могла. Глаза глядели даже сквозь как будто бы зажмуренные веки.

– Оставь её, Роллэ. – Это было сказано на общем языке, глухо и с угрозой.

Дхусс стоял у другого края поляны, держа посох наперевес, словно копьё.

Чародей – которого, оказывается, звали Роллэ – выпрямился, элегантным движением отёр пальцы о тонкий плат и брезгливо бросил его в огонь. Что-то сказал на певучем, непонятном языке, улыбнулся, развёл руки, словно стремясь обнять дхусса. Второй, мечник, напротив, весь подобрался, двинулся мягким хищным шагом, заходя сбоку.

– Оставь её, Разыскивающий. Тебе нужен я? Что ж, давай переведаемся. Ты был моим наставником, Роллэ. Хочешь убедиться, что я кое-чему успел научиться?

Мечник бросил два быстрых взгляда – на мага Роллэ и потом вновь на дхусса. Казалось, он растерялся.

И вновь чародей что-то сказал на своём наречии, и вновь дхусс ответил ему на общем языке, понятном корчащейся от боли Алиедоре:

– Чтобы заставить меня прийти, ты стал мучить невинную. Низко ж ты пал, учитель. Сильно же ты испугался. Что ж, придётся показать, что…

Роллэ состроил досадливую гримасу и небрежно вытянул руку.

Из-под земли словно рванулся протянутый от мага до дхусса тёмный канат. Свитое из волокон мрака вервие расплескало вокруг себя дёрн, кольцами набросилось на Тёр– на, однако тот не дрогнул и не отступил ни на шаг. Посох он не выпустил, и, несмотря на прижатые к телу руки, пальцы дхусса легко пробежали по отполированному дереву. Алиедора готова была поклясться, что вновь слышит музыку, странную, не от мира сего, словно пришедшую с хрустальных небесных сфер.

Она ожидала, что тёмное вервие сейчас лопнет, разлетится ничтожными, быстро исчезающими в дневном свете лоскутьями, – однако вместо этого разжала когти терзавшая её саму боль.

Адамантовые иголки распались сверкающей пылью, плоть Алиедоры вытолкнула острые огрызки – всё, что осталось от жуткого инструмента.

Этого, похоже, никто не ожидал, ни мечник, ни мучивший её волшебник Роллэ. Путы мрака вокруг доньяты распались тоже, и хотя по левой руке обильно струилась кровь и Гончая осталась без своего арсенала, но в бой она бросилась тотчас, не колеблясь

ни мгновения.

Безоружная, с голыми руками, оставляя за собой шлейф крови из рассечённой жилы – Алиедора одним прыжком покрыла отделявшее её от чародея расстояние и вцепилась в него.

Ей не хватило половины мгновения, чтобы свернуть этому Роллэ шею. Проклятый маг! Быстр и ловок, как змея. Рядом оказался и мечник, рукоять эфеса ударила Алиедоре в висок, но сознание не погасло. Она уже слышала, как хрустят позвонки в тонкой шее Роллэ, но тут чародей наконец прохрипел что-то гневное, и доньята покатилась по земле.

– Беги! – хлестнул её выкрик дхусса, и ноги сами понесли Алиедору прочь, такие сила и власть были в этом голосе.

– Стой! – хрипло выкрикнул за спиной Роллэ. Доньята надеялась, что хрипит он так после её хватки.

…Спутывающее заклятье она ощутила даже раньше, чем оно оплело щиколотки, но сделать ничего не успела – только сжаться комком, как учили в Некрополисе, перекатиться; а потом тело вновь сковали тёмные петли.

Маг Роллэ, сгорбившись и вытянув руки, шёл прямо на опутанного с головы до ног чёрной паутиной дхусса, мечник уже держал остриё клинка под подбородком Тёрна, однако тот смотрел на Алиедору и только на неё.

– Беги. Ты сможешь.

А-а-а-а-ах!

Свитые из тьмы кольца врезались в тело, кровь обильно текла уже по обоим запястьям, но доньята ощутила, что путы стали поддаваться. Она не произносила никаких заклинаний, она их просто не знала. Но сковавшее Алиедору рвалось, не выдерживая напора её воли, гнева и жажды жить.

– Беги!

Дхусс проделал какое-то моментальное, сложное, перетекающее движение. Меч зазвенел, разлетаясь целым облаком осколков; отброшенный, его хозяин шатался, зажимая рваную рану на щеке; Роллэ опрокинуло на спину, изо рта мага шла кровь.

Сейчас, именно сейчас, пока они оба не пришли в себя!

Под руки подвернулся камень, последний из тёмных обручей лопнул, глубоко рассёк кожу, но Алиедора даже не почувствовала боли. Она замахнулась – и тут вся поляна встала дыбом.

Роллэ, страшный и окровавленный, тонкое, должное казаться очень красивым лицо искажено, одним прыжком оказался на ногах. Что он сделал – понять было невозможно, но на доньяту словно рухнуло небо. Мириады осколков пронзили её насквозь, каждую мышцу, каждую жилку; она не могла не только двигаться,

но даже и кричать.

Оставалась одна лишь боль.

Пошатнулся и дхусс. Тёмные кольца медленно соскальзывали с него наземь, и сам он, уронив голову на грудь, опускался вслед за ними. Сквозь затуманенный мукой взгляд в глаза Алиедоре заглянуло небо – и она готова была поклясться, что там, среди бела дня, в самом зените, зияет огромная чёрная дыра.

Её грубо схватили за ворот и потащили прямо по земле.

Очень хотелось умереть, и она даже чувствовала, что может, что способна шагнуть за грань; но нет, она не имела права. Потому что точно так же волокли бесчувственного дхусса, а рядом мечник, уже наложив на рану мигом остановивший кровь эликсир, нёс его посох.

Алиедора закрыла глаза. Враг, не убивший побеждённого сразу, глуп. И глуп вдвойне и втройне, если полагает как-то сломить её волю.

Очень скоро она взглянет на мир, взглянет на эту парочку, и тогда, поклялась она, чародей Роллэ узнает, что такое ужас.

«Ты теперь во главе списка, – мысленно прошипела она. – Даже выше трёхглазого Метхли».

Боль отступала, и Гончая Некрополиса заставила себя забыть обо всём. Ей надлежало готовиться к бою.

Эпилог

Зелёный корабль. Море Мечей.

– Мы сделали это, Фереальв. Мы сделали это.

– Ты только сейчас понял это, м-м, Разыскивающий Роллэ?

– Да, только сейчас, когда мы наконец вышли в море. Я боялся…

– Чего? Друзей нашего дхусса? Полно. Они не стоят нашего внимания. Я видел их всех. И всех прочитал. Алхимика, сидху, бывшую Гончую. Гнома-наёмника. Они долго тащились за нами, но теперь всё – в океане нас не выследить никому и никогда.

– Легко, наверное, так безоглядно верить в хорошее, Фереальв.

– О чём ты? О чём опять? Что теперь не так? Пленники надёжно скованы твоими заклинаниями. Мастерски скованы, охотно признаю и то же скажу Мудрым. Мы в открытом море, и, хотя Смарагд ещё далёк, этой парочке никуда не деться. Мы захватили дхусса, захватили Обрекающего, и теперь нам ничто не угрожает. Я, правда, не очень понял, зачем тебе понадобилась эта девчонка, Гончая, но…

– Ты не помнишь моих объяснений, Фереальв?

– Отлично всё помню, но не согласен. Я ведь как-никак Наблюдающий, Роллэ. И хотя моё оружие – сталь…

– Фереальв, я никак не хотел задеть тебя. Просто мне странно, что ты, Наблюдающий, и притом из первых, не видишь столь для меня очевидного.

– Никоим образом не настаиваю на своей правоте, Роллэ. Девчонку ты, если я всё правильно понимаю, доставишь Мудрым, и они подвергнут её испытаниям, кои всё и покажут. Если ты прав, что ж, я с охотою признаю свою ошибку. Я вовсе не упорствую в заблуждениях, хотя тебе может казаться и по-другому.

– Мудрые, бесспорно, подвергнут.

– Не нравится мне, как ты это сказал, Роллэ.

– Что сказал? Кто сказал? Ах, я сказал… не обращай внимания, Фереальв. Я выполнил волю Мудрых. Я доставлю им этого ужасного и опаснейшего дхусса. Теперь Смарагд может спать спокойно. А я надеюсь заняться кое-чем с этой девочкой.

– Твоё право, Роллэ, и, уверен, Мудрые не станут препятствовать. Но на что она годна, кроме постели, да и в том я бы усомнился?

– Для постели она как раз совершенно не годна. Нет, Фереальв, я, с позволения Мудрых, проверю свои собственные

мысли и предположения.

– Что ж, не вижу препятствий, хотя не вижу и смысла. Но давай сперва доберёмся до дому. Хотя… ты что же, считаешь, что это *Она*?

– *Она*? Нет, конечно, нет. Но взятая нами в плен девочка-Гончая может вывести нас прямо к *Ней*. И об этом я тоже скажу Мудрым. Скажу, что они ошибаются с дхуссом, но, в конце концов, это их дело. Моё – с этой девочкой.

Тишина. Собеседник Роллэ равнодушно пожал плечами. Ему нет дела до Алиедоры Венти.

* * *

– Мы их упустили, Ксарбирус.

– Ничего подобного, милая моя Стайни, ничего подобного. – Алхимик захихикал, довольно потирая руки. – Напротив, совсем напротив. Благодаря, м-м-м, длительному общению с нашим любезным дхуссом я могу теперь точно сказать, где он сейчас. Мы выследим этот кораблик, куда бы он ни направлялся в пределах мира Семи Зверей.

– А дхусс?

– Не волнуйся, не переживай. С твоим разлюбезным дхуссом ничего не случится. Если я прав, то его похитителям он нужен живой и только живой. Так что, – алхимик гордо вскинул голову, – идёмте прямиком в Феан, нанимать корабль. Старый Ксарбирус тряхнёт ради такого дела мошной.

– Я с тобой, – тотчас выпалила Стайни.

– Не сомневался. А ты, Нэисс?

Сидха пожала плечами.

– Моей ветви больше нет, мне некуда идти. Последую за тобой, мэтр Ксарбирус. Всё-таки это смысл.

– А я безо всякого смысла согласен! – громогласно объявил Брабер. – Оченно мне любопытно, кто ж это такие, кто дхусса схарчить сумел. Никогда о таковских не слыхивал, распечать меня в три кости. Так что, коль они Тёрна к себе в страну уволокли, поглазеть на неё б не отказался!

– Вот и славно, – одними губами усмехнулся алхимик. – Я бы тоже «не отказался поглазеть», почтенный гном. Так что по рукам и вперёд!

– А то чудо, та девчонка, о которой говорил Тёрн? – напомнила Стайни. – С ней что?

– Думаю, – с лица Ксарбируса сбежала последняя тень ухмылки, – думаю, что она от дхусса не отстанет. Их вместе

сковало такой цепью, что не силам земным разбить. Не удивлюсь, если… похитителей Тёрна будет ожидать немалый сюрприз. Впрочем, что нам до неё? Отсчитали лиги пешие, теперь будем лиги морские считать!

– И думать… про него, – тихонько закончила Стайни.

Короткий шорох заставил их вскочить. Последний привал они устроили в полудне пути от Феана, укрывшись в глубокой ложбине; из зарослей выше по склону вдруг высунулась голова иссиня-чёрного гайто.

Все вскочили.

– Эт-то что ещё такое, распечать меня в три кости? – вытаращил глаза Брабер.

– Не видишь, что ли, гайто, – сварливо отозвался алхимик. – Под седлом и с седельными сумками. А сумки…

Он сделал шаг, однако скакун гневно вскинул голову, ударил передним копытом.

– Ладно-ладно, – поспешно отскочил Ксарбирус. – Не претендую, рук не протягиваю, и вообще мне это не нужно. И так всё видно.

– Что «видно»? – не поняла Нэисс.

– Сбруя Некрополиса, – Стайни пристально глядела на вороного. – Но сам он не оттуда. Я бы почувствовала.

– Ка-ак интересно, – Ксарбирус обошёл скакуна кругом, предусмотрительно избегая опасной близости с острыми раздвоенными копытами. – А кто у нас тут был из Некрополиса? Одна очень странная и необычная Гончая, которую захватили загадочные пришельцы. Поправьте меня, если что не так, но я прозакладываю годовой запас всех моих эликсиров, если это не её гайто!

– Ну а нам-то что с того?

– А то, любезный Брабер, что эта зверюга сюда явилась не просто так. И не спрашивай меня, как он нас нашёл и чего от нас хочет.

– Чего он хочет, как раз понятно, – обычно молчаливая Нэисс встала, подошла к вороному, осторожно коснулась чешуи на мощной шее. – Он хочет, чтобы мы взяли его с собой.

– Смелое утверждение, – начал было Ксарбирус с ехидной ухмылкой, однако Нэисс оборвала его – резко, даже зло:

– Я знаю. Он мне сказал.

– Никогда бы не подумал, что ты способна говорить с животными, – раздражённо заметил алхимик.

– Я и не способна. Это он со мной говорит.

– И как же мы его на корабль-то втащим?! Здоровую лоханку нанимать придётся, распечать нас всех…

– Твой меч заложим, Брабер!

– Мо-ой меч?! – вознегодовал гном. – Ну уж нет! Ладно, погодите, раз уж вы тут все ума лишились, придётся и мне за вами. Найду у кого занять в Феане…

Вороной внимательно слушал, чуть пофыркивая и словно в нетерпении переступая копытами.

* * *

Непроглядная, чернильная тьма. В ней можно двигаться – два шага вправо, четыре вперёд.

– Как же тут темно…

– Возьми меня за руку. Вот… пей давай. Они дали воды.

Короткая усмешка.

– Если бы они понимали хоть что-нибудь, то уморили бы жаждой и меня, и тебя. Но они не понимают. Жаль.

– Опять ты за своё… пей, Тёрн, пей.

– Спасибо. Ты хорошо держишься, молодец.

– Посиди в кубе у северных варваров, тоже будешь хорошо держаться…

– О-о, ты и у них побывала?

– Я много где бывала.

Вздох.

– Чувствую. Оттого в тебе столько боли и ненависти.

– Вот не начинай, не начинай, не надо! Скажи лучше, зачем ты им поддался, зачем дал себя захватить? Я же видела, ты мог освободиться! А вместо этого стал меня спасать…

– Они убили бы тебя, медленно уморили бы болью. Ты просто изошла бы криком, Алиедора.

– Ну и что? – злой прорвавшийся всхлип. – Может, всем тогда было бы лучше.

– Ну уж нет. Миру Семи Зверей лучше уж точно не стало бы. Тебе – быть может. Но в данном случае это не так важно.

– Это почему «миру лучше б не стало»?

– Не обижайся. Но ты действительно управляла Гнилью. Я чувствую это в тебе. Оно там и осталось. Ты унесла это умение с собой прочь из Старого Света, и это хорошо. Значит, оно не проявится у кого-то ещё.

– Ну, пусть так. А ты-то зачем сдался?

– Когда они меня нашли, я понял, что время пришло. Я не рассчитывал, что оно настанет так скоро, думал, у меня ещё несколько лет, прежде чем Наблюдающие и Разыскивающие Смарагда дотянутся до меня.

– Что такое Смарагд, Тёрн?

– Остров, доньята Алиедора. Остров в тёплом южном море, прекрасный, тихий и величественный.

– Никогда о нём не слышала. И мой учитель ничего…

– Не стоит удивляться. Смарагд стерегут такие силы, что из смертных нашего мира об острове знают считаные единицы.

– Ты оттуда? Там живут дхуссы?

Тихий смешок.

– Нет, доньята Алиедора, дхуссы там не живут. Там владычествует совсем иной народ, называющий себя ноори. Они сродни аэлвам и сидхам, хотя многим и отличаются.

– Расскажи! Должна же я знать, куда меня везут!

– Расскажу. Тем более, Гончая, нам предстоит драться рука об руку.

– Постой. Почему они вообще за тобой гнались?

– Считают, что я родился под несчастливой звездой, в миг цветения Небесного Сада. По их вере, это предвосхищает гибель Смарагда.

– А на самом деле?

– На самом деле никто не знает. Но Мудрые Смарагда верят.

– Что же ты станешь делать?

– Только одно – драться. Я по наивности полагал, что достаточно просто сбежать – и я затеряюсь в огромном мире. Оказалось, однако, что Мудрые куда упорнее, чем мне того бы хотелось.

Алиедора замерла, привалившись плечом к тёплому плечу дхусса. Вокруг них царила полная, абсолютная темнота, снаружи в созданное магией узилище не пробивалось ни звука. Словно ниоткуда, возникали небольшие порции хлеба и воды; Гончая долго крепилась, пока жажда не сделалась совершенно необоримой.

Однако скончаться ей бы не дали. Из ниоткуда возникли порхающие во мраке, отделённые от тела две пары рук. Горячие волны прокатывались по телу, вновь властно устраивалась в каждом уголке его уродливая тётка-боль; но шло время, Алиедора пила самую обычную воду, и ничего страшного с ней не случалось.

Тишина, темнота, недвижность. Не слышно, как плещут волны о борт, не чувствуется качки. Ценные пленники должны быть доставлены в целости и сохранности.

«Что ж, таинственный Смарагд, смотри, как бы не пришлось заплакать кровавыми слезами, что решил связаться со мною».

Это будет славный бой.

notes

Примечания

1

Костура – гребной корабль северных варваров.

2

Подробнее см. роман «Семь Зверей Райлега. Тёрн», стр. 246.